

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК
LANGUAGE AND REASONING

ДЭНИЕЛ Л. ЭВЕРЕТТ

НЕ СПИ — КРУГОМ ЗМЕИ!

Быт и язык индейцев
амазонских джунглей

РАЗУМНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЯЗЫК

LANGUAGE AND REASONING

DANIEL L. EVERETT

DON'T SLEEP,
THERE ARE SNAKES

Life and Language in the
Amazonian Jungle

PANTHEON BOOKS
New York

ДЭНИЕЛ Л. ЭВЕРЕТТ

НЕ СПИ — КРУГОМ ЗМЕИ!

Быт и язык индейцев
амазонских джунглей

Издательский Дом ЯСК
Москва 2016

УДК 811.8
ББК 81.2
Э 15

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках *Федеральной целевой программы*
«Культура России (2012—2018 годы)»

Перевод с англ.:

И. В. Мокина (некоторые замечания о записи языка пираха,
предисл., пролог, гл. 1—10, 17, эпилог, благодарности),
П. С. Дронова (предисл. к русскому изданию, гл. 12—16),
Е. Н. Панова (гл. 11)

Научный редактор перевода:
П. С. Дронов

Эверетт Д. Л.

Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей / Сост. А. Д. Кошелев. — М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. — 384 с., ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

ISBN 978-5-9907947-6-4

«Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей» (2008) — рассказ Дэниела Эверетта о его жизни среди индейцев народности пираха в джунглях Амазонии. Молодой лингвист и миссионер отправился в Бразилию со всей семьей, чтобы перевести на язык пираха Библию и обратить индейцев в христианство. Пираха не отмечают смену дня и ночи и не знают частной собственности, в их языке нет числительных, устоявшихся цветообозначений, понятий «право» и «лево» и сложных предложений. Общение с пираха, интерес к их образу жизни, культуре и языку полностью изменили представления Эверетта о науке и религии. В результате он, желавший привести индейцев к вере, утратил веру сам и посвятил жизнь лингвистическим исследованиям. Как языковед, он часто подвергает сомнению признанные и распространенные теории о языковой компетенции и языке как инстинкте, и его труды — включая и этот — постоянно вызывают жаркие споры.

Эта книга, которую можно отнести одновременно и к мемуарам, и к лингвистическим работам, представляет собой интересный взгляд на природу языка, его связь с мышлением и культурой.

УДК 811.8
ББК 81.2

В оформлении переплета использованы фотографии автора

Copyright © 2008 by Daniel L. Everett. All rights reserved.

ISBN 978-5-9907947-6-4

© А. Д. Кошелев, сост., 2016

© П. С. Дронов, И. В. Мокин, Е. Н. Панов, перевод, 2016

© П. С. Дронов, А. В. Никулин, А. Д. Кошелев, послесловия, 2016

© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, оформление, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие автора к русскому изданию	11
Некоторые замечания о записи языка пираха	13
Предисловие	15
Пролог	16

Часть первая. Быт

Глава 1. Открытие мира пираха	23
Глава 2. Амазония	42
Глава 3. Цена миссионерства	49
Глава 4. Порой мы ошибаемся	74
Глава 5. Материальная культура. Отсутствие ритуалов	86
Глава 6. Семья и община	100
Глава 7. Природа и непосредственность восприятия	128
Глава 8. Юноша по имени Тукаага: убийство в индейском обществе	154
Глава 9. Земля свободных	161
Глава 10. Кабокло: этюды из жизни амазонских бразильцев	170

Часть вторая. Язык

Глава 11. Фонетика пираха и ее влияние на каналы дискурса	189
Глава 12. Лексика пираха	207
Глава 13. Насколько нам нужна грамматика?	218
Глава 14. Ценности и мышление: симбиоз языка и культуры	226
Глава 15. Рекурсия: язык как матрешка	243
Глава 16. «Кривоголовые» и «прямоголовые»: взгляд на язык и истину	265

Часть третья. Заключение

Глава 17. Обращение миссионера	285
Эпилог: зачем нужно беречь иные культуры и языки?	296
Благодарности	301

Три послесловия

От составителя	307
<i>Дронов П. С.</i> Так ли уж несовместимы точки зрения Д. Эверетта и генеративистов?	309
<i>Никулин А. В.</i> Насколько необычен язык пираха?	325
<i>Кошелев А. Д.</i> Пираха как пример языка, «застывшего» на начальной стадии эволюции.	341

Эта книга — о прошлом. А жизнь — о настоящем и будущем. Поэтому я посвящаю книгу своей жене, Линде Энн Эверетт, моей неизменной опоре. Любить друг друга — это здорово.

Это был мой первый и важнейший урок в исследовании подобных малоизвестных областей знания: не тушеваться, если большие ученые мне не верят, не соглашаться, когда они обвиняют меня в нечестности, в неумении, не поддаваться под грузом доказательств, собранных в ходе многократных наблюдений другими людьми — пусть даже честными и здравомыслящими. Ведь вся история науки доказывает, что в любую эпоху, когда серьезные ученые априори отрицают факты, найденные другими исследователями, так как эти факты якобы абсурдны и невозможны, — отрицавшие всегда оказываются неправы.

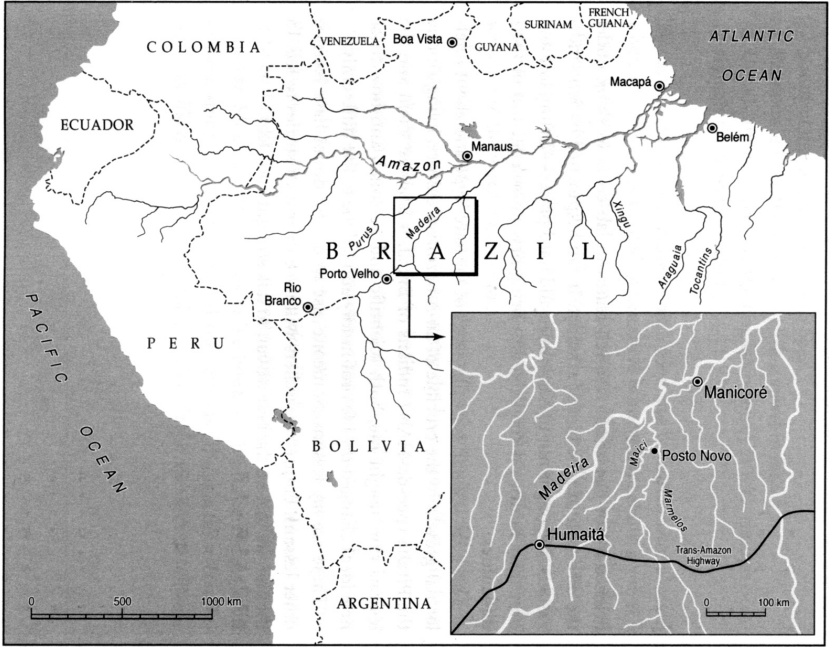
Альфред Уоллес¹ (1823—1913)

Мы вовсе не обязаны разделять предрассудок, будто сущность человека яснее всего видна лишь в тех проявлениях человеческой культуры, которые везде одинаковы, а не в тех, которые составляют особенность того или иного народа... Возможно, именно в особенностях — даже странностях — отдельных культур кроются наиболее поучительные сведения о том, что такое человек вообще.

Клиффорд Гирц² (1926—2006)

¹ Британский натуралист, географ и антрополог (*прим. ред.*).

² Американский антрополог и социолог, основатель интерпретативной антропологии. Ряд книг опубликован на русском языке, в частности: *Гирц К. Интерпретация культур*. М.: РОССПЭН, 2004 (*прим. ред.*).

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я с огромной радостью приглашаю русских читателей познакомиться с моей книгой «Не спи — кругом змеи!». Приезжая в Россию, я всякий раз приходил в восторг от красоты ее природы, богатства истории, от гостеприимства ее жителей, а также оттого, что это родина моих любимых писателей. Во время работы с пираха, коренными жителями бразильской части бассейна Амазонки, случалось так, что я заболел, впал в уныние, был обескуражен или просто уставал, и тогда я часто обращался к Достоевскому, чтобы научиться справляться с самыми большими трудностями.

С годами вокруг моих описаний языка пираха возникло очень много споров — куда больше, чем можно было ожидать. В ответ на эти возражения я написал несколько статей. В 2016 г. в журнале «PLOS One»¹ вышла новая важная работа за авторством группы сотрудников кафедры нейробиологии и когнитивной лингвистики в Массачусетском технологическом институте (Department of Brain and Cognitive Sciences, Massachusetts Institute of Technology). Их работа в целом подтверждает мою. Хотя разногласия будут существовать всегда, за годы, прошедшие с момента написания моей книги, наблюдения за прекрасными языком и культурой пираха повлияли на науку по всему миру. Продолжая исследования, я написал еще несколько книг, которые были приняты благосклонно: «Язык как инструмент культуры» (*Language: The Cultural Tool*, 2012); «Темная материя разума: Бессознательное, выраженное в культуре» (*Dark Matter of the Mind: The Culturally Articulated Unconscious*, 2016). Кроме того, сейчас я работаю над еще одной, и она будет называться «Как появился язык» (*How Language Began*).

¹ Futrell R., Stearns L., Everett D. L., Piantadosi S. T., Gibson E. A Corpus investigation of syntactic embedding in Pirahã [Электронный ресурс] // PLOS ONE. 2016. Vol. 11 (3). Режим доступа: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0145289>

Кроме того, после опубликования «Не спи — кругом змеи!» был снят документальный телефильм «Грамматика счастья» (*Grammar of Happiness*), а в Лондоне на основе этой книги поставили одноименный спектакль. Народ пираха оказал воздействие не только на науку: важнее то, что его культура и язык повлияли на отношение многих людей к жизни. Люди из самых разных стран пишут мне о том, как в трудную минуту пираха помогли им по-новому взглянуть на жизнь.

Когда я впервые приехал к пираха, я был двадцатипятилетним миссионером, отцом троих детей. Я искренне верил в Бога и хотел обратить индейцев в свою веру. Вместо этого пираха обратили меня, сделав свободомыслящим атеистом. За это я им глубоко благодарен. Хотя после этого наш брак с Керен распался, я сохраняю доверительные отношения с детьми. У меня семеро внуков. Мой старший сын, Каллеб, стал профессором антропологии в Университете Майами. Кристин, моя младшая дочь, руководит фармацевтической компанией, но раз в год на два месяца уезжает в Замбию волонтером и работает там медсестрой. Старшая дочь, Шеннон, живет в Бразилии и продолжает заниматься миссионерской деятельностью. А моя бывшая жена Керен до сих пор живет в амазонских джунглях и не сомневается, что когда-нибудь приведет пираха ко Христу.

Я никогда не перестаю думать об этом народе и на будущий год собираюсь снова поехать к ним, чтобы провести ряд новых исследований.

Я знаю индейцев пираха едва ли не сорок лет, а почти восемь лет я жил среди них — и каждый день благодарю их за это.

Дэниел Л. Эверетт,
Питерсем, штат Массачусетс,
апрель 2016 г.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ЗАПИСИ ЯЗЫКА ПИРАХА¹

Хотя набор звуков (фонем) в языке пираха один из самых бедных в мире, правильное произношение все же может оказаться трудным без небольшой подготовки. Ниже я предлагаю приблизительное описание произношения пираха, используя алфавит, который мы разработали вместе с моими предшественниками-миссионерами Арло Хайнриком и Стивом Шелдоном².

b — в начале слова произносится *m*. Между гласными *i* и *o* произносится особый *дрожащий звук*; таким звуком дети изображают шум автомобиля (в русском языке примерным аналогом является междометие *тпру*. — *Прим. пер.*). В остальных случаях произносится *b*.

g — в начале слова произносится *n*. Между гласными *i* и *o*, как в слове *xibogí* (молоко), произносится либо *z*, либо звук наподобие *л*, которого нет ни в одном другом языке мира. Для этого нужно произнести *л*, слегка высунув язык, чтобы его кончик коснулся нижней губы. В остальных случаях произносится *z*.

p — произносится *n*.

t — произносится *m*.

k — произносится *k*.

¹ Порт. *pirahã* (*ã* обозначает носовой гласный). В русском языке встречаются варианты *пираха*, *пирахан*, *пираа*. Из них более частотны первые два. В данной работе принято написание *пираха* (*прим. ред.*).

² Как можно увидеть ниже, транскрипция Эверетта, Хайнрикса и Шелдона является фонематической и не учитывает прочтения позиционных вариантов тех или иных фонем. Во избежание разночтений, в тексте перевода используется транслитерация, основанная на данной транскрипции. В данной транслитерации гортанная смычка (*x* в записи Эверетта) передается с помощью апострофа во всех позициях кроме начальной (например *xa*); в последнем случае она опускается (*Xoogíái* — *Ooquau*). Тоны не передаются. Оригинальное написание в эвереттской транскрипции дается в скобках (*прим. пер.*).

х — гортанная смычка. Это звук, который мы слышим в середине слова *he-a*. В английском (как и в русском. — *Прим. пер.*) языке он не является самостоятельным звуком, и отдельной буквы для него поэтому тоже нет.

s — произносится *s*, а перед буквой *i* произносится *ш*.

h — произносится как глухой гортанный звук, как в английском *here*.

i — обычно произносится как краткое *и*, но иногда может означать краткое э. В некоторых случаях произносится долгое *и*.

a — произносится *a*.

o — обычно произносится *у*, но иногда означает *о*.

Пираха — тоновый язык, в котором каждый гласный звук имеет высокий или низкий тон, в зависимости от его функции или позиции слова в предложении. В транскрипции отображается только высокий тон, обозначаемый с помощью акута (´) над гласной буквой; отсутствие надстрочного знака указывает на низкий тон. Высокий тон в языке пираха близок к произношению ударных слогов в английском языке, ср. *PERmit* ‘разрешение’ и *perMIT* ‘разрешать’³.

В основном я старался переводить речь пираха на литературный английский. Из-за этого в переводе индейцы говорят не совсем так, как на родном языке: например, в переводе иногда появляется рекурсия, которой в языке пираха нет. Если вы хотите побольше узнать о грамматике пираха, вы можете обратиться к рассказам индейцев, которые приведены в этой книге или в моих научных трудах о пираха, например в моей главе первого тома «Справочника по языкам Амазонии» (*Handbook of Amazonian Languages*) под редакцией Дезмонда Дербишира и Джеффри Паллема, вышедшем в издательстве «Мутон»⁴. Рассказы, включенные в эту книгу, удовлетворяют любопытство большинства читателей в том, что касается грамматики, так как они даны с подстрочным переводом (хотя его, вероятно, труднее читать, если вы не владеете пираха).

³ В первой части книги, когда автор пытается передать звучание языка пираха, тоны также отображаются с помощью курсива и прописных букв (*прим. пер.*).

⁴ Everett D. L. Pirahã // Derbyshire D. C., Pullum G. K. (eds). *Handbook of Amazonian Languages*. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 2010. P. 200—325 (*прим. пер.*).

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ученые — это не только коллективы профессионалов в белых халатах, работающие под руководством какого-нибудь знаменитого специалиста. Это еще и одинокие первопроходцы, упрямо бредущие к своей цели сквозь трудные времена и непреодолимые преграды: они сбиваются с пути, гибнут под тяжестью непосильной задачи, но не теряют решимости обрести новое знание.

Эта книга посвящена труду ученых второго типа: поискам и открытиям в самом сердце амазонской культуры, среди индейцев племени пираха в Бразилии. Она расскажет об этих людях, о том, какие уроки — и в научном, и в человеческом смысле — они преподали мне, и о том, как это знание полностью перевернуло мою жизнь.

Но это был мой опыт. Другой человек, несомненно, вынес бы из этих уроков иной смысл. У будущих поколений исследователей будет уже своя, иная история. В конце концов, мы все всегда стараемся как можно проще и яснее рассказать именно свою историю.

Пролог

- Смотри, вон он! Дух Игагаи (*Xigagai*)!
- Вижу. Он нам угрожает.
- Идите все смотреть на Игагаи! Быстро! Он на берегу!

Я вынырнул из глубокого сна, еще не понимая, приснились мне голоса или они звучат наяву. Было полседьмого утра, суббота, август, сухой сезон 1980 г. Уже светило солнце, но жара еще не наступила. До моей неказистой хижины на полянке возле берега долетал ветерок с реки Маиси (*Maici*). Я открыл глаза и увидел крышу из плетеных пальмовых листьев над головой, когда-то желтую, но посеревшую за долгие годы от пыли и золы. По бокам от моего жилища стояли две хижины пираха — похожие на мою, но немного меньше. В них жили Ахоабиси (*Xahoábisi*) и Кохоибииихиаи (*Kóhoibíihiai*) с семьями.

По утрам по селению пираха обычно разносился слабый запах дыма от кухонных костров, а теплое бразильское солнце светило мне в лицо через москитную сетку. Обычно дети шумно гонялись друг за другом и громко смеялись или же подзывали няньку плачем, так что слышало все селение. Лаяли собаки. Часто, открыв глаза и пытаясь стряхнуть сон, я замечал, что в щель между листьями пальмы-пашиубы, из которых сделана стенка хижины, за мной следит ребенок пираха, а иногда и взрослый. Но сегодня все было иначе.

Шум и крики индейцев окончательно разбудили меня. Я сел и огляделся. Метрах в шести от моей хижины, на высоком берегу реки Маиси, собралась толпа. Все яростно размахивали руками и кричали, глядя на тот берег реки ровно напротив моего дома. Я вылез из кровати, чтобы взглянуть поближе: спать при таком шуме все равно невозможно.

Я поднял с пола шорты и проверил, нет ли в них тарантула, скорпиона, многоножки или еще какого-нибудь незваного гостя. Затем я оделся, сунул ноги в шлепанцы и вышел. Индейцы собрались сразу справа от входа в мой дом. Они распалились все больше. Я видел, как

по тропинке к ним спешили женщины с младенцами на руках; они настолько торопились, что дети едва могли удержать во рту материнскую грудь.

Женщины эти были одеты в те же платья до колен без рукавов и ворота, в каких они и работали, и спали; от грязи и дыма одежда принимала темно-бурый цвет. На мужчинах же были либо шорты, либо набедренные повязки. (Луков и стрел видно не было, и я вздохнул с облегчением.) Дети ходили голыми, их кожа от долгого нахождения на воздухе загоревала. У младенцев были мозоли на заду — здесь они почему-то ползают по земле в сидячем положении, а не на четвереньках. И все были перепачканы пеплом и золой, потому что спали или сидели у костра.

Было градусов двадцать, но уже влажно, хотя до полуденной жары под сорок еще далеко. Я протер глаза и повернулся к Кохои, который больше всех обучал меня языку. «Что случилось?» — спросил я его. Он стоял справа от меня; его сильное, худощавое, коричневое от загара тело все напряглось, и он не сводил глаз с того берега.

— Ты что, не видишь? — спросил он недовольным тоном. — Игагаи, из тех, что живут за облаками, стоит на том берегу и кричит, что убьет нас, если мы только ступим в джунгли.

— Где он? — спросил я. — Я не вижу.

— Да вот же! — рявкнул Кохои, всё так же уставившись на тот берег, где вроде бы никого не было.

— За деревьями на том берегу?

— Нет, прямо у реки. Открой глаза! — ответил он раздраженно.

Живя с пираха в джунглях, я часто не замечал животных, которых они видели без труда. Мои непривычные к лесу глаза просто не умели смотреть так же, как глаза индейца.

Но сейчас творилось что-то другое. Даже я мог с уверенностью сказать, что на белом песчаном берегу, меньше чем в ста метрах от нас, не было ни души. И хотя я был в этом совершенно уверен, пираха были не меньше моего уверены, что там кто-то есть. Может быть, я все пропустил, он уже исчез? Нет, уверяли меня пираха, Игагаи не ушел.

Все продолжали смотреть в ту сторону. Тут я услышал голос своей дочери Кристин:

— Папа, на что они смотрят?

— Я не знаю. Ничего не вижу.

Крис встала на цыпочки и тоже посмотрела на тот берег. Потом на меня. Потом на индейцев. Она тоже ничего не понимала.

Мы оставили индейцев и пошли назад в хижину. Что это было? Вот уже более двадцати лет прошло с того дня, а я все пытаюсь понять, что же это значит, если две культуры — европейская и пираха — так непохоже видят мир. Я так и не смог убедить пираха, что на берегу никого не было. Но и они не могли убедить меня, что там кто-то был, тем более злой дух.

Я ученый, и объективность — одна из важнейших ценностей для меня. Раньше я думал, что если как следует постараться, то можно увидеть мир глазами других и тем самым научиться больше уважать взгляды друг друга. Но, живя среди пираха, я осознал: наши ожидания, культурный багаж и жизненный опыт порой так разнятся, что картина общей для всех действительности становится непереводаема на язык другой культуры.

Уходя из моей хижины к себе спать, индейцы пираха прощаются со мной по-разному. Иногда они просто говорят: «Ну, я пошел». Но часто они произносят другую фразу, которая сначала казалась мне странной, но со временем стала одной из самых любимых. Они говорят: «Не спи — кругом змеи». Так говорится по двум причинам. Во-первых, пираха считают, что если спать меньше, можно «закалиться», а это у них ценится. Во-вторых, они знают, что в джунглях опасности подстерегают на каждом шагу, а крепкий сон лишает человека защиты от многочисленных хищников, что бродят вокруг селения. Поэтому пираха смеются и болтают до глубокой ночи; сразу помногу они не спят. Мне редко приходилось слышать, что в селении все затихло, или видеть, что кто-то спит несколько часов подряд.

За эти годы я научился у пираха многому, но это, наверное, самый ценный урок. Да, жизнь тяжела и полна опасностей. И иногда нам из-за них не до сна. Но научитесь радоваться и этому. Жизнь продолжается.

Я отправился к пираха, когда мне было двадцать шесть. Сейчас я уже в том возрасте, когда не стыдно воспользоваться скидкой для пенсионеров. Я отдал индейцам свою молодость. Много раз переболел малярией. Пираха, да и не только они, не раз угрожали убить меня. Нет числа всем тем ящикам, мешкам и бочкам, что я перетаскал за эти годы по джунглям на собственной спине. Но все мои внуки знают племя пираха. Мои дети стали теми, кем стали, во многом благодаря пираха. А кое-кто из тех стариков-индейцев (да, мы все стареем), которые когда-то угрожали меня убить, — как я сейчас понимаю, самые близкие мои друзья, готовые жизнь отдать ради меня.

Моя книга — о тех уроках, что я вынес за тридцать лет изучения пираха и жизни в их племени. Все эти годы я отчаянно пытался понять, как они видят и понимают мир, как они о нем говорят, и сообщить об этом моим коллегам-ученым. Этот путь привел меня в места небывалой красоты, пусть подчас и заводил туда, куда мне совсем не хотелось. Но я рад, что прошел его до конца: он дал мне бесценное знание о самой сути жизни, языка и разума, которое невозможно обрести иначе.

Пираха показали мне, что можно с достоинством и подлинной радостью встречать жизнь и смерть лицом к лицу, не уповая на небеса и не страшась преисподней, что можно с улыбкой идти навстречу великой бездне. Этому я научился от них, и за это я буду им благодарен всю свою жизнь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БЫТ

ГЛАВА 1

ОТКРЫТИЕ МИРА ПИРАХА

Утро 10 декабря 1977 г. выдалось ясным, как обычно в Бразилии. Мы сидели в шестиместном самолетике, нанятом нашей миссионерской службой — Летним институтом лингвистики (ЛИЛ), — и ждали вылета. Пилот Дуэйн Нил проводил предполетный осмотр. Он обошел вокруг самолета и проверил, равномерно ли распределен груз; поискал следы повреждений на фюзеляже; набрал из бака небольшой флакон топлива, чтобы понять, не попала ли в бак вода; убедился, что пропеллер крутится гладко. Сейчас эта процедура для меня так же естественна, как почистить утром зубы, но в тот раз я видел ее впервые.

Пока мы готовились к взлету, я все думал о пираха — племени, в котором мне предстояло жить. Что я буду делать? Как нужно держаться? Интересно, как они меня встретят и как я поведу себя при знакомстве? Меня ждала встреча с людьми, которые во многом непохожи на меня — причем к одним различиям можно подготовиться заранее, а к другим — нет.

На самом деле я летел к ним не только ради знакомства. Я был миссионером. Мое жалованье и дорожные расходы оплачивали американские протестантские церкви, а моя задача была «изменить души пираха» и убедить их поклоняться тому богу, в которого я верил, и принять мораль и культуру, связанные с верой в христианского бога. И хотя я еще не был знаком с пираха, я был уверен, что я в силах и должен их изменить. В этом вся суть миссионерского труда.

Дуэйн уселся в пилотское кресло, и мы все склонили головы, присоединяясь к его молитве о легкой дороге. Затем он крикнул в открытое окно кабины: *Livre!* («От винта!» на португальском) — и запустил мотор. Пока двигатель прогревался, Дуэйн провел переговоры с диспетчером Порту-Велью, и мы выехали на рулежную дорожку. Порту-Велью, столица бразильского штата Рондония, станет отправной

точкой всех моих последующих экспедиций к пираха. Добравшись до конца неасфальтированной взлетной полосы, мы развернулись, и Дуэйн включил мотор на полную мощность. Мы набрали скорость, и ржаво-красный «каскальо» (*cascalho*) — гравий — взлетной полосы слился в сплошную рябь и вскоре совсем ушел из-под ног.

Я наблюдал в иллюминатор, как расчищенная земля вокруг Порту-Велью сменялась джунглями. Прогалины становились все реже, деревья — все гуще. Потом мы пересекли могучую реку Мадейру (или Лесную), и переход от поля к лесу завершился: во все стороны, насколько хватало глаз, простиралось море зеленых деревьев, похожих на соцветия брокколи. Мне пришла в голову мысль, что прямо под нами бродят хищные звери. Что, если мы разобьемся и я спасусь при крушении, но потом меня съест ягуар? У нас ходило множество историй о людях, которые выжили в авиакатастрофе и погибли в когтях хищника.

Мне предстояло посетить одно из самых малоизученных племен на планете, говорившее на одном из самых необычных языков мира — по крайней мере, если судить по тому, сколько лингвистов, антропологов и миссионеров вернулись от них ни с чем. Язык пираха, насколько мы знаем, не родственен ни одному другому языку. Я знал только, как он звучит в записи и еще что все исследователи и миссионеры, которые изучали его, в конце концов бросали и брались за какой-нибудь другой. Похоже, найти ключ к этому языку нельзя.

Сквозь маленький вентиляционный люк у меня над головой стал проникать холодный воздух: мы набирали высоту. Я попробовал расслабиться. Откинулся назад и сосредоточился на том, что предстояло делать мне и почему для меня эта поездка важнее, нежели для остальных. Вот, например, пилот. Он делает свою обычную работу; он успеет вернуться домой к ужину. С ним летит его отец посмотреть на джунгли. А Дон Паттон, механик нашей миссии, летит в короткий отпуск отдохнуть от нелегкой работы по снабжению миссии.

А я летел заниматься трудом своей жизни. Знакомиться с народом, среди которого должен был провести остаток жизни. Который я надеялся ввести за собой в Царство Небесное. И мне нужно было овладеть их языком в совершенстве.

Но тут самолет заболтался в потоках жаркого воздуха — в Амазонии это обычное явление по утрам в сезон дождей, — и мои размышления оказались грубо прерваны. У меня началась морская болезнь. Следующие 105 минут болтанки над джунглями меня непрерывно подташнивало. Только я усилием воли утихомирив желудок,

как Дуэйн протянул нам сэндвич с тунцом и луком. «Есть хотите, ребята?» — спросил он участливо. «Да нет, спасибо», — ответил я, чувствуя, как ко рту подступает желчь.

Затем мы сделали круг над посадочной полосой возле Посту-Нову (*Posto Novo*), селения племени пираха, чтобы пилот получше оценил условия. Этот маневр добавил нагрузки на мой желудок, а я и так был на пределе. Пару последних ужасных минут до посадки я уже думал, что лучше разбиться и погибнуть, чем мучиться дальше; мысль, конечно, недалновидная, но в те мгновения я думал об этом всерьез.

Полосу в джунглях соорудили два года назад Стив Шелдон, Дон Паттон и бригада молодежи из американских церквей. Чтобы расчистить такой участок земли, нужно свалить больше тысячи деревьев. Затем нужно выкорчевать пни, иначе древесина сгниет в земле, образуется провал, и однажды какой-нибудь самолет угодит в него, ломает шасси и разобьется. Вытащив тысячу пней — некоторые больше метра в поперечнике, — нужно заполнить землей образовавшиеся ямы. Потом — заровнять поверхность, насколько это возможно без тяжелой техники. Если все пойдет хорошо, у вас получится отрезок длиной метров в пятьсот-шестьсот и шириной в десять. Вот примерно на такую полосу мы и должны были сесть.

Полоса заросла травой по пояс человеку. Что бы под ней ни скрывалось — бревна, старые горшки, собаки или еще какие-нибудь посторонние предметы, смертельно опасные при посадке, — нам было не разглядеть. Дуэйн пролетел над полосой на бреющем полете, надеясь, что пираха поймут, как им пытался объяснить Стив, что надо пойти на полосу и унести с нее все постороннее (однажды на полосе выстроили хижину, и ее пришлось разломать, чтобы самолет смог сесть). Действительно, из джунглей появились несколько индейцев, и вскоре мы увидели, как они бегут прочь, неся на руках небольшое бревно — как раз такого размера, что самолет, задев его при посадке, перевернулся бы. Но закончилось все хорошо, и Дуэйн посадил наш самолетик чисто и мягко.

Как только самолет встал, жара и влажность джунглей обрушились на меня со всей силы. Я вылез, щурясь и шатаясь от слабости, и меня окружили пираха; они громко разговаривали, улыбались и указывали на Дона и Дуэйна, давая понять, что узнают их. Дон пытался объяснить индейцам на португальском, что я приехал учить их язык. Хотя они почти не понимали португальский, один-два из них догадались, что я прилетел вместо Стива Шелдона: в свой последний приезд Шелдон предупредил их на их собственном языке, что с ними теперь

будет жить невысокий рыжий мужчина. Он также говорил им, что я хочу научиться их языку.

По дороге от полосы к селению я с удивлением обнаружил, что земля по колено залита болотной водой. Вот так, пробираясь сквозь теплую мутную воду со всем своим багажом на плечах и не зная, что может укусить меня за ногу в этой мути, я и познакомился с разливом реки Маиси в конце сезона дождей.

Больше всего мне запомнилось то, какими веселыми показались индейцы пираха в ту первую встречу. Все поголовно улыбались; они не выглядели замкнутыми или настороженными, как вообще-то часто бывает при встрече людей разных культур. Пираха показывали пальцами в разные стороны и громко разговаривали, пытаясь привлечь мое внимание к тому, что им было интересно: пролетающим птицам, охотничьим тропинкам, хижинам в селении, щенкам. Некоторые мужчины были одеты в яркие футболки и шорты, которые продают речные торговцы, а на головах у них были бейсболки с именами и предвыборными лозунгами бразильских политиков. Женщины одевались одинаково: на всех платя до колен, с коротким рукавом. Эти платья когда-то были яркими, разных цветов, но теперь приняли одинаковый коричневатый оттенок от глины, которая покрывала полы хижин. Дети примерно до десяти лет разгуливали голышом. И все смеялись. Большинство успело подойти ко мне и потрогать, как будто я их новый питомец, — более душевного приема и представить нельзя. Они называли свои имена, но я почти никого не запомнил.

Первым, чье имя я выучил, стал Ко'ои (*Kóhoi*). Он сидел на корточках на ярко освещенной полянке справа от тропы и с чем-то возился у костра. На нем были только обтрепанные шорты — ни майки, ни обуви на ногах. Он был худой и не очень крепкого сложения; кожа морщинистая, как будто хорошо выдубленная, темно-коричневого цвета; ноги широкие, загрубелые и мощные. Он поднял на меня глаза и подозвал к себе: оказалось, он раскаленным песком опалил шерсть с какого-то зверя, похожего на очень большую крысу. У Ко'ои было доброе лицо; широко улыбаясь, приглашая меня познакомиться, он будто бы хотел помочь мне освоиться на новом месте. Он вежливо заговорил со мной, но я ни слова не понял. Меня все еще подташнивало, и от резкого запаха паленой шерсти я почувствовал новые позывы к рвоте. Язык животного вывалился из пасти и болтался в пыли, роняя капли крови.

Я показал на себя и сказал: «Дэниел». Он понял, что так меня зовут, и, указав на себя, произнес свое имя. Потом я указал на тушку.

— *Káixihí* (*каи'ихи*), — ответил он.

Я повторил за ним (и подумал при этом: «Ну ничего себе, бургер из крысятины на восемь кило!»). Шелдон предупреждал, что в языке пираха есть тоны, как в китайском, вьетнамском и многих других. Значит, я должен не только правильно воспроизводить согласные и гласные звуки, но и внимательно слушать, на какой высоте произносятся каждый гласный. Вот как я произнес первое слово на пираха.

Потом я подобрал с земли палку, указал на нее и сказал: «Палка». Ко'ои улыбнулся и сказал: «*Xii* (Ии)».

Я повторил за ним: «*Xii*», — а потом бросил палку на землю и сказал: «Я бросил *xii*».

Ко'ои посмотрел на меня, задумался, а потом быстро проговорил: «*Xii xi bigi kaobii* (Ии и биги каобии)». Позднее я установил, что буквально, пословно это переводится: «Палка она землю падает».

Я повторил фразу за ним. Достал ручку и блокнот, которые положил к себе в рюкзак в Порту-Велью как раз для этих целей, и записал его слова международным фонетическим алфавитом. Последнее предложение я перевел как «палка падает на землю» или «ты бросил палку». Потом я подобрал еще одну палку и бросил на землю обе сразу.

Он сказал: «*Xii hoihio xi bigi kaobii*», — я подумал, что это будет значить «две палки падают на землю». Но позднее я выяснил, что эта фраза переводится «немного больше (*hoihio*) палок падает на землю».

После этого я подобрал лист дерева и повторил эту процедуру. Потом узнал, как будут на этом языке другие глаголы: прыгать, сидеть, бить и так далее. Ко'ои с удовольствием учил меня, и с каждым словом ему все больше нравилось быть учителем.

Перед поездкой я слушал записи, которые мне дал Стив Шелдон, и просматривал его короткий словарик. Поэтому язык пираха был мне уже немного знаком, хотя Шелдон и не был уверен в качестве словаря и не советовал мне брать эти наработки за образец и хотя слушать живой язык — это совсем не то же, что читать на нем.

Чтобы проверить, слышу ли я разные тоны, я попросил его произнести пару слов, о которых я знал, что они различаются только тоном. Я спросил, как на пираха будет «нож». «*Kaháixioi* (кахаи'уои)», — ответил он. А как будет «древко стрелы», спросил я, указывая на стрелу, лежавшую рядом с жижиной. «*Kahaixioi* (кахаи'уои)», — был ответ.

Занятия полевой лингвистикой в ЛИЛ перед отлетом в экспедицию приносили свои плоды, а у меня обнаружили неплохие способности к языкам. Через час беседы с Ко'ои и остальными (а заинтеригованные индейцы так и обступили нас) я мог подтвердить выводы

Шелдона и его предшественника Арло Хайнрикса, что в языке пираха всего примерно одиннадцать фонем, что стандартный порядок слов в языке — SOV (подлежащее, затем дополнение, затем сказуемое), самый распространенный вариант среди всех языков мира, — и что глагол устроен очень сложно (теперь я знаю, что у любого глагола в пираха может быть не меньше 65 000 форм). Я все больше успокаивался. У меня получалось!

Я хотел изучить не только язык, но и культуру этого народа. Для начала я исследовал расположение домов в селении. На первый взгляд, в расстановке домов не было никакого смысла: хижины были разбросаны группками по всей длине тропинки от посадочной полосы и до дома, в котором раньше жил Шелдон и который теперь предназначался мне. Со временем, однако, я понял, что хижины стояли только со стороны реки, и из всех было видно участок реки от излучины до излучины. Хижины находились близко к берегу — шагах в двадцати, не больше, — и их ряд вытянулся вдоль русла. К стенам вплотную подступали джунгли и густой подлесок. Всего хижин было с десяток; родные братья селились рядом (в других селениях, как я позже узнал, рядом жили сестры, а в некоторых — родственники ставили дома как придется, без всякого правила).

Разгрузив наши вещи, мы с Доном стали расчищать место в тесной кладовке под съестные припасы: масло для готовки, бульонные кубики, тушенка с кукурузой, растворимый кофе, соленое печенье, батон хлеба, рис и фасоль. Дуэйн с отцом пофотографировались, осмотрели селение и собрались назад; мы прошли с ними до самолета и помахали им вслед. Когда самолет оторвался от земли, индейцы радостно закричали: «*Gahíóo xibipíio xisitoáopi!*» ‘Самолет только что вверх-удалился’.

Было часа два. В этот момент я впервые испытал то радостное чувство приключения, которое само собой охватывает любого на реке Маиси у пираха. Дон ушел к реке опробовать на воде привезенную Стивом алюминиевую рыбацкую лодку из универмага «Сирс» — широкую, устойчивую, бравшую на борт тонну груза. Я уселся перед домом Шелдона, окруженный мужчинами пираха. Дом этот был такой же, как их хижины, но побольше. Он был построен на сваях, а стены доходили только до пояса — никакого уединения, никаких дверей; полноценные стены были только в детской спальне и кладовке. Я снова достал блокнот и карандаш, чтобы продолжить урок языка.

Мужчины были закаленные, поджарые, жилистые — ни грамма жира. Все широко улыбались, будто пытаясь перещеголять друг друга в радушии. Я несколько раз повторил, что меня зовут Дэниел. Тогда один из собравшихся, Каабооги (*Kaaboogi*), пошептался с остальными, затем встал и сказал мне на ломаном португальском: «*Pirahã chamar você Xoogiái*» ‘Пираха [будут] звать тебя Оогиаи’. Так я получил имя на языке пираха.

Я уже знал, что пираха дадут мне имя, потому что Дон рассказывает: они называют всех пришельцев по-своему, чтобы не утруждать себя произношением иностранных имен. Позже я узнал, что они выбирают имя по сходству с кем-то из своих. В тот день в селении был юноша по имени Оогиаи, и действительно, он был на меня похож. Следующие десять лет меня так и звали Оогиаи, пока однажды тот же самый Каабооги, которого теперь звали Ахоапати (*Xahóapati*), сказал мне, что мое имя состарилось и отныне меня будут звать Аибигаи (*Xaibigai*). Прошло еще шесть лет, и мне изменили имя на теперешнее, Пао’аиси (*Paóxaisi*), — в честь одного древнего старика. Как мне рассказывали, все пираха время от времени меняют себе имя, чаще всего когда индеец встречает в джунглях духа и меняется именами с ним.

Потом я узнал имена остальных собравшихся: Каапаси (*Kaapási*), Ахоабиси (*Xahóabisi*), Оогиаи (*Xoogiái*), Баитигии (*Baitigii*), Аикайбаи (*Xaikáibai*), Аа’аи (*Xaaxái*). Женщины столпились перед входом, заглядывали внутрь, но в беседу не вступали — только хихикали, когда я пытался с ними заговорить. Тем временем я записывал себе простые фразы: «Я бросил карандаш», «Я пишу на бумаге», «Я встаю», «Меня зовут Оогиаи» и так далее.

Тут Дон запустил мотор лодки, и все тут же побежали к нему прокатиться, так что он сделал несколько кругов по реке перед моим домом. Обернувшись посмотреть на хижины, я с удивлением обнаружил, что остался один, и еще отметил, что в селении нет общей площадки: по два-три дома, почти что вросших в джунгли, стояли отдельно, и от них к другим хижинам шли узкие тропинки. До меня долетал запах дыма от каждого очага. Лаяли собаки. Плакали младенцы. Стояла сильная жара, воздух был очень влажный.

Начав работу среди пираха, я решил записывать языковой материал по возможности быстро и аккуратно. Однако стоило мне попросить кого-то из племени, нельзя ли мне с ними «почертить на бумаге» (то есть поучиться — *kapiiga kaga-kai*), они, хотя и были рады со мной позаниматься, неизменно говорили, что я должен поработать

еще с одним из них: «*Kóhoibíihíai hi obáaxái. Kapiiga kaagakaáibaai*». Наконец я понял: есть какой-то Кохоибииихиаи, и я могу обучиться языку пираха у него. Я спросил коллегу-миссионера, не знает ли он, кого так зовут.

— Знаю. Бразильцы называют его Бернарду.

— А почему Бернарду? — спросил я.

— Бразильцы дают всем пираха бразильские имена, потому что не могут произнести их настоящие имена, — ответил он. — Наверно, поэтому же пираха дают всем пришельцам имена на своем языке.

И вот я стал ждать вечера, когда Бернарду, он же Кохоибииихиаи, вернется с охоты. Когда солнце уже клонилось к закату, пираха о чем-то громко заговорили, указывая на дальнюю излучину вниз по течению. В гаснущем свете сумерек я едва мог различить там силуэт каноэ с гребцом, которое поднималось по реке, прижимаясь к берегу, чтобы не попасть в сильное течение реки Маиси. Индейцы из нашего селения что-то кричали гребцу, а он им отвечал. Все радостно смеялись, но я не понимал почему. Когда он привязал лодку у берега, я понял причину радости: в каноэ была свалена горка рыбы, лежали две тушки обезьян и большой гокко¹.

Я спустился по глинистому берегу к лодке и обратился к охотнику фразой, которую выучил за день: «*Tii kasaagá Xoogíái*» ‘Меня зовут Оогиаи’. Кохои (как и у нас, у пираха есть сокращенные формы имен) посмотрел на меня, скрестив руки на груди, и хмыкнул безразличным тоном. У него были почти африканские черты лица: курчавые волосы, редкая борода и почти черная кожа — в отличие от большинства пираха, скорее похожих на азиатов — например, Каабооги напоминал камбоджийца. Кохои сидел в лодке откинувшись, и разглядывал меня, но я видел, как напряглись все его мышцы: он был готов к броску в любой момент. Он не отводил взгляда, рот был плотно сжат — значит, он уверен в себе и чувствует себя хозяином положения. Индейцы подбегали к лодке за добычей, и он раздавал им куски мяса, говоря, что кому должно достаться. На нем были оранжевые штаны и больше ничего.

На второй день своего пребывания я начал с ним работать по утрам за столом в передней комнате большого дома, который построили себе Шелдоны. После обеда я прогуливался по деревне и расспрашивал индейцев об их языке. Я по-прежнему использовал стандартный

¹ Южноамериканские птицы, принадлежащие к отряду курообразных (*прим. пер.*).

одноязычный метод полевой лингвистики, который используют, когда не знают языка информантов: я указывал на что-нибудь, спрашивал, как это будет на их языке, а потом записывал ответ, надеясь, что мне ответили правильно. После этого я проверял это же слово с другими жителями селения.

Одна из особенностей языка пираха, которая меня сразу же поразила, — это отсутствие того, что в лингвистике называется «фатическая коммуникация», то есть общения с целью поддержать социальные и межличностные связи, выразить уважение к собеседнику (или, как иногда говорят, «погладить» его). Выражения вроде «здравствуйте», «до свидания», «как дела?», «извините», «пожалуйста», «спасибо» не сообщают, прямо или косвенно, каких-нибудь новых сведений о мире; скорее, они поддерживают взаимное уважение и добрые отношения между людьми. Но культура пираха не нуждается в такого рода общении. Фразы на пираха — это исключительно вопросы, утверждения либо приказы. У них нет слов «спасибо», «извини» и так далее. За многие годы я к этому привык и часто забываю, насколько это может поразить пришельца. Все, кто приезжает со мной к пираха, сразу спрашивают, как сказать, например, «здравствуйте» на их языке, и лишь недоуменно смотрят на меня, когда я отвечаю, что у пираха таких слов нет.

Когда индеец пираха приходит в селение, он может сказать: «Я пришел». Но обычно обходятся и без этого. Если сделать подарок кому-либо из пираха, они иногда отвечают: «Хорошо», «Ладно», — но при этом они имеют в виду что-то вроде «операция подтверждена», а не «спасибо». Благодарность они могут выразить позже: подарят вам что-то в ответ или просто сделают что-то хорошее: например, не дожидаясь просьбы, помогут нести тяжелую ношу. Так же обстоят дела, если кто-то совершит обидный или дурной поступок. У них нет слова «извини»; они могут сказать «Я поступил дурно» или что-то в этом роде, но редко прибегают к этим словам. Пираха выражают сожаление не словами, а поступками.

Впрочем, даже на Западе в разных культурах объем фатической коммуникации разный: когда я учил португальский, бразильцы говорили мне: «Американцы слишком часто говорят спасибо».

Вечером второго дня у пираха, после долгого дня, посвященного изучению их языка, я присел на берегу с чашкой крепкого кофе из растворимого порошка и стал смотреть на реку Маиси. Часть мужчин уплыли с Доном в моторке ловить рыбу, поэтому в селении стало тише.

Было примерно без пятнадцати шесть: прекраснейшее время дня, когда солнце принимает оранжевый оттенок, а темная зеркальная гладь реки оттеняет ржавого цвета небо и буйную зелень джунглей по берегам. Я сидел, лениво потягивая кофе, и вдруг заметил двух небольших серых дельфинов, которые плыли, то и дело одновременно выпрыгивая из воды. Я даже не знал, что в реках могут водиться дельфины. Почти сразу же из-за поворота показались два каноэ пираха; гребцы старались изо всех сил, пытаясь догнать их и дотронуться до их спин концами весел: это была игра в салочки — с дельфинами.

Животным, судя по всему, игра нравилась: они постоянно выныривали прямо перед носом у гребцов. Так продолжалось около получаса, пока не стемнело. Индейцы в лодках и на берегу (а за это время успела собраться толпа зрителей) заливисто смеялись. Когда игра закончилась, дельфины исчезли из виду. (За все те годы, что я наблюдал это межвидовое состязание, осалить дельфина так никому и не удалось.)

Я задумался о том, куда попал и какое мне выпало счастье — оказаться в этом чудесном мире дикой природы, мире индейцев пираха. Уже за первые два дня я пережил множество нового; например, впервые услышал металлический скрипучий крик туканов и хриплые вопли курицы гокко. До меня долетал аромат незнакомых деревьев и цветов.

В течение следующих дней я наблюдал за повседневной жизнью пираха, продолжая изучать язык. День пираха начинается рано — обычно часов в пять утра, — хотя они так мало спят ночью, что непонятно, начинается ли новый день или просто один день переходит в другой. В любом случае, меня обычно будили голоса женщин, которые начинали переговариваться, не выходя из хижин. Они громко заявляли о планах на день, не обращая ни к кому конкретно. Та, которая начинала первой, объявляла, что такой-то мужчина пойдет охотиться или рыбачить, и называла, какого мяса ей хочется. Другие женщины вторили ей из своих хижин или громко выкрикивали свои собственные пожелания.

Днем самое обычное занятие мужчин — ловля рыбы. Большинство рыбаков выходит еще до рассвета, так как до рыбных мест по реке нужно добираться несколько часов. Если рыбак собирается остаться там ночевать, он берет с собой свою семью, но обычно рыбаки уходят поодиночке или с одним-двумя друзьями. Если после разлива реки спадающая вода образует озерцо, к нему обычно сходятся по нескольку рыбаков, потому что в нем остается много рыбы, которой некуда

уплыть. Обычно рыбу гарпунят с помощью лука и стрел, но иногда ловят на крючок с леской, если удается их выменять. Мужчины уплывают на лодках затемно, громко смеются и гребут наперегонки. В селении остается по меньшей мере один мужчина — приглядывать за всем.

Когда мужчины уплывут, женщины и дети отправляются в лес собирать плоды или на свои огороды в джунглях выкапывать маниоку — иначе кассаву, «клубень жизни». Это долгая и тяжелая работа, требующая немалой выносливости, но женщины, как и мужчины, уходят из селения с шутками и смехом. Обычно они возвращаются в послеобеденное время. Если мужчины еще не вернулись, то женщины собирают хворост, чтобы вечером готовить принесенную мужьями рыбу.

Первая поездка к пираха продлилась всего несколько дней. В декабре 1977 г. бразильское правительство велело всем миссионерам покинуть индейские резервации. Нам пришлось собирать вещи и уезжать. Впрочем, я в любом случае не собирался оставаться надолго: мне хотелось только получить общее представление о языке и быте пираха. И за первые десять дней я и правда смог кое-что узнать об этом языке.

Уезжая из селения пираха под давлением обстоятельств, я спрашивал себя, получится ли сюда вернуться. Летний институт лингвистики тоже был обеспокоен и хотел найти способ обойти правительственный запрет на миссионерство. Поэтому институт попросил меня поступить на магистерскую программу по лингвистике в Государственный университет г. Кампинас (сокращенно УНИКАМП, UNICAMP) в штате Сан-Паулу. У нас надеялись, что УНИКАМП сможет получить у властей разрешение для меня на новую длительную поездку к пираха, несмотря на общий запрет на миссионерство. И хотя я поступал в университет в первую очередь ради этого разрешения, в УНИКАМПе я попал в самую интересную академическую и интеллектуальную среду в своей жизни.

Учеба в УНИКАМПе принесла необходимые плоды. Президент Бразильского национального фонда по делам индейцев (ФУНАИ, FUNAI), генерал Исмарт Араужу ди Оливейра, разрешил мне с семьей поехать к пираха на полгода для сбора данных к магистерской диссертации. В декабре мы — моя жена Керен, наша семилетняя старшая дочь Шеннон, вторая дочь Крис, четырех лет, годовалый сын Калейб и я — отправились автобусом из Сан-Паулу до Порту-Велью в нашу

первую семейную поездку к племени пираха. Через три дня мы прибыли в Порту-Велью, где жила группа миссионеров ЛИЛ, которые должны были помочь нам добраться до селения пираха. В городе мы провели неделю, готовясь к жизни в селении и настраиваясь на предстоящее нам приключение.

Американской семье нелегко подготовиться к жизни в амазонской деревне. Мы начали планировать поездку за много недель; в ПВ (как миссионеры называли город Порту-Велью) мы купили необходимые припасы. Нужно было и предугадать, что потребуется на полгода изолированной жизни в джунглях, и купить или заготовить это все, и на несколько месяцев вперед рассчитать, когда и сколько чего потребуется — от стирального порошка до подарков детям на Рождество и дни рождения.

Более того, во время всех посещений пираха с 1977 по 2006 год мы вдвоем обеспечивали почти всю медицинскую помощь и для нашей семьи, и для индейцев, поэтому перед каждой поездкой мы тратили сотни долларов на лекарства от аспирина до противоядия к змеиному яду. Номером один всегда значились различные препараты от малярии: дараприм, хлорохин и хинин.

Чтобы дети продолжали учебу во время поездки, нам требовались учебники и письменные принадлежности. Каждый раз, когда мы будем возвращаться из деревни пираха в центр ЛИЛ в Порту-Велью, им предстоит сдавать тесты в школе для детей миссионеров ЛИЛ, у которой была калифорнийская лицензия. Таким образом, книги (включая набор энциклопедий и толковый словарь) и прочие школьные принадлежности добавлялись в большой список необходимых вещей, где уже были несколько сотен литров бензина, керосина и пропана, холодильник, работавший на газу, десятки банок мясных консервов, сухое молоко, мука, рис, бобы, туалетная бумага, товары для обмена с индейцами и многое другое.

Когда приготовления и закупки были окончены, я решил полететь первым, за неделю до жены и детей, и вместе с миссионером Диком Нидом приготовить хижину к их прилету. Мы с Диком работали с шести утра до шести вечера, питаясь почти только одними бразильскими орехами. (Мы могли бы попросить у пираха и рыбу, но я еще не настолько был знаком с их культурой, чтобы понять, не слишком ли это много, и поэтому мы ограничивались орехами, которые индейцы разрешали нам брать свободно.) Мы не взяли с собой провизии, потому что весь вес багажа в самолете занимали инструменты.

За это время мы починили крышу и пол в доме Шелдона и построили новую кухню. Еще несколько дней мы и еще пара мужчин пираха, вооружившись мачете, очищали от травы полосу для прилета следующего самолета. Я понимал, что от первого впечатления от дома зависит то, захотят ли дети остаться здесь жить. Ведь я хотел от них очень многого: чтобы они бросили город и своих друзей и отправились на несколько месяцев в джунгли, к неизвестному народу, говорящему на непонятном языке.

В день, когда прилетала моя семья, я встал затемно. С первыми лучами солнца я вышел на посадочную полосу и стал искать ямы, ведь новые ямы и провалы образовывались на ней все время. Кроме того, я высматривал большие ветки или хворост, которые пираха могли не убрать с полосы. Меня переполняло возбуждение. Вот теперь наша миссия у пираха начиналась по-настоящему, потому что без семьи я, конечно же, не протянул бы. Мне была нужна их поддержка. Это была и их миссия тоже. Их ждал мир без западных развлечений, без электричества, врачей, дантистов, телефонов — во многом это было путешествие в прошлое. Детям будет тяжело, но я был уверен, что Кристина, Шеннон и Калев справятся. Я знал, что Керен, у которой больше всего опыта такой жизни, перенесет ее легко и ее опыт придаст детям сил и уверенности в себе. В конце концов, Керен выросла среди индейцев мауэ² и жила в Амазонии с восьмилетнего возраста. Она любила Амазонию, а образ жизни миссионеров не страшил ее. Во многом ее уверенность придавала сил и мне: я не встречал более преданного своему делу миссионера.

Когда самолет был в пяти минутах от нас, пираха стали с криками сбегаться к полосе. Я услышал звук самолета еще через пару минут и с радостью побежал встречать свою семью. Дети и жена весело махали нам, пока самолет шел на посадку. Когда самолет остановился и пилот открыл люк, я подошел поближе и от души пожал ему руку. Потом вышла Керен — потрясенная, улыбающаяся — и тут же попыталась заговорить с индейцами. Шэннон со своей собачкой Глассом, Крис и Калев тоже вышли наружу; они казались растерянными, но были рады меня увидеть и широко улыбались индейцам. Пока пилот готовился к обратному рейсу, Дик сказал мне, поднимаясь на борт: «Сегодня в Порту-Велью я закажу себе сочный стейк и буду думать о тебе».

² Индейцы, говорящие на языке сатере-мауэ семьи тупи (*прим. пер.*).

С помощью пираха мы отнесли все припасы в дом и сели отдохнуть на несколько минут. Керен и дети стали осматривать дом, который я для них приготовил. Нужно было еще все расставить по местам, но через пару дней должна была наладиться обычная семейная жизнь и работа.

Мы распаковали привезенное и обустроились на новом месте. Керен заранее заготовила москитные сетки и крючки для одежды, посуды и других вещей. Дети начали учиться дома, Керен вела хозяйство, а я занимался лингвистикой все время. Мы хотели жить обычной жизнью американской христианской семьи в селении амазонских индейцев. Нас всех ждали свои уроки.

Никто из нас, даже Керен, не предполагал, как сложится эта новая жизнь. В одну из первых ночей в селении мы собрались поужинать при свете газовой лампы. Вдруг я увидел, что Гласс, щенок Шэннон, гоняется по гостиной за каким-то живым существом. Я не мог увидеть, что это, но оно передвигалось прыжками в мою сторону. Я отставил еду и стал наблюдать. Внезапно эта темная тварь прыгнула мне на колени. Я направил на нее фонарик и увидел, что это тарантул, серо-черный, размером не меньше двадцати сантиметров. Но я знал, что делать: я опасался змей и насекомых и поэтому всегда носил с собой дубинку из твердого дерева. Не двигая руками, чтоб не спугнуть тарантула, я резко встал, дернув ногами, чтобы сбросить паука на пол. Мои родные только сейчас увидели, кто на меня напал, и смотрели на меня и на волосатое чудище широко открытыми глазами. Я схватил дубинку и прихлопнул паука. Пираха, собравшиеся в передней, наблюдали за нами. Когда я убил тарантула, они спросили, что это было.

— *Xóoí* 'Тарантул', — ответил я.

— Мы их не убиваем, — сказали индейцы. — Они безвредные и ловят тараканов.

Через какое-то время мы привыкли к таким вещам, и нас не покидало ощущение, что Господь заботится о нас и нам будет что рассказать о наших приключениях.

Хотя я и был миссионером, мои первые задания от ЛИЛ были связаны с языком пираха. Я должен был выяснить, как устроена грамматика этого языка, и описать свои выводы, прежде чем ЛИЛ разрешит мне переводить Библию на пираха.

Вскоре я понял, что полевой лингвистике нужно отдаваться целиком, а не только работать одной головой. Исследователь должен ни больше ни меньше как погружаться в чужую культуру, попадать в щекотливые, не всегда приятные положения, когда очень легко

не справиться с давлением и оказаться чужим для тех, кого изучаешь. При долгом пребывании в чужой среде и тело, и душа, и мысли, и чувства полевого исследователя, а особенно его восприятие самого себя, испытывают колоссальную нагрузку, и она тем больше, чем более различны между собой его родная культура и культура, которую он постигает.

Подумайте над такой проблемой полевого исследователя: вы оказываетесь там, где всё, что вы знаете, недоступно или неважно, а всё, что вы видите, слышите и чувствуете, ставит под сомнение естественные для вас представления о жизни на земле. Это похоже на телесериал «Сумеречная зона», где вы не можете понять, что с вами творится, потому что происходящее настолько неожиданно и настолько выходит за рамки привычного.

Я уверенно начал исследования. Учеба в институте дала мне основные навыки полевой лингвистики: сбор данных, их правильное хранение и анализ. Я вставал в полшестого утра. Принеся в двадцатилитровой канистре не меньше двухсот литров воды для питья и мытья посуды, я готовил завтрак для всей семьи. К восьми я уже был за рабочим столом и начинал работу с информантами. Я пользовался несколькими инструкциями для исследователей и ставил себе небольшие частные задачи по изучению языка. В первые пару дней после возвращения к пираха я сделал грубые, но пригодные к использованию планы расположения всех хижин в селении и списки жителей каждого домика. Я хотел знать, как они проводят свои дни, что для них важно, чем отличается жизнь детей и взрослых, о чем они говорят, почему они проводят время так, а не иначе и многое другое. И я был решительно настроен обучиться их языку.

Каждый день я старался выучить не меньше десяти новых слов и выражений, а также изучить новое «семантическое поле» (группу схожих понятий, например части тела, здоровье и болезни, названия птиц и т. д.) или синтаксическую конструкцию (как соотносятся активный и пассивный залог, настоящее и прошедшее время, утверждения и вопросы и т. п.). Я записывал новые слова на картотечные карточки, приводя при этом не только фонетическую транскрипцию, но и контексты, в которых встречал это слово, а также предполагаемое значение. Затем я пробивал дырочку в верхнем левом углу карты и нанизывал по десять-двадцать карт на кольца от скоросшивателя, которые можно было открывать и закрывать; кольца я продевал в петли для пояса на шортах. Я старался почаще проверять, правильно ли я произношу и понимаю слова с карточек, и употреблял их в разговорах с индейцами. Они все время смеялись над тем, как я неправильно произносил и использовал

слова, но я не обращал на это внимания. Я знал, что моя первая цель как лингвиста — понять, какие из тех звуков, которые я слышу в речи пираха, на самом деле осознаются ими как различные. Такие различающиеся звуки лингвисты называют фонемами, и на их основе предстояло создать письменность для пираха.

Первый прорыв в осознании того, как пираха воспринимают себя в противовес всем остальным, случился во время прогулки в джунглях с мужчинами племени. Я указал им на ветку дерева и спросил: «Как это называется?»

— *Xii xáowí*, — ответили они.

Я снова показал на ветку, на этот раз на ее прямую часть, и повторил: «*Xii xáowí*».

— Нет, — засмеялись все они разом. — Вот *xii xáowí*, — и они указали туда, где ветка отходила от ствола, и потом туда, где от нее в свою очередь отходила ветка поменьше. — А это (прямая часть ветки, на которую я указал) называется *xii kositii*.

Я знал, что *xii* значит «дерево», и поэтому был почти уверен, что *xáowí* будет означать «кривой», а *kositii* — «прямой». Но эти догадки надо было проверить.

Возвращаясь вечером домой по тропинке в джунглях, я заметил, что она довольно долго идет прямо. Я уже знал, что «тропа» будет *xagí*, и сказал: «*Xagí kositii*», — указывая на нее.

— *Xaió!* ‘Правильно!’ — немедленно отозвались мои спутники. — *Xagí kositii xaagá* ‘Тропа прямая’.

— *Xagí xáowí*, — произнес я, когда тропинка резко свернула вправо.

— *Xaió!* — ответили они все, улыбаясь. — *Soxóá xapaitisi xobáaxái* ‘Ты уже хорошо видишь язык пираха’. — Затем они добавили: «*Xagí xaagaia píaii*», — что, как я позже понял, означало ‘Тропа и кривая тоже’.

Удивительно: всего за несколько простых шагов я узнал, как будет на пираха «кривой» и «прямой». К этому времени я уже знал большинство названий частей тела. Пока мы шли, я вспомнил, как пираха на своем языке говорят «народ пираха» (*Hiaitihí*), «язык пираха» (*xapaitisi*), «чужой человек» (*xaóóí*) и «чужой язык» (*xapai gáisi*). Выражение «язык пираха» явно состояло из *xapai* ‘голова’ и *tii* ‘прямой’, с суффиксом *-si*, который означает, что данное слово является именем или названием: получается «прямая голова» или «прямоголовые». «Народ пираха» — это *hi* ‘он’, *ai* ‘есть, является’ и *tii* ‘прямой’, с добавлением показателя *-hi*, который схож по значению с *-si*: «Он-прямой». «Чужого человека»

обозначало слово «развилка», как развилка на ветке. А «чужой язык» выражало понятие «кривая голова».

Я продвигался вперед! Но это все была лишь поверхность. Хотя ранние успехи и могут вызвать оптимизм, язык пираха труден для изучения и анализа из-за тех особенностей, которые в первые несколько дней работы не видны. Самая трудная часть изучения пираха заключается не в самом языке, а в том, что обстановка, в которой вы учитесь язык, одноязычна. При одноязычной полевой работе, которой приходится заниматься в очень редких случаях, у исследователя и информантов нет общего языка. С этой точки я и начинал работу с пираха, так как они не владеют португальским, английским или еще каким-нибудь другим языком, за исключением некоторых отдельных выражений. Значит, чтобы выучить их язык, я должен выучить их язык. Какая-то «поправка-22»³. Я не могу попросить, чтобы мне перевели слово на другой язык или объяснили на другом языке.

³ Фраза «поправка-22» (также «уловка-22», от англ. *catch 22*) из одноименного романа Дж. Хеллера означает безвыходное положение, основанное на логическом парадоксе: чтобы получить что-либо, нужно или уже обладать этим, или не иметь возможности его получить (*прим. пер.*).

Для такой работы нужны свои методы. Неудивительно, что некоторые такие методы помог разработать я сам после испытания языком пираха. Однако в основном, когда я начал работу, эти методы уже существовали.

И все же приходилось тяжело. Вот пример типичной беседы, после того как я выучил, как на пираха задать вопрос: «Как это будет на пираха?»

— Как это называется? — Я указываю на мужчину, плывущего на каноэ вверх по течению.

— *Xigihí hi piiboóchio xaaboópai* ‘Мужчина вверх-по-реке прибывает’.

— Я правильно говорю: *Xigihí hi piiboóchio xaaboópai*?

— *Xaió. Xigihí piiboó xaaboópaitahásibiga* ‘Правильно. Мужчина вверх-по-реке прибывает’.

— В чем разница между *Xigihí hi piiboóchio xaaboópai* и *Xigihí piiboó xaaboópaitahásibiga*?

— Нет разницы. Это одно и то же.

Понятно, что с точки зрения лингвиста разница между двумя этими фразами быть должна. Но пока я сам не выучил язык пираха, я не смог установить, что первое предложение означает: ‘Мужчина возвращается вверх по реке’, а второе: ‘Я наблюдаю, как мужчина возвращается вверх по реке’. В таких условиях выучить язык и правда тяжело.

Еще одна трудность в изучении этого языка уже упоминалась: в нем есть тоны. Нужно знать, высоко или низко произносится тот или иной гласный звук. В мире есть много таких языков, хотя в Европе их почти нет. В английском языке нет тонов (как и в русском. — *Прим. пер.*). Я с самого начала решил обозначать высокий тон гласных с помощью значка ударения, а низкий тон никак не отмечать. В качестве примера можно привести простую пару слов: «я» и «испражнения».

Tíi ‘я’ произносится с низким тоном на первом звуке *и* и с высоким — на втором. Получается примерно так: «*тии*».

Tíi ‘испражнения’ произносится с высоким тоном на первом звуке *и* и с низким — на втором: «*тии*».

Еще одна трудность — в том, что в пираха только три гласных (*и, а, о*) и восемь согласных (*б, н, к, г, х, т, с* и гортанная смычка). Маленький набор звуков приводит к тому, что слова на пираха оказы-

ваются длиннее, чем в языках с большим числом звуков. Ведь чтобы слова были короче, нужно, чтобы каждое слово в достаточной мере отличалось от остальных коротких слов. Однако если ваш язык различает только небольшое количество звуков, то чтобы слова отличались, нужно больше места в каждом слове — то есть более длинные слова. Для меня это означало, что сначала все слова языка пираха казались мне одинаковыми.

Наконец, известная трудность языка пираха состоит еще и в том, что в нем нет многих особенностей, которые есть в большинстве других языков, особенно в устройстве предложений. Например, в пираха нет сравнительных степеней признаков: нельзя сказать «эта вещь больше той». Я не встретил названий цветов — красный, зеленый, синий — только описательные выражения, вроде «похожий на кровь» для красного цвета и «незрелый» для зеленого. И еще я не слышал рассказов о прошлом. А если вы чего-то не можете найти, но думаете, что оно существует, вы можете потратить многие месяцы, гоняясь за тем, чего нет. Так и я не мог обнаружить многое из того, что меня учили искать. Это не только затрудняло мою работу, но и порой просто ввергало меня в отчаяние. И все же я верил, что, затратив достаточно времени и сил, в конце концов овладею этим языком.

Однако мы не вольны предугадать будущее, и все наши планы — это только желания. Было бы глупостью полагать, что я мог сосредоточиться на одной лингвистике, не обращая внимание на то, где нахожусь. Ведь мы были в Амазонии.

ГЛАВА 2

АМАЗОНИЯ

Как только вы примиритесь с Амазонией, жить среди пираха станет легко. Первый шаг к примирению с природой — научиться не обращать внимание на жару и даже полюбить ее. Это не так уж трудно, как кажется: в подходящей одежде человеческий организм неплохо переносит тридцати-сорокаградусную жару, особенно в джунглях, где всегда много тени, а у пираха есть еще река Маиси, которая дает им воду и необходимую для отдыха прохладу. А вот влажность переносить труднее. Пот, который так хорошо охлаждает тело в более умеренном климате, в Амазонии вызывает только воспаления и грибковые заболевания, если только ваша кожа не загорела на воздухе и почти не потеет, как у пираха.

Если отвлечься от этих чисто физических трудностей, то Амазония — это не просто место на карте: это сила, внушающая благоговение. Амазонские джунгли покрывают почти семь с половиной миллионов квадратных километров; это два процента общей площади суши на Земле и сорок процентов площади Южной Америки. По размерам они сопоставимы с площадью США. Если вы полетите от боливийской границы, из Порту-Велью, в город Белен в устье Амазонки, то, если день ясный, все четыре часа полета под вами будет во все стороны, насколько хватает глаз, простираться зеленый ковер джунглей, который с севера на юг пересекают синие полосы рек, впадающих в «текущее море», как Амазонку называют индейцы тупи.

Длина реки Амазонки от истока в Перу и до Атлантического океана — более шести с половиной тысяч километров. Ее ширина в устье — почти четыреста километров, а ее дельта — остров Маражо — по площади превышает Швейцарию. В Амазонии столько темных и неизведанных мест, что потребуются миллионы людей, чтобы о них всех рассказать. И миллионы уже рассказали о ней: количество книг об Амазонии, ее природе, истории, народах, политике не поддается

исчислению. Она будоражила воображение европейцев и их потомков, звала их к себе с того момента, как испанцы и португальцы впервые увидели ее в начале шестнадцатого века. Ее зов слышали и два моих любимых американских писателя — Марк Твен и Уильям Джемс.

В 1857 г. Марк Твен уехал из Огайо в Новый Орлеан, чтобы оттуда отправиться на Амазонку, видимо, желая разбогатеть на торговле кокой. Остается только гадать, какие книги и рассказы могли появиться на свет, если бы он не изменил свое решение и не пошел учиться на лодмана на Миссисипи. Возможно, мы бы сейчас читали не «Жизнь на Миссисипи», а «Жизнь на Амазонке»?

Уильям Джемс, напротив, добрался до Амазонии и исследовал значительную часть самой реки и ее притоков в ходе экспедиции гарвардского биолога Жана Луи Родольфа Агассиса в 1865 г. Они искали образцы редких животных. После поездки в Амазонию Джемс расстался с мечтой стать натуралистом, ведь натуралисту, пожалуй, после Амазонии ездить некуда. (В Амазонии обитает более трети всех известных видов живых существ на Земле.) Вместо этого Джемс решил заняться философией и психологией, и со временем стал основателем и главой философской школы американского прагматизма.

Большая часть джунглей Амазонии, бассейна Амазонки, да и самой реки находится на территории Бразилии. Бразилия — это четвертая по площади страна в мире, она больше основной территории США (без Аляски и островов). В ней живет около 190 миллионов человек самого разного происхождения: португальского, немецкого, итальянского, потомки других европейских и азиатских народов, в том числе самая большая община японцев за пределами Японии. Амазония кажется большинству жителей бразильских городов столь же далекой, как и европейцам или североамериканцам. И хотя бразильцы гордятся красотой Амазонии и тем, как она привлекает людей со всего света, большинство жителей страны никогда не бывало в настоящих джунглях: от густонаселенного юго-востока страны, где проживает 60 процентов населения, Амазонию отделяет почти пять тысяч километров. Но это не мешает бразильцам подозрительно и настороженно реагировать на любые предложения ввести в управлении Амазонией (например, в защите ее экологии) нормы, принятые в других странах. Бразильцы говорят: «*A Amazônia é nossa!*» ‘Амазония наша!’ У некоторых бразильцев стремление охранить Амазонию от иностранного вмешательства перерастает в паранойю: например, по словам некоторых бразильских коллег, в американских школах детям будто бы рассказывают, что Амазония входит в состав Соединенных Штатов.

Являясь хранителями самого большого природного заповедника в мире, бразильцы в основном хотят сберечь разнообразие минералов, водных ресурсов, флоры и фауны Амазонии. Однако они не хотят, чтобы их учили американцы или европейцы, которые у себя уничтожили еще больше лесов, чем было до сих пор вырублено в Амазонии. Местные конфликты вокруг охраны амазонской природы в Бразилии хорошо известны и много освещаются в прессе (один из известных случаев — убийство Шикку Мендиса за то, что он предлагал сборщикам каучука соблюдать экологические нормы на работе, что вступало в противоречие с требованиями их нанимателей). Однако подобные сюжеты могут ввести в заблуждение: на самом деле, важны не эти отдельные конфликты, а общее желание бразильцев сохранить природу Амазонии.

Наверно, лучшее тому доказательство — государственное учреждение под названием ИБАМА, или *Instituto Brasileiro do Meio Ambiente e dos Recursos Naturais Renováveis* (Бразильский институт окружающей среды и возобновляемых природных ресурсов). Сотрудники ИБАМА в Амазонии повсюду, они профессиональны, хорошо экипированы, и при этом они искренне заботятся о том, чтобы сберечь природную красоту и богатства Амазонии.

Речная система Амазонки состоит из рек двух типов — илистых и прозрачных. В Амазонии как те, так и другие — «старые» реки, то есть медленные, извилистые; их истоки лежат лишь немного выше устья. В отличие от прозрачных рек, илистые, такие как сама Амазонка или Мадейра (другие такие реки в мире — например, Миссисипи и Меконг), богаты флорой и фауной, в них больше пищи для рыб и других живых существ. Еще на таких реках больше всего насекомых, хотя они-то есть везде.

В первые же дни среди пираха я столкнулся с настоящим бедствием: маленькие мушки с V-образными крыльями садились на меня весь день. Эти мушки — «мутука» (*mutuca*) — сосут кровь, и потом место укуса сильно чешется и может вскочить волдырь, если у вас, как у меня, чувствительная кожа. Однако не стоит злиться ни на «мутука», ни даже на многочисленных оводов, которые кусают уязвимую кожу с внутренней стороны бедра, уши, щеки и ягодицы и тоже оставляют волдыри. На них не надо злиться, даже когда замечаешь их коварство: они всегда садятся на затененные части тела — как раз туда, куда вы не смотрите. Почему не надо? Потому что злость доконает вас быстрее, чем кровососы. Признаюсь, я не раз сожалел, что у этих насекомых не развита нервная система, чтобы я мог их хорошенько поистязать в ответ. Но, как правило, такое чувство быстро проходит.

Ночью насекомые тоже рядом. Если вам придется провести ночь на берегу реки без москитной сетки, как довелось мне на реке Мадейра, то ночь эта станет одной из самых долгих и тяжких в вашей жизни: черные тучи москитов будут виться вокруг вас, залетать в ноздри и в уши, кусать через одежду во всех возможных местах, пробивая даже толстые джинсы. И не приведи всевышний встать ночью по нужде: москиты набросятся на любую неприкрытую часть тела.

Река, бассейн которой населяют пираха и родственное им племя мура (которое уже утратило свой исконный язык), называется Мадейра. Объем переносимых ею вод пятый по величине во всем мире; она второй по длине, после Миссури, приток реки в мире. Площадь ее бассейна в три раза больше Франции. Среди сотен ее притоков — прозрачная река Риу-дус-Мармелус (*Rio dos Marmelos*), шириной более семисот метров возле устья и немногим менее четырехсот метров в среднем, глубиной до пятнадцати метров в августе. Один из крупнейших притоков этой реки — река Маиси, родина пираха. Кроме них, на этой реке больше никто не живет. Ширина Маиси в устье — около двухсот метров, а на всем своем течении она имеет ширину примерно в тридцать метров. Ее глубина различна: от пятнадцати сантиметров на отмелях перед началом сезона дождей до двадцати пяти метров к концу этого сезона.

Маиси — прозрачная река; ее воды цвета заваренного чая текут к месту впадения в Мармелус со скоростью двенадцати узлов. В сезон дождей она мутнеет. В сухой сезон ее воды становятся светлее,

она становится прозрачнее и мелее, так что становится ясно видно ее песчаное дно. Эйнштейн предполагал, что расстояние между двумя точками по течению старой извилистой реки примерно равно расстоянию между ними по прямой, умноженному на «пи». Река Маиси соответствует этому предсказанию ученого: с воздуха она похожа на гигантскую змею, извивающуюся под деревьями. Иногда ее русло так резко изгибается, что если плыть по ней на моторной лодке после окончания сезона дождей, то волны, поднятые лодкой, распространяются по затопленному языку суши — и, обогнув излучину, вы видите волны, шедшие от вашей кормы. Река удивительно красива. Плывая по ней, я не раз думал, что так должен выглядеть райский сад: легкий ветерок, чистая вода, белый песок, изумрудные деревья, огненно-красные гокко, грозные орлы-гарпии; раздаются крики обезьян, вопли туканов, и иногда разносится рык ягуара.

Пираха живут по берегам реки Маиси от ее устья до пересечения с Трансамазонским шоссе. По прямой это километров восемьдесят, а на моторке по реке выходит почти двести пятьдесят. Селение, в котором я провел больше всего времени, Форкилья-Гранди, находится недалеко от шоссе. Оно пересекает реку примерно в девяноста километрах к востоку от городка Умайта́ (*Humaitá*) в штате Амазонас. Чтобы установить координаты селения, где я жил, я впервые использовал переносной приемник GPS. Получилось вот что: 7° 21.642' ю. ш., 62° 16.313' з. д.

Существуют две основные научные гипотезы о заселении Амазонии, которые выдвинули археологи, такие как Бетти Меггерс и Анна Рузвельт. Некоторые, и среди них Меггерс, считают, что амазонские почвы, по крайней мере, на доисторическом уровне технологии не смогли бы прокормить крупные цивилизации, и поэтому в Амазонии всегда жили только небольшие группы охотников и собирателей. С этой исторической гипотезой хорошо соотносится лингвистическая, выдвинутая в первую очередь покойным Джозефом Гринбергом из Стэнфордского университета, о том, что через сухопутный мост Берингии, ныне скрытый водами Берингова пролива, в Америку прошли три волны миграции. Первые пришельцы, прибывшие около 11 тысяч лет назад, были вытеснены на юг второй волной, которых в свою очередь оттеснили третьи — инуиты, или эскимосы. Первая группа заселила Южную Америку. За исключением отдельных народов вроде инков, ее составляли в основном охотники и собиратели.

Гринберг считал, что доказательства этих миграций можно найти в языках — живых и вымерших — коренных народов Америки.

Например, он считал, что языки племен, живущих на юг от Мексики, как правило, лингвистически более родственны, чем языки севера и центра Северной Америки. По Гринбергу, язык пираха должен был бы оказаться более родственен другим южноамериканским языкам, чем каким-либо другим. Однако подтвердить родство языка пираха и хотя бы одного другого языка невозможно. Утверждение Гринберга, что пираха относится к языковой семье, которую он называет «макро-чибча», нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Мои данные, собранные за все эти годы, свидетельствуют, что пираха и близкий к нему вымерший диалект мура образуют единый изолированный язык, не родственник ни одному другому известному языку. Вместе с тем доказать, что пираха вообще не связан с другими амазонскими языками, даже очень древним родством, тоже нельзя. Методы сравнительно-исторического языкознания, которые используются для классификации языков и реконструкции их истории, просто не позволяют заглянуть в прошлое так далеко, чтобы абсолютно исключить происхождение двух языков из общего корня.

В противовес идеям Меггерс и Гринберга была разработана теория Анны Рузвельт и ее коллег, в том числе моего бывшего аспиранта Майкла Хекенбергера из Университета Флориды. По мнению Рузвельт, Амазония и в прошлом, и ныне может прокормить большие поселения и целые цивилизации, в том числе (если ее догадки верны) цивилизацию маражоара на острове Маражó. Согласно этой гипотезе, человек живет в Южной Америке с более древних времен, чем допускает гипотеза Гринберга и Меггерс.

Наличие языков-изолятов, таких как мура и пираха (ранние исследователи, заставшие язык мура, считали их близкородственными диалектами одного общего языка мура-пираха), можно интерпретировать как доказательство теории Рузвельт, потому что для исчезновения признаков языкового родства и выделения языка-изолята требуется очень долгое время. С другой стороны, если пираха оказались отделены от родственных народов и языков в самом начале заселения Америки, уникальность их языка и культуры не противоречит ни гипотезе Меггерс, ни гипотезе Рузвельт. Вероятно, мы так никогда и не узнаем, как появились пираха и их язык, — если только не найдем памятники на древних языках, родственных ему. В таком случае мы сможем воспользоваться стандартными сравнительно-историческими методами и воссоздать какую-то часть истории языка пираха.

Уже собраны некоторые сведения, указывающие на то, что пираха не всегда жили в этой части джунглей; например, у них нет своих

названий для нескольких видов обезьян, обитающих на реке Маиси. Так, обезьяна, которую в языках семьи тупи-гуарани называют «пагуаку» (*paguasi*), на пираха будет точно так же. Значит, «пагуаку» — это заимствование либо из бразильского варианта португальского, либо из языка одного из двух племен этой семьи — паринтинтин или тень-ярим¹, с которыми пираха долго контактировали. Поскольку у нас нет данных о том, что у пираха заимствованные слова когда-либо вытесняли исконные, стоит предположить, что в их языке не было названия для этой обезьяны, потому что она не водится на их прародине, где бы та ни находилась.

Так как язык пираха не родственен ни одному известному языку, я со временем осознал, что мне предстояла работа не просто с трудным языком, а с уникальным.

Наша семья постепенно приспосабливалась к жизни в Амазонии, где мы должны были полагаться только на себя. Мы сплотились как никогда раньше и радовались обретенной семейной близости. Мы думали, что наша жизнь теперь подчинялась нам и только нам. Однако Амазония скоро напомнила нам, кто тут главный.

¹ Название двух идиомов в диалектном континууме кавахиб, относящемся к группе тупи-гуарани тупийской языковой семьи (*прим. пер.*).

ГЛАВА 3

ЦЕНА МИССИОНЕРСТВА

К пираха мы приехали, чтобы нести им учение Христа. А Библия предупреждает проповедников, что их служение сопряжено с опасностями. В этом нам только предстояло убедиться.

Однажды поздно вечером Керен стала жаловаться, что ей тяжело находиться среди пираха. Она как раз жарила мясо муравьеда, убитого Кохои. Как обычно, вокруг нее собрались с десяток индейцев, которым было интересно наблюдать, как мы готовим и едим (и еще им хотелось попробовать отбивную из муравьеда). Она попросила меня пройтись с ней до взлетной полосы. Полоса не только принимала самолеты, но и была чем-то вроде нашего личного парка: мы могли там прогуливаться, бегать и просто уходить туда из селения, чтобы побыть одним.

— Я так больше не могу, — сказала Керен дрожащим голосом.

— А что тебя беспокоит? — спросил я. На неослабное внимание пираха обычно жаловался как раз я, а Керен редко его замечала. А даже если она и обращала внимание на то, что вокруг нее собирались любопытные индейцы и всю глазели на нее, то не подавала виду, что ей это неприятно. Обычно она просто дружелюбно с ними заговаривала.

Я сказал жене, что сам доделаю ужин, а ей предложил отдохнуть. Когда мы возвращались в нашу хижину, она сказала, что у нее болит спина и начинает болеть голова. В тот момент мы, однако, не придали этому значения и объяснили эти симптомы общим напряжением.

Ночью голова у Керен разболелась еще сильнее. Спина у нее болела так, что она выгибалась от боли. Потом начались жар и лихорадка. Я достал медицинский справочник и стал искать эти симптомы. Пока я читал, Шеннон, наша старшая дочь, тоже стала жаловаться на голову. Я потрогал ей лоб ладонью. У нее тоже был жар.

У нас хватало лекарств от любой обычной амазонской хвори, как мне думалось. Я был уверен, что достаточно только найти все

эти симптомы в медицинском справочнике миссионера, и поставить диагноз будет нетрудно. Просмотрев книгу, я убедился, что у Керен и Шеннон тиф. Мне пришло это в голову, потому что я болел тифом во время учебной поездки в джунгли Мексики, и симптомы были такие же.

Я стал давать им антибиотики против тифа. Ни жене, ни дочери не помогало. Обоим быстро становилось хуже, особенно Керен. Она перестала есть. Пить тоже не хотела, только иногда воду. Я пытался измерить ей температуру, но столбик ртути зашкаливал, сколько я ни ставил термометр¹. У Шеннон была температура около 40 градусов.

Горячее тропическое солнце не помогало. Я безуспешно пытался помочь Керен и Шеннон, а еще должен был готовить еду и мыть Калеба (ему было только два года) и четырехлетнюю Крис. Спать времени не было. У Керен и Шеннон началась диарея, и ночью я должен был подставлять им горшок, выливать и мыть его и затем отводить их назад в кровать.

У изголовья кровати мы попытались создать себе укромный уголок и поставили стенку из листьев пальмы-пашиуба (*paxiuba*). Пираха подходили вплотную и заглядывали в щели. Они понимали, что что-то не так. И только позже я узнал, что все в селении, кроме меня и моей семьи, догадались, что у Керен и Шеннон малярия.

Постоянное внимание индейцев, беспокойство за жену и дочь, истощение от работы и бессонных ночей заставляли меня волноваться еще больше обычного, поэтому на пятый день я уже не находил себе места от отчаяния. Керен была почти что в коме. И она, и Шеннон то и дело стонали от боли, и у Керен начались приступы бреда: она садилась на постели, кричала на кого-то воображаемого, говорила бессвязные слова и пыталась ударить меня, Крис и Калеба, если мы оказывались рядом во время припадка.

На четвертую ночь болезни разразилась такая гроза, что из-за грома, воя ветра и шума дождя ничего не было слышно. Тут Керен села и сказала, что Калев выпал из гамака, в котором он спал в другой комнате.

Я твердо ответил: «Нет, все в порядке. Я не сплю и все слышу. Я ничего такого не слышал».

Керен заволновалась и попросила: «Иди подними его! Он лежит на полу, а там грязно и тараканы».

¹ В Америке термометры иногда градуируются только примерно до 41 градуса, поэтому такое явление возможно (*прим. пер.*).

Чтобы ее успокоить, я встал и пошел в спальню детей, которая была рядом с нашей комнатой — той самой, где имелась одна стенка из пальмовых листьев. В детской стены были из досок и достигали метра в высоту, а выше начинался пластиковый экран. Кaleb и Кристин спали под одной москитной сеткой: Кaleb — в гамаке, а Кристин — в кровати под ним. В детской мы также поставили переносной биотуалет, закрытый с боков от чужих глаз занавесками. Еще у детей была своя керосиновая лампа. Каждый вечер, искупавшись в реке и поужинав, мы собирались в относительно удобной и уединенной детской, и я читал детям вслух книги: «Хроники Нарнии», «Убить пересмешника», «Властелина колец».

Я зашел в детскую, светя себе фонариком. Кaleb лежал на полу, а вокруг кишели тараканы. Малыш пытался заснуть, но ему было неудобно на полу, и он не мог понять, где очутился. Я поднял его, обнял и положил обратно в гамак. Когда сын оказался в беде, материнская чуткость Керен оказалась сильнее малярии.

Утром я понял, что что-то надо делать. Шеннон и Керен было слишком плохо, я не мог просто сидеть и смотреть. Но я не знал и как вернуться в Порту-Велью самому. Нас доставили сюда на самолете миссии, так что по реке я раньше не сплавлялся. Без самолета нам не выбраться. К тому же в те годы бразильское правительство не разрешало иностранцам привозить с собой радиостанции, поэтому связи с внешним миром у нас не было. Надежной лодки тоже не было — да и бензина на поездку по реке не хватило бы.

Однако к пираха иногда приезжал другой миссионер, католик-мирянин Виченцо, и у него имелась небольшая алюминиевая лодка с новым мотором «Джонсон» на шесть с половиной лошадиных сил и баком на пятьдесят литров бензина. И вот я попросил его об неоценимой услуге: одолжить мне лодку на неопределенное время. Отдай он мне лодку, и ему самому будет не на чем выбраться из джунглей. Но он сразу же согласился, хотя и уверял меня — как я выяснил позже, зря, — что чем бы ни страдали мои жена и дочь, болезнь они принесли с собой, так как пираха ничем не болеют. (Всего через две недели после нашего отъезда сам Виченцо едва не умер от малярии, которую подхватил у индейцев.) Затем я спросил, не подскажет ли он, как найти ближайшее поселение с врачом и больницей.

Виченцо сказал, что мне нужно либо в Умайта, либо в Маникорé (*Manicoré*) — это два городка на реке Мадейра. Он посоветовал плыть в Умайта, потому что оттуда шла дорога до Порту-Велью, столицы штата Рондония и — хотя католик этого не знал — штаба нашей

миссии. Чтобы попасть в Умайта, говорил он, мне нужно двигаться вниз по течению Маиси и затем Мармелос примерно двенадцать часов до поселения Санта-Лусия (он говорил «Санта-Лючия», и я так и запомнил). Там я смогу нанять помощников, чтобы перевезти жену и дочь по переволоке в джунглях между реками Мармелус и Мадейра. По Мадейре я должен буду спуститься до городка Аузилиадора (названного в честь Девы Марии Заступницы) — маленького поселения, основанного двадцать лет назад священниками салезианской конгрегации². Там можно будет сесть на пароход до города Умайта, о котором я до этой беседы не слышал ни разу. Казалось, что добраться туда — все равно что совершить паломничество в Мекку.

Я вернулся домой и стал собирать вещи, хотя и не мог знать, чем закончится поездка или что понадобится привезти. Виченцо не знал, сколько плыть на корабле из Аузилиадоры в Умайта, потому что сам там никогда не плавал. Я даже не знал, надо ли брать с собой еду. Однако в каноэ и так едва помещались мы пятеро плюс запас бензина, так что в любом случае много взять не удавалось.

Впрочем, сейчас отправляться в путь было уже поздно. Нужно было отплывать назавтра рано утром. Рисковать не стоило, ведь ночью легко сесть на мель. Я упаковал немного мясных и фруктовых консервов, ложки и пару эмалированных тарелок. Положил мачете, спички, свечи, две смены одежды для каждого и бак для воды. Собрав вещи, я помолился и лег спать. Утром, на рассвете, я подвел каноэ к берегу возле своей хижины и стал грузить вещи. Было семь утра, солнце уже светило всюю, небо было цвета кобальтовой краски. Меня, разгоряченного от работы, охлаждал утренний бриз.

Погрузив припасы, я принес на руках Шеннон и уложил ее в лодку. Лодка немного накренилась. Вдоль берегов стояли индейцы и наблюдали за нами. Потом я привел Калеба и Кристин и велел им ждать у лодки. Потом вернулся в дом и взял на руки Керен. Она казалась совсем легкой (до болезни она весила 45 килограмм, а за эти пять дней потеряла не меньше пяти). Она едва приходила в сознание. На берегу, когда я начал спускаться к воде, Керен очнулась и стала кричать и биться.

— Что ты делаешь? Бежишь? Ты не веришь в Бога? Где твоя вера? Нам надо остаться и привести их ко Христу!

² Салезианцы, или Общество Св. Франциска Сальского, — католическая монашеская конгрегация, основанная в 1859 г. для ведения миссионерской деятельности среди бедных и малоимущих.

Час от часу не легче. Я и так уже был вымотан, не понимал, что делать, и волновался о будущем. Теперь, если что-то пойдет не так, кто-то из нас пострадает или еще хуже, я буду не прав еще и с моральной точки зрения. Но я знал, что выбора нет. Керен, а возможно, и Шеннон погибнут, если я не настою на своем и не увезу их отсюда. И, удивительным образом, я и сам был уже на пределе. У меня не было сил ухаживать за больными женой и дочерью в индейском селении.

Решение покинуть индейцев далось мне трудно по многим причинам. Путешествие в неизвестность грозило опасностями, все предстояло делать самому, а это нелегко и требует особой ответственности, а я и так был без сил. Я был уверен, что остальные миссионеры в нашем центре скажут, как и Керен, что я трус и вера моя нетверда. (Впрочем, выяснилось, что они и не думали меня осуждать, а всячески поддерживали и помогали.) И еще я знал, что самолет с запасами должен был прилететь в селение уже через неделю. На нем можно было доставить их в Порту-Велью. Но я думал, что если мы останемся, Керен может умереть. Если уехать сейчас, то риск будет меньше, чем если мы останемся ждать самолета. И на самом деле я просто не хотел ждать и с каждой бессонной ночью уставать все больше, пока наконец я не окажусь бессилен помочь ни себе самому, ни своей семье. Нужно было что-то делать сейчас.

Когда я поднимался к хижине, чтобы забрать Керен, ко мне подошел пожилой индеец по имени Абаги и спросил, не смогу ли я привезти из города спички, одеяла и что-то еще. Я сердито ответил: «Керен больна. Шеннон больна. Я не за покупками еду». Я хотел сказать «черт побери», но не знал, как это будет на пираха. «Я везу их в город, чтобы они приняли воду (то есть лекарство) и выздоровели».

Я рассердился на него, и, думаю, это было заметно. Вся моя семья в опасности, а пираха при этом думают только о себе? Я рывком запустил мотор лодки, и он стал раскручиваться. Каное закачалось из стороны в сторону — опасности начались, не успели мы даже отплыть, ведь борта возвышались над водой всего сантиметров на восемь, а река в этом месте и в это время года была глубокая, метров двадцать. Если по моей неопытности мы перевернемся, это будет катастрофа. Спасательных жилетов нет, а на руках у меня двое маленьких детей и два тяжелобольных пассажира. До берега они не доплывут, у реки мощное течение, а у меня не хватит рук помогать им в воде. Но выбора нет.

Ну что ж, Господи. Теперь я сам миссионер в беде, как в тех рассказах, которые вдохновили меня на это служение. Береги нас, Господи, подумал я.

Мы отчалили. Индейцы стали кричать нам: «Не забудьте про спички! И про одеяла! Привезите еще маниоковой муки! И мясных консервов!» — и так далее. Рокот двухтактного мотора заглушали вопли двух алых гокко, пролетевших у нас над головой по пути к своему гнезду и не обращавших на нас никакого внимания. Солнце сияло во всю мочь, уже стояла жара под тридцать, хотя еще и восьми часов утра не было.

Однако лодка развивала девять узлов, и поэтому нас обдувало ветерком. Керен и Шеннон покраснелись на солнце. Примерно через час пути Кристин сказала, что хочет есть. Я остановил лодку и открыл банку персиков. Потом сказал Кристин помыть руки в реке и есть персики из банки прямо руками. Кaleb последовал ее примеру. Кристин повернулась к Керен и спросила: «Мама, хочешь персик?» Неожиданно Керен резко села и ударила дочку по лицу, велела ей молчать и рухнула обратно. Кристин не заплакала, а только посмотрела на меня обиженно и недоуменно. «Мама болеет, солнышко, — сказал я. — Она не знает, что делает». Но Кристин все понимала, и Кaleb тоже. Шеннон ничего не хотела, и поэтому мы доели персики втроем, и я разрешил детям выпить остатки сиропа из банки.

По обе стороны равнодушной зеленой полосой тянулись джунгли. Мы не встретили ни одной лодки. Вода стояла так высоко, что требовалось строго держаться русла, иначе можно было свернуть в ложную протоку и угодить в болото. К счастью, обычно основное течение хорошо просматривалось — но не всегда. Если берега внезапно расступались, образуя болотистую впадину или целую сеть протоков вместо реки, я терялся.

Примерно через час Керен села и попросила воды. Я хотел налить ей, но она вырвала у меня флягу и чашку и стала лить воду себе на колени, держа чашку на вытянутой руке. Я попытался взять флягу назад со словами: «Дорогая, давай я налью. Ты же льешь мимо». Жена сердито посмотрела на меня, ответила: «Если бы не ты, все бы было хорошо», — и отпила воды из горлышка. Потом я напоил Шеннон, и мы поплыли дальше.

Еще через несколько часов я заметил на левом берегу поляну, а на ней — дом. Я причалил туда. Может быть, мы уже движемся к реке Мадейра? Мой португальский был еще совсем в зачаточном состоянии, но я пошел к дому и встал у двери, хлопая в ладоши, — и на звук к окну подошла женщина. Я спросил ее, не Санта-Лючия ли это.

— Не слышала про такое место, — ответила женщина.

— А больше здесь никого нет, кто знал бы? — спросил я умоляюще.

Было уже два часа дня, и у нас оставалось горючего меньше четверти бака — на один-два часа. Если я не найду эту Санта-Лючию сейчас, придется грести. Может быть, даже ночевать в лодке.

Женщина указала вверх по реке и сказала:

— Может, там, в Пау-Кеймаду, знают, где это.

— Но я приплыл из верховий и никакого селения не видел.

— Оно на заводи. Отсюда первая заводь слева.

Я поблагодарил ее и побежал назад к лодке. Было жарко, я докрасна обгорел на солнце, и все остальные тоже. По пути я оглянулся на дом этой женщины и только теперь увидел, как они живут. Дом был побелен, а для семьи, которая еле может себя прокормить с земли, это непросто и недешево. Зачем же они покрасили дом? Чтобы жара не проникала? Нет, они просто хотели, чтобы дом приятнее выглядел, пусть даже стоит он в джунглях, где гости бывают редко. У дома стояли деревья «жамбу», они дают красные и сочные плоды, сладкие и похожие на яблоки. Росла папайя. Рядом было устроено поле, к которому от дома шла тропинка, и на нем росли маниока, сахарный тростник, сладкий картофель и «кара»³. Вокруг дома было чисто и ухожено: кое-где срубленная мачете трава, кое-где мягкий песок. Дом был сбит из досок, которые, конечно же, вручную выпилил ее муж. Рядом с тем местом, где я причалил, я увидел несколько живых амазонских черепашек с желтыми пятнами на панцире, привязанных к мосткам на мелководье. Эти черепахи — излюбленная еда и предмет обмена у амазонских «кабоклов» (так называют португалоязычных жителей бразильских джунглей). Отвязывая каноэ и направляясь обратно вверх по течению, я подумал, что добывать пропитание ловлей черепах, наверно, тяжело.

У этих людей нелегкая жизнь, и все же они будто не замечают тягот и приветствуют гостя с достоинством, они всегда бодры духом и готовы помочь. Мое благосостояние не сравнить с их, но, посмотрев на себя со стороны, я осознал, что я намного больше волнуюсь, менее приветлив и гостеприимен, чем эти жители лесов. И я еще и миссионер. Мне предстояло многому научиться.

³ Местное название одного из видов растения диоскорен, известного также как ямс (*прим. пер.*).

Но учиться будем потом. Сейчас я должен найти помощь. Я запустил мотор и снова взмолился про себя: «Господи, я прилетел в Амазонию ради Тебя. Я привез сюда семью, чтобы служить Тебе и помогать людям. Почему же ты оставил меня? Бензин почти на нуле, Господи. Ради чего это все, если моя жена умрет только потому, что у меня нет бензина и я потерялся? Давай, Боже, помоги мне!»

Я снова взглянул на всю красоту, что меня окружала. С воды я видел деревья «ипе», высотой в сорок метров и толщиной в метр, возвышавшиеся над рекой, все в желтых и лиловых цветах. Жители этих мест называют эти деревья *passar bem* ‘поправляться, улучшать самочувствие’. Я понадеялся, что они принесут нам удачу. Солнце светило ярко, ветерок приносил прохладу. Лес стоял в зелени, и казалось, он раскрывает перед нами свои объятия. Берега здесь, у устья Мармелос, были холмистые и крутые, между холмами открывались многочисленные заводи, которые мой нетренированный глаз не всегда мог отличить от основного течения.

Поодаль виднелись и огромные деревья бразильского ореха, подобно башням поднимавшиеся среди крон. Теперь я смотрел на это все иначе. Останется ли эта природа прекрасной, если моя семья умрет тут, не дождавшись помощи? Я решил, что красота природы существует лишь в нашем представлении. Ведь если бы люди не утверждали, что природа прекрасна, никакой красоты в ней бы и не было. Но, ей-богу, как же тут было хорошо. Не знаю, что тому виной — рябь на воде, колыхание ветвей, бледно-голубое небо, чувство силы

в руках, ясность перед глазами, решимость в сердце, — но вокруг меня все было прекрасно, и я чувствовал, как меня объединяла с природой вездесущая жажда жизни.

Наконец я увидел заводь, на которой стояло селение Пау-Кеймаду, и направил блестящую на солнце лодку туда. Через минуту-другую, когда крутые берега этого крошечного фьорда сомкнулись за нами, я увидел прогалину, маниоковое поле и крытую соломой хижину. Берег круто вздымался над рекой метров на сорок. Земля была темно-коричневая, на верху обрыва росла трава. Жители Амазонии тщательно, не покладая рук, поддерживают чистоту в домах и деревнях и очень ценят, когда вокруг дома прибрано и чисто. Я взбежал по ступенькам, сделанным в склоне и укрепленным досками сантиметров в восемь толщиной, а наверху остановился перевести дух и огляделся. На полу хижины сидели несколько человек, очевидно, за едой.

— Вы не знаете, как добраться до Санта-Люции? — выпалил я, не утруждая себя принятыми здесь проявлениями вежливости: назвать себя, спокойно побеседовать о мелочах, предварить всякую просьбу объяснениями и околичностями.

В углу сидела женщина с младенцем. В центре мужчина помешивал кашу из рыбы и «фариньи» (маниоковой муки) в миске из выдолбленной тыквы. Вокруг балок под низкой крышей были аккуратно свернуты гамаки. Хотя хижина стояла на высоком берегу, ее подпирали полуметровые сваи, а пол, стены и ставни были набраны из досок. «Кабокло» запираются на ночь, несмотря на жару, опасаясь диких зверей, злых духов и воров.

— *Não existe por aqui nenhum lugar por esse nome* 'Нет здесь такого места', — ответил мне один из мужчин, и все уставились на меня — чужака, красного от солнца, с безумными глазами.

— Но Виченцо, который служит с падре Жозе, — вы же знаете падре Жозе? — сказал, что в Санта-Люции можно перебраться из реки Мармелос в Мадейру, — попытался объяснить я.

— Ему, наверно, надо в Санта-Лусию. Там есть тропа, — предположила одна из женщин, сидевшая позади.

— Конечно, в Санта-Лусию, — отозвались все остальные хором.

Наконец появилась надежда! Они сказали, что это поселение находится в получасе ниже по течению, сразу после дома с черепашками. Когда спускаешься по реке, его закрывает длинный мыс, лежащий параллельно течению реки, но, если все время поглядывать налево, я его не пропущу. Я выпалил им в ответ: «*Muito obrigado!*» 'Большое спасибо!' — и заспешил вниз по ступенькам. Кристин и Калев так

и сидели в лодке тихо и разговаривали друг с другом. Шеннон жаловалась, что она вся горит. Керен сказала, что готова прыгнуть в реку, чтобы сбить жар. Я тронулся с места на полной скорости, которую только мог выдать наш мотор на шесть «лошадок»; за нами тянулся жалкий, робкий след из пены.

Через тридцать минут я стал поглядывать налево и вскоре заметил нужную заводь. Я чуть не промахнул мимо, но теперь видел, куда плыть: прогалина наверху крутого обрыва, в этот раз высотой уже метров пятьдесят, на который вели такие же вырезанные в земле ступени. Я затормозил и привязал каноэ у подножия. Поднял Кристин на одну руку, Калеба — на другую. Сказал Шеннон и Керен, что скоро вернусь за ними. Затем я с колотящимся сердцем побежал вверх по ступеням. Нужно было найти помощь.

Это селение тоже было чистым и опрятным; крашенные в яркие цвета домики соединялись широкими дорожками, вокруг них было подметено. В центре группы из шести хижин на берегу Мармелус стояла церковь. Под парой близко стоящих деревьев стояли сбитые из досок лавки. Река Мармелус была в этом месте шириной уже почти в три сотни метров и отсюда казалась иссиня-черной. Дул легкий ветер, и скамейки в тени деревьев звали отдохнуть, но времени не было.

Метрах в пятидесяти я заметил пару женщин, беседовавших в тени дерева, и зашагал к ним. Они тоже уже заметили меня и, несомненно, как раз обсуждали этих гринго, которые приплыли с верховьев — а туда прибыли, конечно, самолетом, потому что доплыть до пираха на лодке в обход Санта-Лусии нельзя.

Я снова не стал тратить время на любезности и задал вопрос, как только меня могли услышать.

— *É aqui que tem um varador para o Rio Madeira?* ‘Это здесь тропа к реке Мадейра?’

— *Sim tem um caminho logo ali* ‘Да, здесь есть тропинка’, — ответила одна из женщин.

Я рассказал ей, что у меня в лодке двое тяжелобольных, и спросил, нельзя ли, чтобы кто-нибудь помог мне перенести их на Мадейру. Она отправила девочку сказать отцу, а я спустился к реке и вынес Шеннон наверх на руках. Наверху мне открылось прекраснейшее зрелище: по тропе цепочкой шли мужчины, сильные и крепкие, готовые помочь мне — беспомощному гринго, который ни разу в жизни ничего не сделал для них. Однако у этого гринго болеют близкие. И тут я понял, что «кабокло» всегда помогут попавшему в беду, не жалея сил.

Но не успел я с ними заговорить, как мы услышали громкий всплеск, и какая-то женщина закричала: «*O meu Deus! Ela pulou na agua!*!» ‘О Боже! Она прыгнула в воду!’

Керен барахталась в реке, пытаясь залезть обратно в лодку. Я сбежал по ступеням. Она сказала:

— Вода такая холодная. Я вся горела.

Я поднял ее на руки и в третий раз поднялся по ступеням на обрыв. Сейчас она, похоже, в сознании. Может быть, теперь у нее прояснится в голове, подумал я, усаживая ее рядом с детьми под деревом.

Керен сидела на бревне под этим раскидистым манговым деревом и вдруг заговорила с местными на португальском: «А я помню это место. Вот там — слоны, а там — львы. Папа меня сюда водил, когда я была маленькая».

Все перевели взгляд на меня. Они поняли, что Керен бредит. Только и сказали: «*Pobrezinha*» ‘Бедняжка’.

Мужчины пошли в лес и через несколько минут принесли два шеста длиной в два с половиной метра и толщиной с ладонь. К шестам подвесили по гамаку, в один мы положили Керен, а в другой Шеннон. Их взяли четверо мужчин — по двое на гамак — и понесли по тропинке. Я навьючил на себя всю нашу поклажу — всего набралось килограммов двадцать — и попросил еще одного мужчину последить за лодкой Виченцо (когда я вернулся, выяснилось, что кто-то из местных брал лодку, но не добавил в бензин масла и угробил мотор). Наконец, я попросил жителей деревни сказать падре Жозе, что Виченцо хотел, чтобы за ним прислали лодку и забрали его в город. Потом я взял на руки Калеба, велел Кристин не отставать и пошел по тропе вслед за носильщиками.

Кристин нас немного задерживала: собирала цветы, прыгала туда-сюда, напевая «Христос меня любит». У нее еще держалась прическа, которую Керен ей сделала несколько дней назад. На ней были шорты, маечка и теннисные кроссовки. Она с наслаждением нюхала ароматные цветы, и хотя у меня руки все горели от напряжения — я же нес и всю поклажу, и сына, — но при виде дочери я не мог сдержать улыбку. Я всегда называл Крис моим солнышком, и в тот день свет этого солнышка уберег меня от отчаяния. А Калев все спрашивал, куда эти люди несут маму и сестру; наш младший всегда был и до сих пор остается очень чутким человеком, а мама для него — самое близкое существо на свете.

Пройдя по прохладной тенистой тропинке в джунглях около сорока пяти минут, мы вышли из леса. Здесь стояли десятки крашенных

деревянных домиков на сваях, большая церковь, которую местные величали «собором», лавки, и параллельно друг другу шли немощные улицы. Это и была Аузилиадора — целый городок, а не просто едва отстроенная деревня. Носильщики спросили, куда нести Керен и Шеннон. Конечно, в таком маленьком городе не найдется съемных комнат; поэтому я сказал им усадить моих жену и дочь в тени, а сам пошел узнавать, что к чему.

Я быстро нашел дом торговца с реки Маиси Годофреду Монтейру и его жены Сезарии. Я знал, что они живут здесь, потому что в самом начале нашей миссии мы с ними плавали в верховья Маиси, и они пригласили нас к себе, в Аузилиадору. Их дом был под стать их доходам: стены и пол дощатые, как всегда в домах кабокло, но перед входом — чисто выметенная деревянная лестница, крыша крыта кое-где соломой, а кое-где и жестяным листом. Стены были покрашены белой, швы — зеленой краской; зеленые печатные буквы на фасаде гласили: *Casa Monteiro* 'Дом Монтейру'. На заднем дворе, отчетливо видный и с улицы, возвышался нужник: значит, хозяева особенно заботились о гигиене, ведь большинство местных просто ходило в джунгли.

Годо и Сезария были рады нас приютить, и я попросил носильщиков отнести Керен и Шеннон туда. Было уже поздно, мы устали, и поэтому Сезария спросила, не надо ли помочь развесить гамаки.

— Гамаки? — спросил я удивленно. Я-то думал, нас положат на кроватях или на полу.

— Сеньор Даниэл, здесь все спят в гамаках, даже священник. Тут кроватей не водится, — ответила Сезария и принялась рассказывать, как даже в лодках на реке люди спят в гамаках.

— У нас нет гамаков. — Я все больше огорчался тем, как повернулись дела, и тем, что не продумал все заранее. Гамаки, в которых несли моих жену и дочь, принадлежали кому-то из жителей Санта-Лусии — я даже не знал, кому.

Сезария тут же ушла и через полчаса принесла пять гамаков — одолжила по соседям. Поставила готовиться ужин и сказала, что присмотрит за моей женой, а я могу сходить искупать детей в реке Мадейра. Вообще-то Мадейра непохожа на узкую и прозрачную реку Маиси. Это громада илистой воды, не меньше Миссисипи, шириной с милю в Аузилиадоре, особенно в дни разлива. Берег был метрах в трехстах от дома Годофреду; высота обрыва превышала пятьдесят метров — ничего подобного я больше нигде не видел. Я забрел в реку по колено и умылся. Мне было уже все равно, что в реке водятся крокодилы — черные кайманы — и их не видно в мутной воде. Все равно, что здесь

есть и «кандиру» — крошечные рыбки, которые могут влезть в любое отверстие на нашем теле. И все равно даже, что в буровой воде Мадейры попадаются пираньи, анаконды, ядовитые скаты и электрические угри: мне надо было смыть грязь. Все же, помня об опасности, детей я помыл на берегу, обливая водой, и только на мгновение окунул в саму реку. После мытья мы стали почище, но снова извозились в грязи и вспотели, пока поднимались по глинистому берегу и шли до дома. Уже почти стемнело. В отличие от Маиси, на берегах Мадейры кишат москиты. От них было не спрятаться и в доме у Годо, а у нас с собой не было ни спрея от комаров, ни длинных брюк — ничего. Впрочем, Сезария одолжила у соседней москитную сетку для целой комнаты, развесила ее в гостиной, и мы могли сидеть под ней в безопасности (но в духоте, потому что через сетку не задувал ветер). Однако я не мог прибегнуть к этой защите, потому что Годо захотелось поговорить. Мы сели на крыльце и стали беседовать; я храбрился, но комаров приходилось бить ежесекундно, и после каждого укуса кожа вздувалась.

— Здесь жуткие москиты, — пожаловался я.

— Правда? Так сейчас же их особо и нет, — ответил Годо немного обиженным тоном: как это я критикую его город. Впрочем, он сидел с футболкой в руках и то и дело охаживал себя по спине, бокам и груди.

Мы поужинали фасолью с рисом и рыбой, обильно сдобренной луком, солью, пальмовым маслом и кинзой. У меня не хватало денег заплатить хозяевам за еду. Мы были вынуждены пользоваться щедростью и так небогатых людей.

Местные разузнали для меня, что следующий пароход до Умайта пройдет через два-три дня. Я расстроился: значит, мы еще застрянем в этом городе. Впрочем, Керен и Шеннон хотя бы отдохнут, и нам помогут со стиркой и готовкой. Еще мы надеялись, что нас посмотрит местный врач.

— Как я пойму, когда ждать корабля? — спросил я.

— *A gente vai escutar de longe, seu⁴ Daniel* ‘Издалека будет слышно, сеньор Даниэл’, — ответили мне загадочно.

Как же они услышат пароход так долго, что я успею собрать семью и упаковать вещи, да еще и вовремя прибежать на берег и покричать, чтобы пароход причалил? Может быть, все-таки стоило дожидаться самолета у нас, а не уплывать?

⁴ *Seu* — разговорная форма слова *senhor* ‘сеньор’ (прим. пер.).

Керен подозвала меня и сказала, что хочет вернуться и ждать самолета. Она выглядела здоровее, мыслила связно, и я подумал, что можно отправиться обратно наутро. Но в любом случае нам не дали дожидаться утра, потому что в два часа ночи меня разбудил Годофреду.

— *O recreio já vem, seu Daniel* 'Прогулочная лодка прибывает, сеньор Даниэл'. — Я до сих пор ума не приложу, почему они называли пароход прогулочной лодкой. Я встал было, чтобы начать собирать вещи и разбудить остальных, но Годофреду сказал:

— Расслабься. Еще нескоро подойдет. Давай сначала кофе выпьем.

За кофе я все больше волновался, что мы пропустим пароход и останемся здесь еще на неделю, а то и больше. Но когда мы допили, я услышал снаружи голоса: это, не дожидаясь просьбы, пришли мужчины помочь нам собираться. Они посоветовались минут пятнадцать, потом приделали гамаки к шестам; я в это время собирал наши пожитки. Керен и Шеннон снова уложили в гамаки, Сезария взяла на руки Калеба, я взял Кристин, кто-то еще подхватил наши тюки, и мы все пошли гуськом во влажную темноту, по направлению к пристани — через тучи мошкеры, освещая путь керосиновой лампой и парой фонариков. В городе не горело ни огонька. Но когда мы подошли к берегу, вдалеке, словно космический корабль, возник пароход; луч его прожектора сновал по берегам и речной глади, ища плавучие бревна, которые могут пропороть его дощатую обшивку, измеряя расстояние до берегов, выискивая смертельно опасные для него каменистые банки. Мы стали осторожно спускаться в темноте к мосткам, сиюсья хоть что-нибудь разглядеть при свете фонарика. Вдруг я услышал, как кто-то из мужчин оступился и покатился кубарем по ступенькам. Это был носильщик, который держал сзади шест с гамаком Керен. Но как только он упал, шест подхватил другой, так что Керен, похоже, и не заметила.

Мы помигали кораблю фонариками, чтобы к нам подошли. Он подплывал из черноты беззвездной, безлунной ночи, двадцать пять метров в длину и семь — в высоту; прожектор остановился на нас и смерил нас лучом — крошечных жалких землян на марсианском берегу.

Носильщики уложили Керен и Шеннон на нижнюю палубу трехпалубного корабля. Я положил вещи, завел на борт остальных детей, и мы отчалили. Вот так, внезапно, наши друзья из Аузилиадоры исчезли, сгнули в амазонскую ночь. Увидимся ли мы еще? Что с нами будет? Не в силах успокоиться, я поспешно развесил пять гамаков, которые нам дали займы соседи в Аузилиадоре: вдруг Калеб или Кристин упадет за борт, или кто-то наступит на Керен и Шеннон,

которых положили прямо на палубу, или у нас украдут то небольшое, что мы везли с собой. Развесив гамаки, я перевел всех на вторую палубу и перенес туда наши пожитки. Тюки я сложил под свой гамак, потом уложил детей спать и попытался заснуть сам. Я повесил гамаки вплотную друг к другу, чтобы сразу услышать, если кто-то проснется и позовет меня.

На верхней палубе корабля находился бар, под самой нижней — трюм. Сам корабль был грязный, палубы покрывал толстый слой бурой краски, поручни были выбелены, а корпус крашен в синий цвет. Все остальное было белое. Про такие суда я только читал, а воочию видел впервые. Всего на нем было порядка сотни пассажиров.

Пассажирские суда по всей Амазонии — будь то Бразилия, Перу, Колумбия или другая страна — строят примерно одинаково. Сначала строят прочную раму для корпуса из досок толщиной в семь-десять сантиметров; для них берут крепкое, хорошо переносящее воду дерево, например «китауба». Небольшие суденышки бывают обычно размером девять метров на три. Остальную часть обшивки для корпуса набирают из досок пять-семь сантиметров толщиной и законопачивают щели пенькой или канатом, смолят и красят. Канат и пеньку загоняют в щели мушкетом и конопаткой (это деревянный молоток вроде киянки и узкое железное зубило). Корпус судна (по-португальски *batelão*) должен выдерживать удары коряг, иногда больше него самого размером, которые попадают на реке в сезон дождей, а в сухой сезон без пробоев проходить мели и подводные камни.

Носовая часть нижней палубы отведена под хранение запасов, а кормовая — под машинное отделение и приводящий вал. Выше находится главная палуба, а над ней обычно — еще одна. Высота палуб такая, что внутри судна невозможно стоять выпрямившись. Наверху переборки, как правило, нет из-за жары — только невысокие выгородки и опоры верхней палубы. К потолкам прикреплены бруски, чтобы подвешивать гамак; если идет дождь, с краев верхних палуб свешивают брезент. В корпусах нередки течи, но в основном эти суденышки надежны и хорошо делают свою работу. А поскольку их конструкция, силовая установка и требования к эксплуатации одинаковы во всей Амазонии, то запасные части и ремонтников найти очень легко — если не отходить от этого стандарта. Если изменить конструкцию или поставить менее распространенную модель двигателя, то недолго и до беды: при первой же поломке или ремонте вам, возможно, придется прервать рейс и ждать помощи на берегу, потому что вам нужен особенный специалист или какая-нибудь нестандартная деталь, а их нет.

Построенный корабль переходит в собственность заказчика — как правило, более или менее состоятельного торговца. Служат эти суда как в пассажирских, так и в грузовых перевозках. Торговые суда ходят в джунгли за местным сырьем, которое продают индейцы и белые лесные жители кабокло в обмен на промышленные товары — спички, сухое молоко, мясные консервы, садовый инструмент, швейные принадлежности, листовой табак, выпивку, рыболовные крючки, охотничье снаряжение и лодки. Многие торговцы держат целые флотилии таких судов. Отправляются эти суда чаще всего из больших городов амазонского бассейна: Порту-Велью, Манауса, Сантарена, Паринтинса, Белена. Возвращаются они неизменно набитые бразильским орехом, копайским бальзамом⁵, ценной древесиной, природным каучуком и другими дарами джунглей, купленными у индейцев племен пираха, теньярим, апурина, надеб и других, а также у белых кабокло.

Матросы чаще всего тоже кабокло; обычная команда на таком судне состоит из двух-четырех человек, и они все умеют им управлять, поддерживать его на ходу и ремонтировать. Пока корабль плывет, матросы могут расслабиться, поболтать или полежать в гамаке. На остановках, напротив, они сами погружают и разгружают товары, чинят двигатель, заделывают течи, чинят приводной вал и винт и выполняют другие работы. Их жизнь похожа на жизнь Гекльберри Финна, только им выпадает больше изматывающего труда.

В жизни матросов-кабокло есть одно фундаментальное противоречие. Они дружелюбны и щедры, но у многих из них темное прошлое. Некоторые бегут на реку от городской жизни, к которой так и не смогли приспособиться, от неудачных браков, кредиторов, врагов, проблем с законом. На притоках Амазонки, в далеком и жестоким краю среди жестоких людей, выживают лишь люди с загрубелой душой.

Только я задремал, как Керен попросилась в туалет. У нее и у Шеннон все не проходила диарея. Во время нашего плавания я бесчисленное количество раз сажал их на горшок (который, к счастью, у нас был свой), накрывал одеялом от чужих глаз, а затем выносил горшок на корму в галюон, пробираясь через толпу пассажиров, собравшихся посмотреть на больных американцев.

Когда я вернулся из галюона, Шеннон вдруг сказала:

⁵ Копайский бальзам — прозрачная смола дерева копаифера, используемая в бумажной и лакокрасочной промышленности (*прим. пер.*).

— Папа, пожалуйста, прости меня.

— За что? — спросил я.

Я подошел поближе и по запаху понял, что она испачкала себя. На ее одежде и гамаке были пятна экскрементов. Моей дочке было очень стыдно и неловко; надо было лучше за ней присматривать. Я набрал ведро воды и повесил вокруг гамака одеяло, помыл ее и помог переодеться. Гамак я тоже вымыл и подстелил Шеннон одеяло, чтобы ей было немокро лежать. Она не переставала извиняться. Потом я вымыл грязную одежду и развесил по поручням просушиться.

Утром Калев и Кристин сказали, что им спалось хорошо. В обед я постарался всех накормить: усадил младших детей на банку у борта и принес им по маленькой тарелке риса с фасолью, который давали пассажирам. Только я пошел взять чего-нибудь себе, как за спиной раздался звук падающей тарелки и звон стекла. Это двухлетний Калев уронил свою тарелку. Ему было жалко и обидно. Я принес ему другую порцию и спихнул ногой за борт осколки. Потом спросил Керен, не хочется ли ей чего-нибудь. Она попросила холодной колы, и я купил ей на верхней палубе в баре. Когда все поели, я снова принялся хлопотать над ними.

На первое же утро после посадки на «рикрейю» я поговорил с владельцем судна, одноруким Фернанду. Он ходил в шлепанцах, как все в этих местах, и с голой грудью. Ростом он не дотягивал до метра восьмидесяти, сложения был некрепкого и с брюшком, как и всякий состоятельный бразилец. И хотя грозным его не назовешь, но на борту его слово — закон.

Про Фернанду мне рассказывали Сезария и Годофреду. По их словам, это был человек жесткий и без всякого снисхождения к бедным. Ради других он стараться не станет. Говорили, что некоторые его побаиваются, а его команда — человек двадцать, все крепкие мужчины — беспрекословно выполняет любые его приказы. Я задумался, что ему сказать; мне нужно было убедить его сделать мне большое одолжение, причем убедить на португальском.

— Здравуйте, — сказал я. — Моя жена очень больна, нужно как можно скорее доставить ее к врачу. Если вы сможете отвезти нас в Умайта на той моторной лодке, которую сейчас буксирует судно, я заплачу, сколько скажете.

— Лодка не сдается, — ответил он грубо, даже не повернувшись ко мне.

— Тогда я заплачу, сколько вы скажете, если вы сейчас пойдете прямо до Умайта, без остановок. — В тот момент мне было все равно,

что от прихода судна зависели здоровье и пропитание многих других людей и что если Фернанду примет мое предложение, кто-то другой может так же заболеть, как Керен, и не дожидается помощи.

— Слушай, товарищ, если твоей жене суждено умереть, она умрет. И все. Я для тебя маршрут не поменяю.

Не будь рядом матросов, я бы, наверно, его ударил. А так я просто вернулся к семье. Я не находил себе места и нервничал, как никогда раньше. Пока я обдумывал наше положение и молился, наше судно замедлилось. Я стал искать глазами причину этого и увидел, что мы остановились возле кучки домов на берегу: видимо, чтобы взять на борт новых пассажиров. Но тут мотор замолк. Тишина. Может быть, поломка, подумал я. И тут, к моему потрясению, все матросы во главе с Фернанду спустились с корабля, одетые в одинаковую футбольную форму. На вершине холма у реки была полянка, и на ней их ждала компания мужчин в форме другого цвета. Большинство пассажиров тоже сошли на берег посмотреть.

А потом два часа подряд я только и придумывал разные способы умерщвления этих молодцов за то, что они играют в футбол, пока мои жена и дочь умирают на борту их проклятой посуды. Я бы угнал корабль и оставил всех на берегу, но одному мне было не справиться. В моей голове крутились самые злые и жестокие мысли. Да, миссионер, вдохновленный Духом Святым, так думать не может. Скорее уж, так бы думал мой папа, ковбой, зачинщик салунных драк.

Наконец все вернулись на борт — со смехом, заигрывая друг с другом, — и мы были готовы продолжать плавание до Умайта. Что не так с этими людьми? — спросил я себя. Неужели в них нет ничего человеческого? Через много лет, когда раны, нанесенные этим путешествием, немного зажили, я стал понимать бразильский взгляд на вещи.

Тяготы, которые я испытывал, для меня были чем-то из ряда вон выходящим, а для пассажиров корабля это была просто жизнь и ее обычные трудности. Перед лицом жизни в панику не впадают, как бы страшно она ни была. Ты просто идешь ей навстречу — один. Хотя бразильцы всегда готовы помочь, за этим кроется очень ясное представление о том, что со своими трудностями надо справляться самому. По крайней мере, жители джунглей ведут себя именно так. Они как бы говорят: «Я-то всегда готов тебе помочь, но сам просить у тебя помощи не буду».

Дни на борту пароходика-рикрейю тянулись бесконечно. Как будто в плавучей тюрьме. Я пытался расслабиться, садился на банку рядом

с гамаком Керен и разглядывал растения и животных на берегу, медленно проплывавших мимо: корабль развивал всего узлов шесть. Невозможность уединиться с Керен и Шеннон, постоянные изучающие взгляды пассажиров давили на меня. Хотя люди в основном проявляли участие, все же было тяжело слышать, как о тебе говорят в третьем лице, как будто тебя рядом нет.

— Она же умрет, да? — спрашивала одна женщина другую.

— Конечно. Этот гринго такой дурак, что привез сюда семью. У них малярия.

Раз за разом слыша от всех, будто у Керен и Шеннон малярия, я чувствовал свое превосходство над местными, которые даже не подозревали, что на самом деле это тиф.

— Как она обгорела на солнце!

— Какая же у них белая кожа!

— У него уж точно денег полно.

Толки продолжались час за часом, сводя меня с ума.

Наконец, на третью ночь после посадки в Аузилиадоре, мы обогнули излучину Мадейры, и я увидел вдалеке по правому борту огни. Я не видел электрического света уже много недель. Огни городка Умайта прорезали темноту джунглей, напоминая мне, что, кроме пираха и реки Маиси, есть целый мир. Но главное, эти огни были знаком цивилизации, а значит, помощь недалеко. Корабль сбавил ход и стал подходить к городу поперек русла реки, а здесь ее ширина была больше мили. Было где-то три часа ночи.

Вот судно притерлось к берегу. Через метровый зазор между бортом и берегом перебросили хлипкую доску. Мне никто не помог перенести вещи или детей. Но во мне проснулись просто-таки дикие силы. Я подхватил тюки, взял на руки младших детей, перенес их на берег и завел в какую-то заброшенную хибару у дороги. На дороге стояли такси и ждали пассажиров.

Я сказал четырехлетней Крис:

— Жди здесь. Никуда не уходи. Сиди на сумках и никому не давай их унести. Я приведу маму и Шеннон. А ты присматривай за Калобом. Поняла?

Крис крепко спала, а сейчас полчетвертого, и она никак не может проснуться.

— Да, папа, — ответила она наконец, протирая глаза и оглядываясь по сторонам, пытаюсь понять, где же мы.

Я бегом поднялся обратно на борт; снял гамаки, уложил жену на банку, а с дочерью на руках спустился на берег, где ждала Крис.

Шеннон дрожала и стонала от боли. Потом я вернулся и поднял на руки Керен; она весила еще меньше, чем когда мы уехали. Я снес ее на берег и направился с ней сразу к одному из такси. Водитель помог мне побросать сумки в багажник, а сам я втиснул Керен и детей на заднее сиденье. Через несколько минут мы уже ехали в больницу.

Больница находилась на краю города, в кирпичном здании; она и сейчас там. Тогда стены были выкрашены в белый цвет, полы выложены плиткой. Я вынес вещи и отвел всех в приемный покой. Он освещался голыми лампами, свисавшими с потолка, за столом регистратуры никого не было. Все здание казалось заброшенным. Но это же больница! Я побежал по коридорам в поисках людей. Наконец я нашел мужчину в белом халате, который спал на столе для обследований. Я сказал ему:

— Моя жена больна. Думаю, это тиф.

— Тиф? Тут его не бывает, — сказал он, медленно поднимаясь.

Он прошел со мной в приемное отделение. Осмотрел Керен и измерил температуру ей и Шеннон.

— Ну что, — сказал он, — думаю, у них малярия. Но надо посмотреть. Я взгляну под микроскопом.

Он взял по капле крови у Керен и Шеннон и поместил на стекла. Рассмотрев их под микроскопом, он захихикал.

— Что смешного? — спросил я раздраженно.

— *Elas têm malária, sim. E não é pouco, não* 'Да, у них малярия. И серьезная, да'.

Он смеялся над тем, как я ошибся. И еще потому, что такую высокую концентрацию малярийных паразитов в крови, как у Шеннон и Керен, никогда не встречал, а он-то лечит малярию каждый день. Конечно, подумал я, болезнь зашла так далеко, потому что я по глупости не начал их лечить от малярии еще в индейском селении.

Врач отвел для Керен и Шеннон отдельную палату и поставил им капельницы с хлорокином. Крис, Калев и я расположились там же. Утром Керен, проснувшись, сразу попросила воды: ей, похоже, стало немного лучше. Шеннон тоже выглядела немного лучше и попросила принести ей колы. Потом Керен сказала, что ей нужна заколка, чтобы волосы не падали на лицо. Тогда она носила длинные волосы, до пояса, а я не удосужился взять с собой заколку или резинку для нее. Я пошел в регистратуру, где сидели две монахини: больница находилась в совместном ведении католической епархии местных властей. Я обратился к одной из них и спросил, нет ли у них заколки или ленты для Керен.

— *Olha, gente*, — воскликнула она, чтобы все слышали, — *esse gringo acha que somos uma loja aqui. Ele quer algo para o cabelo da mulher dele* ‘Нет, вы только посмотрите, этот гринго думает, что у нас тут магазин. Заколку для жены ему подавай’.

Я рос в нерелигиозной семье и не представлял, как некоторые католики ненавидят протестантов — и наоборот. Ее ответ очень обидел меня, особенно если вспомнить, как я был растерян и измотан. Но я знаю, что бедность порой заставляет подозрительно относиться к тем, кто богаче тебя: так, той монахине показалось, что я просто богатый гринго. Кроме того, все здесь считали, что американец — значит расист. Я знал о подобных стереотипах из книг, но никогда не сталкивался с ними сам. Мне не приходилось до сих пор быть жертвой предрассудков, но тогда и еще несколько раз за последующие годы я испытал это на себе.

В Умайта мне было не с кем поговорить. Парадоксально, но, хотя все считали нас богатыми, деньги у нас кончались. Мне и младшим детям было негде спать, потому что запасных коек в больнице не имелось. Мы подремали сидя, рядом с койками Керен и Шеннон, но утром я понял, что надо ехать в Порту-Велью.

Я узнал, что автобус на Порту-Велью отходит в одиннадцать часов. Тогда я решил отвезти младших в город и вернуться к жене и старшей дочери назавтра рано утром. Переезд автобусом для больных исключался: Керен едва могла пошевелиться от боли, Шеннон тоже мучалась болями. В больнице их кормили, вливали питательный раствор и лекарства от малярии. Поэтому я сказал Керен и Шеннон, что мы уедем и я вернусь наутро.

— Папа, не уезжай, — взмолилась Шеннон. — Мне без тебя тут страшно.

Керен же согласилась, что лучше всего будет отвезти малышей в Порту-Велью как можно скорее. Это более крупный город, и оттуда можно при необходимости даже отправить их в Штаты, потому что там есть гражданский аэропорт. Мы оба знали, что вызвать помощь по телефону нельзя: в штабе миссии телефона нет. В 1979 г. телефонов в Бразилии не было почти нигде. За домашний номер в городе приходилось платить по десять тысяч долларов или даже больше. Поэтому связаться с миссионерским центром ЛИЛ в двадцати километрах от города мы не могли.

Я вышел из больницы и пошел искать автостанцию. Город Умайта не был защищен от палящего солнца джунглями, и потому казался пыльным и унылым — просто застроенная пустошь на берегу реки

Мадейры. «Авгостанция», как я обнаружил, представляла собой домишко на главной улице со стойкой кассы в передней; отсюда было видно, как в задней комнате вся семья собралась у телевизора. Я купил три билета до Порту-Велью, на что ушли почти все оставшиеся деньги. Затем я вернулся за Крис и Калемом и попрощался с женой и дочерью.

За прошедшую неделю я спал всего часов пятнадцать. Я был измотан, на пределе телесных и душевных сил. Даже думать ясно не получалось. Мы с детьми забрались в старый проржавевший автобус до Порту-Велью и примостились, как могли. Ехать предстояло почти пять часов; на первой остановке я наскреб мелочи и купил нам воды и перекусить, а потом мы попытались поспать. Мы приехали в Порту-Велью почти в четыре часа дня. Я поймал такси, и мы, усталые, отправились в последний этап путешествия. Таксист, как и все остальные, пялился на нас: такое зрелище являли собой трое запыленных с дороги белых с американскими армейскими сумками. Я сказал ему везти нас в американскую колонию, как здесь называли комплекс миссии ЛИЛ.

Мы ехали через джунгли, не менее дикие, чем на берегах Маиси: как-то раз в прошлый приезд я вышел побегать и наткнулся на ягуара у дороги. Когда мы прибыли, я сразу пошел в ближайший дом. Жившие там миссионеры оплатили такси, а затем запустили «звонок по цепочке» (для внутренних звонков в центре проложили свою телефонную сеть из аппаратов «Белл», подаренных жертвователями). Вскоре уже все миссионеры возносили свои молитвы за Керен и Шеннон и предлагали помочь. Один предложил сразу же за ними поехать. Я отказался, сказав, что они еще слишком плохи (а мне надо было поспать; я валился с ног от усталости). Вместо этого я договорился, что наутро со мной слетают в Умайта пилот Джон Хармон и медсестра Бетти Крокер.

Мы вылетели из аэропорта Порту-Велью в семь утра. Лететь надо было час. Джон вел себя так, как будто ничего особенного не случилось: видимо, он думал, что я преувеличил степень опасности. Бетти старалась меня приободрить. Она работала в отделениях скорой помощи в крупных больницах в США, и я знал, что она в силах нам помочь. На подлете к аэропорту Умайта Джон связался по радио со станцией такси в центре города, что на полосу нужно подать машину. Когда мы сели, такси уже ждало нас с открытыми дверями, а водитель, широко улыбаясь, предложил помочь нам с багажом. Джон остался присмотреть за самолетом, а мы с Бетти поехали в больницу. Я весь издергался, не зная, чего ожидать и как мне жить дальше, если с Керен и Шеннон что-то случится, но нужно было ограждать себя от этих

мыслей, чтобы не сломаться совсем. Я сидел весь напряженный, все тело будто сжалось в комок, а к горлу то и дело подступали слезы.

Мы приехали, я заплатил таксисту и побежал в палату. Бетти попевала следом. С Керен и Шеннон, казалось, все было хорошо, хотя еще оставалась слабость и даже высокая температура, несмотря на капельницы с хлорокином, которые им ставили ночью. В этот момент я в первый раз заметил, как они обгорели на солнце, пока мы плыли в больницу. Кожа на лице у обеих покраснела и шелушилась.

Я спросил, можно ли отвезти их на аэродром в карете скорой помощи. Дежурный администратор ответил, что машину подадут хоть сейчас, если только я оплачу бензин. Когда мы клали наших больных в карету, я заметил, что Бетти очень серьезна и напряжена. Со мной она почти не говорила. В машине она сразу сделала Шеннон и Керен укол плазила — средства от тошноты — и закапала новальгину, обезболивающее и жаропонижающее⁶.

На аэродроме я увидел Джона, который как ни в чем не бывало читал книжку. «Скорая» подъехала задом прямо к грузовому люку в борту нашей «сессны». Мы открыли заднюю дверь, Бетти вылезла первой, а Джон все наблюдал за нами. Мы стали вытаскивать носилки Керен, и, когда Джон увидел, в каком она состоянии, он вдруг посерьезнел, развернулся и стал деловито, с невероятной скоростью, какую я никогда раньше не видел, вынимать из салона сиденья. Мы погрузили в самолет сначала Керен, потом Шеннон. Джон и Бетти внесли капельницы и закрепили их, чтобы поставить больным снова уже в полете. Джон сказал, что пристегнуть их невозможно, пусть лучше лежат прямо. Бетти сядет с ними и тоже не будет пристегиваться. В любом другом случае Джон не стал бы так серьезно нарушать правила безопасности полетов, но выбора не было. Не прошло и пары минут, а мы уже взлетали.

В Порту-Велью мы отвезли Керен домой к Бетти и положили в ее собственную постель: Бетти намеревалась наблюдать за моей женой круглые сутки. Шеннон мы отвезли в другой дом миссионерского центра, и там ее уже ждала другая медсестра. Сейчас, когда я пишу этот рассказ, мои глаза переполняются слезами благодарности и я вспоминаю доброту и профессионализм пилотов, медсестер, администраторов и всех остальных, кто нам помог. Я никогда не встречал более отзывчивых людей и, наверное, не встреччу.

⁶ Латиноамериканской марке «Плазил» в России соответствует церукал, а «Новальгине» — анальгин (*прим. пер.*).

Бетти отправила меня вместе со своим мужем Дином в город за врачом.

— Ищите доктора Маседу, — сказала она. — Говорят, он хороший врач.

Мы вдвоем отправились за этим доктором Маседу и нашли его там, где и говорила Бетти, — в его кабинете, находившемся в одном из переулков.

Я сказал доктору: *«Minha esposa tem malária. O senhor foi recomendado como um médico muito bom»* ‘У моей жены малярия. Вас рекомендовали как очень хорошего врача’.

Доктор Маседу был очень худой мулат; его манера держаться выдавала в нем ум и уверенность в собственных знаниях. Он рассказал, что до недавнего времени служил министром здравоохранения по всей территории Рондонии (это было еще до того, как ее выделили в отдельный штат), и заверил, что поедет с нами немедленно. Дорога обычно занимала полчаса, но мы уложились в двадцать минут — и это по раскисшей грязи, в сезон дождей. Войдя в дом, доктор Маседу направился сразу к Керен. Он установил, что у нее опасно снизилось давление и что болезнь слишком тяжелой формы, чтобы лечить Керен дома.

— Ее нужно сейчас же везти в больницу, — решил он.

По лицу Бетти было видно, что она предполагала это с самого начала, как только мы привели доктора. Он же добавил, что Керен нужно срочно перелить кровь. У нее первая группа, резус-положительная, а значит, донора найти будет легко. Действительно, многие работники центра вызвались стать донорами, когда им рассказали об этом по еще одной эстафете звонков. Доноры должны были сразу поехать с доктором в город, а я — остаться с Бетти и Керен ждать машину «скорой», которую доктор отправит за нами.

— Послушайте, дело плохо, — сказал мне доктор, отведя в сторону. — Вашу жену привезли слишком поздно. Она весит килограмм тридцать пять, так она исхудала. И малярия все еще отравляет ей кровь. Боюсь, она может погибнуть. Если есть родственники, звоните сейчас.

Я ничего не мог ответить и только смотрел на него. Он ушел, а я обратился к сестре:

— Бетти, неужели правда все плохо?

— Мы ее теряем, Дэн, — ответила она со слезами на глазах.

Я сказал, что как только мы доберемся до города, я пойду на телефонный узел и позвоню родителям Керен, Элу и Сью Грэм; они жили в городе Белен, где уже несколько десятков лет служили миссионерами.

Через час приехала «скорая»; Бетти уехала в ней с Керен. Я поехал следом на машине миссии, но перед отъездом еще раз зашел к дочери: жар и боли еще не прошли, но в целом ей было лучше.

Я был словно в оцепенении и никак не мог поверить, что жизнь Керен в опасности. Я потерял мать, когда мне было одиннадцать; она не дожила до тридцати. Младший брат утонул в шесть лет, мне тогда исполнилось пятнадцать. Разве не хватит на одну жизнь? Неужели теперь умрет моя жена?

Керен положили в скудно освещенную палату захудалой частной клиники в центре города. Сестры сразу же стали переливать сданную донорами кровь. Хранили ее в старом морозильнике в коридоре, так что она сильно охладилась. Когда эта ледяная волна пошла по венам, Керен закричала от боли. Тут же ей стали капать хинин, а для этого потребовалось больше кислорода. Я пробыл там пару часов и уехал к детям, оставив Бетти с женой.

Родители Керен приехали на следующий день. Мама, Сью Грэм, осталась с нами на полтора месяца и выхаживала ее. Присутствие Сью оказалось самым важным для нас: она неустанно заботилась о Керен и о детях, живших у миссионеров ЛИЛ, чтобы они хоть немного чувствовали себя как дома. Первые две недели Керен лежала в реанимации, и наконец доктор заверил меня, что она выживет и, возможно даже, полностью восстановится. Шеннон выздоравливала быстрее, хотя иногда ей становилось хуже.

Однажды вечером, когда дочь уже шла на поправку, я разрешил ей покататься по нашей территории на велосипеде с приятелями (мы все еще жили в миссии). Не успели они отъехать, как я услышал звук падения и сдавленный крик Шеннон, перешедший в плач. Она вернулась домой с рассеченным лбом, надо было накладывать швы; и тогда, глядя на ее исхудавшие руки и ноги, я понял, что ей сейчас по силам разве что небольшая прогулка пешком.

Когда Сью уехала, стало ясно, что Керен все еще нужна ее забота. Поэтому, когда они с Шеннон еще немного восстановились, я отправил всю семью в Белен набираться сил под присмотром Сью и Эла. К пираха я вернулся один.

Спустя почти полгода отдыха и восстановления Керен и Шеннон были вновь готовы вернуться к пираха, и младшие дети тоже. Все они набрали свой привычный вес и были в хорошей физической форме. А Керен хотела снова окунуться в невероятный язык пираха.

Так началась наша тридцатилетняя эпопея в племени пираха.

ГЛАВА 4

Порой мы ошибаемся

Когда Керен и Шеннон угрожала гибель от малярии, я понял, что в мировоззрении пираха есть некие важные особенности, которые я не понимал или неверно оценивал. Меня очень обижало, что пираха не проявили сочувствия к моей беде.

Тогда я был весь поглощен случившимся несчастьем и не мог представить себе, что индейцы проходят через такие же испытания постоянно. И им приходится хуже, чем мне. Каждому индейцу приходится смотреть, как умирают его близкие. Они видят мертвые тела своих родных, могут до них дотронуться, хоронят их в лесу недалеко от селения. У них нет ни врачей, ни больниц, которые бы вылечили большинство заболеваний, как у нас. Когда кто-то из племени тяжело болен, так что уже не может трудиться, то, даже если его болезнь легко излечима нашими методами, все равно высока вероятность, что он умрет. А на похоронах у пираха соседи и родственники не приносят еду для гостей. Если умерла ваша мать, ваш ребенок, муж, то вам все равно надо охотиться, ловить рыбу и собирать плоды. Никто за вас этого не сделает. Жизнь не снисходит к смерти. Индейцам негде брать лодку, чтобы отвезти свою семью к врачу. Да и в городе им вряд ли кто-то поможет, даже если они до него доберутся. Но и сами индейцы не примут помощь чужака.

Пираха неведомо, что белые люди на Западе живут почти в два раза дольше. Более того, мы не просто ожидаем, что проживем дольше, мы считаем, что это наше право. Американцам в особенности чужд этот стоицизм индейцев. И дело не в том, что пираха равнодушны к смерти. Индеец так же, как и я, способен много дней плыть за помощью, если от этого зависит жизнь его детей. Меня не раз будили по ночам отчаявшиеся индейцы и умоляли прийти поскорее вылечить больного ребенка или жену. Боль и волнение, которые читались в их лицах, были ничуть не слабее, чем у других людей. Но я никогда

не видел, чтобы пираха вели себя так, будто все вокруг обязаны ему помогать в беде или нужно перестать заниматься обычными делами только потому, что кто-то болен или при смерти. Это не черствость, а здравый смысл. Впрочем, я этому отношению к жизни пока не научился.

В дождливый сезон речные торговцы каждый день поднимаются из реки Мармелус в Маиси в поисках бразильских орехов, «сорва» (сладких плодов каучукового дерева «коума»), палисандра и других товаров. Выглядело это всегда одинаково. Сначала вдалеке слышалось «тах-тах-тах» дизельного двигателя. Иногда корабль проходил мимо, не останавливаясь, но такое случалось редко. Я боялся их прихода, потому что они мешали исследованиям, а часто еще и забирали работать моих лучших учителей на несколько дней, а то и недель. Это очень замедляло мое продвижение в языке.

Причалит корабль или нет, я узнавал заранее: если планировалась остановка, штурман звонил в звонок, чтобы машинист замедлил ход, и происходило это как раз, когда они проходили нашу хижину. Затем следовали еще два звонка, мотор затихал, и кораблик, лишенный собственного хода и медленно увлекаемый течением Маиси, держа идеальный угол к берегу, подходил задом к бревенчатому плоту, который я соорудил возле нашей хижины в качестве одновременно дебаркадера и купальни.

Обычно я ждал, пока корабль пришвартуется, и индейцы сбегутся к нему посмотреть, какие *mercadorias* (порт. 'товары') привез торговец. Ведь все равно потом ко мне прибежит индеец и скажет, что белый бразилец хочет поговорить со мной.

Очень скоро я уяснил себе, что отклонять подобные приглашения здесь считается грубым, — и неважно, что в бойкий день у нас швартовалось по три-шесть судов, и каждый торговец считал нужным не меньше получаса беседовать со мной, зачем и почему он приехал в этот раз. И не то чтобы мне не нравилось с ними разговаривать. Наоборот, мне было очень интересно общаться с ними и их семьями, которые часто сопровождали их в рейс. Это были суровые первопроходцы, во всем крепкие и самостоятельные: Силверии, Годофреду, Бернар, Машику, Шику Алекрин, Роману, Мартинью, Дарсиэл, Арманду Колариу...

Им же нравилось со мной беседовать по нескольким причинам. Во-первых, они в жизни не видели никого блее меня, а тогда я еще и носил длинную рыжую бороду. Во-вторых, я забавно говорил: мой португальский был больше похож на говор Сан-Паулу, чем на их

амазонский диалект, да еще и гласные я то и дело произносил на американский лад. В-третьих, у меня было много лекарств, и торговцы знали, что если им случится заболеть, то я не попрошу денег за лечение. Наконец, они думали, что я «патран» (*patrão* — владелец, хозяин) индейцев. Я все-таки белый и говорю на их языке. Для торговцев этого было достаточно, чтобы признать меня главным на этой территории. В конце концов, хотя мне с ними и было приятно общаться, они все как один расисты и считали пираха недоллюдьми.

Сначала я пытался их убедить, что индейцы — такие же люди, как и они сами:

— Они пришли сюда до вас, пятьсот лет назад, из Перу.

— Как это — пришли? Я думал, они здесь просто водятся, как обезьяны, — отвечал мне обычно такой торговец.

Они часто сравнивали пираха с обезьянами. Я думаю, что расисты во всем мире одинаково привыкли уподоблять какую-то одну группу *Homo sapiens* более примитивным приматам, то есть называть их обезьянами. Речники Амазонии считали, что индейцы кудахчут, как куры, и гримасничают, как обезьяны. Я пытался их переубедить, но бесполезно.

Поскольку торговцы считали меня хозяином племени пираха, они нередко просили меня дать им несколько индейцев на работы. Но я, конечно, был никакой не «патран» и поэтому говорил, что им придется договариваться с пираха самим.

Пираха общались с ними при помощи жестов и нескольких заученных фраз на португальском, а иногда вставляли кое-какие понятные и им самим, и торговцам слова из «лингва жерал» (*Lingua geral*), то есть «общего языка», который еще называют «нъенгату» (*Nheengatu*) — добрый язык. Это упрощенный язык на основе тупинамба — индейского языка, который сейчас вымер, а раньше был широко распространен на всем побережье Бразилии.

Однажды, часов в девять вечера, когда мы с женой уложили детей и сами готовились ко сну, в селение пришло незнакомое судно. Индейцы прокричали мне, что хозяина корабля зовут Роналдинью. Конечно же, он хотел поговорить со мной, так что я встал и пошел к нему на корабль. С самого начала все это выглядело подозрительно. На борту не было решительно никакого товара для обмена, хотя сам корабль был относительно большой — метров пятнадцать в длину и шесть в ширину, с полноценной палубой поверх трюма.

Я уселся на носу, Роналдинью сидел на корме, а индейцы расположились по бортам.

— Я хотел узнать, можно ли тут взять восемь человек на делянку вверх по течению собирать бразильский орех, — начал гость.

— Меня спрашивать не надо. Это не мое дело. Говорите с пираха.

Он мне подмигнул, как будто мы с ним договорились обставить все так для вида. Тогда я сказал ему то, что меня просила говорить торговцам Апоэна Мейрелис — директор отделения Бразильского национального фонда по делам индейцев, ФУНАИ, в Порту-Велью:

— По закону надо только, чтобы индейцы согласились на вас поработать и чтобы вы платили за собранный урожай по рыночной цене или по крайней мере не ниже минимальной заработной платы.

— Но у меня нет денег, — ответил Роналдинью.

— А им деньги и не нужны. Платите товарами, — предложил я.

— Ладно, — пробормотал он нехотя.

Я снова осмотрелся. Может быть, он держит товары в трюме (*porão* по-португальски).

— Кашасой платить нельзя, — предупредил я (кашаса — это бразильская тростниковая водка). — Директор фонда ФУНАИ говорит, что за это сажают на два года.

— Нет, что вы, я и не думал, сеньор Даниэл, — пообещал Роналдинью. — Это другие их спаивают, но я не такой, я не обманщик, слава богу.

Врешь, подумал я. Но сказал только, что пойду спать.

— *Boa noite* ‘Спокойной ночи’, — сказал я на прощание.

— *Boa noite*, — откликнулся он.

Я вернулся в хижину и скоро заснул, хотя мой сон не раз прерывали взрывы хохота с корабля. Я был уверен, что торговец напоил индейцев, но не хотел стоять над ними, как цербер. У меня не было сил, да и не мое это дело.

Около полуночи меня разбудили громкие крики. Первое, что я разобрал, было:

— Я не боюсь убить американцев. Белый бразилец сказал их убить, и тогда он даст нам новое ружье.

— И ты их убьешь?

— Да, во сне застрелю.

Голоса доносились из-под покрова джунглей, метрах в тридцати от хижины. Большая часть мужчин в селении уже напилась кашасы, но, оказывается, Роналдинью не только напоил их. Он еще и подстрекал индейцев убить нас и обещал за это новое оружие. Я сел на кровати, Керен тоже проснулась и села.

Это было в нашу вторую поездку к индейцам. В тот раз мы непрерывно жили в селении уже более полугода, и я достаточно сносно понимал их язык, чтобы разобрать: они обсуждали, как нас убить, и подбивали на это друг друга. Я понял, что если я не вмешаюсь, непоправимое может случиться очень быстро. Дети мирно спали в гамаках и не подозревали, какую опасность навлекли на них родители.

Я откинул москитную сетку с кровати и против обыкновения вышел из хижины в темноту без фонарика, чтобы не привлекать внимания. На мне были только шорты и шлепанцы. Я осторожно пробрался через джунгли к той хижине, где индейцы сидели и набирались смелости нас убить. Меня страшила и другая опасность — наступить в темноте на змею, хотя идти предстояло всего полсотни шагов.

Я не знал, чего ждать от индейцев. Услышанное потрясло меня, и я уже не представлял себе, что будет дальше. Быть может, они сразу меня застрелят, но я не мог допустить, чтобы моя семья просто ждала, пока придут их убивать.

Я нашел, где они сидели — в домике, который когда-то построил Виченцо. Заглянув в щель между досками, я увидел, что они собрались вокруг неяркого огонька «лампарины» — маленькой керосиновой лампы, которая есть у всех в Амазонии: это небольшой сосуд с керосином, из которого сквозь узкое отверстие высунут плотняный фитиль, как у волшебной лампы Аладдина. «Лампарина»

светит тусклым оранжевым светом; ночью в этом свете лица людей приобретают зловещий вид, лишь едва выступая из темноты.

Я затаил дыхание и стал соображать, как мне зайти, чтобы не спровоцировать стычку. Наконец я соорудил на лице улыбку и просто вошел в домик, старательно проговаривая, насколько мог, на языке пираха: «Привет, друзья, как поживаете?»

Продолжая говорить незначащие фразы, я обошел домик и собрал разложенные луки и стрелы, пару мачете и два дробовика. Индейцы смотрели на меня осоловелыми от выпивки глазами и молчали. Не успели они опомниться, как я забрал все оружие и быстро, не говоря ни слова, вышел из хижины, унося все с собой. У меня не возникло иллюзий, что моя семья теперь в безопасности, но хотя бы немедленную угрозу я немного отвратил. Оружие я отнес к нам домой и запер в кладовке. Торговец, напоивший индейцев кашасой, спал в кораблике, который так и стоял пришвартованным к плоту у нашей хижины. Я решил прогнать незваного гостя, но сначала надо было позаботиться о семье.

Я отвел их в кладовку; это было единственное помещение в доме с четырьмя стенами и замком на двери. Там было темно, и нам не раз приходилось убивать заповзавших туда змей и крыс, не говоря уже о многоножках, тараканах и тарантулах. Но дети не слышали, что творилось этой ночью и не понимали спросонья, что происходит; поэтому они, не сказав ни слова, сразу улеглись на полу. Керен заперла дверь изнутри.

Потом я спустился к реке, с каждым шагом распаяясь все больше. Но пока я шел, я вдруг осознал, что нигде не видел моего учителя Кохой или его ружье. И стоило мне это вспомнить, как из кустов на берегу, у меня за спиной, раздался его голос:

— Я тебя убью.

Я повернулся на голос. Вот, сейчас он всадит мне в голову или в грудь заряд дробы. А Кохой нетвердой походкой выбрался из кустов — невооруженный, с облегчением заметил я.

— Почему ты хочешь меня убить? — спросил я.

— Потому что белый бразилец сказал, что ты нам мало платишь и еще что ты ему велел не платить нам за работу.

Мы говорили на языке пираха, хотя свою первую угрозу он произнес на ломаном португальском: «*Эу матá босé*» ‘Я убить тебя¹’.

¹ Порт. *eu* ‘я’, *matar* ‘убивать’, *você* ‘ты (вежл. разг.)’, *вы*’ (*прим. пер.*).

Если бы я не понимал их язык, я бы тогда погиб. Я старался изо всех сил, чтобы Кохои хорошо понял, что я хочу сказать на его языке. Наши слова раздавались отрывистым стаккато из-за особого звука гортанной смычки, которого нет в английском. Я сказал:

— *Хаóи xihiabaihiaba. Piitíси xihixóhihaagá* ‘Чужак не платит. Водка дешевая’.

— *Xumh! Хаóи bagiaíikoí. Hiatihi xogihíaba хаóи* ‘Вот как! Чужак крадет у нас. Племя не хочет его’.

— Это бразилец не хочет вам платить, — продолжил я. — Он хочет только давать вам горькую воду. — Так пираха называют кашасу, бразильскую водку из сахарного тростника. — Потому что она ничего не стоит. А я ему сказал дать вам муки, патронов, сахара, молока и других припасов, но ему жалко.

Пираха не понимали, к чему клонит белый торговец, потому что почти не говорили на португальском. Только несколько человек в селении знали больше пяти-десяти слов и выражений. Ни один индеец не смог бы объясниться на португальском, кроме как при торговле.

Разговаривая, мы спустились дальше к реке. Тут из надстройки на палубе, где была каюта, выглянул Роналдинью и с удивлением обнаружил меня.

Вдруг Кохои крикнул ему: «*Пираха́ мамá босé!*»

Роналдинью изменился в лице и исчез в каюте. Потом мотор кораблика затарахтел и завелся. Торговец попытался отчалить, но в панике он забыл отвязать конец, и судно не могло стронуться с места. На палубе спал кто-то из индейцев; Роналдинью спихнул его в воду, добрался до каната и обрубил его своим мачете. Потом он молча вернулся в каюту и направил корабль прочь, вниз по течению.

Тукан — индеец, которого Роналдинью сбросил в реку, — вылез из воды, весь мокрый и полусонный. Тут я услышал голос Керен: она вышла на берег посмотреть, что случилось, но ее окружили несколько мужчин, и среди них Ахоабиси — тот, который больше других порывался нас убить. Они стали теснить ее к реке. Я побежал обратно. В это мгновение во мне не осталось ничего от миссионера, лингвиста и просто от культурного человека. Я был готов разорвать кого угодно. Индейцы попятились, бормоча пьяные проклятия, и скрылись в ближайшей хижине. Тут я заметил, что все селение было погружено в темноту; оказалось, что женщины забросали глиной очаги, всегда горевшие в домах, и ушли в джунгли, подальше от своих мужей.

Я сказал Керен вернуться в кладовую, и она сразу зашагала назад. Мы дошли до дома вместе, и когда она отперла кладовую, я взял оттуда один дробовик, который до того отобрал у индейцев. Я проверил, что в нем нет патронов — чтобы никого нечаянно не подстрелить, — и, хотя был измотан, сел в гостиной на скамейку и стал караулить.

К нашей хижине той ночью подходили не раз, но всякий раз я слышал, как одни индейцы предупреждали других: «У Дэна теперь есть много оружия». К утру визитеры приходили уже не драться, а обмениваться товарами: ведь у меня имелись мясные консервы. Индейцы знали, что я их боюсь, и хотели надавить на меня и вытребовать еду. Впрочем, их воинственность еще не испарилась, но теперь они задирали друг друга.

Внезапно их интерес к нам пропал, и они заспорили между собой. Ко мне подошел Ахоapati, еще один мой учитель языка, и стал извиняться за то, что они нам угрожали. Язык у него заплетался: «*Ko Xoo. Hiaitíihí hí хааарарааааí баááááábikoí. Ваíа... баíа... баíа... баíа, баíаíсахá. Тí хаáóрíhíabííííígá*» ‘Слушай, Дэн, у нас голова очень бо-бо-болит. Ты не... не... не... бойся. Я не се-се-сержусь’. Его шорты были запачканы испражнениями, и у него текло по ногам. Правая половина лица была измазана соплями.

Тут Абаги стал прямо перед нашим домом задирать какого-то подростка, размахивая мачете. Мимо нас пролетела стрела: незнакомый индеец выстрелил в другого, но промахнулся. Он стоял возле угла хижины Кохои, метрах в шести от нашей. В меня не стреляли.

Наконец мои силы иссякли. Хотя опасность еще не миновала, в четыре утра я ретировался в кладовую, чтобы урвать часок-другой сна. Оттуда было слышно, как к нам заходят индейцы и дерутся: в передней, в спальне, под дверью кладовой. Но у меня уже не было сил что-то сделать. Хотелось только спать.

Утром мы с опаской покинули свое убежище. После ночи на голых досках все болело. В неясном свете раннего утра мы разглядели брызги крови на стенах и маленькие лужицы на полу во всех комнатах нашей хижины. Наши белые простыни тоже были запачканы кровью. По селению расхаживали мужчины, демонстрируя знаки отличия, добытые той пьяной ночью: загаженные шорты, синяк под глазом, кровоподтеки и ссадины. Шеннон и Кристин испугались кровавых пятен, а Калев был еще маленький и не понимал, что произошло. Но к нам никто не подходил. Индейцы старательно обходили нашу хижину стороной.

К вечеру, проспавшись, мужчины племени пришли к нам извиняться, а женщины стояли в сторонке и подсказывали им, что говорить. За мужчин взял слово Кохои:

— Нам очень жаль. Когда выпьем, у нас головы сносит, и мы делаем плохо.

И ведь не шутит, подумал я.

После всего случившегося я не мог понять, можно ли им верить. Но они, похоже, раскаивались искренне. А женщины тем временем стали кричать нам:

— Не уезжайте! Нашим детям нужны лекарства. Оставайтесь! Здесь полно рыбы, дичи, а в реке вода такая хорошая!

Наконец мы согласились с их разумным предположением, что нас убивать не надо, потому что мы друзья.

— Слушайте, пейте что хотите, делайте что хотите, — сказал я. — Это земля племени пираха. Не моя. Не я здесь главный. Здесь главные — пираха. Это ваша земля. Но вы испугали моих детей. Если вы хотите, чтобы я остался, не смейте угрожать мне и моим детям. Ясно?

— Ясно! — ответили все как один. — Мы обещаем тебя не пугать и не нападать на тебя.

Хотя все племя извинилось и заверило меня, что подобное не повторится, я понимал, что должен докопаться до истины и узнать, что же на самом деле случилось той ночью. Нужно было понять, почему они вообще задумали убить нас. Я ведь их гость, и если это я чем-то их обидел до такой степени, что они решились на убийство, то нужно выяснить, что я натворил, и больше так не делать.

Я решил поподробнее обсудить это происшествие с несколькими мужчинами. Но Ахоабиси, похоже, сердился — и мрачнел всякий раз, когда я приближался к его дому. Надо было его разговорить и узнать, что же я сделал не так.

Однажды я пришел к его хижине с термосом сладкого кофе, чашками и кульком печенья.

— Эй, скажи собакам не лаять на меня! — прокричал я ему, как принято у пираха, когда приходишь в гости. — Кофе будешь? Сладкий, с печеньем!

Ахоабиси улыбнулся и велел мне заходить. Он прикрикнул на собак — с полдюжины мелких шавок, на вид вроде крыс, но бесстрашных и свирепых (у индейцев я видел, как эти малютки набрасывались на диких кошек и кабанов, защищая хозяев), — и собаки уселись у его ног, рыча и тьяквая, но до поры не пытаюсь мне что-нибудь оттяпать.

— Ты злишься? — спросил я.

— Нет, — ответил он, сделав глоток кофе. — Племя на тебя не сердится. (У индейцев пираха обычное дело высказывать свое мнение, как если бы оно исходило от всего племени, даже если речь идет только о них самих.)

— Прошлой ночью мне казалось, что ты очень злился.

— Тогда злился. Сейчас нет.

— А почему ты злился?

— Ты сказал бразильцам не продавать нам водку.

— Да, — признался я. — В ФУНАИ сказали, что здесь продавать водку нельзя. Ваши женщины просили меня не разрешать никому продавать вам выпивку. (Индейцы имеют представление о ФУНАИ и встречались с его сотрудниками, когда те сюда ездили. Они видели, что у ФУНАИ есть какая-то власть над белыми бразильцами, которые сюда приезжают.)

— Ты не из племени, — объявил мой собеседник. — Ты мне не будешь говорить, чтобы я не пил. Я из племени пираха. Это лес племени пираха. Не твой. — Он начинал горячиться.

— Хорошо, — ответил я, сожалея, что в языке пираха нет слова «извини». — Я тебе не стану указывать, что делать. Это не мой лес. Но мои дети испугались, когда пираха напились пьяными. И я испугался. Если вы хотите меня прогнать, я уеду.

— Я хочу, чтобы ты остался, — ответил Ахоабиси. — Племя хочет, чтобы ты остался. Но не указывай нам, что делать!

— Не буду указывать, — пообещал я; было неловко, что у него сложилось такое впечатление обо мне.

Мы еще немного побеседовали на более легкие темы: рыбалка, охота, дети, торговля. Потом я встал и ушел к себе, забрав пустой термос и чашки. Я чувствовал, будто меня пристыдили. Тогда я понял, что неверно истолковал то, как меня принимали пираха, и этим едва не накликнул беду: я вообразил, что раз я миссионер, то для них я непременно покровитель, облеченный властью. Ведь жены самых падких на выпивку индейцев — Ибаихои'ои (*Xibaihóixoi*, жена Кохоибихиаии), Иабикабикаби (*Xiabibikabi*, жена Каабоогги), Баигипохоаи (*Báigipóhoái*, жена Ахоабиси) и Иако (*Xiako*, жена Аикайбаи) — рассказывали мне, будто прежние миссионеры Арло Хайнрикс и Стив Шелдон не разрешали продавать выпивку.

Когда я позже рассказал это Арло и Стиву, они рассмеялись и сказали, что никогда не указывали индейцам или торговцам-речникам, что им можно, а чего нельзя. Видимо, женщины солгали мне потому,

что не хотели, чтобы их мужья пили, и видели во мне единственную надежду. Но, конечно, это было не мое дело. Я не сторож всему племени. Самонадеянно согласившись на их просьбы, я навлек опасность на себя и свою семью, да еще и поставил под угрозу свои отношения с племенем. Я еще не совсем понимал этот народ.

Несколько недель спустя приплыл другой торговец и тоже наполнил индейцев. Я это понял, только когда он уплыл, потому что из селения исчезли все мужчины. Через пару часов я стал слышать смех, а затем вопли и похвальбу, какие они храбрые и сильные; один даже сказал кому-то: «Я тебе надеру задницу». Это были обычные пьяные разговоры, как в любой другой стране мира. Мой отец, ковбой и гуляка, когда напивался, вел себя практически так же, как индейцы пираха.

Впрочем, нас это не сильно утешало. У меня не было сил еще на одну ночь пьяного дебоша. Поскольку еще не стемнело, мы с Керен решили собрать припасов на день, поплыть вверх по реке к Априжиу (*Aprigio*) — это примерно пятнадцать минут на моторной лодке — и остаться у него переночевать. Априжиу и его семья были индейцами народности апурина. Его родителей поселили на реке Маиси бразильские власти, чтобы они помогали наладить общение с пираха. Пока мы укладывали вещи, к нам вдруг пришел Кохои с охапкой ружей, луков и стрел.

— Вот, — сказал он, улыбаясь, пьяным голосом. — Теперь не бойся. Вот тебе ружья.

Я был, конечно, в чем-то тронут этим поступком. Но индейцам явно было не по себе из-за того, что мы могли видеть их пьяные выходы. Поэтому мы решили все равно съездить к Априжиу, чтобы снять напряжение и не подвергаться опасности. Мы не ожидали, что столкнемся с пьянством и дебошами среди индейцев; позже предыдущие миссионеры рассказывали нам, что не замечали у пираха ни запойного пьянства, ни чрезмерного насилия. Однако до нашего приезда это селение оставалось «нетронутым» миссионерами почти три года, даже целых четыре, если не считать нашу первую, вынужденно прерванную, поездку в 1979 г. и мой визит дней на десять за пару лет до того. Значит, положение изменилось, когда сдерживающего фактора в лице миссионеров в селении не было.

Мне кажется, что я особенно не задумывался о культуре индейцев пираха потому, что поначалу разочаровался в ней. Пираха не носят головных уборов из перьев, не проводят сложных ритуалов, не раскрашивают тело красками, и вообще у их культуры нет экзотических

внешних проявлений, как у многих других племен Амазонии. В тот момент я еще не понимал, что культура племени пираха так же уникальна, как и их язык. Их культура была консервативна, и в ней была сила, хотя и неявная; она проникала во все пласты их языка. Но поскольку я этого еще не понимал, то жалел себя, сокрушаясь, что мог бы работать с «более интересным народом».

Часто я видел, как мужчины целыми днями ничего не делали, а только сидели вокруг тлеющего костра, болтали, смеялись, выпускали газы и таскали из огня печеный сладкий картофель. Иногда к этой программе добавлялся еще один номер: они дергали друг друга за гениталии и ржали, как будто первыми на всей земле придумали этот изумительный трюк. А я надеялся, что попаду в деревню, как на картинке с занятий антропологией: деревни племени яномами — открытые хижины, построенные вокруг поляны, или деревни народа же, напоминающие в плане тележное колесо, с домами на концах спиц колеса. Селения пираха, напротив, как мне казалось, были никак не организованы, зарастали травой, а в траве копошились жуки и змеи. Неужели пираха не могут хотя бы содержать дома в чистоте? Мне приходилось видеть, как индейцы пираха спали, а по ним маршировали сотнями мигрировавшие тараканы или ползали тарантулы.

Этот образ жизни должен был скрывать в себе нечто большее, недоступное моим поверхностным наблюдениям. И я решил провести анализ их культуры по возможности тщательно. Я стал наблюдать за ними и расспрашивать их. Для начала я изучил их повседневную жизнь, отношения в семье, устройство дома и селения, воспитание и социализацию детей и так далее — по справочникам для антропологических исследований, которые имелись под рукой. Затем я хотел поближе рассмотреть их веру в духов, мифы и религию. После этого — проанализировать строение общества и, наконец, на основе своих наблюдений сформулировать теорию о том, что делает индейца пираха индейцем пираха. В то время я знал только азы антропологии, поэтому двигаться во многом предстояло на ощупь.

ГЛАВА 5

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА. ОТСУТСТВИЕ РИТУАЛОВ

С самой первой встречи я хотел лучше понять культуру пираха. Тогда я думал, что стоит начать с простого — с материальной культуры, а не, скажем, с верований и моральных ценностей. Поскольку большую часть времени дома они проводили в хижинах, я захотел увидеть, как их строят. И однажды такая возможность представилась: Аикайбаи решил построить себе новый дом. Он собрался строить дом более капитального типа, который называется *kaii-ii* ‘дочерняя’.

Хижины пираха устроены удивительно просто. Кроме «дочернего» дома, есть еще одна разновидность, *xaitali-ii* ‘пальмовая’, менее капитальная. «Пальмовая» хижина строится обычно на пляже, чтобы давать тень, и состоит просто из нескольких шестов, поддерживающих крышу, крытую любыми широкими листьями — но чаще пальмовыми. Их строят только чтобы дать детям побыть в тени. Взрослые могут спать просто на песке и сидеть под солнцем круглый день, иногда только втыкают перед собой в песок ветки и прячутся в их тени. «Дочерняя» хижина крепче, хотя и ее, как и более хлипкую «пальмовую» постройку, бывает, сносит ураганом. Просто, чтобы свернуть более основательную хижину, нужен порыв огромной силы, а пальмовые временки падают и от простого дуновения ветра.

Жилища пираха демонстрируют важные различия между нашей и их культурой. Когда я думаю об этих хижинах, я вспоминаю мысль Генри Дэвида Торо, которую он высказывает в книге «Уолден, или Жизнь в лесу»: все, что на самом деле нужно человеку, — это ящик, который можно носить с собой, чтобы прятаться от стихии. Индейцам не нужны стены для обороны, потому что их защищает селение: каждый житель селения готов прийти на помощь соседу. Им не нужны дома, которые показывали бы их богатство, так как все они равны между собой. Они не укрывают свою частную жизнь, потому что уединение здесь не ценится, — а уж если надо уединиться для занятий

любовью или по нужде, к вашим услугам все джунгли; наконец, при необходимости из селения можно уплыть на лодке. В домах не нужно обогрева или охлаждения, потому что в джунглях почти идеальный климат, в котором достаточно лишь легкой одежды. Дома индейцев пираха — это просто спальные места, слегка защищенные от дождя и солнца. В доме держат собак и хранят немногочисленные пожитки. Такой дом представляет собой прямоугольник из трех рядов шестов, причем средний делают выше, чтобы крыша поднималась в середине.

Аикайбаи начал строить «каи́и'ии» с шестов, на которых держатся крыша и спальная платформа. Сначала он нарезал шесть жердей из дерева, не поддающегося гнили, каждый метра три с половиной в длину. Пираха различают много пород деревьев; этот вид называется «квариквара» (*quariquara*) на португальском и *xibobiihi kohoihiabisi* ‘муравьи не едят’ на пираха. Затем он разложил шесты там, где собрался строить, вырыл несколько ямок своим мачете и голыми руками, а потом вогнал в них шесты, тоже вручную, на полметра в глубину. После этого он соединил шесты горизонтальными жердями и скрепил их лианами, разрезанными вдоль для большей гибкости.

Шесты были неодинакового размера: четыре по углам были примерно одной высоты, а два посередине длинных сторон прямоугольника возвышались над ними еще на метр-полтора. Расстояние между соседними шестами было от полуметра до метра. Верхушки всех шестов были расщеплены, чтобы в них легли горизонтальные жерди.

Затем Аикайбаи стал настилать крышу. Материал для крыши он заготавливал в рощах за несколько километров отсюда, на другом берегу. Это срезанные молодые побеги пальмы, которую пираха называют *xabiisi*. Чтобы нарезать, навязать в вязанки и перевезти в селение столько побегов, потребовалось несколько изнурительных поездок. Когда весь материал был готов, он «открыл» побеги. Это значило, что он собирал на одну сторону молодые листья на побегах, длиной в два с половиной метра, раскладывал по три-четыре побега пучком поперек верхних горизонтальных планок дома и привязывал их полосками коры или лианы. Пучки ложились через каждые пятнадцать сантиметров, от боковой планки к коньку крыши, и так получилась непромокаемая и всегда прохладная крыша, которая к тому же поглощает стук капель. Однако у нее есть и недостатки: высохнув, она легко воспламеняется, а еще в ней заводятся паразиты. Каждые несколько лет такую крышу надо перекрывать заново.

Аикайбаи, таким образом, почти закончил. В довершение он соорудил небольшую платформу с одного конца на каркасе из крепких жердей. Ее настил состоял из стволов маленьких пальм-пашиуб, распиленных надвое, уложенных спилом вниз и привязанных лозой.

На этой лежанке, шириной примерно метр двадцать, он спал. Вообще такие хижины пираха довольно крепкие, в них прохладно и, когда в одном конце дома горит огонь, довольно уютно. Я часто садился на лежанку к кому-то из индейцев и в этой расслабляющей обстановке обсуждал рыбалку или другой труд, ловил новые слова и грамматику. Когда пираха разговаривают, задремать очень легко: так размеренно идет беседа, даже если рассказывают о том, как на охоте повстречали ягуара.

Я уже понимал, что материальная культура пираха — одна из самых простых среди всех известных культур. Они изготавливают мало инструментов, у них практически нет искусства и очень мало культурных объектов. Возможно, самые удивительные их орудия — это большие мощные луки (длиной около двух метров) и стрелы (длиной два — два с половиной метра). На изготовление лука уходит дня три: один день на то, чтобы найти древесину одной из пяти пород, которые годятся на лук, и два дня на то, чтобы придать луку правильную форму и обтесать его. Пока мужчина изготавливает лук, его жена, мать или сестра делают тетиву из мягкой древесной коры, плотно скручивая ее полоски у себя на бедре. Затем нужно примерно три часа на изготовление каждой стрелы: найти материал для заготовки древка, прогреть на огне и выпрямить, а затем приделать подходящий наконечник из бамбука (на крупную дичь), заостренной щепки твердого дерева (на обезьяну) или из длинной узкой щепки с вставленным в нее гвоздем или осколком кости (на рыбу). Оперение и наконечник приматывают самодельной хлопковой ниткой. Я видел, как такие стрелы пронзали диких свиней, будто шампур: входили возле заднего прохода и выходили горлом.

Пираха делают мало вещей, и всегда это вещи временные. Например, если надо что-то отнести в корзине, они плетут корзину на месте из свежих пальмовых листьев. После одного-двух использований такая корзина высыхает и становится ломкой, и ее выбрасывают. С помощью этих же навыков они могли бы изготавливать более долговечные корзины, просто взяв более стойкий материал, например древесное лыко. Но они так не делают — как я понял, потому что не хотят. И это интересно: значит, им больше нравится изготавливать предметы прямо на месте.

Среди их вещей можно еще выделить ожерелья. Пираха делают их, чтобы отгонять духов и чтобы лучше выглядеть. Ожерелья носят женщины, девочки и младенцы обоих полов. Женщины делают их, нанизывая на грубую нитку семена, и украшают перьями, клыками зверей, бусинами, ключами от пивных банок и другими мелочами. Эти ожерелья редко бывают симметричными и кажутся очень грубыми и некрасивыми в сравнении с изделиями других племен в этой местности, например теньяри́м и паринтинтин. Те изготавливают

красивые головные уборы из перьев, ожерелья из клыков ягуара, красиво сплетенные корзинки и сита, орудия для обработки маниоки. Для пираха же красота ожерелья — не главное; в первую очередь украшения нужны, чтобы отгонять злых духов, которых пираха видят едва ли не каждодневно. Они тоже любят вплетать в ожерелья яркие перья — но для того, чтобы их заметили духи и не испугались, — ведь духи, как и дикие звери, нападают, если напуганы. У украшений пираха, таким образом, есть практическая функция, для достижения которой не нужно придерживаться какой-либо схемы или заботиться об эстетических качествах вроде симметрии. Судя по всему, они сумели бы изготовить и долговечные украшения, но не хотят.

Пираха умеют делать каноэ из коры (они называются *kagahói*), но строят их редко, предпочитая красть чужие или выменивать у бразильцев их более прочные долбленки или лодки из досок, которые они называют *xagaoa*. Пираха настолько зависят от этих лодок — рыбачат с них, плавают по реке, отдыхают в них, — что я всегда удивлялся, как это они не умеют их делать сами. И им никогда не хватает лодок на все селение. Хотя считается, что лодка принадлежит конкретному человеку, а не всей общине, но на самом деле каждый, у кого есть лодка, то и дело дает попользоваться ею своему сыну, или зятю, или еще кому-то. Ожидается, что тот, кто взял лодку, поделится с владельцем своим уловом. Купить новую лодку индейцам всегда нелегко, поэтому я не удивился, когда однажды они попросили помочь меня.

— Дэн, ты не купишь для нас лодку? Наши гниют, — сказали мне однажды мужчины племени ни с того ни с сего, когда мы сидели у меня и пили кофе.

— А почему вы не сделаете сами? — спросил я.

— Пираха не делают лодки. Мы не умеем.

— Но я знаю, что вы умеете делать лодки из коры. Я же видел, — возразил я.

— Лодка из коры мало переносит. Один человек, немного рыбы и все. Только у бразильцев лодки хорошие. У пираха лодки плохие.

— А кто делает здесь лодки? — спросил я тогда.

— В Пау-Кеймаду делают, — ответили все почти что в один голос.

Похоже, индейцы не умели изготавливать лодки-долбленки, и я решил помочь им научиться. Так как лучшие мастера жили в деревне Пау-Кеймаду в нескольких часах ходу на моторке вверх по реке Мармелос, я решил нанять одного такого мастера на неделю, чтобы он пожил у пираха и научил их делать лодки на бразильский манер. Согласился Симприсиу, старший мастер-лодочник в Пау-Кеймаду.

Когда он приехал, все индейцы с энтузиазмом собрались учиться. Как мы и договаривались, Симприсиу оставил весь ручной труд индейцам, а сам наблюдал за постройкой лодки и аккуратно наставлял их по ходу работы. Дней через пять упорного труда у них получилась отличная лодка-долбленка и они с гордостью мне ее продемонстрировали. Затем, через несколько дней после ухода Симприсиу, индейцы попросили у меня еще лодку. Я ответил, что теперь они и сами умеют. Они ответили: «Пираха не делают лодки», — и ушли. Насколько мне известно, никто с тех пор так и не пробовал построить лодку *xagaoa*. Этот пример научил меня, что пираха нелегко дается внедрение чужих знаний или трудовых навыков, каким бы полезным это знание ни было с точки зрения чужака.

Пираха умеют консервировать мясо; когда им нужно отправиться на встречу с бразильцами, они засаливают мясо (если есть соль) или коптят его, чтобы оно не портилось. Но для себя они мясо не консервируют. Между тем, ни одно другое племя Амазонии не обходится без соления и копчения. А пираха съедают все без остатка сразу, как добудут еду. Для себя они запасов не делают: остатки еды доедают, пока ничего не останется, даже если мясо начинает портиться. Корзины и еда — это краткосрочные проекты.

В отношении индейцев пираха к еде мне показалась интересной одна особенность: кажется, тема еды для них почему-то менее важна, чем для нашей культуры. Конечно же, они едят, чтобы жить, и поесть

они любят. Если в селении есть еда, ее съедают подчистую. Но в жизни есть много других важных вещей, и место еды среди них у разных народов и разных культур неодинаковое. Индейцы рассказывали мне, почему иногда не идут охотиться или рыбачить, даже если голодны, а вместо этого играют в салочки, или возятся с моей тачкой, или просто валяются и беседуют.

— Почему вы не идете ловить рыбу? — спрашивал я.

— Сегодня дома посидим, — отвечал мне кто-нибудь.

— Вы разве не хотите есть?

— Пираха не каждый день едят. *Hiatiíhi hi tigiśáaikoí* ‘Племя пираха — закаленные’. *Americano kóhoibaai. Hiatiíhi hi kohoaihiaba* ‘Американцы едят много. Пираха едят мало’.

Пираха считают, что с помощью голода можно закалиться. Пропустить обед или еще и ужин, а то и вообще не есть целый день им легче легкого. Я видел, как люди танцуют три дня подряд, прерываясь лишь ненадолго, и не ходят добывать еду, да еще и обходятся без запасов.

Как много едят другие по сравнению с индейцами пираха, становится ясно по тому, как индейцы реагируют на режим дня белых, когда приходят в город. В первый раз привычки белых в еде их очень удивляют, особенно привычка питаться три раза в день.

Оказавшись вне селения, в первую трапезу пираха едят очень много, особенно пищу, богатую белками и крахмалом. На второй раз они снова наедаются. А в третий раз начинают беспокоиться. На их лицах написано удивление, они часто спрашивают: «Что, опять есть?» Их привычка питаться, когда еда есть и пока она не кончится, вступает в противоречие с нашей жизнью, когда пища есть всегда и никогда не кончается. Часто, пробыв в городе месяц-полтора, индеец возвращается домой, набрав до пятнадцати килограммов веса, со складками жира на животе и бедрах. Но не пройдет и месяца, как он худеет до обычного своего веса. Средний взрослый индеец, мужчина или женщина, весит сорок-пятьдесят килограммов при росте метр пятьдесят или метр шестьдесят. Это крепкие и жилистые люди. Некоторые мужчины напоминали мне сложением велосипедистов-профессионалов. Женщины, как правило, немного полнее, но тоже крепкие и сильные.

В рацион пираха входят рыба, бананы, птица, личинки насекомых, бразильский орех, электрические угри, выдры, кайманы, насекомые, крысы — в общем, любая пища, богатая белками, жирами, крахмалом и сахарами, которую можно добыть охотой, рыбалкой и собирательством, хотя они обычно стараются не есть змей и лягушек. Примерно

70 процентов диеты приходится на свежеевыловленную речную рыбу, которую часто едят с «фариньей»¹ (ее индейцы научились готовить за много лет жизни рядом с чужаками) и запивают чистой речной водой.

Поскольку в разные часы дня и ночи ловится разная рыба, индейцев можно застать за рыбалкой круглые сутки. Это значит, что день и ночь не так различны между собой, как у нас, разве что видимостью. Индейца можно увидеть за рыбалкой хоть в три утра, хоть в шесть, хоть в три часа дня. Много раз, путешествуя по реке ночью, я направлял свой прожектор на излюбленные рыбные места и обнаруживал там лодку с индейцем. Один из способов ночной ловли — посветить в воду фонариком, чтобы привлечь рыбу, и бить ее из лука. Чтобы снабдить семью белковой пищей на сутки, обычно хватает четырех-шести часов труда. Но если в семье есть взрослые сыновья, то мужчины будут ходить на рыбалку по очереди. Если кто-то принесет улов в три часа ночи, то тогда же рыбу и съедят: все встанут тут же, как только рыболов вернется.

Собирательство, в основном женская работа, занимает примерно двенадцать часов в неделю на семью из четырех человек, а обычно в семьях индейцев именно четверо. В сумме, таким образом, рыбная ловля и собирательство отнимают около пятидесяти двух часов в неделю совокупно у отца, матери и детей (а иногда еще и дедушки с бабушкой), так что на одного человека приходится не более пятнадцати-двадцати часов в неделю «за работой», хотя индейцы добывают пищу с таким удовольствием, что это едва ли вписывается в наше понятие «труда».

Племя также пользуется привозными ножами-мачете: ими разделяют туши, с их помощью строят, изготавливают луки и стрелы, копают маниок и так далее. Как только появляется возможность, индейцы выменивают мачете у бразильцев. В начале сухого сезона они обзаводятся мачете, напильниками, мотыгами и топорами, чтобы расчищать поляны под посадки маниока.

Маниок — один из самых распространенных продуктов в мире. Этот корень — идеальный источник пищевого крахмала; родом он из Амазонии. Корень растет все время, пока находится в земле, так что полянка, которую не обрабатывают пару лет, может приносить корни длиной больше метра. В маниоке содержится цианид, поэтому в сыром виде это смертельный яд, и его даже не едят насекомые

¹ Фаринья — маниоковая мука, изготавливаемая путем высушивания и измельчения вареного маниокового корня (*прим. пер.*).

и животные. Его могут есть только люди, потому что для выведения яда требуется многоступенчатая обработка: вымачивание, сушка, отжим.

Расчистка и уход за посадками — это нововведение в племени; его с большим трудом привил индейцам Стив Шелдон. Однако обрабатывать землю можно только с помощью привозных орудий, которые в большинстве селений не на что выменять. Кроме того, я заметил, что, несмотря на всю важность этих орудий, пираха плохо о них заботятся. Дети могут забросить свежекупленный инструмент в реку; многие оставляют орудия прямо на поле; а когда приезжают торговцы, пираха часто отдаёт свои инструменты в обмен на готовую маниоковую муку.

Итак, налицо закономерность: индейцы не сохраняют пищу, пренебрегают орудиями труда и изготавливают только временные емкости для хранения. Похоже, это свидетельствует о том, что в их культуре не принято думать о будущем. Это явно не просто лень, так как пираха трудятся очень усердно.

Меня очень удивляло, что пираха столь небрежно обходятся с такими важными и трудно добываемыми предметами, как орудия труда. В конце концов, для них единственный способ приобрести товар из внешнего мира — это собирать дары леса и обменивать на инструмент у речных торговцев. Более того, торговля доступна лишь некоторым селениям пираха, потому что в верховья Маиси торговцы не забираются: там слишком мало ценного товара. Поэтому другие селения, в свою очередь, ведут меновую торговлю с теми, у кого инструменты есть, и так постепенно орудия распространяются по всем селениям пираха вдоль реки.

В материальной культуре пираха были и другие особенности, которые укрепляли меня во мнении, что для них планировать будущее менее ценно, чем наслаждаться каждым днем. Поэтому они прикладывают лишь минимально необходимые условия для поддержания своей жизни.

Пираха спят урывками (от пятнадцати минут до двух часов) и днем, и ночью. Всю ночь в селении стоит гул голосов. Поэтому чужакам часто бывает трудно заснуть среди пираха. Мне кажется, что они и правда соблюдают правило не спать, чтобы не укусили: ведь в джунглях слишком крепко спать бывает опасно. Индейцы, например, предупреждали меня не храпеть: «А то ягуар подумает, что ты свинья, и съест тебя», — говорили они весело.

Когда я рассказываю другим о простоте материальной культуры пираха, они часто удивляются, и это забавляет меня. В конце концов,

у нас, в индустриальной культуре, успех хотя бы частично приравнивается к постоянному прогрессу орудий и техники. Но у пираха такого прогресса нет, и они его не хотят.

Как же случилось, что их культура стала такой простой? Некоторые мои собеседники предполагали, что причина всему — шок из-за контакта с европейцами в семнадцатом веке. И действительно, контакт с европейцами, будь он косвенный (распространение заболеваний, торговля) или прямой (общение лицом к лицу или конфликт), оказался травматичен для большинства аборигенов Америки. Во многих случаях эта травма приводила к разрушению родной культуры, потере знаний и навыков, маргинализации целых народов. Было бы серьезной ошибкой полагать, будто особенности, спровоцированные такой «культурной травмой», отражают естественное состояние культуры народа.

С другой стороны, даже если изменения вызвала травма, спустя какое-то время все-таки становится необходимо охарактеризовать текущее состояние культуры. Например, нынешняя культура Англии, конечно, сформирована ее историческим развитием, но ее ведь нельзя все так же описывать в терминах куртуазной рыцарской культуры Средневековья. Данные из описаний племен мура и пираха трехсотлетней давности, времен первого контакта в 1714 г., подтверждают вывод о том, что культура пираха с тех пор изменилась мало. Например, исследователь Курт Нимуэндажу² в статье «Племена мура и пираха» делает такой вывод:

[Племя пираха], судя по всему, всегда обитало в нынешнем своем ареале между 6° 25' и 7° 10' ю. ш., в нижнем течении реки Маиси. Пираха остаются самым малоизученным племенем в группе мура, но о них известно только по небольшому списку слов и неопубликованным запискам, сделанным автором во время кратких контактов в 1922 году во время попыток замирить племя паринтинтин (*Handbook of South American Indians*. U. S. Department of State and Cooper Square Publishers, 1963. P. 266—267).

Далее исследователь описывает некоторые особенности материальной культуры пираха, цитируя также более старые источники, которые все подтверждают его выводы, в основном совпадающие и с моими.

² Нимуэндажу Курт (1883—1945; Curt Nimuendajú, настоящее имя Курт Ункель, Curt Unckel) — германский и бразильский историк и этнограф.

Конечно, не все следует объяснять культурными особенностями. Одежда — или ее отсутствие — у пираха также крайне простая, но ведь не нужно специально изучать, почему люди почти не прикрывают тело на амазонской жаре.

В дополнение к уже названному имуществу, у семьи пираха обычно есть одна-две алюминиевых кастрюли, а иногда еще и ложка, пара ножей, несколько безделушек из внешнего мира и традиционная ручная прялка.

Мою книгу можно было бы с тем же успехом назвать «Народ реки», потому что для социальной и физической жизни индейцев река абсолютно необходима. Селения пираха стоят по возможности близко к воде. В сухой сезон (*piiáiso* ‘мелкая вода’), когда спадающая вода обнажает белые песчаные пляжи, индейцы откочевывают на самый большой пляж поблизости и спят там прямо на песке, не укрываясь ничем, и только возводят пару укрытий «айтаи’ии», чтобы защитить самых маленьких детей от солнца. В это время года, когда еды вдоволь, а ночи прохладнее, чем в сезон дождей, вся община (которая разрастается до пятидесяти-ста человек на один пляж) спит и ест вместе, хотя члены одной семьи все же ложатся рядом.

Селения пираха могут прокормить больше народу в сухой сезон, потому что в реке остается меньше воды, а значит, рыба попадается чаще. Для индейцев, живущих в глубине джунглей, сухой сезон — время голода, потому что дичь уходит из их лесов в поисках воды. А для индейцев, которые, как пираха, живут на берегах рек, сухой сезон — время изобилия.

Я помню, как однажды застал на обнажившейся отмели группу индейцев. Чуть поодаль вниз по течению над рекой нависало дерево, державшееся за берег лишь несколькими корнями. Ствол возвышался над водой меньше чем на полметра. Рядом стоял один из индейцев, Ахоаогии. Я заметил, что листья на дереве были как будто чем-то примяты. У меня появилась догадка:

— Кто тут спит? — спросил я у него.

— Я, — ответил он простодушно.

Ему, похоже, было не страшно упасть в реку с этого узкого ложа. Он не боялся анаконд, крокодилов или других зверей, которые могли бы легко дотянуться до него и укусить или стянуть в воду.

В сезон дождей (*piióbaíso* ‘глубокая вода’) индейцы расходятся семьями, и каждая маленькая семья — родители с детьми — занимает одну хижину. Как я заметил еще в первый день, хижины для сезона

дождей строятся линией вдоль реки, среди зарослей, на расстоянии от десяти до пятидесяти шагов друг от друга. Эти селения на сезон дождей меньше, чем летние поселения, и в них живут обычно одна пожилая пара и их взрослые дети со своими супругами и детьми. Дома необязательно ставятся на одном берегу, иногда даже близкие родственники ставят хижины на разных берегах.

Ритуал — это ряд строго предписанных действий, имеющих символическое значение в культуре. Культура пираха примечательна для людей западной культуры тем, что в ней почти нет ритуалов; в первые годы я тоже этому удивлялся. В некоторых случаях стоило бы ожидать от них ритуального поведения, но ясных примеров такого рода не находится.

Когда индеец умирает, его хоронят. Пираха никогда не оставляют тела умерших соплеменников на растерзание стихии, а обязательно хоронят их. Стоит ожидать, что в этой сфере у пираха будут ритуалы, но под это определение у них мало что подпадает. Я несколько раз был свидетелем того, как кто-то умирал; похороны сопровождаются некоторыми нестрогими традициями, но ритуала захоронения нет. Иногда умершего хоронят в сидячем положении и кладут рядом вещи, ему принадлежавшие, — но их никогда не набирается больше дюжины, так как у пираха очень мало имущества. Чаще, однако, хоронят в лежачем положении; изредка, если под рукой есть доски и гвозди (их купили у торговца или привез я), индейцы мастерят гроб наподобие привычного у нас. Я видел это только однажды: тогда хоронили маленького ребенка, а в селении как раз случился белый торговец.

Если покойный высокого роста, его скорее всего похоронят в сидячей позе, так как тогда надо меньше копать (так говорят сами пираха). Похороны происходят почти сразу же. Могилу обычно роют один-два близких родственника мужского пола, чаще возле берега, так что через пару лет могилу размывает эрозия почвы. Тело кладут в яму, затем раскладывают вещи покойного. После этого на тело кладут крест-накрест несколько зеленых побегов и закрепляют их концы в земле. Поверх настилают широкие банановые или другие листья. Затем могилу засыпают землей. Изредка, подражая виденным где-то могилам бразильцев, индейцы ставят на могиле крест с резьбой, имитирующей вырезанные буквы, которые они видели на надгробиях.

Однако большая часть действий при похоронах может меняться, и я не видел двух совершенно одинаковых похорон. То, что они часто импровизированные и, в сущности, предназначены для того, чтобы

не оставлять разлагающееся тело на земле, не дает мне причислить их к ритуалам, хотя здесь возможны разные мнения.

Половая жизнь и брак также обходятся без заметных ритуалов. Хотя индейцы неохотно обсуждают свою собственную интимную жизнь, они иногда рассказывают об этом в обобщенном виде. Оральный секс они называют «лизаться, как собаки», но это сравнение с животными не оскорбительно: они считают, что животные — это хороший пример для подражания. Половое сношение описывается в их языке как еда: «я съел ее» или «я съела его» означает «мы занимались любовью». Пираха нравится заниматься сексом, и они часто намекают на это или рассказывают о сексуальной жизни других.

Секс возможен не только между супругами, хотя, если мужчина и женщина состоят в браке, в норме они живут только друг с другом. Холостые индейцы занимаются сексом с кем пожелают. Секс с чужим супругом не одобряется и может навлечь беду, но все же случается. Чтобы заняться любовью, семейная пара просто уходит из селения подальше в джунгли. То же делают, если оба партнера не состоят в браке. Если же у одного из них, или даже у обоих, уже есть семья, они обычно уходят из селения на несколько дней. Если они возвращаются вместе, то прежний брак распадается и формируется новая семейная пара. Первый брак, в свою очередь, признается действительным, когда супруги начинают жить под одной крышей.

Если беглецы не остаются вместе, обманутый муж или брошенная жена может принять партнера назад в семью, если захочет. Так или иначе, как только такая пара вернется, о случившемся не вспоминают и не жалуются. Однако пока любовники еще не вернулись, покинутые супруги ищут их, причитают и громко жалуются каждому встречному. Иногда брошенные мужья и жены просили меня взять их с собой на моторке искать беглецов, но я не соглашался.

Возможно, больше всего напоминают ритуал танцы пираха. Танцы сплывают все селение. Во время танцев все жители селения веселятся, радуются жизни и нередко занимаются сексом с кем придется. У них нет музыкальных инструментов — только пение, хлопки и топанье ногами.

Когда я впервые увидел их танец, я был поражен тем, насколько всем нравится петь, болтать и расхаживать кругами в танце. Кохои позвал меня присоединиться к ним:

— Дэн, хочешь с нами танцевать?

— Я не умею танцевать, как племя пираха, — ответил я, надеясь отговориться. Я ужасно танцую.

— Стив и Арло с нами танцевали. Ты не хочешь научиться танцевать, как племя пираха? — настаивал Кохой.

— Я попробую. Но не смейтесь надо мной.

Во время танца одна индианка спросила меня:

— Ты лежишь только с одной женщиной? С другими не хочешь?

— Только с одной. С другими не хочу.

— Он не хочет других женщин, — объявила она всем. — А Керен не хочет других мужчин?

— Нет, только меня, — ответил я, как подобает доброму христианину.

Во время танцев в селении, обычно на полнолуние, сексуальные отношения как между неженатыми, так и между семейными людьми становятся совсем свободными. Иногда случаются вспышки агрессии, от умеренных до очень жестоких (Керен однажды была свидетельницей, как почти все мужчины в селении по очереди изнасиловали молодую незамужнюю девушку). Но агрессию никогда не поощряют, и случается это редко.

Индейцы рассказывали мне о танце, в котором использовались живые ядовитые змеи, но своими глазами я этот танец не видел (однако о нем сообщали видевшие его жители деревни Понту-Сети из племени апуринан, до того как пираха прогнали их). В этом танце перед обычными танцорами появляется мужчина в одной головной повязке из пальмы «бурити» и поясе с подвесками из узких желтых листьев пальмы-пашиубы. Этот мужчина изображает Аитоии, преимущественно злого духа, чье имя означает «длинный зуб». Он выходит из джунглей на поляну, где собрались танцоры, и объявляет, что он сильный и не боится змей, а затем рассказывает, где в джунглях он живет и что делал сегодня. Все это рассказывается в виде песни. Во время пения он бросает змей под ноги собравшимся, и они быстро отпрыгивают.

В этих танцах с духами тот, кто изображает духа, утверждает, что повстречал его сам и теперь одержим этим духом. У духов пираха есть свои имена и характеры, и их поведение довольно предсказуемо. Такие танцы можно назвать упрощенной формой ритуала в том смысле, что видевшие танец потом воспроизводят его и для общины этот танец имеет значение и является ценностью. Этот ритуал учит быть сильным, понимать природу и так далее.

Относительная бедность ритуала у пираха объясняется принципом непосредственности восприятия. Этот принцип предписывает не использовать формализованные описания и действия (то есть ритуалы),

которые отсылали бы к событиям, не виденным в действительности. Поэтому невозможен ритуал, в котором исполнитель главной роли не видел сам то, что изображает (или, по крайней мере, не верит в это). Помимо такого запрета, однако, принцип непосредственности означает, что пираха не зашифровывают культурные ценности в готовые ритуальные формулы, а передают ценности и информацию поступками и словами, индивидуально присущими только действующему или говорящему человеку, виденными им самим или слышанными от очевидца. Поэтому в их культуре нет места ритуалам и устному фольклору.

ГЛАВА 6

СЕМЬЯ И ОБЩИНА

Пираха смеются по любому поводу. Смеются над своими же неудачами: если ураганом сдуло хижину, ее обитатели смеются громче всех. Смеются, если наловят много рыбы. Смеются, если не поймали ничего. Смеются на полный желудок и на пустой.

Когда они трезвы, они никогда не бывают назойливыми или грубыми. С первого же дня меня поражали их терпение, веселость, отзывчивость. Эту веселость трудно объяснить, но мне думается, что пираха просто до такой степени уверены в своих способностях справиться с любым испытанием, которое им пошлет природа, что они могут все встречать с улыбкой. Не потому, что им так уж просто жить, а потому, что они делают все как следует.

Они любят проявлять добрые чувства прикосновением. Хотя я ни разу не видел, чтобы они целовались, такое слово у них есть, а значит, они когда-то да целуются. Но в любом случае, они часто ласково дотрагиваются друг до друга. Вечерами, когда темнело, ко мне тоже приходили — особенно самые маленькие дети — и гладили меня по рукам, по голове, по спине. Я должен был отворачиваться, чтобы не засмущать их.

Ко мне индейцы терпеливы. По отношению же к себе они подлинные стойки. Они заботятся о пожилых и немощных. В селении я заметил одного старика, Ка'а'ай (*Kaxaxáai*; это значит Аллигатор), который забавно ковылял и не мог уже охотиться или ловить рыбу. По вечерам он собирал понемножку хворост для селения. Я спросил одного из мужчин, зачем он кормит Ка'а'ай, если тот ничего в ответ для него не делает. Он ответил: «Он меня кормил, когда я был маленьким. Теперь я кормлю его».

Когда индейцы впервые принесли мне поесть жареной рыбы, они спросили: «*Gíxai soxóá xobáaxáai. Kohoaipi?*» ‘Ты уже умеешь это есть?’ Это очень полезная фраза, потому что если вам на самом деле

не хочется это есть, вы можете вежливо отказаться, ответив: «Нет, я это есть не умею».

Пираха казались людьми мирными. Я не чувствовал агрессии по отношению к себе или к другим чужакам, в отличие от многих других культур, с которыми я познакомился за долгие годы. И более того, я не видел проявлений агрессии и внутри общины. Хотя, как и везде, тут бывают исключения, после многих лет общения мое впечатление от пираха не изменилось: это мирный народ.

В селении Агиопан, которое бразильцы называют Форкилья-Гранди (*Forquilha Grande* ‘Большая развилка’, потому что там река Маиси раздваивается, оставляя сбоку старицу), сестры часто приводят мужей в дом своих родителей. Однако в других селениях, например в Пентекости возле устья Маиси, мужчины приводят жен в свой дом. Таким образом, одно селение живет матрилокально, а другое — патрилокально. А некоторые не следуют одному правилу, у них вообще нет никакой закономерности в этом. Эта гибкость, вероятно, обусловлена высокой степенью свободы в обществе пираха и их простейшей системой родства.

У пираха одна из самых простых систем родства во всем мире; есть только следующие обозначения членов семьи:

baixi — отец, мать, дед или бабка, или даже просто кто-то, кому вы хотите выказать почтение в момент речи или вообще. Индейцы называют меня *baixi*, если чего-то от меня хотят; иногда они называют *baixi* речных торговцев; взрослый вообще может назвать другого взрослого *baixi*, если чего-то от него хочет: например, попросить рыбы. И также маленькие дети могут называть других детей *baixi*, если чего-то от них хотят. Это слово может обозначать и мужчину, и женщину. Иногда вместо него говорят *ti xogii* ‘мой большой’. Это слово также можно использовать, чтобы ласково назвать пожилого человека. Если нужно указать, идет речь о женщине или мужчине, можно сказать *ti baixi xipóihii* ‘мой родитель женского пола’ и так далее. Имяются в виду именно родители или нет, зачастую догадываешься по контексту. Если же контекст не помогает, то, возможно, это просто не имеет значения для говорящего;

xahaigi — брат или сестра. Может также обозначать любого индейца, сверстника говорящего, а иногда любого индейца пираха вообще, если он противопоставляется чужому, например, «что брат мой (*xahaigi*) сказал бразильцу?»;

hoagi или *hoisai* — сын. *Hoagi* — это глагол «приходить», а *hoisai* означает «пришедший»;

kai — дочь;

Наконец, есть понятие *piihí*, которое может означать разные вещи: сирота, приемный сын, любимый ребенок.

Вот и все. Хотя некоторые антропологи, не владеющие языком пираха, предлагали и другие термины, все известные мне гипотезы такого рода — это результат неправильного истолкования сочетаний слов. Самая распространенная подобная ошибка — рассматривать перечисленные существительные в паре с притяжательным местоимением как отдельные обозначения родства. Например, один ученый предположил, что сочетание *ti xahaigi* означает ‘дядя’, хотя на самом деле это просто ‘мой брат / моя сестра’.

Антропологи давно пришли к выводу, что чем сложнее система родства, тем выше вероятность, что усложнятся и запреты на родственные браки, правила, кто с кем может жить и так далее. Однако и обратное с необходимостью верно: чем меньше терминов родства, тем меньше в социуме ограничений на родственный брак. В социуме пираха это дало интересный казус: так как в их языке нет слова «кузен», то, логичным образом, нет и запрета на брак между двоюродным братом и сестрой. И я даже видел браки между единокровными братом и сестрой (у которых только один общий родитель) — возможно, потому, что слово *xahaigi* не имеет четкого значения.

Таким образом, всеобщее человеческое табу на кровосмешение у пираха затрагивает только небольшое число возможных связей: во-первых, родных брата и сестры, во-вторых, родителей или дедушек с детьми.

Однако в системе родства у пираха кроется ряд незаметных деталей. Так, некоторые из названных слов имеют более широкое значение (я уже упоминал, что *baixi* может означать и родство, и уважение). Понятие *xahaigi* тоже интересно. Оно, похоже, также не ограничивается родством, а, скорее, выражает культурную ценность единения, соплеменничества. Поскольку это слово не изменяется по роду и числу, оно может обозначать мужчину, женщину, группу мужчин или женщин, группу людей обоего пола. И хотя индейцы пираха живут в основном маленькими семьями, только родители с детьми, в них очень сильны чувства общности с родными и соседями и ответственности за их благополучие. *Xahaigi* — соплеменник — обозначает и подкрепляет эту общность.

Это чувство единения, семейственности, братства и есть важнейшая часть значения *xahaigi*. У всех трех сотен ныне живущих индейцев пираха оно выражено очень сильно. И пусть их разделяют многие километры пути по реке, каждый индеец в каждом селении следит

за новостями из других селений и из жизни отдельных соплеменников. Удивительно, как быстро эти новости распространяются на всем протяжении реки Маиси, длина которой более 400 километров.

Ключевой аспект понятия *xahaigi* — то, что каждый член племени пираха не равнодушен ко всем остальным. Пираха всегда встанут на сторону соплеменников в споре с чужаком, даже если знакомы с тем долгие годы. И чужак — даже я — не смеет и надеяться, чтобы все в племени называли его *xahaigi* (меня сейчас так называют лишь некоторые ближайšie мои друзья, но не все, не говоря уже об остальных).

Еще один пример соплеменничества-*xahaigi* — в обращении с детьми и стариками. Отец семейства может покормить чужого ребенка и позаботиться о нем по крайней мере некоторое время, если тот остался без присмотра даже всего на день. А однажды в джунглях потерялся один старик. Все селение искало его три дня, почти не прерываясь на еду и сон. Индейцы были очень растроганы, когда наконец нашли его: он не пострадал, но очень устал и был голоден, а в руках держал заостренную жердь, чтобы отгонять диких зверей. Соплеменники обнимали его, улыбались, называли его *baixi*, а придя в деревню, хорошенько накормили сообща. Это также много говорит об их чувстве общности друг с другом.

Все индейцы пираха производят впечатление близких друзей — не важно, из одного они селения или нет. Судя по их рассказам, они очень хорошо знают всех членов племени. Я думаю, что это может быть связано с физической близостью. Поскольку развод не считается предосудительным и случается часто, танцы и пение могут сопровождаться сексуальной близостью, а молодежь занимается сексуальными экспериментами сразу по достижении половой зрелости или даже раньше, разумно предположить, что за свою жизнь многие индейцы успевают переспать с большей частью всего племени. Уже одно это означает, что их общественные отношения будут несравненно теснее, чем в более крупных социумах (общество, в котором все со всеми спали, становится крепче?). Представьте себе, что вы успели переспать с немалым процентом жителей вашего района, и никто не считает, что это хорошо или плохо, а просто так бывает: как если бы вы за всю жизнь попробовали много разных блюд.

Моя семья ежедневно сталкивалась с разительным отличием в представлениях о семье у индейцев и у нас. Однажды утром я заметил, как один малыш нетвердыми шагами устремился к костру. Когда он подошел совсем близко, его мать, сидевшая в полуметре от него, прикрикнула, но

не сдвинулась с места, чтобы оттащить ребенка от огня. Он споткнулся и упал прямо на раскаленные угли, обжег ногу и зад и завопил от боли. Мать вытащила его из костра за руку и отругала.

Наблюдая за этим, я задумался: почему эта мать, которая, как мне известно, всегда добра к своим детям, ругает маленького сына за то, что он поранился, если сама, насколько я знал, не предупреждала его, что горячий уголь жжется? Эти мысли навели меня на более общие вопросы: как индейцы пираха воспринимают детство и как воспитывают детей?

Я стал размышлять и вспомнил, что пираха не сюсюкают с детьми. В их обществе дети — это просто люди, и их следует уважать не меньше, чем взрослых. С ними не надо возиться, их не надо оберегать. С ними обращаются честно, делают послабления, пока они маленькие и слабые, но в основном их не считают качественно иными, чем взрослые. Поэтому у индейцев случаются сцены, которые человеку западной культуры могут показаться непонятными, даже жестокими. Поскольку я теперь скорее разделяю многие представления индейцев пираха о воспитании, я даже часто не замечаю поведение, которое могло бы шокировать чужих.

Например, я помню, как удивился такому обращению с детьми у пираха один мой коллега. В 1990 г. со мной в селении работал Питер Гордон, психолог из Университета Колумбия. Мы расспрашивали одного индейца о мире духов. Наши беседы мы записывали на видеокамеру. В тот вечер мы пересматривали записи и увидели, что на полу хижины за спиной нашего собеседника сидел малыш лет двух. Мальчик играл острым кухонным ножом длиной в ладонь. Он вертел ножом туда-сюда, так что лезвие часто оказывалось в опасной близости от глаз, рук и других частей тела, которые не стоит отрезать или прокалывать. Но наше внимание особенно привлекло то, что, когда ребенок бросил нож, его мать, которая все это время говорила с кем-то еще, обернулась, не прерывая беседу, и подала ребенку нож обратно. Никто ему не говорил: «Смотри, не поранься», — а он и не поранился. Но я видел, что другие индейские дети могли сильно порезаться, играя с ножом, и нам с Керен много раз приходилось обрабатывать порезы, чтобы они не нагноились.

Ребенка, который порезался, обжегся или еще как-то поранился, обругают, а потом уже о нем позаботятся. А на крик боли мать нередко отвечает недовольным ворчанием — низким гортанным «Мммм!». Ребенок могут резко подхватить за руку и опустить на землю подальше от опасности — сердито, но не со злобой. Но родители никогда не станут обнимать его и не скажут: «Бедный малыш, дай я поцелую и все

пройдет». Индейцы поражаются, когда видят, как это делают родители у других народов. Им даже смешно: «Они что, не хотят, чтобы дети могли сами о себе позаботиться?» — спрашивали индейцы у меня.

Но за этим стоит не только желание вырастить детей в самостоятельных взрослых. Философия родительства у пираха напоминает дарвинизм: такое воспитание дает на выходе крепких и стойких людей, которые не думают, будто кто-то им что-то должен. Люди этого народа знают, что повседневное выживание зависит только от их собственных навыков и умения терпеть.

Когда женщине племени пираха придет пора рожать, она ложится в тени там, где сейчас находится, возле своего участка поля или еще где-нибудь, и рожает, чаще всего — без чьей-либо помощи. В сухой сезон, когда берега реки Маиси обнажаются, женщины обычно идут на реку в одиночестве или с родственницей, заходят в воду по пояс и рожают в воде. Они считают, что так роды проходят чище и так полезнее для матери и ребенка. Иногда с ними идет мать или сестры, но если родственников в селении у женщины нет, ей приходится рожать без помощи.

Стив Шелдон рассказывал мне, как одна индианка рожала на берегу. Что-то пошло не так. Плод оказался в тазовом предлежании. Женщина мучилась болями и кричала: «Помогите! Ребенок не выходит!» Индейцы сидели и не реагировали: кто-то продолжал разговаривать, кто-то напрягся. «Умираю! Больно! Ребенок не выходит!» — кричала роженица. Никто не отвечал. День клонился к вечеру. Стив поднялся, чтобы ей помочь, но ему сказали: «Нет, она не тебя зовет. Она зовет родителей». Индейцы явно имели в виду, что ему не стоит приходить женщине на помощь. Однако ее родителей в селении тогда не было, а остальные помогать не собирались. Спустился вечер, а ее крики становились все слабее. Наконец, она затихла. Утром Стив узнал, что и мать, и ребенок погибли и им так никто и не помог.

Стив записал рассказ об этом происшествии, который я привожу ниже. Этот текст ценен для нас по двум причинам. Во-первых, он повествует о трагическом случае и тем самым помогает нам понять культуру пираха. А именно, из него следует, что пираха дали молодой женщине умереть и не помогли ей, потому что считают, что люди должны быть сильными и самостоятельно преодолевать трудности.

Во-вторых, он важен для того, чтобы понять грамматику языка пираха. Обратите внимание на то, как проста структура (но не содержание) предложений, в которых одна фраза или часть предложения никогда не оказывается внутри другой.

Смерть Аогиосо, жены Описи

запись Стива Шелдона

Содержание: Это рассказ о том, как умерла жена Описи (*Xopísi*), Аогиосо (*Хаогіосо*). Она умерла рано утром в родах. Она рожала у реки в одиночестве. Ее сестра Баигипохоаси (*Baigipóhoasi*) не помогала ей. Абаги, старик, который иногда принимал роды в селении, позвал на помощь ее зятя, но тот не отвечал и не подходил к ней, пока она не умерла. Описи, ее муж, был в тот день на реке и ловил пираний, поэтому за ней никто не присматривал.

1. *Xoii hiaigiágásai. Xopísi hiabikaáhaaga.*
Оии сказал: Описи здесь нет.
2. *Xoii hiaigiagaxai Хаогіосохоаги хіоаакаахаага.*
Потом Оии сказал: Аогиосо умерла.
3. *Хаігіа hіaitібіі.*
Его звали.
4. *Ti hi gіaitібііgаоаі Хоіі. Ноіhіаі.*
Я позвал Оии. Только его.
5. *Xoii hi aігіа ті gахаі. Хаогіосохоаги іоабааhоіhоі, Хаогіосо.*
И вот я сказал Оии: Аогиосо умерла, Аогиосо.
6. *Xoii хібоаірaіhіаbаhаі Хоіі.*
Оии не пошел к ней на помост для купания.
7. *Хаогіосохоаги хіоаіkоі.*
Аогиосо действительно умерла.
8. *Ti хаігіа аіtagоbаі.*
Мне очень страшно.
9. *Xoii hi хаігіаgахaіsаі. Хітаіbіgаі hіаіtіsі хааbаhа.*
Тогда Оии сказал: Итаибигаи не рассказывала об этом.
10. *Hі gахaіsі хааbаhа.*
Он сказал, что она не говорила.
11. *Хаогіосохоаги хіhоіsаhахaі.*
Аогиосо, не умирай!
12. *Ti хаігіаgахaіаі. Хаогіосохоагі хіаhоага.*
Тогда я сказал: Аогиосо умерла.
13. *Хааbаоbаhа.*
Ее больше нет.
14. *Xoii hi хі хобaірaіhіаbахaі.*
Оии не пошел к ней на причал.
15. *Xopísi hi Хіаsоаіhі hі gіхaі хіgіhі.*
Описи, ты муж Иасоаихи.

16. *Xioáíxi Xaogíoso.*
Аогиосо умерла.
17. *Ti xaigíai hi xaitiblígaópai. Xoií xioáírapái.*
Я позвал Оии: иди к ней.
18. *Xaogíosogoagí xiahoagái.*
Умерла Аогиосо.
19. *Xaabaobáhá.*
Ее больше нет.
20. *Xaogíosohoagí hi xaigía kaihiagóhaaxá.*
Аогиосо сбросила (родила) ребенка.
21. *Xoií ti xaigíagáxai. Xoií hi xioi xaípihoaipái. Xoií hi xobágátaxaihiabaxái.*
Я сказал Оии: Оии, дай ей лекарство. Оии больше к ней не ходил.
22. *Xoií hi xaigíagáxai. Hoagaixóxai hi gáxisiaabáhá Hoagaixóxai.*
Потом Оии сказал: Хоагаи'о'аи ничего не сказал, Хоагаи'о'аи.
23. *Xaogíoso xiaihíabahíoxoi.*
Аогиосо очень, очень больна.
24. *Xi xaípihoaipáati xi hiabahá.*
Ей не дали лекарства.
25. *Hi xai hi xahoaihiabahá gíxa pixáagixi.*
Он никому не сказал, младший.
26. *Xaogíoso hi xábahíoxoisahaxái.*
Аогиосо, не болеей.
27. *Hi gáaisiaabahá.*
Он ничего не сказал.
28. *Hi xabaasi hi gíxai kaisahaxái.*
Ты ничего не сделал для племени.
29. *Xabaxái hoihai.*
Она пошла одна.

Итак, этот рассказ интересен на разных уровнях. С точки зрения языка самое важное его свойство — это простота строя предложений. В то же время этот рассказ, как и другие рассказы индейцев пираха, демонстрирует довольно сложные связи между содержанием фраз. Некоторые элементы содержания помещены внутрь других, хотя по строению предложений этого не видно. Например, в этом тексте можно выделить четыре части. Строки с первой по пятую — это вступление и представление участников сюжета. Строки с шестой по четырнадцатую — о безответственности мужа покойной. Строки

с пятнадцатой по девятнадцатую — о безответственности остальных родственников. И с двадцатой строки до конца вновь следует скорбное причитание о том, как все ее бросили. И, конечно, все эти части связаны воедино, и у каждой своя роль в повествовании. Таким образом, все предложения в рассказе находятся в рамках единого сюжета: они не только следуют друг за другом на странице (и в устном изложении), но и объединены когнитивной общностью: то есть говорящий понимает, что они складываются в цельный сюжет, и строит рассказ так, чтобы передать эту цельность.

Такое деление рассказа на разделы не грамматическое в строго научном понимании, а, скорее, смысловое. Оно отражает мыслительный процесс, и этот ключевой механизм размещения одних фрагментов содержания в рамках других повторяет другой механизм, который многие лингвисты относят к грамматике, — рекурсию¹. И все же деление на разделы — не грамматическое явление, хотя его можно обнаружить во всех текстах индейцев пираха. Значит, само это явление — размещение одной мысли внутри другой — может существовать независимо от грамматики языка, вопреки мнению большинства (хотя ни в коем случае не всех) ученых-лингвистов.

Хотя неспециалист может подумать, что это лишь некое теоретическое умствование, на самом деле эта проблема стала предметом одной из главнейших дискуссий в современной науке о языке. Если рекурсия в грамматике есть не во всех языках мира, а рекурсия в мыслительном процессе есть у всех людей, то она относится к сфере мышления вообще, а не «языка как инстинкта» или «универсальной грамматики», как утверждает Ноам Хомский.

С точки зрения культуры этот рассказ интересен потому, что рассказчик будто бы пытается снять с себя вину. Он будто бы осуждает то, что женщине никто не помог, как осудил бы и любой европеец, и все же ни сам рассказчик, ни кто-либо еще ей на помощь не пришел. Таким образом, в поступках проявляется свойственная культуре пираха идея, что каждый должен справляться с трудностями сам, даже если положение очень опасное, хотя на словах может утверждаться обратное. Как и другие народы, пираха нередко говорят одно, а делают другое.

¹ Рекурсия — размещение сходных элементов внутри друг друга. Примерами рекурсии в языке могут служить фразы типа «Я знаю, что он видел, как я ушел» и стихотворение «Дом, который построил Джек». Данное понятие будет подробно рассмотрено во второй части книги (*прим. пер.*).

Я сам однажды столкнулся с еще более шокирующим поведением. У молодой женщины по имени Поко (*Pokó*) родилась хорошенькая девочка. Обе были здоровы. В это время мы с семьей уезжали отдохнуть в Порту-Велью и вернулись только через два месяца. Когда мы прибыли, Поко и еще несколько индейцев, как обычно, обосновались в нашей хижине. Однако она была на грани полного истощения. Она чем-то заболела, но мы не знали, чем именно: едва живая, тощая как скелет, со впалыми щеками, исхудавшими до костей руками и ногами, она даже почти не двигалась от слабости. У нее не было молока, и от голода ее дочь тоже заболела. Другие кормящие матери не помогали, говоря, что им нужно кормить своих. Поко умерла через пару дней после нашего возвращения: у нас не было радиостанции, чтобы вызвать врача. Но девочка была жива.

Мы спросили, кто будет ухаживать за младенцем.

— Ребенок умрет. Ее некому выхаживать, — ответили индейцы.

— Мы с Керен ее выходим, — вызвался я.

— Ладно, — ответили индейцы. — Но ребенок не жилец.

Индейцы пираха умеют видеть признаки скорой смерти. Теперь мне это ясно. Но тогда я горел желанием спасти девочку.

Первой задачей было накормить ее. Подгузники мы уже сделали из старых простыней и полотенец. Мы попробовали дать малышке соску (у нас всегда имелась детская бутылочка на случай болезни у местных детей), но у нее не было сил сосать. Она была почти как в коме. Но я решил, что не дам ей умереть. Надо было придумать, как дать ей молока. Мы растворили немного сухого молока с сахаром и солью, нагрели.

У меня были две старые бутылки от дезодоранта (в Бразилии дезодорант часто продают в пластиковых бутылках с пульверизатором). Я вылил жидкость и вымыл бутылки изнутри, вытащил и еще раз промыл гибкие пластиковые трубки от пульверизаторов, а затем налил в одну бутылку немного приготовленной молочной смеси. Потом я соединил трубки вместе, примотал место сочленения пластырем и вставил их в бутылку. Другой конец мы осторожно и медленно ввели в горло девочке. Она почти не сопротивлялась. Тогда я, тоже осторожно, надавил на бутылку и таким образом дал ребенку порцию молока.

Не прошло и часа, как девочка немного оживилась. Мы стали кормить ее каждые четыре часа, днем и ночью. Три дня мы почти не спали, пытаясь спасти ее, и, казалось, она выкарабкивалась: с каждым новым кормлением она все больше двигалась, громче кричала, у нее заработал кишечник. Нас переполняла радость за нее.

Однажды вечером мы подумали, что можем оставить девочку ненадолго и пойти побегать на взлетной полосе. Я попросил ее отца посидеть с ней, пока мы не вернемся, и мы ушли, радуясь, что хотя бы кому-то в племени можем помочь.

Однако сами индейцы считали, что девочка умрет. Тому было три причины. Во-первых, она уже побывала на краю гибели. Индейцы полагали, что как только человек достигнет определенной степени истощения — а малышка исхудала тогда еще больше, — его уже не спасти. Во-вторых, по их мнению, такого больного ребенка должна выхаживать мать из племени и кормить грудью, а сейчас ее мать умерла, а другие не оставят голодными своих детей, чтобы покормить чужого. В-третьих, они думали, что наши лекарства в этом положении не помогут и только продлят боль и страдания ребенка.

Когда мы вернулись, в углу нашей хижины сгрудились в кружок несколько индейцев, а в воздухе резко пахло спиртом. Индейцы посмотрели на нас с заговорщическим видом: одни — сердито, другие — виновато. Остальные смотрели куда-то вниз, в центр круга. Я подошел ближе, и они расступились. Дочь Поко лежала на земле мертвая. Они влили ей в горло кашасу. Убили ее.

— Что случилось? — спросил я, едва не плача.

— Она умерла. Ей было больно. Она хотела умереть, — ответили они.

Я поднял тельце с земли и прижал к себе. По щекам у меня полились слезы.

— Зачем они убили ребенка? — спрашивал я себя в смятении и горе.

Мы сколотили гробик из старых ящиков, которые я натаскал в дом. Потом мы с отцом ребенка вырыли могилу метрах в ста выше по течению, на самом берегу, рядом с могилой Поко. Мы опустили гроб в могилу и присыпали землей; посмотреть пришли еще трое индейцев. После этого мы окунулись в реку, чтобы смыть с себя глину, и я пошел домой подумать.

Однако чем больше я размышлял о произошедшем, тем яснее понимал, что, с их точки зрения, индейцы поступили правильно. Этот поступок — не просто жестокость или черствость; их представления о жизни, смерти и болезни радикально отличны от моих, от представлений западной культуры. Живя без медицины, зная, что есть только два пути — или стать сильнее, или умереть, встречая смерть намного чаще, чем я мог себе представить, индейцы пираха научились распознавать по глазам, по течению болезни, выживет человек или нет.

Они были уверены, что девочка погибнет. Они чувствовали, как она страдает, и думали, что мой прибор для кормления только делает ей больно и продлевает ее мучения. Поэтому они провели эвтаназию. Девочку убил ее отец, он своими руками влил алкоголь ей в рот. Я знал, что другие дети выживали после смерти матери, но те дети были здоровы.

Однажды вечером к нашему дому пришел мальчик Паита (*Paitá*). Ему было года три. Он всегда ходил грязный, вроде Поросятки из комикса «Мелюзга»². Говоря со взрослыми, он наклонял голову набок, был улыбчивый, смешливый. Ноги у него были заляпаны глиной, потому что тропинка к нашей хижине была еще мокрая. Но мое внимание привлекла толстая самокрутка у него во рту. Ее, конечно, скрутил ему отец: крепкий грубый табак, завернутый в листок из блокнота. И еще на мальчике было платье.

Когда вскоре на тропе показался его отец, я со смехом спросил: «Что это твой сын делает?» — имея в виду сигарету.

Ко'ои ответил:

— А, да я вообще люблю его наряжать девочкой.

Для Ко'ои не было ничего странного в том, что его маленький сын курит. Даже если бы пираха знали о том, что курить вредно, они бы не перестали давать сигареты детям. Во-первых, индейцы курят слишком редко, чтобы это как-то сказалось на здоровье: табак у них появляется примерно раз в пару месяцев, и его никогда не хватает больше чем на день. Во-вторых, если взрослые могут позволить себе «риск» закурить, то и дети могут. Конечно, то, как Ко'ои нарядил сына, показывает, что к детям все же относятся немножко иначе; однако индейцы не запрещают детям делать то, что в нашем обществе можно только взрослым.

Однажды племя выменяло у одного торговца столько кашасы, что ее хватило бы напоить всех пьяными. Именно так и произошло: все мужчины, женщины и дети в селении напились до чертиков. Конечно, индейцу, чтобы захмелеть, много не надо; однако я впервые видел, как шатались и нечленораздельно бормотали даже шестилетние мальчишки. Индейцы же считают, что и обязанность сносить все тяготы жизни, и право наслаждаться всеми ее радостями распространяются на каждого.

² «Мелюзга» (*Peanuts*) — самый популярный ежедневный газетный комикс в США, выпускавшийся непрерывно с 1950 по 2000 год. Его герои — маленькие дети; один из них, вечно грязный, и носит кличку Поросяенок (*прим. пер.*).

Как в большинстве культур охотников и собирателей, у пираха роли мужчин и женщин, матерей и отцов заметно различаются. Плоды леса, а также клубни и другие съедобные растения, растущие в огородах, собирают в основном женщины. Мужчины, в свою очередь, охотятся, рубят деревья и расчищают поляны под огород. За детьми в основном смотрят матери, но отец нередко остается с ними, пока мать работает в огороде или собирает фрукты в лесу, охотится на мелкую дичь с собакой, собирает хворост или ловит рыбу. Интересно, что женщины ловят только на крючок и леску, а охотятся только с собакой, которую натравливают на мелкую живность; мужчины же, кроме этого, бьют дичь и рыбу из лука. Лук — оружие исключительно мужское.

В воспитании детей пираха не прибегают к насилию, по крайней мере, в теории. Мои принципы воспитания, напротив, предусматривали наказания. Имеет смысл сравнить их сейчас, потому что впоследствии я пришел к выводу, что у индейцев пираха во многом более здоровое отношение к воспитанию, чем было у меня в те годы. Я был молодой отец: Шеннон родилась, когда мне было девятнадцать. И по своей юности, а также из-за христианского воспитания, я считал, будто телесные наказания полезны, следуя в этом библейскому совету: жалеть розги своей — значит портить ребенка³. Шеннон, старшей дочери, выпало претерпеть наихудшие проявления этой стадии моей жизни. Однажды, когда мы уже жили в селении индейцев, она что-то мне сказала поперек, и я посчитал, что ее следует за это высечь. Я отломил прут и велел ей отправиться в спальню. Она закричала, чтобы я ее не бил. Вокруг нас быстро собрались индейцы: как всегда, если мы начинали говорить на повышенных тонах.

— Что ты делаешь, Дэн? — спросили две женщины.

— Я, ну, да... — у меня не находилось ответа. Что я, черт побери, делаю?

Так или иначе, я ощущал, как на меня давит авторитет Библии, и поэтому сказал Шеннон: «Ладно, здесь не будем. Жди меня на том конце взлетной полосы и по пути отломай другой прут. Я приду через пять минут!»

Когда Шеннон выходила, индейцы спросили ее, куда она.

— Папа будет бить меня на полосе, — ответила она раздраженно и в то же время злорадно, зная, как отзвучат ее слова.

³ Ср. Прит. 13:24: «Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына, а кто любит, тот с детства наказывает его» (*прим. пер.*).

Когда я собрался идти за ней, за мной высыпала толпа индейцев, взрослых и детей. Я был побежден. Пока мы у пираха, розог не будет. Индейская мораль победила. Шеннон ходила довольная, наслаждаясь победой.

Как сказывается на ребенке индейское воспитание? Подростки пираха, как их сверстники по всему миру, очень смешливые и могут даже быть наглými и грубыми. Они могли отпускать замечания, что у меня широкая задница. Могли испустить газы за столом, как только мы садились есть, а затем ржали, как Джерри Льюис⁴. Похоже, необъяснимые выходки подростков — явление всемирное.

Однако я ни разу не видел, чтобы эти подростки слонялись без дела, валялись допоздна в постели, отказывались отвечать за свои поступки или пробовали «радикально изменить свое видение жизни». Они, в общем-то, очень полезные и правильные члены общества (полезные в понимании индейцев: хорошо ловят рыбу, помогают обороняться от хищников, добывают еду и вообще наравне со всеми заботятся о выживании племени). У индейской молодежи не встретишь подростковой тревожности, депрессии, неуверенности в себе. Они не ищут ответов на вопросы: все ответы уже есть, а новые вопросы возникают нечасто.

Конечно, подобная стабильность может подавлять творческое начало и индивидуальность — две важнейшие ценности западной культуры. Если считать, что культурная эволюция — это хорошо, то к такому положению дел стремиться нельзя, так как для эволюции культуры, по-видимому, все же нужны конфликты, тревоги, столкновения. Однако если вашей жизни ничто не угрожает (насколько вам известно), зачем хотеть перемен? Какие тут могут быть улучшения? Особенно если чужие, которых вы встречаете, на вид более раздражительны, чем вы, и не так довольны жизнью. Однажды, в начале своей миссии, я спросил индейцев пираха, понимают ли они, зачем я приехал. Они ответили: «Ты приехал потому, что здесь красиво. Вода чистая. Еды полно. И пираха — хорошие люди». Такова была и остается их точка зрения. Жизнь хороша. Их воспитание, когда каждый с юных лет учится заботиться о себе сам, порождает общество людей, довольных жизнью. И с этим трудно спорить.

Мне показалось интересным, что, несмотря на сильное чувство сплоченности, у пираха практически нет давления со стороны

⁴ Джерри Льюис — американский комедийный актер, известный по ролям с незатейливыми шутками, оплеухами и т. п. (*прим. пер.*).

общества в целом на отдельных его членов. Почти невероятно, чтобы один индеец приказывал другому, даже если это отец или мать говорит с ребенком. Иногда такое происходит, но, как правило, не одобряется, если судить по замечаниям, выражениям лиц и жестам присутствующих при этом очевидцев. Я не припомню, чтобы один взрослый член племени когда-либо не дал другому взрослому члену племени нарушить какие-либо нормы общежития.

Однажды я решил обратиться к одному из моих основных учителей языка, Каабооги, и спросить, не поработает ли он со мной. Я пошел к его хижине и, когда был уже рядом, обнаружил, что его брат Каапаси (*Kaapási*) напился кашасы. Я слышал, как он кричал, чтобы маленькая белая собака Каабооги перестала лаять. Еще через несколько шагов — метрах в пятнадцати от хижины — я увидел и его самого. Тут он поднял свой дробовик и выстрелил собаке в живот. Собака взвизгнула и подпрыгнула; у нее ручьем хлынула кровь, а сквозь дыру в животе свисали внутренности. Наконец она рухнула на землю, подергиваясь и скуля. Каабооги подбежал и поднял ее; на его глаза навернулись слезы, а собака испустила дух у него на руках. Я испугался, что теперь он застрелит одну из собак Каапаси или нападет на него самого.

Все племя не сводило глаз с Каапаси и Каабооги; все затихло, только собаки таякали. Каабооги сидел, не выпуская свою собаку из рук, и в его глазах стояли слезы.

— Ты не будешь мстить Каапаси? — спросил я.

— Ты о чем? — удивленно переспросил Каабооги.

— Что ты будешь делать, раз он застрелил твою собаку?

— Ничего. Я не сделаю плохо брату. Он повел себя как ребенок.

Плохо поступил. Но он пьяный, у него голова не работает. Зря он мою собаку убил. Она мне как ребенок.

Даже если их разозлить, как сейчас Каабооги, индейцы пираха умеют отвечать на обиду с терпением, любовью и пониманием — редко где еще я видел подобное. Конечно, пираха не пацифисты, они тоже не безгрешны. Но мир они ценят, по крайней мере, мир внутри племени. Они считают себя одной семьей — семьей, в которой каждый член обязан защищать всех остальных и заботиться о них. Это не значит, что они всегда соблюдают собственные правила. Все общества нарушают правила. Однако эти исключения лишь подчеркивают норму — принцип взаимопомощи, который в других культурах встречается относительно редко.

С другой стороны, индейцы пираха — индивидуалисты, когда речь идет об их собственном выживании и выживании их семьи. Первым

делом — ты сам и твоя семья. Они не дадут соплеменнику умирать от голода или страдать физически, если могут помочь, но тот, кому помогают, должен быть очевидно уязвим — больной, старик, маленький ребенок, — а помощь должна быть оправдана (например, больной небезнадежен). В остальном каждый несет свою ношу сам. Если мужчина не может предоставить жене и детям кров и пищу, они наверняка уйдут от него к более надежному добытчику. Если женщина ленива и не приносит хворост, маниок с огорода или орехи из джунглей, ее бросят — самое позднее, когда возраст начнет сказываться на ее внешности или плодовитости.

Однако несмотря на это культура пираха пронизана чувством своего племени. Они сразу отмечают, что у чужаков этого чувства нет: на их глазах бразильцы обманывают и обижают бразильцев, а американский папа может побить ребенка. Еще более их удивляют рассказы о том, что американцы в гигантских битвах убивают тысячи людей из других народов и что американцы и бразильцы даже способны убить собственных соплеменников. Кохои однажды сказал мне: «Отец мне говорил: он видел, как его отец убивал других индейцев. Но сейчас мы так не поступаем. Это плохо».

В культуре пираха есть и другие интересные особенности, хотя не все столь же удивительны, как их представление о насилии и войне.

Например, брак и другие отношения людей у племени пираха частично заменяются понятием *kagi*. Его очень трудно объяснить кратко. Так, если индеец пираха видит тарелку с рисом и фасолью⁵ (их либо привожу я, либо продают бразильские торговцы: сами индейцы рис и фасоль не выращивают), он может назвать это рисом с «каги». Если я прилетаю в селение с детьми, индейцы скажут: «Вот идет Дэн с каги». Но то же самое они скажут, и если я приеду с женой. Если кто-то идет охотиться с собаками, они говорят «охотиться с каги». Так что же означает слово «каги»? Как оно связано с браком?

Хотя его непросто перевести одним словом, его значение можно описать как «то, что ожидаемо прилагается». Что именно ожидаемо прилагается к предмету или человеку, определено в культуре. Ваша супруга — это тот человек, который, как по умолчанию предполагается, живет с вами. Подобно рису с фасолью, охотнику с собакой,

⁵ Обычный гарнир, а иногда и основное блюдо в Бразилии; даже в составе более сложных блюд рис и фасоль (бобовая или стручковая), как правило, встречаются вместе (*прим. пер.*).

матери с ребенком, супруги — это единицы общества, которые связаны культурной связью. Однако культура не требует от вас взять одного «каги» на всю жизнь.

Как я уже говорил, чтобы пара стала жить вместе и имела право завести детей, не нужна специальная церемония. Если они до этого не имели пары, они просто селятся в одной хижине. Если же у них были семьи до этого, то они уходят в лес на два-четыре дня, а бывшие супруги ищут их повсюду. По возвращении они заводят свое хозяйство или же, если это была просто «интрижка», возвращаются в свои семьи. Брошенные супруги почти никогда не пытаются отомстить более удачливым соперникам. Отношения между мужчинами и женщинами, юношами и девушками, независимо от семейного положения, всегда очень сердечные и часто граничат с флиртом или даже переходят эту границу.

В сексуальной жизни то же самое. Детям не запрещают сексуальные отношения с взрослыми, если только ребенка к этому не принуждают и не делают ему больно. Я однажды беседовал с Исао'ои (*Xisaoxoi*), мужчиной лет тридцати с небольшим, а рядом с ним стояла девочка лет девяти-десяти. Пока мы разговаривали, она стала любовно гладить его по груди и спине, а потом стала ласкать его между ног через его поношенные штаны. Обоим явно нравилось.

— Что это она? — спросил я с деланным равнодушием.

— Просто играет. Мы часто так вместе играем. Вырастет — возьму в жены, — ответил он беззаботным тоном; и действительно, когда девочка повзрослела, они поженились.

Брак у пираха, как и у всех других народов, определяет ряд моральных принципов, которые поддерживаются по-разному. Меня, например, часто спрашивают, как пираха поступают, если нарушается супружеская верность. Как поведут себя в случае измены эти двое — стареющий мужчина и юная девушка? Как и любой индеец пираха, на мой взгляд, очень цивилизованно.

Решение проблемы супружеской верности может даже показаться смешным. Однажды утром я пошел к своему другу Кохоибииихаи, чтобы позаниматься языком пираха. Когда я подошел к его хижине, все выглядело как всегда. Его жена Ибаихои'ои сидела на настиле, а он лежал, положив голову ей на колени.

— Привет, покажешь мне сегодня новые слова на вашем языке? — спросил я.

Он попытался поднять голову и ответить, и тут я заметил, что Ибаихои'ои держит его за волосы. Только он шевельнулся, как она

отдернула его голову назад, взяла с пола палку и стала лупить его по голове и по лицу, куда придется. Он расхохотался, но не очень громко, потому что она дергала его за волосы каждый раз, когда он шевелился.

— Жена не пустит, — ответил он мне, посмеиваясь.

Его жена тоже ухмыльнулась, но тут же опомнилась и ударила его еще раз, посильнее. Мне показалось, что она била больно. Раз Кохой был не в том положении, чтобы поговорить, я пошел к Ахоабиси, другу моему учителю. Он согласился поработать со мной сейчас же.

Когда мы с ним шли ко мне, я спросил:

— Что случилось с Кохойбиинхиай? Ибаихой'ои держит его за волосы и бьет палкой.

— А, это он с другой загулял ночью, — усмехнулся Ахоабиси. — Поэтому его женщина на него злится. Сегодня никуда его не пустит.

Раз Кохой, сильный мужчина и бесстрашный охотник, пролежал так весь день, позволяя жене колотить его сколько угодно (через три часа я снова проходил мимо и обнаружил их в той же позиции), значит, это наказание хотя бы отчасти добровольное. Однако, с другой стороны, это был способ загладить вину, предусмотренный в культуре. С тех пор я видел и других мужчин, которых таким же образом наказывали жены.

На следующий день все улеглось, но я еще долго не слышал, чтобы Кохой заигрывал с другими женщинами. Неплохой способ бороться с семейными неурядицами, подумал я. Конечно, он не всегда приносит плоды: у пираха бывают разводы (опять же без церемоний). Однако такое наказание за измену все же эффективно: женщина может выказать свое раздражение физически, а муж — показать, что сожалеет о содеянном, подставляясь под удары целый день. Важно заметить, что при этом никто не кричит и не демонстрирует гнев открыто. Смешки и ухмылки — неотъемлемая часть процесса, так как для индейцев самое ужасное прегрешение — это гнев.

Женщины тоже нередко изменяют. Если это случается, мужчина идет искать жену и может обругать соперника или даже угрожать ему. Однако проявлять насилие к кому бы то ни было, к взрослым или детям, у пираха нельзя ни в коем случае.

Другие проявления сексуальности у индейцев шокировали меня, выросшего среди христиан, особенно когда наша культура и культура пираха прямо сталкивались. В тот раз, когда мы второй раз всей семьей жили у пираха, однажды вечером я вышел из спальни в открытую часть нашего дома, у которой не было стен и которая поэтому на деле

принадлежала скорее индейцам, чем нам. Шеннон молча наблюдала за двумя мужчинами, которые развалились на полу прямо перед ней. Они лежали, спустив штаны, смеялись, дергали друг друга за гениталии, шлепали по заду и катались по полу. Когда я вошел, Шеннон широко улыбнулась мне. Меня, отпрыска американской культуры, которая боится секса как огня, эта сцена повергла в шок.

— Эй, хватит тут перед моей дочерью!.. — крикнул я рассерженно.

— Что хватит? — спросили они, перестав смеяться.

— Не делайте так здесь. Не щупайте друг друга внизу перед моей дочерью.

— Ой, — сказали они удивленно. — Он не хочет видеть, как мы забавляемся. — Они подтянули штаны и, как всегда, быстро реагируя на смену ситуации, поинтересовались, нет ли у меня конфет.

Мне не приходилось самому рассказывать Шеннон и остальным детям о том, откуда берутся дети, что такое смерть и о других биологических явлениях. Все, что им нужно, они усвоили, наблюдая за индейцами.

Семьи индейцев пираха более понятны белым. Родители открыто проявляют нежность к своим детям: обнимают, гладят, улыбаются им, играют и болтают с ними, смеются. Это одна из самых заметных черт культуры пираха. Наблюдая за ними, я всегда задумывался о том, что нужно быть более терпеливым: у индейцев родители никогда не бьют детей и не приказывают им, если только им не грозит опасность. Младенцам и маленьким детям (лет до четырех или до того момента, как их отлучат от материнской груди и они начнут активную жизнь) достается много ласки и заботы.

Матери отлучают детей от груди, когда рождается новый ребенок, то есть обычно когда им исполняется три-четыре года. Это событие травмирует ребенка, и тому по крайней мере три причины: недостаток внимания взрослых, голод и труд. Работать должны все; все должны вносить вклад в выживание селения. Ребенок, которого только что перестала кормить мать, должен сразу входить в мир взрослых, мир труда. Ночью, кроме разговоров и смеха, часто слышен детский плач и визг. Это почти наверняка недавно отлученные дети. Однажды, когда вместе со мной к индейцам приехал врач, он разбудил меня ночью.

— Дэн, этот ребенок так плачет, как будто у него что-то болит.

— Все нормально, — ответил я и попытался снова заснуть.

— Нет, не нормально! Ребенку больно. Если ты не пойдешь со мной, я пойду один, — настаивал он.

— Ладно, — сказал я. — Пошли посмотрим. — Но я подумал при этом, что доктор зря сует нос в чужие дела, когда надо бы поспать.

Мы подошли к хижине, где кричал ребенок. Доктор посветил внутрь фонариком. На полу сидел и плакал мальчик лет трех, а его родители и братья, похоже, спали.

— Как они могут спать в таком шуме? — спросил врач.

— Они притворяются, — ответил я. — Они сейчас не хотят с нами говорить о ребенке.

— Я хочу убедиться, — возразил доктор. — Спроси родителей, что с ним.

Я позвал отца мальчика, Оои (*Xooi*):

— Оои, ребенок болен?

Молчание.

— Они не хотят говорить, — сказал я доктору.

— Пожалуйста, спроси еще раз! — попросил доктор. Я начинал на него сердиться.

— Оои, ребенок болен? — повторил я.

Оои поднял глаза и буркнул: «Нет, грудь хочет». В каждом его движении сквозило недовольство, что им не дают покоя. Я перевел доктору.

— Так он не болен? — Доктор не мог понять, верить Оои или нет.

— Нет, все нормально. Пошли спать. — И мы вернулись в свои гамаки.

Когда ребенка перестает кормить мать, он уже не считается малышом, не таким, как взрослые. Теперь он спит не с мамой, а со сверстниками в нескольких шагах от настила, где спят родители. Эти несколько шагов значат очень много.

По окончании кормления детям становится голодно, как всегда голодно взрослым. Но легкий голод — это не беда, считают пираха. Понятно, почему ребенок испытывает потрясение, попав в мир взрослых: его уже не кормят, не ухаживают за ним. Пройдет всего несколько лет, и мальчики будут сами ловить рыбу, пока родители и сестры работают в огороде, собирают плоды или охотятся.

Но жизнь ребенка вовсе не тяжела. Если у них есть игрушки, они играют с ними, особенно предпочитая кукол и мячи (хотя в футбол никто в деревне играть не умеет — им просто нравятся круглые мячи). Ко'ои и его жена Иооитаохоаги удивили меня, потому что они един-

ственные из всех семей с детьми, кого я знал, просили меня привезти игрушки для детей, когда я спрашивал, что им купить в городе.

Сами индейцы умеют изготавливать волчки, свистки, игрушечные лодки и резных кукол, но они делают игрушки, только если попросят чужак. Поэтому не ясно, это часть их родной культуры или нет. С тем же успехом может оказаться, что пираха подсмотрели игрушки у чужих или что они остались как напоминание о более древних, позабытых обычаях.

Есть, впрочем, одно исключение: очень часто, после того как в селении побывал самолет, мальчики начинают собирать щепки бальсового дерева и мастерить модели самолетиков.

Настоящие самолеты нравятся всем. Индейцам, насколько я знаю, встречались три типа самолетов: летающая лодка, гидросамолет с поплавками и «Сессна-206». Летающая лодка приводняется на фюзеляж, а двигатель у нее находится над корпусом. У двух других типов двигатель установлен спереди. Когда самолеты прилетают, мальчики делают себе модели, выстругивая щепки ножами-мачете, и ловко раскрашивают красной краской из плодов аннато (это ярко-красные стручки с такими же семенами и маслом внутри⁶) или, реже, берут каплю крови из пальца и раскрашивают ей.

Мне доводилось видеть, как дети из селений, куда самолет не добрался, через пару дней играли с моделями, построенными по описаниям очевидцев — других детей, которые им все рассказали. Такие игрушки, длиной тридцать-шестьдесят сантиметров и высотой до пятнадцати, делаются по интересной схеме, сочетающей все возможные черты. У них обычно по два пропеллера, а не один, как у настоящих одномоторных самолетов, которые видят индейцы. Один пропеллер мальчики делают над фюзеляжем, а другой — на носу, объединяя в одну две знакомые им разновидности самолетов.

Мои исследования культуры пираха требовали, чтобы я подолгу жил у них. Самая наша длительная экспедиция состоялась, наверное, в 1980-м, когда мы прожили в селении почти целый год. В начале экспедиции я обнаружил, что крытая пальмовыми листьями крыша нашей хижины и пол из пальмовых досок прохудились и их надо заменить. Оказалось, пока нас не было, индейцы полюбили спать на втором эта-

⁶ Аннато — кустарник семейства биковых; порошок или паста из его семян используются индейцами Амазонии в ритуалах, а также широко применяются как пищевой краситель: в национальных кухнях Латинской Америки и в пищевой промышленности (E160b) (*прим. пер.*).

же, где у меня был кабинет, а так как им нравится смотреть на звезды, они провертели в крыше дыры и тем самым ее испортили.

Однако эта история с крышей стала для меня началом знакомства с настоящим миром индейцев пираха — с джунглями, и благодаря этому я со временем стал думать о них лучше. Я понял, что они — едва ли не самые изобретательные в мире специалисты по выживанию. Увидев их в джунглях, я понял, что селение — это своеобразная гостиная, где они отдыхают. А по одному только отдыху людей не понять. Джунгли и река — вот их рабочее место, их мастерская, ателье и площадка для игр.

Увидев, в каком состоянии наша крыша, я спросил индейцев, не помогут ли они мне набрать листьев для крыши и древесины пашиубы для пола (в нем тоже были дыры от костров, которые индейцы там разводили в наше отсутствие). Мне еще не доводилось забираться в джунгли далеко, хоть я и провел в племени пираха много месяцев. Я не осознавал, что этим лишал себя возможности узнать моих соседей намного ближе.

Хороший лингвист должен не только проводить много времени за письменным столом, но и не меньше — среди людей. Поэтому я решил пойти с индейцами в лес за материалом для крыши, чтобы помочь им, поучиться у них и поучаствовать в их труде.

И я стал готовиться к походу. У меня была португеза армейского образца, и на нее я привесил две литровые фляги, тоже из списанных армейских резервов, доверху наполненные водой, и мексиканский мачете типа «Акапулько». Пятеро индейцев, у которых из снаряжения был только топор и несколько ножей, посмеялись над моим видом: длинный рукав, длинные брюки, ботинки, панамы, фляги и огромный мачете. Но мы все же тронулись, и мои компаньоны спокойно беседовали и смеялись, а я звенел металлом на каждом шагу, фляги стучались о мачете, мачете задевал за деревья и при этом попадал мне рукоятью между ног, с чем я безуспешно пытался бороться.

Примерно полчаса спустя деревья стали выше, лес темнее, подлесок реже. В воздухе посвежело. Зажужжали москиты. Потом раздался мой любимый звук в джунглях — резкое «хви-хвиу» сорокопутовой пихи⁷. Тут я заметил, как переменялось поведение моих спутников. Они шли, скрестив руки перед грудью, так что получалась большая

⁷ Сорокопутовая пиха — небольшая птица, дальний родственник воробья; ее крик громкий, высокий, необычного для птиц тембра. Ее голос использован в популярной видеоигре *Angry Birds* (прим. пер.).

буква Х: так им требовалось меньше места, чтобы пройти; шагали при этом так быстро, что мне приходилось иногда переходить на бег, чтобы успеть. Двигались они легко и уверенно.

На пути попался ручей, и его надо было перейти по заросшему лишайником бревну. Индейцы перешли, даже не задумываясь, а я прошел пару шагов по бревну, поскользнулся и рухнул в воду. Я выбрался почти так же быстро, как упал: ведь в таких ручьях водятся ядовитые скаты, анаконды и маленькие кайманы, неуклюже вскарабкался на берег, нашел след своих друзей и нагнал их. Индейцы делали вид, будто не заметили, как я упал: ведь это я оплошал, и поэтому они не предлагали помочь, чтобы мне не стало еще стыднее. Они только засмеялись, когда я их догнал: мол, не переживай, с кем не бывает (конечно, на самом деле *с ними* не бывает, а также с их детьми, собаками, стариками и немощными). Наконец мы набрали на рощицу пальм-пашиуб. Я помог им рубить стволы и быстро заметил, что, хотя я крупнее и сильнее, топор индейцев всегда врезался в дерево глубже. Они лучше работали топором, их движения были скупее. Я обливался потом и уже опустошил одну свою флягу. Индейцы не потели и ничего не пили.

Когда мужчины прикинули, что мы набрали столько, сколько сможем унести в одну ходку, мы связали стволы и ветки в вязанки. Каждый взял по одной-две, и мы пошли обратно в селение — это несколько километров. По дороге туда казалось, что тропа идет самым очевидным образом, но теперь я стал путаться в направлениях и сбавил шаг, чтобы увидеть, куда они пойдут. Они заулыбались и встали. «Давай, иди первым, — с хохотом предложили индейцы. — Отведи нас назад»

Я попробовал. Но раз за разом поворачивал не туда, заводя всех в непролазные тупики. Индейцам было очень забавно: несмотря на то что мы тратили время на каждый обход, они были вполне довольны тем, как я веду. Никто никуда не спешил. Когда я набрел на более заметную главную тропу, мы пошли в спокойном темпе и моя ноша стала тяжелеть. На каждом шагу вязанка на спине зацеплялась за нависающие ветви или ударялась о стволы деревьев, я спотыкался о торчащие корни и поскользнулся на скользких листьях. Я вымотался и очень устал. К моему удивлению, индейцы, похоже, не устали нисколько.

В селении мужчины пираха старались не носить тяжести. Когда я просил их помочь перенести какие-нибудь ящики или бочки, они всегда отзывались с неохотой. Если же они приходили помочь, то едва могли поднять предметы, которые я носил с легкостью. Тогда я подумал, что они просто слабые и быстро устают. Но я ошибся. Дело

в том, что в быту им не нужно переносить тяжелые грузы для чужаков, и поэтому они не хотели показывать свое неумение с ними обращаться. К тому же им не нравилось, как я прошу их помочь в том, что, по их мнению, должен делать сам. А сила и выносливость здесь ни при чем.

Мы шли дальше, и я чувствовал, что устаю все больше; я снова покрылся потом. Я не был уверен, что дойду с этой ношей до селения. Но тут мои мысли прервал Ко'ои, который поравнялся со мной, улыбнулся, взял мою вязанку и переложил себе на плечи, добавок к своей доле. «Не умеешь их носить», — только и сказал он. А ведь он взвалил на себя лишних килограммов двадцать. Это само по себе очень много, если надо с грузом пройти несколько километров по узкой тропе в джунглях, раздвигая низко висящие ветки. Всего же он нес теперь около сорока килограммов, и я понимал, как ему тяжело. Вот так, работая, проливая пот вместе, смеясь над собственными затруднениями и ошибками, мы с индейцами сдружились во время походов в джунгли.

Еще одной частью культуры пираха, которую я хотел понять в ту первую попытку описать их важнейшие ценности, было принуждение, то есть то, как община пираха велит своим членам делать то, что она считает нужным.

Существует устоявшееся мнение, что у большинства американских индейцев есть вожди или какие-то подобные местные лидеры. Это не так. Многие племена американских индейцев по традиции живут в равенстве. Повседневную жизнь таких общин — а их намного больше, чем кажется поначалу, — не регулирует никакое руководство.

Ложное представление о том, что у большинства коренных жителей обеих Америк есть некая естественная монархия, имеет несколько истоков. Во-первых, мы обычно проецируем ценности, механизмы и схемы собственного общества на чужие. Поскольку нам трудно представить свое общество без каких-либо лиц, наделенных властью в первую очередь для охраны и поддержания правил общественного порядка, нам так же трудно вообразить себе, что долговечные и хорошо налаженные сообщества могут существовать без таких правил.

Во-вторых, представления многих людей на западе сильно искажены голливудскими фильмами и другими художественными образами индейских племен. В фильмах мы редко увидим индейское племя без харизматичного вождя.

Наконец, и это самое главное, западному обществу удобнее вести дела с вождями индейских племен. Например, без отдельного представителя всего племени почти невозможно получить юридические права доступа к земле племени или даже получить ее в собственность. Поэтому часто случается — как, например, в области Шингу в Бразилии и во многих других местах, — что вождей просто назначают белые и наделяют их полномочиями (чаще всего надуманными) быть представителями «своего» племени, чтобы облегчить себе самим доступ к владениям индейцев.

Представление о том, что у всех племен должен быть вождь, возникло отчасти из-за одного общеизвестного факта: структура общества предполагает контроль, а централизованный контроль более понятен большинству людей, чем диффузные, распределенные по всей общине властные полномочия, которые существуют во многих племенах американских индейцев. Французский ученый рубежа девятнадцатого и двадцатого веков Эмиль Дюркгейм, основоположник социологии, убедительно доказал, что в основе общества лежит принуждение. Членов любого общества объединяют общие ценности и нормы, и большинство людей остается в пределах, очерченных этими ценностями (два очевидных исключения — преступники и сумасшедшие, то есть маргинальные слои общества, нарушители норм).

Итак, у пираха есть общество. Значит, если Дюркгейм и другие социологи — и даже просто здравый смысл — в этом правы, у индейцев должен быть какой-то способ держать соплеменников в узде, обеспечивать единообразное поведение. В конце концов, такое поведение приносит пользу как всему обществу, так и составляющим его личностям: в частности, оно обеспечивает исполнение ожиданий. Так как же проявляется принуждение в этом обществе?

У индейцев пираха нет «официального» принуждения: ни полиции, ни судов, ни вождей. И все же принуждение существует, и две основные его формы, которые мне довелось наблюдать, — это игнорирование и воля духов.

Если кто-то ведет себя ненормально и мешает жить остальным, его будут постепенно все больше игнорировать и в конце концов изгонят. Так, один старик по имени Хоааипи (*Hoaaipi*), которого я встретил в первые годы своей жизни с индейцами, выделялся тем, что жил со своей женой наособицу, на заметном расстоянии от хижин остальных членов племени. Когда он приплыл на лодке встретиться со мной в первый раз (всего я видел его дважды), у него не было привозных инструментов, его лодка была индейская «кагахои», а не бразильское

каноз, а из одежды он носил лишь набедренную повязку. Это означало, что он находился за пределами нормальных отношений обмена и социального общения, в которые вовлечены практически все члены племени. Когда он приплыл в селение, на него глазели еще больше, чем на меня. У него была свежая рана от стрелы; ее нанес другой индеец, Тиигии (*Tiigii*). Старик не просил лечить эту рану, но попросил у меня кофе и сахару, которые я ему дал с радостью, просто в обмен на возможность встретиться. И хотя мне он показался просто добрым стариком, индейцы не хотели его видеть. Они говорили, что он злой. Я до сих пор не представляю, что они имели в виду, но после него я видел и других индейцев, изгнанных из племени пираха.

Еще одна разновидность игнорирования — не такая жестокая, но и более обычная — это некоторое время не давать провинившемуся еды. Обычно отлучение от пищи продолжается день или пару дней, не дольше. Ко мне много раз приходили мужчины из племени и жаловались, что такой-то сердится на них по той или иной причине и не дает лодку для рыбалки или же что никто не делится с ними пищей. При этом они либо просили меня вмешаться, но я отказывал, либо просили еды, и я делился с ними, стараясь все же не показывать, что я как-либо вовлечен в их внутренние распри.

В свою очередь, духи могут сообщить индейцам, что племя сделало зря или от чего должно воздержаться в будущем. При этом они могут выбрать одного человека для передачи своих слов или обратиться ко всему селению сразу. Пираха внимательно выслушивают увещания своих «каоаибоги» (*kaoaíboǵi*) и часто следуют им. Так, дух может сказать что-то вроде: «Не надо мне Иисуса. Он не из пираха», или «Не ходите завтра на охоту вниз по течению», или повторить общепринятые ценности, например: «Не ешьте змей». Таким образом, племя пираха поддерживает свои нормы с помощью изгнания, отлучения от пищи и советов духов. По меркам других обществ, у пираха очень мало принуждения, однако, кажется, его хватает для того, чтобы сдерживать отклоняющееся от нормы поведение соплеменников.

Мои дети, росшие в среде амазонской культуры на положении меньшинства, научились «видеть» мир иначе, что сказалось на их развитии как личностей. Когда мои дети впервые познакомились с племенем пираха, все они закричали в один голос, что не видали никого уродливее этих индейцев. Пираха редко моются с мылом (у них его просто нет), женщины не причесываются (расчесок тоже нет), и всякий ребенок народа пираха непременно перемазан грязью, соплями

и кровью. Однако, когда мои дети поближе познакомились с племенем, их взгляды переменялись. Почти год спустя, когда приехавший к нам бразильский военный заметил, что пираха уродливы, мои дети не на шутку рассердились: «Как можно говорить, что они уродливые?» — спрашивали дети у меня. Они забыли, что думали раньше, и привыкли считать пираха красивыми. Они научились думать и как американцы, и как бразильцы, и как индейцы. Шеннон и Кристин быстро подружились с местными детишками и стали исчезать по утрам со своими сверстницами из племени, если не надо было делать задания; они плавали на лодке по реке и возвращались только поздним вечером с ягодами, орехами и другими лакомствами джунглей.

Мои дети также научились от индейцев справляться с опасностями дикой природы. Так, однажды мы с Шеннон отправились вместе с индейцами охотиться на анаконду Кохоибииихаи (*Kóhoibiihíai*), мой добрый друг и учитель языка, попросил меня отвезти его в моторке вместе с его братом Поиои (*Poiói*) на условленное место минутах в четырех вверх по реке. Когда мы приплыли, он сказал заглушить мотор, чтобы мы могли подойти к берегу на веслах. Я сделал, как он велел, и Кохои с Поиои бесшумно подгребли к правому берегу, где над водой нависали ветви деревьев. Кохои повернулся к нам с Шеннон и спросил:

— Видите ее нору — вон там, едва под водой?

— Нет, — ответили мы. Я не видел решительно ничего.

— Смотри! — сказал он, взял лук высотой с человеческий рост, какие делают пираха, и потыкал им в воду несколько секунд. — Сейчас взъерится. — И он хихикнул. — Видишь?

— Нет, — ответил я. Мы с Шеннон ничего не видели в воде, взбаламученной дождями.

— Смотри, ил! — воскликнул Кохои. — Вылезает!

Тут я увидел небольшое завихрение ила под водой, но не успел я и рта раскрыть, а Кохои выпрямился во весь рост и натянул лук. Ффу! Ффу! — две его стрелы сорвались с тетивы и ушли под воду меньше чем за секунду.

И тут же из-под воды выметнулась трехметровая анаконда, пронзенная в двух местах длинными стрелами, и забилась в конвульсиях.

— Помогите втянуть, — сказал Кохои мне и брату, который стоял и широко улыбался.

— Что мы с ней сделаем? — спросил я, подтягивая ближе тушу змеи и пытаясь ухватить ее за хвост, чтобы перевалить в лодку. Шеннон стояла, открыв рот от удивления. Я знал, что пираха не едят змей,

и поэтому не мог понять, зачем им везти с собой извивающуюся громадину.

— Привезем к нам, женщин попугаем, — ответил Кохои со смехом.

Мы отвезли тушу в селение. Когда мы уже причалили, я увидел, что змея снова зашевелилась, и стал колотить ее по голове веслом, чтобы прикончить наверняка, пока не сломал весло. Кохои и Поиои долго смеялись: ей же голову пробил стрелой, а он еще волнуется. Затем мы вытащили стрелы и положили мертвую змею в воду у самого берега — там, куда женщины ходили мыться.

— Вот испугаются! — смеялись Кохои и Поиои, поднимаясь бегом по берегу в селение.

Я пришвартовал лодку и снял мотор, а потом мы с Шеннон тоже поднялись к селению. Шеннон убежала вперед рассказать маме и брату с сестрой, что мы сегодня видели.

Попытка напугать женщин, однако, не удалась. Они видели, как мы привезли змею, и, как только мы покинули берег, они сбежали вниз, вытащили анаконду из воды и рассмеялись.

Подобные шутки срабатывают благодаря сильному чувству общности индейцев пираха. Они позволяют себе демонстрировать сарказм, устраивать розыгрыши вроде мертвой анаконды на пляже и тому подобное, потому что они тесно связаны узами доверия внутри общины (не абсолютного доверия, конечно, — ведь и у них случаются кражи и супружеские измены, — а доверия в том смысле, что каждый член племени понимает другого и уважает те же ценности).

И это чувство единения, *xahaigi*, зарождается в семье, между родителями и детьми, где индейцы усваивают эти ценности и родной язык. Семья — это центр общества пираха. В некотором смысле все соплеменники — братья, однако самая тесная родственная связь пролегает именно между родителями и детьми.

ГЛАВА 7

ПРИРОДА И НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ ВОСПРИЯТИЯ

Чтобы понять индейцев пираха, совершенно необходимо понять их отношение к природе. Это не менее важно, чем изучить их материальную культуру и устройство общества. Когда я стал пристальнее исследовать связь пираха с природой, я обнаружил, что их представления о естественном ходе вещей и связи природы с человеком отражены в особых понятиях. Особенно характерны два слова — *bigí* и *xoi*; они помогут нам понять мировоззрение пираха.

О том, что такое *bigí*, я узнал однажды после тропического ливня. Вначале я записал фразу *bigí xihóixaagá*, которая должна была значить ‘мокрая, глинистая земля’. Потом я указал на затянутое облаками небо, чтобы услышать, как будет «облачное небо». Но мой информант ответил тем же самым *bigí xihóixaagá*, опять ‘мокрая земля’. Я подумал, что чего-то не понял. Земля и небо — это совсем разные вещи. Поэтому я пошел к другим носителям языка, но все давали один и тот же ответ. Конечно, возможно, все они давали непредвиденный ответ: что-нибудь типа «ты дурак» или «ты показываешь пальцем». Но я был, в общем, уверен, что дело не в этом.

Эти два понятия важны по ряду причин. Особенно они интересны тем, что помогают понять, как пираха представляют себе болезнь. Это я узнал в самом начале работы, когда Кохоибииихиаи говорил со мной о своей дочери Ибии (*Xibii*). Я пытался объяснить ему, почему она больна малярией, и заговорил о комарах и крови.

— Нет, нет, — перебил меня Кохои. — Ибии больна, потому что наступила на лист.

— Что? Но я же тоже наступил на лист. И я не болен, — ответил я, удивленный его реакцией.

— Лист сверху, — ответил он, что было еще более загадочно.

— Какой лист сверху?

— Бескровный с верхнего «биги» (*bigi*) спустился на нижний «биги» и оставил лист. Когда люди пираха наступают на листья с верхнего «биги», они заболевают. Эти листья как наши листья. Но от них заболевают.

— А как ты знаешь, что это лист с верхнего «биги»? — спросил я.

— Потому что если на него наступить, то заболеваешь.

Я еще расспросил об этом Кохои, а потом поговорил с несколькими другими индейцами. Выяснилось, что пираха представляют вселенную подобной слоеному пирогу, и каждый слой отделен от другого границей, называемой «биги». Есть миры над небом и миры под землей. Я понял, что эти верования похожи, хотя и не во всем, на представления племени яномами, которое тоже верит в многослойную вселенную.

Как и «биги», второй термин для описания природы — «ои» (*hoi*) — имеет более широкое значение, чем я думал сначала. Поначалу я полагал, что «ои» просто означает «джунгли», потому что чаще всего это слово употребляют именно так. Затем, однако, я понял, что это слово обозначает все пространство между двумя «биги». Нечто вроде «биосферы» и одновременно «джунглей», подобно нашему слову «земля», которое может обозначать и всю планету, и почву на ее поверхности. Если вы идете в джунгли, вы скажете: «Я пошел в ои». Если вы хотите сказать, чтобы кто-то не шевелился, например, в лодке или если на человека село опасное насекомое, вы говорите: «Не шевелись в ои». В ясный день вы скажете: «Хорошее ои». Таким образом, значение этого слова шире, чем просто «джунгли».

Эти слова стали для меня откровениями и позволили понять, что существуют иные способы осмыслить природу. Однако меня ждали еще большие сюрпризы.

Один из первых: похоже, у пираха нет счетных слов и чисел! Сначала я думал, что в языке пираха есть слова «один», «два» и «много», что не редкость среди языков мира. Но потом я понял, что те слова, которые я и предыдущие исследователи принимали за числительные, означают только относительно большее или меньшее количество. Я стал это замечать, когда индейцы стали спрашивать меня, когда снова прилетит самолет. Со временем я понял: им нравилось меня спрашивать, потому что им казалось практически волшебством, что я знаю, на какой день прилетит самолет.

Я мог поднять два пальца и сказать: «Хои» (*Hoi*), — используя слово, которое, как мне казалось, означает «два». Индейцы отвечали изумленными взглядами. Когда я стал наблюдать за ними

пристальнее, я увидел, что они никогда не считают ни на пальцах, ни на других частях тела¹, ни с помощью счетных предметов. Кроме того, я увидел, что они используют слово, которое я принимал за «два», когда говорят о двух маленьких рыбах или об одной умеренно крупной рыбине, что подтверждало мою мысль о том, что эти «числа» просто указывают на относительную величину: две маленькие или одна средняя рыба примерно равны по объему, но в любом случае меньше, чем крупная рыбина, что и заставляет использовать специальное «числительное». В конце концов ряд специалистов-психологов провели при моем участии серию экспериментов, которые потом были представлены в научных публикациях, и убедительно доказали, что у индейцев пираха нет слов для обозначения числа и нет никакого счета.

Однако я получил прямые доказательства того, что в языке пираха нет слов для счета, еще до этих опытов.

В 1980 г., по просьбе самих индейцев, мы с Керен начали цикл вечерних уроков чтения и счета. Участвовала вся моя семья — Шеннон, Кристин и Калев (им было девять, шесть и три года соответственно)

¹ Это не так удивительно. Во многих языках Новой Гвинеи, например, счет ведут по всем суставам обеих рук и частям лица и поэтому не загибают пальцы, как мы, а прикасаются к соответствующей части тела. Базовым числом в такой системе будет не привычное нам число 10, а относительно экзотическое — например, 27 или 23 (*прим. пер.*).

сидели рядом с индейцами и делали задания с ними вместе. Каждый вечер, в течение восьми месяцев, мы пытались научить взрослых индейцев пираха считать до десяти на португальском. Они хотели этому научиться, потому что не понимали, как устроены деньги, и хотели сразу видеть, не обманывают ли их речные торговцы (по крайней мере, они это объясняли так). Но спустя восемь месяцев ежедневных стараний, при том что даже звать на уроки никого не приходилось (все индейцы собирались сами и с большим воодушевлением), индейцы поняли, что эта премудрость им не по зубам, и уроки прекратились. Ни один человек в племени не научился за восемь месяцев считать до десяти. Никто не научился складывать три плюс один или даже один плюс один (если под «научился» подразумевать, что верный ответ он дает постоянно, раз за разом). Правильные ответы звучали лишь изредка.

Как бы ни объяснялось то, что пираха не могут научиться считать, я считаю, что одним из важнейших факторов стало то, что они, в общем, не ценят знания бразильцев (и американцев тоже). И даже активно сопротивляются проникновению этой информации в их жизнь. Они спрашивают о чужих культурах в основном, чтобы посмеяться. Если, как мы и поступали на занятиях, предположить, что на конкретный вопрос есть предпочтительный — правильный — ответ, это не нравится индейцам, и они, скорее всего, попробуют сменить тему или рассердятся.

Еще один схожий пример — то, как индейцы «записывали рассказы» на бумаге, которую я им выдавал по их же собственной просьбе. Эти записи состояли из рядов повторяющихся идентичных круглых по форме значков, и тем не менее их авторы «зачитывали» мне по ним рассказы о том, что они сегодня делали, что кто-то заболел и так далее, утверждая, что читают эти записи. Иногда они рисовали значки и показывали их мне, произнося португальские числительные. Им было все равно, что значки выходили одинаковые или что у каждой цифры или символа свой облик, который нельзя нарушать. Если я просил их нарисовать один и тот же знак дважды, они никогда с этим не справлялись. При этом им казалось, что они изображают то же, что и я. На занятиях мы не могли добиться, чтобы индеец нарисовал прямую линию без многочисленных подсказок, и после этого без подсказки повторить эту линию они не могли. Отчасти это было связано с тем, что им нравился сам процесс совместного рисования, но также и с тем, что сама идея «правильной» формы рисунка была им совершенно чужда.

Всё это интересные факты, и я стал подозревать, что они обусловлены неким более общим принципом в культуре пираха. Но пока что я не понимал, что это за принцип.

Далее, обсуждая язык пираха с Керен, Стивом Шелдоном и Арло Хайнриксом, я заметил, что у пираха нет непроизводных названий цветов, то есть таких обозначений цвета, которые не были бы образованы от других, более конкретных слов. До этого я просто соглашался со Стивом, что такие слова у пираха есть. В его списке были слова «черный», «белый», «красный или желтый», «зеленый или синий».

Однако, как выяснилось, это были не отдельные слова, а словосочетания. Более точный их перевод такой: «кровь грязная» — черный; «оно видит» или «оно прозрачное» — белый; «оно как кровь» — красный; «оно еще незрелое» — зеленый.

Я считаю, что названия цветов имеют одно сходство с числами. Числа — это обобщения, которые группируют предметы во множества, объединенные по арифметическим характеристикам, а не по конкретно-предметным, непосредственно наблюдаемым признакам. И таким же образом, как показали многочисленные исследования психологов, лингвистов и философов, понятия цвета — это, в отличие от других прилагательных и вообще других слов, некие обобщения, которые вносят искусственные разграничения в непрерывный по природе спектр видимого света.

Сказанное не означает, что индейцы пираха не видят разные цвета или не называют их. Они видят цвета вокруг себя так же, как и мы. Однако они не обозначают видимый цвет отдельными словами, которые жестко привязаны к определенным обобщенным представлениям о цвете. Они описывают цвет целыми фразами.

Нет числительных, нет счета вообще, нет обозначений цветов. Я все еще не понимал, в чем дело, но накапливавшиеся данные постепенно помогали оформиться новой идее, по мере того как я изучал все больше диалогов и рассказов на языке пираха.

Затем я установил, что в их языке отсутствуют и такие слова, которые, по мнению лингвистов, должны иметься в любом языке: количественные показатели вроде «все», «каждый», «всякий» и других.

Чтобы понять это, будет полезно рассмотреть ближайшие эквиваленты этих слов в языке пираха (соответствующие слова выделены жирным шрифтом):

Hiaitihí hi ogixáagaó pió kaobíi

‘Большинство людей племени пошли купаться / плавать’ (букв. ‘большое людей...’).

Ti xogixáagaó itii isi ogió xi kohoaibaai, koga hói hi hi Kóhói hiaba

‘Мы съели большую часть рыбы’ (букв. ‘Мое большое съело большое рыбы, но было маленькое, что мы с Кохой не съели’).

Следующее предложение ближайшее по значению к понятию «каждый», что мне удалось найти:

Xigihí hi xogíáagaó xoga hápii. Xaikaibaísi, Xahoaápati pió, Tíigi hi pió, ogíáagaó

‘Все мужчины ушли на огород’ (букв. ‘Большое мужчин все ушли на огород. Аикайбаиси, Ахоапати, Тииги их большое ушли’).

Gátahai hóihii xabaxáigio aoaagá xagaoa koó

‘В каное чужеземца было несколько банок’ (букв. ‘Малое банок, оставшееся вместе, было в брюхе каное’).

Однако есть два понятия, обычно употребляемых при разговоре о том, сколько было съедено или сколько требуется пищи, которые, если судить по их примерному переводу, могут оказаться количественными показателями: «целое» — *báaiso* и «часть» — *gíiái*.

Tiobáhai hi báaiso kohoaísoogabagai

‘Ребенок хотел / хочет съесть это все’ (букв. ‘Ребенок множество / целость есть хочет’).

Tiobáhai hi gíiái kohoaísoogabagai

‘Ребенок хотел / хочет съесть часть этого’ (букв. ‘Ребенок вот от того есть хочет’).

Помимо буквального значения, есть некоторые препятствия для того, чтобы считать эти слова количественными показателями. Во-первых, они могут использоваться так, как настоящие слова этого типа не могут. Это проясняет следующий пример. Допустим, кто-то только что убил анаконду. Кохой характеризует это первой фразой. Затем кто-то берет себе часть туши, пока ее не продали мне. После этого Кохой скажет вторую фразу, но в ней сохранится слово *báaiso* ‘целый’. В английском² такое невозможно.

² В русском это тоже невозможно (прим. пер.).

Xáooi hi paóhoa'ái xisoí báaiso xoaboiháí

‘Чужеземец, наверно, купит всю кожу этой змеи’.

Xaió hi báaiso xoobáhá. Hi xogió xoobáhá

‘Да, он купил ее всю’.

Чтобы понять, почему этот пример доказывает отсутствие подлинных количественных слов в языке пираха, давайте сравним с примером из нашего языка. Представьте, что кто-то — например, продавец — говорит вам: «Да, я вам продам *всё* это мясо».

Вы платите ему за весь кусок.

Но затем он отрезает от этого куска на ваших глазах, а потом заворачивает и отдает вам всё, что осталось. Как вы думаете, он поступил нечестно? Если да, то это потому, что слово «всё» или «все», если оно употреблено правильно, означает, что ничего в остатке не будет, что мы говорим о всей массе чего-либо или о всех элементах какого-либо множества отдельных предметов. Носители языков, где есть слово «всё», не скажут, что в этой ситуации продавец продал *всё* мясо; он продал большую часть, но не всё. Лингвисты и философы называют такие свойства количественных показателей «условиями истинности». Условия истинности — это те обстоятельства, при которых носители языка согласны, что слово использовано правильно. Эти условия, конечно, могут меняться. Так, если ребенок скажет: «В гости придут все ребята», — ни сам он, ни родители не подумают, будто в гости придут все дети в мире, в стране или даже в городе; придут только его друзья. В данном случае ребенок использует слово «все» не в самом точном значении, но такое приближение все равно приемлемо. И вся загвоздка в том, что в языке пираха эти условия истинности ни для какого слова не предусматривают точное, определенное значение, как у слова «все» («каждый элемент во множестве»).

Мы это понимаем потому, что в ситуации, подобной нашему примеру, индеец пираха всегда скажет, что, хотя кусок змеиной кожи исчез, все же «он купил всю кожу анаконды». Если бы это слово действительно значило «вся», так сказать было бы нельзя. Значит, в языке пираха количественных показателей нет.

Все новые и новые открытия в культуре пираха заставили меня пристальнее взглянуть на некоторые менее очевидные ценности их общества. Для этого я в первую очередь стал изучать их рассказы.

Беседы с индейцами и запись их рассказов занимали большую часть времени, которое я проводил в селении, так как они явно передавали ценности и верования всего племени, выставляя их в таком свете, который не могли на них пролить простые наблюдения. Даже тематика рассказов говорила о многом — индейцы не рассказывают о том, чего не видели сами: о далеком прошлом, о далеком будущем, о выдуманных событиях.

Одна история, которая мне всегда нравилась, — это рассказ Каабооги (*Kaaboogi*) о том, как он убил пантеру, рассказанный в тот же день. Пантера весила не меньше ста килограммов (моя оценка основывается на размерах ее головы и на том факте, что даже четверо индейцев не смогли донести ее тушу целиком до селения). Голову и лапы охотник сам принес в селение, чтобы показать мне.

В первой версии истории, рассказанной сразу после того, как он показал мне останки зверя, было больше деталей. Он рассказал, что пошел охотиться, и его собака почуяла запах и убежала далеко вперед. Затем он услышал, как собака тявкнула и вдруг замолкла. Он побежал посмотреть, что случилось, и нашел половину собаки по одну сторону упавшего бревна, а половину — по другую. Подходя ближе, он краем глаза заметил черный сполох справа. С ним был однозарядный дробовик 28 калибра, который ему купил я; он развернулся и сразу выстрелил из этого жалкого оружия, так что часть дроби попала пантере в глаз. Она упала на бок, но попыталась снова встать. Поскольку дробовик сам не выбрасывает стреляные гильзы, Каабооги быстро выбросил гильзу сам и перезарядил ружье; всего у него было три патрона. Он выстрелил второй раз и перебил пантере лапу; третьим выстрелом он убил зверя.

Голова пантеры была намного больше моей, а лапы целиком закрывали мою ладонь. Когти были длиной в полпальца; клыки насчитывали сантиметров семь в длину.

Когда я попросил Каабооги сесть и рассказать эту историю под запись, он рассказал ее так, как изложено ниже. Я удалил большую часть лингвистических подробностей, чтобы она читалась легче. Разговор с человеком из радикально иной культуры, как показывает этот рассказ, требует не просто верной передачи значения слов. Можно правильно перевести каждое слово и все равно не понять историю целиком. Это связано с тем, что в наших рассказах всегда содержатся невысказанные представления нашей культуры о мире.

Охота на пантеру

1. *Xakí, xakí ti kagáihiaí kagi abáirí koái.*
Здесь, здесь ягуар прыгнул на мою собаку и убил ее.
2. *Ti kagáihiaí kagi abáirí koái. Xaí ti aiaí xaiá.*
Ягуар прыгнул на мою собаку и убил ее. Это случилось со мной.
3. *Gaí sibaibiababáoríia.*
Вот ягуар убил собаку, прыгнул на нее.
4. *Xi kagi abáirísigíai. Gaí sii xísapikobáobíihaí.*
На нее, на собаку прыгнул ягуар. Я думал, я это видел.
5. *Xaí ti xaiá xakí Koraíai kagi abáiráhái.*
И вот я, значит, пантера прыгнула на мою собаку.
6. *Xaí Koraíai kagi abáiráhái.*
Тогда пантера прыгнула на мою собаку.
7. *Xaí ti gáxaiá. Koraíai xáaga háia.*
Тогда я сказал. Это все [сделала] пантера.
8. *Xaí koraí ti gáí. Xaki xisi xísapi kobabáoríihaí.*
Тогда я сказал о пантере. Вот где она прошла. Я думаю, что вижу, [где она прошла].
9. *Mm ti gáxaiá. Xakí xísao bogáxaiá xai.*
Мм, сказал я. Тогда ягуар вспрыгнул на бревно.
10. *Giaíbaí, koraíai kági abáiráhái.*
А на собаку он напал.
11. *Koraíai xibaikoáisaagáhái.*
Пантера убила собаку ударом.
12. *Xaí kapágobaósobáibáohoagáixiigá xaí.*
Потом, когда я выстрелил, ягуар, он завалился.
13. *Kaapási xaí. Ti gáí kaapási kaxáowí kobáaátahái.*
Я сказал Каапаси. Брось [мне] корзину.
14. *Xi kagihoi xóbáaátahái. Kagi abáirí.*
Брось мне корзину. Положить собаку.
15. *Sigíaihi xaí báohoiráí. Xisao xabaabo.*
Кошка — та самая. Она напала на собаку.
16. *Koraíai xisao xabaabáhataío. Xaí xabaabáataío.*
Пантера напала на собаку. Так она сделала, что собаки больше нет.
17. *Xi kagigía xiowi hi áobísigío. Kagigía xiowi.*
Положи ягуара в ту же корзину, что и собаку.

18. *Hi aobisigío xabaabátaó. Hi agía sóхоа.*
Положи его вместе с собакой, он сделал так, что собаки больше нет. Она поэтому уже [мертвая].
19. *Xisagía xígáipáó. Kághoi хоóобáhá хай.*
У тебя в корзине части ягуара. Поставь корзину на голову.
20. *Giaibáihí хай хахоаó хитаóгíхааgáhá хай.*
Собака тогда, ночью, его учуяла.
21. *Kághí хí gíí bagáihí kághí abáboítaá híabá.*
А он был прямо на ней. Он напал на собаку и убил ее.
22. *Kághí aboiboítaásogabaisai. Хоóаgá.*
Он хотел напасть на собаку. Очень хотел.
23. *Хай tí gáxaiá хай Каарáси hí íси hí...*
И тогда я говорил, и тогда Каапаси, он, зверь, он...
24. *Кáарí хоogabisahái. Карáобíгáаtí.*
Не стреляй издали. Стреляй сверху.
25. *Хí tí боítaобíhái. Хíкоабáобáháтаío хisagía.*
Я быстро пришел туда, где это происходило, встал на бревно, убил его (зверя), так что он изменился (умер).
26. *Хí коабáобíгáháтаío. Хíkaháпíí híabaháтаío.*
Он умирал. Поэтому он не мог убежать.
27. *Хíгíхай хí коабáобááтаío. Хай коабáобíгá.*
И вот так он умер. Он умирал.
28. *Хай Каарáси, хíгíа харáобíсáihí.*
Тогда Каапаси, да, он застрелил его.
29. *Хай sagía коábáобáí. Хisagía sitoáopáó kahápitá.*
Тогда зверь изменился и стал умирать. Потом зверь встал и снова ушел.
30. *Коábáобáísai.*
Он долго умирал.
31. *Тí хagía kapaígáобítahái. Хítoihío хíáihíхай.*
Я поэтому снова выстрелил и сломал ему локоть.
32. *Тí í kapaígáобítahái. Хай tí gía карáобíсо.*
Потом я снова выстрелил. Снова выстрелил потом.
33. *Коабáí. Коабáíгáобíhаá хай. Хísaitaóгí.*
Он умер. Так вышло, что он умер. У него был густой мех [выражение пиреха, которое означает, что зверь был силен].
34. *Хí коаíí. Нí abááтаогíísai. Хísaitaóгí.*
Так он умирал. Он не двигался. Его было трудно убить.

35. *Koái hi abikwí. Gái xáowíí, xáowí gíxai, kobaihiabikwí.*
Он не умер раньше. [Я сказал:] «Тот чужак, ты [Дэн], чужак, не видал его [ягуара] мертвым».
36. *Xái pixái xí kaapikwí pixáixíga.*
Тогда [я] сразу перенес его, сразу тогда.
37. *Xái báóhoipai so Xisaitaógi sowá kobai.*
А Исаитаоги [Стив Шелдон] уже видел котов.
38. *Xaki kagáihíái, so kopaiái, Xisaitaógi hi i kobaihiabiigá.*
Здесь ягуаров [он видел], только пантер Исаитаоги не видел.
39. *Pixái soxóá hiaitíihí kapíkwí pixáixíga.*
Сейчас, племя сейчас застрелило [ягуара], прямо сейчас.
40. *Xái hiaitíihí baaiowí. Baóhoipai Kopaiáihi. Xigíai.*
А вообще люди пираха очень боятся пантер. Вот и все, да.

Эта история о пантере, убитой Каабооги, интересна во многих отношениях. Мы знаем, что этот рассказ изложен от начала и до конца, так как он начинается сразу с представления главного персонажа — ягуара. А заканчивается он словом *xigíai*, что буквально значит «это соединилось»; обычно оно используется, чтобы сказать «ладно», а в этой ситуации означает, что история завершена.

Человеку со стороны этот рассказ может показаться неинтересным из-за многочисленных повторов, как в начале, когда рассказчик несколько раз повторяет, что пантера убила собаку. Однако у этих повторов есть риторический смысл. Во-первых, они выражают удивление. Во-вторых, они нужны, чтобы слушатель ничего не пропустил, потому что слова должны пробиваться через постоянный шум, в том числе через разговоры других соплеменников. Кроме того, повтор считается у пираха «стильным»: им нравятся истории, где много повторов.

«Охота на пантеру» — текст типичный в том смысле, что он рассказывает о собственном опыте говорящего. Это важнейшее свойство всех рассказов индейцев пираха. Поняв, что истории пираха всегда повествуют о непосредственно виденных событиях, я выучил новое слово, которое оказалось ключом к пониманию многих удивительных особенностей племени пираха.

Это слово — *xibipíio* (произносится «ибипио»). Насколько я помню, впервые это слово произнесли при мне, когда сообщали о возвращении охотника из джунглей. Когда Ипооги, возможно лучший охотник в племени, выбрался из джунглей и пришел в селение, несколько индейцев воскликнули: «*Xipóógi hi xibipíio xaboópai*» ‘Ипооги, он «ибипио» возвращается’.

Затем я услышал это слово, когда Кохоибииихиаи вернулся на лодке с рыбной ловли в низовьях, у впадения реки Маиси в реку Мармелос. Какой-то мальчик, увидев, как он показался вдалеке, обогнув излучину, закричал радостно: «Кохоибииихиаи “ибипио” возвращается!»

Но чаще всего я слышал это слово, когда в селение прилетали самолеты и когда они улетали. Впервые я его услышал в этой ситуации вот при каких обстоятельствах. Я проснулся рано, так как очень хотел увидеть самолет после нескольких недель изоляции в селении вместе с семьей. Я закричал Кохоибииихиаи: «Эй, Ко! Самолет будет здесь, когда солнце будет над головой!» Он закричал в ответ из своей хижины, вверх по реке: «Я хочу посмотреть!» Потом он развернулся и прокричал остальным соседям: «Дэн говорит, самолет прилетит сегодня!» Ближе к полудню все жители селения стали прислушиваться. Несколько раз звучала ложная тревога, в основном ее поднимали дети. «Вон, вон!» — кричали они, а потом начинали хихикать и признавались, что никакого самолета не слышали. Наконец, за несколько минут до того, как я расслышал звук мотора, почти все в селении закричали в один голос: «*Gahióo, hi soxóá xaboópai*» ‘Самолет уже подлетает’. Затем они побежали на ближайшую полянку и, напрягая глаза, старались рассмотреть приближающийся самолет в облаках. И все снова почти в один момент закричали: «Вот летит самолет! *Gahióo xibipíio xaboópai*».

Когда самолет улетал, они выкрикивали похожие слова: «*Gahióo xibipíio xopitaha*», — когда самолет исчез за горизонтом, взяв курс на Порту-Велью.

Эти наблюдения позволили мне сделать первую догадку о значении слова. Оно соответствовало чему-то вроде «прямо сейчас», например: «Он прямо сейчас появляется» или «Самолет прямо сейчас улетает». Эта догадка, похоже, работала, и я стал использовать слово «ибипио» в своей речи. Индейцы, казалось, понимали, что я имею в виду, когда я произносил это слово.

Но однажды ночью к нам пришли Аикайбаи и Абаги, старик, который недавно переселился в наше селение из другого, в верховьях реки. Я всего несколько минут назад потушил керосиновую лампу и не хотел снова с ней возиться. Поэтому я включил фонарик. Но пока мы говорили, в фонаре стали садиться батарейки. Я пошел на кухню и принес спичек, как раз когда батарейки истощились окончательно. Наша беседа продолжалась в кромешной тьме. Вдруг Абаги уронил несколько рыболовных крючков, которые я ему только что дал. Я зажег спичку, чтобы мы смогли разыскать эти ценные инструменты на полу. И вот

пламя спички стало дрожать, и мужчины сказали: «Спичка делает “ибипио”». В еще одной ночной беседе затем я услышал это слово применительно к костру, который затухал на глазах. В этих случаях пираха не использовали его как наречие.

Вот как! Это слово не означает «прямо сейчас», понял я однажды вечером за работой. Оно описывает ситуацию, когда предмет появляется в поле зрения или исчезает. То есть, когда человек огибает излучину реки, он становится видимым. И это объясняет, почему пираха говорят это слово и когда что-то пропадает из виду, как самолет за горизонтом.

Но мне все еще казалось, что я не дошел до сути. Слово «ибипио» должно означать некое еще более обобщенное понятие, которое и включает в себя как «появление в поле зрения», так и «исчезновение из поля зрения». Я вспомнил, что «ибипио» говорят и о человеческом голосе, который только что стал слышен или, наоборот, перестал звучать, как когда я вел утренние сеансы связи по двустороннему радио с сотрудниками ЛИЛ в Порту-Велью, чтобы сообщить, что у нас все хорошо, запросить провиант и так далее. Индейцы, слыша, как я говорю по радио, могли сказать о моменте, когда голос по радио зазвучал впервые: «Чужак “ибипио” говорит».

Когда из-за излучины показывалась лодка, все, кто в этот момент находились в селении, выбегали на берег посмотреть, кто приплыл. Мне казалось, что это обычное любопытство. Однако однажды утром, когда Кохоибииихиаи отправлялся на рыбалку, я заметил, как за ним следила группа детей. Они чему-то смеялись. Как только он исчез за поворотом, они одновременно закричали: «*Kóhoi xibipíio!*» ‘Кохои пропал!’ Это повторялось каждый раз, когда кто-то приплывал или уплывал: по крайней мере кто-то в племени говорил: «Он пропал!» И то же самое звучало, когда люди огибали излучину, возвращаясь. Индейцам было важно само исчезновение и появление, а не кто его совершил.

Похоже, что слово «ибипио» связано с идеей, не имеющей явного аналога в европейских языках. Конечно, мы легко можем сказать: «Джон исчез» или «Билли только что появился», но это будет не то же самое. Во-первых, мы используем другие слова, а следовательно, другие концепты исчезновения и появления. Что еще важнее, мы в основном сосредоточены на личности того, кто пришел или ушел, а не на самом факте, что кто-то пропал из нашего поля зрения или появился в нем.

Со временем я понял, что это понятие относится к тому, что я назвал «границей восприятия», и описывает сам акт появления в поле

восприятия или исчезновения из него — нахождение на границе воспринимаемого. Дрожащее пламя постоянно возникает в нашем поле зрения и пропадает из него. Этот перевод «сработал»: с его помощью я выяснил, когда следует использовать слово «ибипио» (и в такой одноязычной среде подобный приближенный перевод — это максимум, которого может добиться исследователь).

Таким образом, слово «ибипио» подчеркивало и воплощало собой всепроникающий принцип культуры пираха, который я пытался разгадать и раньше. Этот принцип, как кажется, ограничивает темы для обсуждения только явлениями, которые вы видели сами или о которых слышали от очевидца.

Если эта моя гипотеза верна, то знания о «биги», существах с иных слоев вселенной, духах и тому подобном тоже должны простекать из сведений, переданных живыми очевидцами. Сколь бы странно это ни звучало, но очевидцы, будто бы видевшие многие слои мира, существуют. Два слоя видны невооруженным глазом: это земля и небо. Обитателей других слоев также могут увидеть: эти существа пересекают верхнюю границу — спускаются с неба и ходят по джунглям. Пираха время от времени находят их следы. Иногда, если верить очевидцам, они видят и самих этих пришельцев — призрачные тени в темноте леса.

И сами пираха тоже могут пересекать «биги» — во сне. Для индейцев пираха сны — это продолжение действительности и непосредственного личного опыта. Возможно, пришельцы из других слоев тоже путешествуют во сне, но, в любом случае, границы они пересекают. Пираха их видели.

Однажды утром, в три часа, в передней комнате нашей хижины, как обычно, спали несколько индейцев. Один из них, Исааби, внезапно сел и стал петь о том, что он видел во сне в джунглях. «*Til hiOxial kaHapiI. WAaxaIxAagaHA*» ‘Я поднимался вверх. Там красиво’ и так далее — путешествие на верхнюю землю, то есть небо, и за его пределы. Пение разбудило меня, но я не возражал, потому что оно было томительно-прекрасно, подкрепленное эхом с того берега реки, а певец стоял один, четко вырисовываясь в ярком свете полной луны. Я встал, вышел в переднюю и сел недалеко от Исааби. Вокруг нас на полу из пальмового бруса спали индейцы — мужчины, женщины, дети, всего человек двадцать или даже больше. Все застыли, и только Исааби двигался. Луна горела серебром сразу над темной стеной деревьев, отбрасывая дорожку на гладкую поверхность реки Маиси. Исааби сидел лицом к луне, смотрел на тот берег и не обращал

на меня внимания, хотя он не мог не услышать, как я пришел и сел рядом. Он укутался в старое одеяло с головой, но не закрывая лицо, и громко пел, невзирая на то, что вокруг спали, или по крайней мере притворялись спящими, десятки людей.

Днем я поговорил с Исааби о его сновидении. Я начал с вопроса:

— Почему ты пел ранним утром?

— Я *хайрирай* («аипипай»), — ответил он.

— Что такое «аипипай»?

— Аипипай — это то, что у тебя в голове, когда ты спишь.

В конце концов я установил, что «аипипай» — это сон, но не совсем в привычном смысле: он считается действительным событием. Вы очевидец случившегося во сне. Сны для пираха не выдумка. Вы видите одним образом наяву и другим образом во сне, но оба этих зрения дают полноценный опыт. Я также узнал, что Исааби использовал музыкальную речь, чтобы рассказать о своем сне, потому что это было новое событие, а о новых событиях часто рассказывают нараспев, музыкальной речью, которая использует тоны языка пираха.

Сны не нарушают принцип «ибипио», как я стал называть эту особенность их культуры — говорить в первую очередь о непосредственно виденном и слышанном. Наоборот, они подкрепляют этот принцип. Считая явь и сон в равной мере непосредственным жизненным опытом, пираха могут в пределах этого прямого, непосредственного восприятия решать такие проблемы и вопросы, которые для нас потребовали бы обращения к очевидно вымышленному миру духов и верований. Если я вижу сон о духе, который разрешает мои трудности, и при этом виденное во сне ничем не отличается от виденного в яви, значит, этот дух находится в пределах моего непосредственного восприятия — моего «ибипио».

Пытаясь уяснить себе, к чему это ведет, я задался вопросом: нет ли в языке и культуре пираха и других приложений принципа «ибипио»? А именно, я стал заново осмысливать некоторые необычные аспекты культуры пираха и спросил себя, нельзя ли их объяснить этим же представлением о непосредственном опыте. И в первую очередь я имел в виду выражение количества в языке пираха.

Я подумал, что непосредственное восприятие поможет объяснить все те удивительные факты и пробелы в знаниях о пираха, которые вот уже много месяцев накапливались в моих записных книжках. Например, отсутствие числительных и вообще счета в языке пираха тем, что эти навыки в основном нужны для обобщений за пределами непосредственного опыта. Числа и счет по определению

абстрактны, потому что они предполагают классификацию объектов в обобщенном виде. Однако, поскольку обобщения за пределами личного опыта нарушают культурный принцип непосредственного восприятия, подобные слова оказываются запрещены. И тем не менее, хотя эта гипотеза казалась перспективной, ее нужно было еще уточнять.

Тем временем я припоминал и другие факты, которые, казалось, подтверждали ценность непосредственного восприятия. Например, я вспомнил, что пираха не хранят пищу, не планируют вперед больше чем на день, не обсуждают далекое будущее или прошлое — они сосредоточены на том, что есть сейчас, на непосредственно воспринимаемом мире.

Эврика! — подумал я. Язык и культура пираха объединены культурным ограничением на обсуждение чего бы то ни было за пределами непосредственного опыта. После долгих размышлений я сформулировал это ограничение так:

Повествовательные предложения языка пираха содержат только утверждения, непосредственно связанные с моментом речи, о фактах, либо пережитых самим говорящим, либо засвидетельствованных кем-либо, кого говорящий застал в живых.

Другими словами, индейцы пираха способны только на высказывания, соотнесенные с тем моментом, когда эти высказывания произносятся, а не с каким-либо другим временем. Это не значит, что как только кто-то умрет, пираха, общавшиеся с ним, забудут все, что он им рассказывал. Но обсуждать его историю они будут нечасто. Иногда они заговаривают со мной о том, что, как они слышали, видел кто-то, кого уже нет, но такое случается редко, и обычно об этом говорят только самые опытные наставники в языке пираха — те, кто научились абстрагироваться от субъективной точки зрения родного языка и могут взглянуть на него со стороны. Впрочем, это редкость среди людей, говорящих на каком угодно языке. Таким образом, главный принцип иногда нарушается, но в очень редких случаях. В повседневной жизни племени он практически незыблем.

Это означает, что в языке пираха есть простое настоящее, прошедшее и будущее время, поскольку они все определяются по отношению к моменту речи, но нет так называемых завершенных времен³ и нет

³ Русский язык в этом отношении, можно сказать, недалеко ушел от пираха. Грамматическое явление временной отнесенности (в лингвистике также

предложений, в которых не описывалась бы конкретизированная во времени ситуация — например, придаточных определительных.

Так, в английском предложении типа *When you arrived, I had already eaten* ‘Когда ты приехал, я уже поел’, форма глагола *arrived* ‘приехал’ определена по отношению к моменту речи — это действие имело место в прошлом. Такая временная форма полностью совместима с принципом непосредственности. Однако глагол *had eaten* ‘поел’ определен не по отношению к моменту речи, а по отношению к событию *arrived*. Это действие предшествует другому, которое, в свою очередь, определено во времени относительно момента речи. По-английски с тем же успехом можно сказать *When you arrive tomorrow, I will have eaten* ‘Когда ты приедешь, я уже поем’, в котором *will have eaten* ‘поем’ все равно предшествует прибытию, хотя мой собеседник прибудет после момента речи, после этой нашей беседы. А в языке пираха из-за принципа непосредственности нет временных форм, соответствующих английским завершенным временам.

По этой же причине язык пираха не разрешает построение предложений типа «Человек, который высок ростом, находится в комнате», потому что «который высок ростом» не содержит описания конкретной ситуации и никак не привязано к моменту речи.

Этот же принцип объясняет простоту системы родства у пираха. Термины родства охватывают срок жизни одного человека и поэтому в принципе подкрепляемы личным опытом: средняя продолжительность жизни индейца пираха — сорок пять лет; за это время еще можно стать дедом (и увидеть, как внуки пойдут у других), но не прадедом. Иногда кто-то действительно доживает до правнуков, но стать очевидцами подобного события удается не всем (то есть каждый индеец на своем веку застаёт хотя бы чьих-то дедов, даже если не своих, но не всякому доведется повстречать кого-то, кто стал прадедом). Поэтому система обозначений родства не предусматривает слова «прадед», чтобы лучше отразить личный опыт среднестатистического члена племени.

называемое «таксис») в русском языке тоже не выражается глагольным временем, поэтому мы, как и индейцы пираха, пользуемся только тремя временами. Английский же язык использует для выражения таксиса завершенные времена (*Perfect Tenses*). Впрочем, временная отнесенность в русском языке все же есть: ее передают, например, деепричастия (*поплавав в бассейне, читал Шекспира* — не то же, что *плавая в бассейне, читал Шекспира*) (прим. пер.).

Таким же образом объясняется отсутствие в культуре пираха истории, мифов о сотворении мира и фольклора. Антропологи часто утверждают, что во всех культурах есть истории о том, откуда пошел этот народ и весь остальной мир, — так называемые космогонические мифы. Поэтому я думал, что у пираха тоже бытуют рассказы о том, кто создал деревья, людей пираха, воду, живых существ и так далее.

Поэтому я задавал индейцам вопросы: кто создал реку Маиси? откуда пошло племя пираха? кто создал деревья? откуда в небе птицы? — и тому подобное. Я накопил и набрал у знакомых книг по полевым исследованиям в лингвистической антропологии и стал работать, тщательно соблюдая описанные в них приемы, чтобы записать предания и мифы, которые, как я думал, должны иметься в любой культуре.

Но у меня ничего не получалось. Я спросил Стива и Арло. Спросил Керен. Но никто из них никогда не слышал и не записывал у пираха мифов о сотворении мира, старинных преданий, вымышленных историй или вообще каких-либо повествований о чем-то сверх непосредственного опыта говорящего или сведений, известных ему из уст очевидцев.

В свете теории о непосредственном восприятии все это приобрело смысл. У пираха все же есть мифы — в том смысле, что у них бытуют повествования, скрепляющие их общество, — ведь они каждый день рассказывают об увиденном через призму своего особого восприятия. С этой точки зрения, все истории, приведенные в этой книге: рассказ о ягуаре, рассказ о женщине, умершей родами, и прочие — можно считать мифами. Однако народных сказок у пираха нет. Поэтому «рассказы из повседневной жизни» и простые беседы играют жизненно важную связующую роль в их обществе.

Пираха незнаком художественный вымысел. А их мифам не свойственна черта, которая есть у мифов большинства других культур: в них описываются события только на памяти ныне живущих людей. Эта разница одновременно и малозначительна, и очень велика. Она незначительна потому, что у пираха все же есть истории, которые сплачивают людей, как и в любом другом обществе. Однако она очень велика как раз из-за этого «свидетельского компонента», присущего мифам пираха: на момент рассказывания мифа должны быть живы его свидетели.

Однажды я сидел с Кохой и рассказывал ему о боге моей религии, и он, выслушав, спросил меня:

— А что еще делает твой бог?

— Ну, он сотворил звезды и землю, — ответил я и затем спросил сам:

— А что говорят об этом люди пираха?

— Ну, люди пираха говорят, что это все никто не создавал, — сказал он.

Как я убедился, у индейцев пираха нет представления о верховном божестве, боже-творце. Они верят в отдельных духов, но при этом верят, что встречаются их лично и регулярно. Когда мы изучили это явление более пристально, мы поняли, что индейцы не считают, будто видят неких существ, не видимых посторонним: их духи принимают облик материальных предметов. Они могут назвать духом ягуара или дерево, в зависимости от его свойств. Понятие «дух» для них значит не то же самое, что для нас, раз все, что они говорят, подкрепляется эмпирическим опытом.

Примером этому может служить следующая ниже история о встрече с ягуаром, которую изначально записал Стив Шелдон. Некоторые индейцы говорят, что это просто рассказ о звере, но большинство понимают, что речь идет о встрече с духом ягуара.

Ипооги (*Xipoógi*) и ягуар

Информант: Кабоибаги (*Kaboibagi*)

Записал и расшифровал Стив Шелдон

Комментарий: Итихои'ои (*Xitihoihoí*) — человек, на которого напал ягуар, — упоминается только однажды, но все в племени знают, кто это такой. Ягуар ударил его и оцарапал, но в остальном он остался невредимым.

1. *Xipoógi xahaigá xobabíisaihiaí.*
Ипооги услышал: его зовет брат.
2. *Hi gáxaisai Xitahá. Xibigaí sooóchiaí xísoi xaitísai.*
Это он говорил, отец Итаха. Что кричал отец?
3. *Xipoógi gaigói. Hi xáobáopábá.*
Ипооги сказал. Иди посмотри.
4. *Hi gásaihiaí Xipoógi. Xi baóhoipaíi xaitísai.*
Он сказал, Ипооги. Это ягуар.
5. *Hi gásai Xipoógi. Gí hóiiiigopápi.*
Он сказал, Ипооги. Брось свой лук.
6. *Xí soxoá hí xabáii boáhoipaíi Xitihoihoí.*
Ягуар уже схватил Итихои'ои.

7. *Hi gásaihiái. Boaí gí tipápi.*
Она сказала. Боаи, ты [тоже] иди.
8. *Hi hobaaopiíhai.*
Иди посмотри.
9. *Hi baóhoipáioi aítísai.*
Ягуар закричал.
10. *Hi gásai. Xi káorará baóhoipáii.*
Она сказала. Ягуар ушел далеко.
11. *Xi soxoá híabápi.*
Он уже его схватил.
12. *Xi kagi xohoabá. Hi xaii ísi xioi boiigahápisaihiái.*
Возможно, он (зверь) съел его собаку («каги»). Он взял с собой собаку.
13. *Hi xaiigáxaisahai xipoihió. Kaxaó xi baóhoipáii kagi xaiigóiiigahápi.*
Женщина сказала. Пойдем, ягуар может уйти.
14. *Hi xaiigia kagi xáobáha. Kagi xahápi. Hi giopáí oóxiai.*
Он, наверно, увидел собаку. Собака убежала. Она убежала в джунгли.
15. *Xisaigia hi xaiigia hi gáxaisai. Hiaigi xiigapí tagasága. Xii sokaopáraá.*
Он сказал. Принеси свой мачете. Заточи стрелы.
16. *Hi baiái hí xaagahá xipoihió.*
Женщина боялась.
17. *Hi xaógaahoisabai.*
Он уже устал.
18. *Xi hígi sóibáogíso.*
Тогда он (зверь) ударил его по лицу.
19. *Hi xoabahoisaihiái.*
Укусил его.
20. *Hi xaiigia hi xapiságaitáo.*
Расцарапал ему руку.
21. *Hi boásoa gaitáoráhataí.*
Расцарапал плечо.
22. *Hi gásaihiái kahiabáobii.*
Он (Итихои'ои) сказал, стрелы кончились.

Утверждение, что пираха видят духов, не более странно, чем, например, похожие утверждения многих американцев, которые верят, будто их молитвы бывают услышаны, что они беседуют с Богом и им

являются духи и видения. Всегда и везде есть люди, которые говорят, что общаются с высшими силами. Для тех из нас, кто не верит в духов, кажется абсурдом, что их можно видеть. Но это просто наша точка зрения.

В течение всей истории человечества люди рассказывали о том, что видели сверхъестественных существ. Пираха в этом отношении не так уж отличаются от всех остальных, если вообще можно говорить об отличиях. В прологе книги я рассказал о том, как пираха наблюдают явление духа, и я думаю, что эти встречи с духами также подчинены принципу непосредственного восприятия.

Однако пираха встречают много различных духов. Духи, о которых говорят чаще всего, — это *kaoáibógi* («каоаибоги» — быстрый рот). Этот дух приносит племени как добро, так и зло. Он может как убить, так и помочь советом — как захочет. Дух *kaoáibógi* относится к одной из двух групп живых человекоподобных существ, населяющих мир пираха. Первая группа — *xibiisi* («ибииси» — с кровью), существа, в чьих жилах течет кровь: например, сами индейцы пираха или люди других народов, хотя пираха не всегда могут поручиться, что у всех американцев есть кровь, такие они белые. А все духи, в том числе и *kaoáibógi*, относятся к существам *xibiisihaba* (бескровным). Другие духи известны под разными названиями, но общее их обозначение — *kapioxiai* («капио'иаи» — оно чужое).

Итак, люди, у которых есть кровь, относятся к «ибииси», и их обычно можно отличить по цвету кожи: кровь делает их кожу темной. Бескровные, духи, обычно светлокожи и светловолосы. Поэтому темнокожие люди — это люди, а светлокожие, по традиции, нет, хотя пираха готовы признать, что некоторые белые люди все же «ибииси»: в основном потому, что видели, как у меня и еще у пары белых идет кровь.

Но все же иногда в них закрадываются сомнения. Я прожил среди пираха двадцать пять лет, и вдруг однажды вечером несколько индейцев, которые сидели и пили со мной кофе, спросили: «Эй, Дэн, а американцы умирают?».

Я ответил утвердительно, надеясь, что никому не придет в голову проверить на практике. Они спрашивали, видимо, потому, что средняя продолжительность жизни американцев намного больше, чем у индейцев. Арло Хайнрикс до сих пор иногда присылает им свои фотографии: Арло и Вай (его жена) все еще сильные, бодрые, полные энергии, хотя им обоим за семьдесят. Это поражает индейцев.

Иногда индейцы беседовали между собой обо мне, когда я выходил вечером из реки после купания. Однажды я услышал, как один

из них спросил другого: «Это тот же, что входил в воду, или это «капио'иаи»?»

Когда я услышал это обсуждение — тот же я или нет после того, как выкупался в реке, я вспомнил философа Гераклита, который интересовался вопросом тождества предметов самим себе во времени. Он задался вопросом: можно ли войти в одну и ту же реку дважды? Вода, в которую ты войдешь в первый раз, уже утекла. Берега подмыло водой — они тоже не те, что прежде. Так что получается, мы входим в другую реку. Но этот ответ не удовлетворяет: конечно же, река та же самая. Тогда что мы хотим сказать, когда мы говорим, что человек или предмет сейчас такой же, как мгновение назад? Что я имею в виду, когда говорю: «я тот же человек, что и я сам в детстве»? У меня сменились все клетки организма. Изменились мысли — почти все или вообще все. А для пираха люди не остаются одними и теми же в разные стадии жизни. Когда вы получаете новое имя от духа, что всегда может случиться, если вы его встретили, вы уже не совсем тот человек, каким были раньше.

Однажды, когда я приехал в Посту-Нову, я сходил к Кохоибии-хиаи и попросил его позаниматься со мной, как всегда. Он не отвечал. Я спросил снова: «*Ko Kóhoi, kapiigakagakaisogoxoihi?*» ‘Эй, Кохои, ты не хочешь со мной почертить на бумаге?’ Молчание. Я спросил его, почему он со мной не разговаривает. Он ответил: «Ты ко мне обращаешься? Меня зовут Тиаапахай (*Tiáapahai*). Никакого Кохои тут нет. Меня раньше звали Кохои, но его больше нет, а есть Тиаапахай».

Поэтому не так уж удивительно, что они задались вопросом, не стал ли я другим человеком. Но в моем случае они волновались больше, ведь если, несмотря на очевидные доказательства моей «человечности», я все-таки окажусь не «ибииси», значит, я совершенно чуждое существо, источник угрозы. Поэтому я заверил их, что я все еще Дэн, а не «капио'иаи».

Часто в дождливые ночи над джунглями возле селения пираха разносится высокий пронзительный голос. Мне он напоминает какие-то потусторонние голоса, а индейцы в селении все как один считают, что это «каоаибоги» — быстрый рот. Этот голос дает советы жителям селения: что делать назавтра, что угрожает им ночью (ягуары, другие духи, нападения соседних племен). Этот «каоаибоги» также любит секс и часто в мельчайших подробностях описывает, как бы ему хотелось совокупиться с женщинами в селении.

Как-то раз я решил сходить посмотреть на «каоаибоги». Я пошел от селения на голос, метров тридцать по подлеску. Оказалось,

что пронзительный фальцет принадлежал Агаби (*Xagábi*) — индейцу из селения Пекиал (*Pequial*), который, как все знали, очень интересовался духами.

— Можно тебя записать? — спросил я; я не знал, как он среагирует, но имел основания предполагать, что не откажет.

— Давай, пожалуйста, — ответил он немедленно своим обычным голосом. Я записал минут десять монолога «каоаибоги» и вернулся к себе.

Наутро я пошел к нему в дом и спросил:

— Скажи, Агаби, а почему ты разговаривал голосом «каоаибоги» ночью?

Он как будто удивился.

— А ночью был «каоаибоги»? Я не слышал. Меня и в селении не было.

Удивительно, подумал я.

Мы с Питером Гордоном однажды проводили эксперименты по восприятию чисел среди индейцев пираха (а именно, изучали языковое и психологическое выражение числовых понятий и оперирование ими). Питер хотел расспросить их о духах, потому что ему было интересно понять, как это соотносится с его собственным представлением о культуре пираха. И тогда Исао'ои, с которым мы об этом заговорили, предложил: «Приходите, как стемнеет. Будут духи». Мы с Питером согласились прийти и вернулись к работе.

После работы мы вернулись на нашу стоянку на противоположном берегу реки от селения. Мы собирались помыться, а потом поужинать тушенкой. Однако нас ждал приятный сюрприз: один из жителей селения вернулся с рыбной ловли и избавил нас от необходимости греть тушенку, предложив амазонского длинноперого окуня в обмен на банку сардин, на что мы с радостью согласились.

Питер обвалял рыбину в яйце и овсяных хлопьях и зажарил на пруте над костром. После купания и отличного ужина из пригоревших овсяных комков с вкраплениями рыбьей кожи и белого мяса (рецепт Питера не удался) мы переправились обратно и пошли наблюдать духов. Я не знал, чего ожидать, потому что меня никогда раньше не звали встретиться с духом.

Было уже темно, на небе сияли звезды, и был отлично виден Млечный путь. Квакали крупные речные лягушки. На бревнах лицом к джунглям сидели несколько индейцев. Мы с Питером сели рядом, и он включил свой профессиональный полевой диктофон с высококачественным внешним микрофоном. Прошло несколько

минут. В селении пересмеивались дети. Маленькие девочки поглядывали то на нас, то в сторону джунглей, прикрывая лицо ладонями с растопыренными пальцами.

Спустя некоторое время, которое я могу объяснить разве что пристрастием духов к театральным паузам, мы с Питером услышали высокий голос и увидели, как из джунглей вышел мужчина в женской одежде. Это был Исао'ои, одетый как одна недавно умершая женщина из племени. Он говорил фальцетом, чтобы показать речь женщины. На голове у него был платок, имитирующий длинные волосы, которые женщины в племени носят зачесанными назад. Одет он («она») был в платье.

Персонаж, воплощаемый Исао'ои, говорил, как холодно и темно под землей, где женщина похоронена. Она рассказывала, каково это — умирать, как под землей она видит множество духов. Дух, «вызванный» Исао'ои, говорил в ритме, который отличался от обычной речи на языке пираха, распределяя слоги в группы по два (двусложные стопы), а не по три (трехсложные)⁴, как в повседневной речи. Я только задумался о том, как это интересно сопрягается с моим исследованием ритма речи в языке пираха, как «женщина» встала и ушла.

Через несколько минут мы снова слышали Исао'ои — на сей раз он говорил низким грубым голосом. «Зрители» засмеялись. Сейчас появится всем знакомый проказливый дух. И вдруг Исао'ои выпрыгнул из джунглей — голый, колотя по земле большим бревном. Стуча им по земле, он заговорил о том, как он побьет любого, кто встанет у него на пути, как он никого не боится, — в общем, обычное хвастовство, которое часто вызывают всплески тестостерона.

Выходит, мы с Питером открыли театр пираха! Но, конечно, так это мог понять только я, чужак; сами индейцы никогда бы это зрелище так не назвали, несмотря на то что оно выполняло для них именно функцию театра. Для них это было явление духов. Они даже не обращались к Исао'ои по имени — только по именам духов.

То, что нам показали, — это не шаманизм, потому что у пираха не только один человек мог общаться с духами. Некоторые участвовали в представлении чаще других, но вообще говорить от лица духа таким образом мог любой мужчина в племени, и за годы, проведенные у пираха, я застал в этой роли почти каждого мужчину.

⁴ Двусложная стопа — например, «Мчатся тучи, вьются тучи...» или «Онегин, добрый мой приятель...»; трехсложная — например, «Крутится, вертится шар голубой...» или «Я мечтою ловил уходящие тени...» (*прим. пер.*).

Наутро, когда мы с Питером попытались рассказать Исао'ои, как нам понравилась встреча с духами, он, как и Агаби, заявил, что ничего об этом не знает и что его там вообще не было.

После этого я стал более настойчиво искать сведения о верованиях пираха. Как понимали происходящее индейцы, включая самого Исао'ои: как вымысел или как действительность, были это для них подлинные духи или просто игра? Все члены племени пираха, даже те, которые только слушали запись впоследствии, даже жители других селений, категорично утверждали, что это был дух. И когда мы с Питером смотрели «представление о духах», молодой человек, сидевший рядом, пояснял мне происходящее и уверял меня, что перед нами дух, а не Исао'ои. Более того, основываясь на предыдущих эпизодах, когда пираха сомневались, тот ли я человек, что был раньше, и верили, будто другие белые — духи, которые могут менять облик, когда захотят, я мог прийти только к одному выводу: на этих представлениях индейцы пираха встречались с духами, как на спиритических сеансах в западной культуре.

Пираха видят духов в своем сознании — буквально. Они беседуют с ними — буквально. Что бы ни думали об этом чужие, все пираха говорят, что встречают духов. И поэтому духи в культуре пираха тоже воплощают собой принцип непосредственного восприятия. И мифы других культур также должны удовлетворять этому ограничению, иначе их нельзя будет логично объяснить на языке пираха.

Здесь может возникнуть обоснованный вопрос: а возможно ли вообще испытать нечто, не существующее для западного сознания? Есть причины полагать, что да. Когда пираха утверждают, что встретили духа, они в действительности встретили *нечто* и назвали его духом. Они приписывают этому явлению некоторые свойства, а также причисляют к «духам». Все ли эти свойства — в том числе существование и отсутствие крови — соответствуют действительности? Уверен, что нет. Но я столь же уверен, что и мы приписываем многим явлениям, которые встречаем на своем пути, свойства, не соответствующие действительности. Вы можете утверждать, что бородастый мужик ростом под метр восемьдесят, которого вы видели в магазине, — Ринго Старр, хотя на самом деле это был я. Или, например, мы говорим, что наша собака о чем-то думает и чего-то хочет, как будто бы у нас есть доказательства, что собака и правда об этом думает. Когда моя собака видит, как я встаю и иду в кладовку в полпятого дня, то вскакивает и виляет хвостом. Я мог бы сказать, что мой пес *знает*, что я храню собачий корм там, и *предполагает*, что я сейчас его покормлю. Но на самом

деле это может быть всего лишь условный рефлекс, а не желания и предположения в собачьем сознании (хотя я и правда думаю, что у моего пса есть свои мысли и желания).

Однако если все мифы индейцев пираха должны передавать непосредственный опыт, то священные писания многих мировых религий — Библию, Коран, Веды — нельзя перевести на язык пираха, нельзя даже поговорить о них на этом языке, потому что в них рассказываются истории, которым нет живых свидетелей. Это главная причина, по которой вот уже почти три сотни лет миссионеры никак не могут изменить верования пираха. У священных историй авраамических религий нет живых свидетелей — по крайней мере, в том их изводе, который исповедовал я, когда верил.

ГЛАВА 8

ЮНОША ПО ИМЕНИ ТУКААГА: УБИЙСТВО В ИНДЕЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Жуакин, как и прочие жители селения племени апуринан¹ в Понту-Сети на реке Маиси, встал рано и пошел работать: ухаживать за огородом в джунглях и за посадками маниока, искать следы диких зверей, чтобы вечером выйти на охоту, рыбачить в прозрачной воде реки выше по течению. Как и другие люди из Сэти, Жуакин был крепче и на вид казался сильнее, чем индейцы пираха. Он был наполовину апуринан, наполовину тупи — а значит, мускулистый, совсем не похожий на тонких, поджарых пираха. Его крепкие, широкие ступни — всю жизнь ходил босиком — твердо стояли на земле, а походка была уверенней, чем у белых, хоть бы они надели самую дорогую походную обувь. Ему было около тридцати; скромный, тихий, часто улыбался, но всегда прикрывал рот рукой, чтобы не было видно, что у него нет передних зубов. Когда он думал, что я не смотрю, он иногда крал у меня чашки (пластиковые небьющиеся чашки здесь очень ценятся, а достать их трудно). Над пираха он посмеивался, смотрел на них сверху вниз. Впрочем, он ведь преодолевал не меньшие тяготы, а скопил много больше, чем эти пираха — и пусть им все равно, но ему-то совсем нет. Тем не менее и он, и другие жители Понту-Сети считали, что они дружат с пираха. Индейцы апуринан всегда были с ними дружелюбны.

Одного он не знал: индейцы пираха в одном из селений не считали другом ни его, ни прочих жителей Сети и не признавали за ними права на эту землю. Материальное несходство его образа жизни и обычаев пираха только усиливало разрыв между ними, и в этом селении стали считать его недостойным выскочкой.

¹ Порт. *apurinã* в настоящее время принято транскрибировать как *апуринан* (прим. пер.).

Что думает о них племя пираха, племя апуринан узнало лишь косвенным образом, уже когда трагедия совершилась. Все началось с распри между племенем апуринан и семейством Колариу — торговцами, ведущими дела с обоими племенами.

Колариу — с их слов, христиане-протестанты Собрания Божьего² — были рады торговать с не умевшими считать и читать индейцами пираха, которые охотно принимали бразильские товары по цене намного ниже рыночной в обмен на бразильские орехи, каучук, копайский бальзам и другие дары леса. Однако в какой-то момент они выяснили, что индейцы апуринан отслеживали рыночные цены: их каждый день передавало «Радио Насьонал», а у индейцев имелись коротковолновые приемники.

Однажды племя апуринан запретило торговцам из семьи Колариу (у них было три кораблика) возвращаться в Понту-Сети, потому что они ведут дела нечестно. Когда Дарсиэл Колариу послушался и все же приплыл, индейцы обстреляли его корабль из дробовиков, разбили много товаров и прострелили дырки в стенах каюты. Колариу спрятался от обстрела за жестяной печкой и не пострадал. Ему как-то удалось, не подставляясь под дробь, развернуть судно и поспешно уплыть в низовья реки. Индейцы апуринан посчитали, что преподали ему хороший урок.

Однако Колариу неспроста добились такого процветания; так просто они не сдавались и подобную обиду забыть не могли. Арманду Колариу называл всех индейцев «бишиньюс» — зверьками — и, безусловно, хотел отомстить этим недочеловекам за то, что они напали на его сына. Его сын Дарсиэл недалеко ушел от отца: однажды я сам был вынужден ему угрожать, потому что он напоил индейцев пираха и подбивал их красть у меня. Когда он приплыл в следующий раз, я пришел к нему на судно и сказал, что, если он еще раз у нас появится, я столкну его с судна, сожгу эту посудину и пусть возвращается восвояси вплавь (конечно, в устах двадцатисемилетнего миссионера это все было сплошное хвастовство). Когда же я уехал с берегов Маиси назад в университет штата, семья Колариу осуществила свой план мести.

Дарсиэл и Арманду решили привлечь на свою сторону индейцев пираха и с их помощью проучить жителей селения Сети. Они нашли

² Собрания Божьи (или Ассамблеи Бога) — крупнейшая ветвь протестантов-пятидесятников; в России ее представляет, в частности, Российская церковь христиан веры евангельской (*прим. пер.*).

нескольких индейцев, готовых на это пойти, — группу безрассудных подростков во главе с Тукаагой (это имя заимствованное, от португальского слова *tocandeira* ‘большой кусачий муравей’). Тукаага был сын Описи, самого авторитетного жителя селения Коата, сразу вниз по реке от Сети. Дарсиэл подстегнул жажду приключений молодых индейцев и их желание проявить силу, подарив им новый дробовик, чтобы выстрелами прогнать выходцев из Сети. Ему и его семье хотелось получить неограниченный доступ к ресурсам возле селения племени апуринан: бразильскому ореху, ценным породам дерева и так далее, — а многие в племени пираха хотели изгнать с этой земли конкурентов в борьбе за дичь и рыбу. И еще семья Колариу, конечно, хотела отомстить.

В тот роковой день Арманду Апуринан, тесть Жуакина, и его старший сын Томе со своими женами отправились ловить рыбу и охотиться в верховья, примерно в дне пути на лодке. В селении остались Жуакин и его свояк Отавиу (на языке пираха — Тоибайтии, единственный из племени, кто женился на чужой женщине). Пока Отавиу ловил рыбу, Жуакин с женой ушли собирать хворост и клубни маниока. Это тяжелый труд. Клубни прочно сидят в земле и могут достигать в длину более полуметра. Чтобы вытащить такой клубень, нужно приложить немалую силу, а иногда даже обрубить засевшую часть ножом-мачете. Их собирают в плетеную корзину; когда в корзинке набирается двенадцать-пятнадцать килограммов, ее поднимают на голову и закрепляют ремнем. Вместе с этой ношей Жуакин набрал еще почти столько же

хвороста; вязанку он нес на руках на уровне живота. Он нес так много, что уже не мог осторожно поглядывать по сторонам, как все делают в джунглях. Но это ничего, подумал он, тропа знакомая и крупных хищников здесь, рядом с селением, быть не должно.

Он не мог знать, что возле тропы в засаде притаился Тукаага с новым дробовиком, а с ним — двое других подростков из селения Коата: Овагаии и Би'и. Никто из них раньше не нападал на людей, но все трое были уже опытные охотники и привыкли убивать зверей. Когда Жуакин с женой подошли ближе (они обсуждали, что им делать после того, как они положат маниок отмокать, пойти на охоту или ловить рыбу), Тукаага напрягся и изготовился. Сначала их миновала жена Жуакина, затем показался он сам. Когда до него оставалось метра три, Тукаага выстрелил ему в живот.

У Жуакина хлынула кровь из живота и бедер. Выстрел повалил его на землю, ведь он уже нес на себе немалый вес. Он закричал от боли, и на крик прибежали его жена и ее сестра Раймунда, жена Отавиу. Раймунда только взглянула на раненого и немедленно убежала звать на помощь мужа, а жена Жуакина стала прикладывать к ранам глину и листья, чтобы остановить кровь. Отавиу пришел, помог унести Жуакина с палящего солнца в хижину, а потом отправился в лодке вверх по течению, изо всех сил работая веслом, чтобы привести Томе и тестя.

Жуакин невыносимо страдал: крупная дробь попала ему в живот и в бока и вырвала целые куски мяса. Умер он вечером. Примерно в это же время Отавиу добрался до своей цели и рассказал Томе, старому Арманду и их женам, что в Жуакина стреляли неизвестные. Томе и Арманду сразу же поплыли назад, каждый в своем каноэ. Они думали, что это дело рук семьи Колариу или племени паринтинтин, а племя пираха не подозревали. Томе был самый сильный и драчливый мужчина на всей реке, сильнее любого индейца пираха и любого белого торговца. Те, кто знал его норы, старались его не задевать. У него были мышцы, как у атлета, он мог проработать топором целый день, охотиться всю ночь и еще ловить рыбу назавтра — и ни капли не устать. Вот и сейчас он греб без устали; в Сети он приплыл к полуночи. Сначала он хотел зайти к Жуакину, не подозревая, что тот уже умер, а затем немедленно найти тех трусов, которые исподтишка убили его зятя, и отомстить.

Бах! — выстрел разнесся эхом по берегам реки Маиси. Когда Томе с женой огибали в лодке последнюю излучину перед селением, ориентируясь по слабым отражениям звезд в воде, в них выстрелили.

Большая часть дрови попала в плечо и спину Томе, и его снесло выстрелом в воду вместе с веслом. Он стал тонуть, но тут его жена Назаре, которую задело лишь несколько дровинок, схватила его за волосы и приподняла его голову над водой. Другой рукой она подхватила со дна лодки алюминиевую кастрюлю-ковшик и, пригнувшись, чтобы не упустить волосы мужа, догребла до берега этой кастрюлей, одной рукой. Юноши из племени пираха во главе с Тукаагой не стали ждать, чем все закончится, и сразу же скрылись в темноте и ушли в свое селение Коата.

Арманду плыл следом; он помог вытащить сына из воды. Теперь из четырех мужчин в селении Сети один убит (Арманду уже сказали, что Жуакин не выжил), а еще один тяжело ранен. Никто не понимал, что теперь делать. Выжившие похоронили Жуакина и сразу после этого поплыли вниз по реке в селение Коата, надеясь укрыться у пираха — соплеменников Отавиу. Три дня Арманду, Отавиу и Томе с женами пробыли в Коату, не зная, что живут в доме убийц. Они не понимали и того, что жители Коаты на самом деле презирали Арманду, Томе и женщин племени апурина. Много месяцев спустя Описи, старейшина селения Коата, со смехом признался мне, что они не прикончили этих чужаков из племени апурина только потому, что те поселились в их селении и в стычке могли пострадать свои. И еще пираха не хотели причинять вред Отавиу, по крайней мере, нарочно.

Томе был очень плох, но им удалось уговорить заезжего белого торговца взять его в больницу в Маникоре, в двух днях пути вниз по реке. Несмотря на то что ран было много и они уже нагноились, Томе выжил и полностью поправился. Однако пока он лежал в больнице, его родные узнали, что на них на самом деле напали пираха и что те не потерпят их на берегах Маиси. Даже брат старого Арманду, Априжиу, живший ниже по течению в селении Терра-Прета («Черная Земля»), был вынужден сняться с места и забрать с собой жену — индианку племени диароев — и двух сыновей.

После пятидесяти с лишним лет соседства, племя пираха изгнало поселенцев из племени апуринан с реки Маиси. Это был страшный удар. Беженцев ждало существование полусвободных батраков в поселках белых бразильцев на реке Мармелус, в дне пути от устья Маиси. Им разрешили жить там только в обмен на постоянный бесплатный труд на земле белых. Томе поклялся отомстить племени пираха и посылал им угрозы через речных торговцев. Родные отговаривали его, ведь пираха предупреждены и непременно убьют его, если он вернется. Он понимал это и сам: на землю племени пираха

нельзя проникнуть незамеченным. И все же индейцы пираха боялись Томе, потому что знали: он не хуже их самих знает реку и джунгли, и не сомневались, что в бою он страшен.

Беженцы из селения Сети и семья Априжиу знали, что теперь прекрасные, гостеприимные берега Маиси уже не их дом. Через пару лет в живых из них остались только Томе с женой, его двоюродный брат Роке — сын Априжиу — и жена Отавиу Раймунда. Отавиу оставался в изгнании с женой и ее родными лишь недолгое время; в конце концов он вернулся в свое племя, как те и хотели. Арманду умер — возможно, отравлен; никто не знал в точности, как именно он умер, но его смерть была внезапной. Через несколько лет умер и его брат Априжиу.

Трагедия семьи из племени апуринан показывает темную сторону культуры пираха. Хотя индейцы пираха очень терпимо и мирно настроены по отношению друг к другу, они могут пойти на любую жестокость, чтобы не пустить на свою землю чужих. Кроме того, эта история вновь дает понять, что терпеть чужих и соседствовать с ними — не значит смириться. Индейцы апуринан посчитали, что, прожив всю жизнь среди другого племени, преодолеют культурные и общественные различия между двумя народами. Однако они заплатили собственной жизнью за важнейший урок: такие барьеры преодолеть почти невозможно, как бы это ни выглядело на поверхности. Жители бывшей Югославии, Руанды и многих других стран усвоили этот урок истории таким же трагическим образом.

Однако из этих событий можно извлечь и другой урок: судьбу самого Тукааги. Всего через несколько месяцев после убийства Жуакина и покушения на Томе Тукаага оказался один и жил вдали от всех селений племени пираха. Еще примерно через месяц он умер при таинственных обстоятельствах (это значит, что пираха неохотно об этом говорили, разве что кто-то сказал, будто он умер «от простуды», что, вообще говоря, возможно). Я думаю, что его могли убить собственные соплеменники. Все племя почувствовало себя в опасности из-за его поступка — расследовать смерть Жоакина приезжала полиция. Потом до них дошли слухи, будто соседние поселенцы собираются напасть на них в отместку. Поначалу пираха говорили мне, что не боятся, хотя я прекрасно понимал, что это только поза, а на самом деле они были напуганы.

Обсуждая между собой реакцию на убийство Жуакина, они осознали, что теперь опасность грозит сразу многим членам племени.

Возможно, Тукаагу изгнали именно поэтому. Ведь в Амазонии изгнание — это крайняя мера наказания, так как для выживания, охоты, собирания пищи необходимо все делать сообща.

Мы уже знаем, что индейцам пираха не нужны вожди или законы, чтобы контролировать поведение членов племени. Им достаточно изгнания, раз изгнанному трудно выжить. Тукаага тоже выучил тяжкий урок; его пособников, насколько мне известно, не наказали. Оба мои друзья, но я никогда не заговариваю с ними о Тукааге и о гибели Жуакина.

ГЛАВА 9

ЗЕМЛЯ СВОБОДНЫХ¹

Самые частые проблемы, с которыми сталкиваются в своей жизни индейцы пираха, — это болезни и вторжения чужих людей на их территорию. Особенно многочисленны ныряльщики, рыбаки и охотники — бразильцы и иностранцы. На реке Мармелус нередко появляются бразильские рыболовецкие суда, туда приезжают любители спортивной рыбалки из Японии, и все эти гости расспрашивают индейцев пираха о рыбных местах, оставляя им за услуги кашасу, ткани, маниоковую муку и даже довольно дорогие товары, вплоть до целых лодок. В переговорах участвуют посредники — белые бразильцы-кабоккло. Пираха страдают и от несправедливой торговли с самими кабоккло: те просят у них пищу и дары леса, а в обмен дают только кашасу. Чтобы никого не обидеть и избежать стычки с чужаками, пираха часто отдают им все, что у них есть, задабривая гостей.

Помощь миссионеров была нужна индейцам прежде всего в межевании земли, чтобы предотвратить вторжения извне, и в лечении болезней. Мы с Керен все время помогали им лекарствами, но я чувствовал на себе ответственность и за неприкосновенность их земли. Мы еще яснее осознали, насколько они нуждаются в собственной резервации, когда однажды добирались до их селения по реке и познакомились с культурой кабоккло, живущих вокруг территории племени. Это была наша вторая экспедиция, после того как первая была прервана малярией.

¹ Аллюзия на строки из гимна США:

*O say does that star spangled banner yet wave //
O'er the land of the free, and the home of the brave?*

(Ты скажи, развеается ль звездное знамя //

Над землей храбрецов, над свободы сынами?) (прим. пер.).

В этот раз мы решили пожить у индейцев подольше — почти целый год, — а если везешь с собой много запасов, плыть на корабле дешевле. У меня, впрочем, имелась и своя личная причина, по которой я выбрал корабль: в самолете меня укачивало. Мы приехали в гавань Порту-Велью с багажом: огромными металлическими бочками, канистрами горючего, ящиками, чемоданами, картонными коробками и продолговатыми армейскими сумками. Тут же к нам сбежались портовые рабочие — «помочь». Однако меня уже предупредили, что если они хоть раз дотронутся до наших вещей, они заломят непомерную цену за эту «помощь». Поэтому я прогнал грузчиков и перенес всё сам: вниз по крутому глинистому берегу, по шаткой доске шириной в ладонь и на сочащийся водой пароходик — «рикрейю». Каждый предмет приходилось нести в несколько этапов, преодолевая довольно долгие затопленные водой тропинки и пересекая свежие следы диких зверей (один раз «автор» следов — пума — даже не успела еще скрыться из виду).

Сейчас, вспоминая ту экспедицию, я спрашиваю себя, понимали ли мы, какое воздействие все эти вещи могут оказать на индейцев. Кажется, мы даже не предполагали, что эти бесчисленные припасы — всё, что нужно калифорнийской семье на год, — могут привлечь внимание индейцев пираха. В те годы мы и не думали жить иначе. К счастью и для нас, и для пираха, мы оказались правы, но не потому что все хорошо продумали заранее. Просто индейцы вообще не интересовались нашими вещами, не пытались у нас красть (разве что еду) и ничего не выпрашивали. Похоже, они не придавали нашим вещам большого значения.

В любом случае, следующие несколько лет мы предпочитали добираться до селения по реке. На реке можно было докупать провизию, чтобы на этих запасах прожить там подольше, а еще мы могли останавливаться в прибрежных поселках и знакомиться с бразильцами, которые жили рядом с пираха. Многие из них часто посещали индейцев и торговали с ними.

По мере знакомства с белыми кабокло я узнал одну вещь, которая меня очень обеспокоила: многие из них зарились на земли племени пираха. Они часто спрашивали, на что индейцам эта прекрасная земля, изобилующая рыбой и зверем: *«Mas, Seu Daniel, porque aqueles bichinhos têm direito à toda aquela terra bonita e os civilizados não?»* ‘Но, сеньор Даниэл, почему у этих обезьянок есть права на всю эту прекрасную землю, а у цивилизованных людей нет?’ Такие речи вызывали у меня опасения, потому что я живо представлял себе, как эти

поселенцы вторгаются на территорию племени и отхватывают себе куски побольше. Я понимал, что должен помочь племени пираха создать официальную резервацию, но не знал, с какого конца к этому подступиться.

К тому времени мы всей семьей уже много лет прожили в Бразилии. После того как я дописал диссертацию, мы решили провести год в Штатах, чтобы я мог заниматься научной работой в самом сердце моего лингвистического мира — на кафедре лингвистики и философии Массачусеттского технологического института в городе Кембридже; это кафедра Ноама Хомского, чья теория грамматики сыграла огромную роль в моих исследованиях.

Проработав в институте пять месяцев, я получил известие от д-ра Уода Крека², антрополога из Университета штата Иллинойс, что Бразильский государственный фонд по делам индейцев (ФУНАИ) предлагал мне присоединиться к экспедиции по установлению границ официальной резервации для племени пираха. Я с радостью согласился.

Мне предстоял ночной перелет из Бостона в Рио-де-Жанейро, а потом еще семь часов короткими отрезками на маленьком самолетице до Порту-Велью. В ФУНАИ хотели, чтобы я помог им определить, сколько земли нужно выделить племени. Их сотрудника, который меня вызвал, я знал только по прозвищу Шарá. Он занимал в фонде какой-то высокий пост. В свое время он провел пару лет у индейцев — у племени пираха, мундуруку, паринтинтин — и теперь хотел обеспечить им законно признанные резервации, чтобы они могли жить привычной жизнью. Шара был среднего роста, неполный, симпатичный, носил длинные волосы и окладистую бороду; за ним повсюду следовала его подруга, симпатичная блондинка Ана. Они были одновременно серьезными и беззаботными, всегда одевались неформально и напоминали хиппи, озабоченных судьбою мира. Однако они трудились ради того, чтобы индейцы Бразилии сохранили старинный уклад жизни и хотя бы не потеряли землю предков.

² Крек Уод (Waud Kracke, 1939—2013) — американский социальный антрополог и этнограф, специализировавшийся на культуре индейцев Южной Америки. Исследовал отражение в культуре сновидений, культурный шок, психологию лидерства. В своих исследованиях применял психологический и психоаналитический подходы.

Мы с Шара подружились, когда он приезжал в деревню пираха Посту-Нову, где я работал с 1977 по 1985 гг. Тогда мы долго разговаривали о том, что пираха нужна резервация. С тех пор Шара вернулся в Фонд и теперь, сделав карьеру, имел полномочия организовать экспедицию, чтобы разметить границы резервации для племен пираха и паринтинтин (это был первый шаг в трехступенчатом процессе создания резерваций). Он отправил запрос Уоду, который занимался культурой паринтинтин, и мне: не можем ли мы приехать в Бразилию и помочь с переводом на индейские языки, ведь мы единственные люди из внешнего мира, кто говорит на языках этих племен. Шара сообщил, что Фонд оплатит нам расходы на территории Бразилии, а вот билет надо покупать самим. Тогда мне позвонил Уод и сказал, что организация «Выживание культур», основанная Дэвидом Мэйберри-Льюисом³, антропологом из Гарварда (ныне покойным), возможно, согласится оплатить мне перелет. Мэйберри-Льюис ответил на мой вопрос незамедлительно и уверил меня, что его организация будет рада оплатить мою поездку на столь важное дело.

С 1979 г. я тщетно пытался убедить соответствующие органы власти в Бразилии защитить земли племени пираха от растущей угрозы внешнего вторжения. Я обращался к четырем разным директорам ФУНАИ в Порту-Велью (братья Делсиу и Амори Виейра, которые занимали этот пост друг за другом; Апоэна Мейрелис, которая приезжала ко мне в селение пираха, чтобы обсудить этот вопрос; и еще директор, которого я знал только по фамилии — Бенамор) и прямо-таки умолял их организовать резервацию. В начале восьмидесятых Амаури послал в селение на две недели одного сотрудника Фонда, чтобы лучше узнать эти места, но тут его сняли с должности. А Бенамор прямо сказал: «Никто и не хочет там жить, с этими пираха. У них такой язык, как будто они плачут все время».

Я был несказанно рад возможности впервые проплыть по всему течению Маиси и побывать во всех селениях пираха. Я так много хотел увидеть и узнать: например, понять, все ли селения племени пираха устроены так же, как те, что я уже видел, и узнать, везде ли в ходу один и тот же диалект и поймут ли они мое произношение. Первые свои несколько лет в племени я провел в селении Посту-Нову, возле

³ Мэйберри-Льюис Дэвид (1929—2007) — этнограф, исследовавший южноамериканских индейцев и боровшийся за права коренного населения (*прим. пер.*).

устья реки. В других селениях — более отдаленных и труднодоступных — мне еще предстояло побывать.

Фонд пригласил меня в качестве переводчика. Я должен был переводить рассказы и ответы на вопросы их сотруднику-антропологу, который должен был изучить их способы землепользования. Ему нужно было расспросить всех знакомых нам членов племени, живших у реки, об их землях и нанести на карту те территории, которыми племя пользуется сейчас, и те, которые они по традиции считают своими.

После многочасовой поездки я добрался до Умайта́. Теперь нужно было найти корабль, который доставит меня к устью Маиси; поэтому я поймал такси и велел водителю отвезти меня на берег Мадейры. Я мог бы пойти пешком — там километра три, — но температура уже перевалила за тридцать пять, я весь взмок и устал. В гавани стояли десятки деревянных суденышек, в основном некрашенных и довольно хлипких на вид. Я никого тут не знал и не был уверен, возместит ли Фонд расходы на наем судна, и поэтому просто спросил, есть ли свободные места, надеясь сразу получить самое дешевое предложение. Я обратился к двум братьям, владельцам некрепкого на вид деревянного корыта длиной метров восемь. Один в это время ползал в воде под носом своей посуды, пытаясь залатать пробину, — так на Амазонке приходится делать часто. Второй лениво глядел на меня, лежа в гамаке; я подошел к ним и хлопнул в ладоши: так делают бразильцы, если надо постучаться, а двери нет.

— *Olá!* ‘Здравствуй!’ — прокричал я, пытаясь переорать грохот лодочных моторов, вопли механиков и возню детей, носившихся по берегу.

— *Olá,* — ответил мой собеседник лениво.

— У вас можно взять внаем судно до реки Маиси? Вам заплатят на месте люди из ФУНАИ.

— А если нет? — скептически переспросил обитатель гамака.

— Тогда я сам заплачу, — пообещал я.

Он меня не знал, не мог быть во мне уверен, но все же ответил:

— Ладно, отвезем вас.

— Отлично. Давайте я пообедаю, и потом отчалим.

— Идет, — ответил он.

Оттуда я резво пошел по берегу, против течения, и зашел в одну из десятка портовых забегаловок.

— *Quero um prato feito, por favor* ‘Комплексный обед, пожалуйста’, — попросил я у полной женщины, стоявшей за сколоченной из досок барной стойкой. В Бразилии комплексный обед — это очень большая порция мяса, обычно с фасолью, рисом и макаронами, обсыпанная желтой маниоковой мукой, по виду похожей на мелкие мюсли⁴.

— *Você quer carne ou peixe ou frango?* ‘Мясо, рыба, курица?’ — спросила женщина.

— *Todos* ‘Всё сразу’, — ответил я, так хотелось есть.

Не прошло и десяти минут, как передо мной поставили тарелку горячей, исходившей паром и обильно политой маслом еды и пластиковую бутылочку с «тукупи» — желтым острым соусом из маниокового сока с перцем чили. Я проглотил всю порцию за пять минут, запил литром ледяного бразильского светлого пива «Брама»; на всё ушло около трех долларов.

— *Obrigado,* — бросил я на бегу, выходя из кафе, и направился в порт.

— *Pronto?* ‘Готов?’ — спросил меня владелец судна.

Его брат тем временем вылез из воды и уже заливал топливо в баки.

— Да, поехали, — ответил я.

⁴ Самая распространенная в городах Бразилии версия этого блюда, которое подается во всех столовых и дешевых кафе и заменяет обед рабочим и служащим, немного другая: мясо, фасоль, рис, картофель фри и крошечная порция овощей. Как и в описанной автором версии, все подается на одной тарелке (*прим. пер.*).

Я взошел по узкому трапу и сбросил на палубу свои две сумки. Вытащил гамак и повесил его в главной (впрочем, весьма небольшой) каюте. Потом вышел обратно и пошел на корму.

— Сколько нам плыть? — спросил я, хотя в этом смысла не было: будем плыть столько, сколько придется, другого судна ведь нет.

— Если будем идти всю ночь без остановки, придем завтра к полудню. (На часах было три часа дня.)

Тут завелся и громко затарахтел двигатель. «Отдать концы!» — закричали на нашем судне.

Мы двинулись вниз по могучей реке Мадейра, постепенно набирая скорость, и горячий неподвижный воздух сменился освежающим дуновением с воды. Стали сказываться усталость с дороги, плотный обед, выпитое пиво и теперь еще и чувство облегчения от того, что я смог продолжить путь, — и меня сморило. Я улегся в гамак и заснул. Теплая погода, ветерок с реки и удобный гамак возымели свое действие: я так и проспал всю дорогу, просыпаясь иногда на несколько минут и еще на завтрак, состоявший из галет с маслом, кофе с сахаром и стакана молока. Во время трехчасового плавания по Риу-дус-Мармелус я наблюдал, как под нами лениво катятся темные волны, и вновь напоминал себе, какая это редкая удача — попасть в этот мир, который, казалось, может только присниться. Высокие песчаные берега Мармелус были совсем не похожи на глинистые берега Мадейры.

Мы прибыли на место почти через сутки, в точности как предсказал капитан. Я проснулся от звуков речи на языке пираха, доносившихся с берега. Пираха, если они чем-то возбуждены, ни с кем не перепутает: они непрестанно сменяются, что-то кричат, громко разговаривают. Мой гамак еле заметно закачался: это наше судно замедлилось и подошло к другому, стоявшему на якоре возле тропы, которая вела от берега к селению племени пираха в устье реки Маиси. Это второе судно было больше нашего. Я рассчитывал, что меня встретят, скорее всего, двое сотрудников ФУНАИ, но на палубе меня ждали люди из двух государственных ведомств Бразилии: антрополог и картограф из Фонда и специалист по межеванию земель из ИНКРА (Национального института внутренней колонизации и сельскохозяйственных реформ).

Как только я показался на палубе, индейцы стали выкрикивать мое имя. Братья-судовладельцы тут же спросили, нет ли здесь опасности. «Пока вы со мной, все нормально», — пошутил я (а они поверили всерьез).

— Привет, Дэн. А Керен где? — спрашивали индейцы.

— Ее лодка затонула на реке Маиси. Она погибла, увы.

Примерно полсекунды индейцы смотрели на меня разинув рты. А потом поняли и разразились хохотом. Бразильцы наблюдали эту картину с удивлением.

— Когда мне сказали, что нам придется ждать в устье Маиси какого-то американского лингвиста, я рассердился, — признавался мне потом Левинью, антрополог из ФУНАИ. — С чего это бразильцам ждать какого-то гринго, чтобы он им переводил, да еще в самой Бразилии? Но теперь я понимаю. Мы тут уже три дня и до сих пор не понимаем и не можем сказать ни слова.

В каждом селении мы расспрашивали индейцев о том, как они представляют себе свою землю, как они ею пользуются, считают ли они, что земли могут принадлежать тем или иным людям в племени, и так далее. Левинью спрашивал, я переводил. Мы медленно передвигались от селения к селению вверх по реке. Чтобы не пропустить какие-то селения, не видимые с реки, мы взяли проводником Кохоибииихиаи, так как с ним можно было хотя бы попытаться объясниться на португальском. В каждом селении — размером от одной семьи с детьми до нескольких родов — мы поднимались немного выше по реке, затем глушили двигатель и подходили к берегу с течением, а я вставал на корму и кричал на языке пираха: «Это Дэн, со мной друзья из чужого народа. Мы приехали поговорить». Затем Кохои добавлял, что мы пришли с добром, что у нас есть подарки — рыболовные крючки, — и вообще успокаивал местных жителей. Незнакомые мне индейцы поднимались к нам на борт, и кое-кто с радостью заговаривал со мной. Женщины и дети, когда я сходил с судна и шел в деревню, просто молча смотрели во все глаза.

Через неделю моя работа переводчика для специалистов по межванию окончилась. Мы вышли к Трансамазонскому шоссе; я увидел его впервые в жизни. Поскольку выше по реке от шоссе индейцы пираха не живут, Фонд предоставил мне выбор: остаться на корабле еще на две недели обратного пути по Маиси и Мадейре до Манауса или ехать автостопом до Порту-Велью по шоссе. Я выбрал второе, и поэтому меня высадили у моста через Маиси — небольшого деревянного сооружения, которое казалось совершенно непригодным для того, чтобы по нему все время ездили тяжелые грузовики, везущие бревна или минеральное сырье с шахт компании «Минерасан Табока» (*Mineração Taboca*) в четырех сотнях километров к востоку отсюда.

В этой экспедиции мы узнали много нового. На пятый день пути картограф из Фонда выяснил, что карта местности, составленная бра-

зильской администрацией по данным аэрофотосъемки, неверна. Утром того дня, за кофе, он сказал, что с нашей скоростью мы доберемся до ближайшего селения только через два дня, если не больше. Это нас обеспокоило, так как у нас оставалось мало топлива и припасов. Я повернулся к Кохои и спросил его, далеко ли до следующего селения. Он сказал, что в следующем селении живет Тоитои и что мы доберемся к полудню. Я передал его ответ картографу, и тот ответил: «Ну что ж, не буду спорить с аборигеном о его родных местах, но если он прав, то неверна армейская карта». В селении Тоитои мы были к полудню, и картограф стал внимательно изучать карту. Наконец он установил, что центральная часть карты — течение реки Маиси между селениями Кохои и Тоитои — была нанесена на нее дважды подряд. Это оказался очень важный урок для бразильской администрации.

Для индейцев и для меня результаты нашей поездки были еще лучше. Теперь у индейцев была собственная официально утвержденная территория; можно было начинать длительный бюрократический процесс оформления ее в резервацию. Мы с Левинью часами беседовали о культуре пираха. Его поразило, что у них нет мифов о сотворении мира, и он всеми силами пытался выудить из них хоть что-то подобное, но тщетно. Так же удивило его и отсутствие устной истории и устного творчества; возможно, именно он первый заставил меня задуматься, насколько же это необычно. Его энтузиазм был заразителен: впоследствии изучать культуру пираха приехал его друг Марку Антониу Гонсалвис, аспирант-антрополог из Рио.

В поездке я познакомился практически со всеми в племени пираха, узнал их по имени. Я вызывал у них неподдельный интерес: они слышали о белом человеке, учившем их язык, но большинство меня никогда не видели. Дети и женщины особенно разевали рты, когда я заговаривал с ними на их языке. В каждом селении меня звали вернуться к ним жить и привезти семью. Это было заманчивое предложение: как я заметил, мои новые знакомые в селениях выше по течению реки почти не примешивали в свою речь ломаные португальские слова. Многие индейцы, жившие ниже по реке, знали португальские глаголы, и, когда они говорили со мной на языке пираха, они пытались использовать эти иностранные слова — конечно же, чтобы помочь мне понять. Но даже эта небольшая примесь португальского мешала мне изучать настоящий язык пираха. Я понял, что в селении дальше от устья португалоязычные «помехи» будут встречаться намного реже.

Вот так эта поездка оказалась полезной для всех: и для племени пираха, и для бразильской администрации, и для науки, и для меня.

ГЛАВА 10

КАБОКЛО: ЭТЮДЫ ИЗ ЖИЗНИ АМАЗОНСКИХ БРАЗИЛЬЦЕВ

Кабокло — это преимущественно потомки амазонских индейцев, полностью перешедшие на португальский язык и встроившиеся в экономику региона; себя они считают бразильцами, а не членами тех или иных племен. Пираха называют кабокло словом *хаоóи-ги́и* ('настоящие чужаки'; суффикс *-ги́и* значит 'настоящий, подлинный'). Американцы и другие иноплеменники, даже бразильцы из городов, называются просто *хаоóи*. У пираха более теплые отношения с кабокло, потому что они чаще видятся и живут в одной и той же среде, умеют одно и то же: охотятся, ловят рыбу, плавают на каноэ, исследуют джунгли.

Культура кабокло теснит обычаи пираха на повседневном уровне уже более двух сотен лет. Это культура «настоящих мачо», подобно ковбойской культуре, в которой вырос я. Однако у нее есть и обратная сторона: стоицизм, почти фатализм, который мало присущ субкультурам в США.

Индейцы пираха обязаны встречам с кабокло почти всеми своими знаниями об окружающем мире людей. А вот ценности американцев резко отличаются от ценностей кабокло. И пираха видят эту разницу, так как мировоззрение кабокло больше похоже на их собственное.

Например, у американцев и у кабокло разное отношение к телу. Кабокло более склонны осуждать лень и полноту, чем американцы, и большинство из них считает, что упорный труд — это признак здоровья, доброго нрава и даже божественного расположения. Если тебе хватает здоровья трудиться, значит, тебя хранит Бог. Толстый значит грешник. Для кабокло люди с лишним весом — ленивые тунеядцы, которым надо больше, чем они того заслуживают. Поэтому даже у более состоятельных кабокло (а такие попадаются) принята строгая трудовая этика. Довольно часто бывает, что житель Амазонии, которому уже необязательно трудиться, чтобы прокормить себя, все равно сам расчищает свои поля, орудует мачете или идет в джунгли собирать

плоды вместе с батраками. Эти ценности до некоторой степени совпадают с ценностями пираха: нужно быть поджарым, здоровым, знать джунгли, уметь ловить зверя и рыбу и полагаться только на себя.

Я осознал: чтобы понять, как пираха представляют себе чужеземцев и как относятся ко мне, нужно понять кабокло. Но поскольку жить среди кабокло я не собирался, узнать их я мог только через общение. И обычно это происходило во время путешествий по рекам.

Особенно мне запомнилось одно такое путешествие. Я решил отвезти к индейцам пираха зубного врача и еще своего двоюродного брата, оптометриста по профессии; мы собирались осмотреть индейцев и предложить им вылечить зубы, если нужно, а также подобрать очки (бесплатно). В гавани Порту-Велью я заметил незнакомое судно. Оно было большое, на вид недавно спущенное на воду; на борту красовалась табличка с рекламой маршрутов до Манауса и Маникоре — городка возле устья Мадейры. Такие суденышки — едва ли не единственный вид дальнего транспорта, известный амазонским кабокло.

Я спустился по берегу, который в июле обнажается до самой крутой части, и, взойдя по узкому трапу на борт, спросил «дону» (владельца судна).

Ко мне вышел лысый мужчина лет сорока пяти, среднего роста, в одних шортах, и объявил: «*Eu sou o dono*» ‘Я владелец’.

Как и все речники Амазонии, он был крепкий, кожа загорелая и обветренная. И как у всех «дону», фигура его выдавала излишнее пристрастие к плотной еде и выпивке. На нем были грязные белые бермуды и шлепанцы — вездесущие в Амазонии шлепанцы.

— Когда отправляетесь в Манаус? — спросил я.

— *A gente vai sair lá pelas cinco horas da tarde* ‘Мы отходим около пяти часов вечера’, — ответил он вежливо, уверенным голосом.

По дороге назад из гавани я живописал своим спутникам прелести путешествия на «рикрейю» по реке Мадейра:

— Вам точно понравится! Ветерок с реки, птицы, звери, джунгли, одна из величайших рек в мире, а еще бразильская кухня!

Около полчетвертого, благодаря моим настойчивым просьбам не опоздать, мы вернулись на судно и с радостным воодушевлением вошли на борт. Мы заметили, что на «наше» суденышко еще разгружали какие-то грузовики, но посчитали, что разгрузку скоро закончат, и мы отчалим в пять, как и было обещано. Повесив гамаки, мы купили ледяных свежих кокосов с соломинками, вставленными в отверстия наверху, и напились сладкого сока. Мы расслабились и заговорили

о предстоящей поездке, наблюдая, как грузчики трудятся под палящими лучами солнца, погружая ящики, баллоны с бутаном и бананы (просто-таки тоннами) для отправки на рынок в Манаусе. Мы ожидали, что это скоро закончится, потому что уже перевалило за пять часов. Однако оставалось еще много грузовиков — мне показалось, что за час они не управятся, но это не страшно. Опоздание на час — обычное дело в Амазонии. Но вот прошли и шесть часов. Тогда я спустился к «дону» и спросил, когда же мы отчалим.

— *Daqui a pouco* ‘Скоро’, — ответил он весело.

Я сообщил это своим спутникам. «Дону» сказал, что бесплатно накормит нас ужином. Это хорошая компенсация, подумал я, так как в подобных рейсах на первый вечер обычно ужин не подавали. И тут я заметил одну странность: кроме нас, на борту вообще не было пассажиров, за исключением одного поджарого и мускулистого детины, совершенно пьяного; он храпел в гамаке, накрыв лицо ковбойской шляпой.

После ужина погрузка продолжалась: в трюм под палубами и на нижнюю палубу. Это было почти смешно: ну сколько еще влезет в это судно? В него уже зачихнули в два раза больше, чем я мог себе представить. Семь часов, восемь... В полдесятого я спросил, что тут вообще происходит.

— Ой, извини, мы сегодня уже не отправимся, я жду еще кое-какие грузы, — ответил «дону» как ни в чем не бывало.

Другого корабля не было. Машины, чтобы вернуться в центр ЛИЛ, тоже: миссионеры уже забрали «комби» (микроавтобус «Фольксваген»), который мы сняли на этот день. Пришлось устраиваться как получится. В воздухе замельтешил гнус, особенно много было москитов. Мы забрались в гамаки и провели в них предсказуемо неприятную ночь. И тут, слишком поздно, я вспомнил, что бразильцы, путешествуя по рекам, избегают незнакомых кораблей. Поскольку это судно было новым на маршруте Порту-Велью — Манаус, люди не садились на него, пока не узнают, надежно ли оно, безопасно ли, сколько берут за проезд, хорошо ли кормят и так далее. По крайней мере, мне подумалось именно так.

Когда наконец настало утро, я увидел, что на борт поднялись еще пассажиры: как будто все, кроме нас, гринго, знали, что судно отойдет только утром. Вот вам и мой огромный опыт. Около десяти утра, позавтракав приторно-сладким и ужасно крепким кофе, галетами и консервированным маслом (мне оно, кстати, очень нравилось), мы наконец тронулись. Моя маленькая группа путешественников вышла

на верхнюю палубу и подставила лица ветерку; на расстоянии двух палуб от грохочущей машины можно было говорить, не напрягаясь. Мы наконец-то в пути! Затем мы постепенно перебрались в гамаки, чтобы полежать и почитать в тени и прохладе.

Однако около четырех часов судно внезапно встало. Другие пассажиры сказали мне, что мы налетели на песчаную банку: опять сказывался недостаток опыта у команды. Следующие сутки капитан потратил на то, чтобы снять нас с мели. После нескольких часов бесплодных попыток стронуть нас с помощью совокупной мощи нашей машины и бортового катера капитан поздно вечером ушел на нем. Около трех часов ночи он вернулся с двумя лодками помощнее, но все равно значительно меньше нашего судна. Меня разбудили мои спутники:

— Дэн, у нас беда!

Они поманили меня за собой; мы вышли на первую палубу и увидели через отверстие в полу, как «дону» и капитан судна пытаются починить рулевое управление. В корпус медленно просачивалась вода, потому что они ослабили уплотняющий сальник вокруг руля. «Мы все утонем!» — запричитали мои друзья.

— Мы *уже* утонули, — ответил я. — Сидим на мели, будь она неладна. Глубже некуда.

Новые пассажиры были все бедняки. Люди со средствами — если, конечно, они не собрались к пираха — либо летают в Манаус самолетом, либо не ездят туда вовсе. И пусть туристические брошюры расхваливают речные поездки, называя их увлекательными круизами; чтобы понять, как они врут, хватит одного взгляда на любой «крикрейю». Они почти без исключения выглядят довольно хлипкими, потрепанными и истерзанными. Бедняки путешествуют на них, потому что вариантов все равно нет.

На пассажирах были в основном шлепанцы, изредка попадались ковбойские сапоги или кроссовки «Найк» и «Рибок». Женщины носили, как правило, шорты и футболки, некоторые одевались в джинсы и блузки. На многих мужчинах были длинные брюки, но большинство все же предпочитало шорты; кое-кто ходил с голым торсом, но чаще попадались футболки с политическими лозунгами, поло и цветастые рубашки с короткими рукавами. Все пассажиры были загорелые, здоровые, подтянутые и оживленно между собой беседовали. Бразильцы вообще разговорчивы, с ними интересно в таких поездках: радуясь отдыху от повседневной рутины, они становятся более открытыми и веселыми, и им нравится общаться с незнакомцами, даже с какими-то непонятными гринго.

Мы тоже болтали с пассажирами, хотя меня начинал раздражать тот, который погрузился вместе с нами, в ковбойской шляпе. Он все еще не протрезвел; лет ему было около пятидесяти, он был крепкого сложения. Он все пытался заговорить со мной на испанском (многие бразильцы знают, что американцы скорее поймут испанский, чем португальский). Хотя я отвечал на беглом португальском и сказал ему, что здесь я бывал много раз, он все тыкал меня в грудь и повторял что-то вроде: «Этот корабль идет до Маникорé, здесь спят в гамаках, тут все говорят по-португальски», — и прочие банальности. Я пытался уйти, но он следовал за мной. Так продолжалось несколько часов, и я все больше раздражался. Вообще на севере Бразилии такое случается все чаще: люди видят иностранца и начинают приставать.

Давным-давно, когда я приехал на Риу-дус-Мармелус, со мной произошел случай, который в какой-то степени показывает всю суть жизни кабокло. Мы с семьей спускались по реке в сезон дождей: до этого мы прожили в селении пираха несколько месяцев и теперь возвращались в город. Наш маршрут должен был привести нас сначала в Аусилиадору, чтобы мы сели на «рикрейю» до Порту-Велью, а там — на самолет до Сан-Паулу, где мне предстояло продолжить работу над диссертацией при УНИКАМПе. Впервые мы прошли этот маршрут, когда Керен и Шеннон слегли с малярией, но теперь он был уже привычным: мы проделывали его ежегодно, нам даже стало нравиться. Люди, казавшиеся в тот первый раз чужими, теперь были нам знакомы, и мы ценили их дружбу.

Когда мы подходили к селению Пау-Кеймаду, я увидел, что на берегу стоит женщина и знаками просит нас причалить. Я не хотел вставать под дождем, но знал, что амазонцы без серьезного повода ничего не попросят. Поэтому я повернул в ее сторону; через пару минут мы заглушили мотор и подгребли к берегу.

— Что случилось? — спросил я.

— Мой отец очень болен. Пожалуйста, взгляните на него.

Мы привязали лодку у берега. К домам вел тот же самый крутой подъем, как тогда, когда я отчаянно искал помощи и не знал, что делать. Теперь была наша очередь помогать. Керен взяла аптечку, и мы пошли в дом, велев детям следовать за нами.

Внутри было темно; стены — из досок и шестов местных пород дерева. Крыша крыта пальмовыми листьями, как обычно в тех местах. Пол — тоже из досок, с большими щелями, через которые в комнату

спокойно проползали насекомые и ящерики. По темным углам копошились вездесущие амазонские тараканы и большие жуки сантиметровой семь длиной, которые испускали струю белой гадости, если на них наступить.

В углу стояла неожиданная здесь самодельная двуспальная кровать — вообще кабокло всегда спят в гамаках — с москитной сеткой наверху, которую опускали на ночь. Кровать была собрана из досок и жердей, на ней лежал простой поролоновый матрас, заляпанный застарелыми пятнами, происхождение которых я выяснить не хотел. На кровати лежал старик, которого все здесь называли *Seu Alfredo* (то есть сеньор Алфреду).

Алфреду был мастером по изготовлению лодок и обучил этому ремеслу своих сыновей. За лодками все приходили именно к нему. Он строил и большие «каноас» с каркасом из дерева «итауба» и бортами из досок десять на два сантиметра, проконопаченные, как большой корабль, и «каскус» (раковины) — долбленки из цельного ствола «итауба». Он делал лодки лучше всех. Пираха тоже его любили и говорили, что он никогда не пытался увести их женщин, — редкость для кабокло, по мнению индейцев.

Арло Хайнрикс в свое время убедил Алфреду перейти в христианство, и с тех пор он прожил в вере двадцать лет. В тех краях его знали как человека надежного и доброго; он ходил помогать больным, пел церковные гимны и был дружен со всеми.

Мне доводилось видеть, как он рано поутру причаливал у какого-нибудь поселения и вылезал из каноэ с укулеле в руках. Он поднимался по берегу и начинал играть и петь церковные гимны, улыбаясь всем, кто шел мимо по своим делам: женщины несли одежду стирать, мужчины собирали охотничье снаряжение. Все улыбались и оставляли свои дела, чтобы послушать Алфреду. Он пел высоким голосом, в котором было больше старания, чем умения; пел о том, что не боится завтрашнего дня, потому что в дне сегодняшнем он узнал Иисуса. Попев, он навещал больных и прогуливался по деревне, рассказывал анекдоты и беседовал с людьми о том, как Иисус изменил его жизнь, — целая миссионерская организация в одном лице.

Редко бывает, чтобы кабокло так доверяли другому кабокло, но Алфреду доверяли и его уважали. Из всех, кого я знал в тех местах, только о нем не ходило подозрений.

Я подошел к кровати больного и спросил:

— Болеете?

— Да, очень болею. Подойди ближе, я тебя не вижу, — прошептал он хрипло.

Подойдя, я увидел, что его руки исхудали, лицо искажено болью и весь он дрожит.

— *Ah, é Seu Daniel!* ‘О, это сеньор Даниэл!’ — сказал он.

Пахло дерьмом и рвотой.

— Что болит? Отвезти вас в больницу в Порту-Велью?

Я восхищался Алфреду. Он всегда поддерживал меня — белого миссионера-протестанта — и никогда не выказывал ко мне недоверия.

— Нет, я умираю. Говорил дочке: не надо вас вызывать. Я скоро умру.

Я смотрел в его темные глаза, разглядывал его иссохшееся потемневшее тело, ослабленное болезнью, неподвижно распростертое на кровати, которую он смастерил сам, — и у меня к горлу подступал ком. У Керен в глазах стояли слезы. Дети мялись на пороге и только смотрели.

— Давайте я помогу, Алфреду. У врачей в Порту-Велью наверняка есть лекарства от этой болезни.

— Нет, Даниэл, — ответил он. — Свою смерть чувствуешь точно. Но грустить незачем. Я буду рад, что боль пройдет. Мне, знаешь ли, не страшно умирать. Я знаю, что меня примет Христос. Слава Богу, я долго жил и хорошо. Со мной дети и внуки. Они все меня любят. Они все здесь. Я очень благодарен им за такую жизнь и такую семью.

Страдающий, больной, Алфреду тем не менее приносил утешение близким и излучал такую собранность и такое бесстрашие перед лицом смерти, которые я не встречал никогда — ни до, ни после. Я взял его за руку. Его дочь, плача, протирала ему лоб влажным полотенцем. Она поблагодарила нас за то, что мы зашли. Алфреду тоже сказал нам спасибо.

— Пошли, дети, — сказал я. — Нам пора.

— Что случилось, папа? Он умирает? — спросила Шеннон. Кристин и Кaleb заглянули в комнату, потом посмотрели на меня.

— Он чувствует, что умирает, да, — ответил я, едва в силах сдерживать слезы. — Здешние люди как будто знают, когда им пора. Но я надеюсь, вы запомнили, как он себя вел. Он не боится. Он верит в Иисуса Христа. Он знает, что попадет на небеса. Я тоже хочу уходить так.

Мне казалось, я только что видел святого.

Мы отказались от кофе с печеньем, которое предложили родственники, объяснив им, что нам нужно кое с кем встретиться в Аусилиадоре, прежде чем садиться на «рикрейю». Запустив мотор и направив лодку по течению, я снова в который раз задумался о характере кабокло. Лишения научили меня правилу: если видишь на берегу Амазонки или ее притока дом — это спасение. Его обитатели, которых ты никогда в жизни не встречал, придут тебе на помощь в трудную минуту. Приютят, накормят, если надо, отвезут на лодке туда, куда тебе надо попасть. Отдадут последнее.

Это кодекс Амазонии. Сегодня ты помогаешь другому в беде, потому что завтра в беду можешь попасть сам. Чистейший пример Золотого правила нравственности.

И все же одну особенность кабокло я понять не могу: их расизм по отношению к индейцам. Они часто говорят мне: «Даниэл, мы те же индейцы, но мы научились трудиться. Мы неленивые. Никто нам просто так ничего не дает. Мы не любим индейцев, потому что они попрошайничают и им всегда помогают больше, чем нам».

Интересно, что сами кабокло называют словом «кабокло» именно индейцев. Себя они так почти никогда не называют, только в шутку. Их самоназвание — «рибейриньюс» (речные жители) или даже — чаще — просто «бразильцы».

Отношение кабокло к индейцам надо принимать в расчет, если вы хотите найти неизвестные или малоизученные племена в амазонском бассейне. Часто о том, живут ли поблизости индейцы, знают только кабокло. Однако у них нельзя спрашивать: «Есть ли здесь индейцы, которые сохранили свой язык?» Если вы хотите это выяснить, то правильный вопрос — по крайней мере, в некоторых частях Амазонии — будет таким: «*Tem caboclos por aqui que sabem cortar a gíria?*» ‘Есть тут кабокло, которые умеют говорить на жаргоне?’ Истоки такого, в общем-то, странного выражения становятся понятны, если достаточно долго поговорить с кабокло: они не считают речь индейцев полноценным языком и считают, что все разные индейские языки — на самом деле одно и то же.

Кабокло считают себя бедными и готовы пойти на многое, даже рискнуть жизнью, чтобы поправить свои дела. Как и большинство людей в западной экономике, они хотят расти. Они очень обостренно чувствуют собственную бедность. Пираха, в свою очередь, хотя у них вещей меньше, чем у кабокло, не знают, что такое «бедность», и довольны материальной стороной своей жизни.

Интерес кабокло к деньгам стал отчетливой всего в дни золотой лихорадки в Порту-Велью, в конце восьмидесятых. Тогда на реке Мадейра и ее притоках нашли золото. Тут же города по ее берегам расцвели, особенно Порту-Велью. Многие кабокло стали старателями и разбогатели — по крайней мере ненадолго. Разведка золотых жил — труд опасный и невероятно тяжкий. Кабокло, никогда не учившиеся нырять, добровольно соглашались надевать водолазный шлем, спускаться в крошечной тьме на пятнадцать метров в глубину илистых вод Мадейры, кишущих анакондами, скатами и кайманами, и там водить по дну широким шлангом вакуумного насоса в поисках золотого песка.

С баржи к водолазу поступал воздух. На палубе другие такие же кабокло обслуживали систему фильтров, в которой с помощью флотации в ртути золото отделялось от песка, камней и прочего мусора. Загрязнение реки Мадейра ртутью стало серьезной проблемой.

Если водолаз находил золото, за кислородный шланг тянули, чтобы просигналь: не уходи с этого места. Это было очень опасно: если на соседней барже замечали, что здесь золото поступает, а у них ничего нет, могло дойти и до убийства. Не одну команду баржи вот так целиком вырезали соседи-старатели. После этого кислородный шланг водолаза просто обрезали и отправляли к нему своего — прикончить, если тот еще не умер.

Мой приятель Жуарис, сын Годофреду Монтейру, пошел в водолазы. Он рассказывал, как во время первого погружения у него пошла из ушей кровь. «Но отступать нельзя, если хочешь разбогатеть», — советовал он мне.

Он и правда начал зарабатывать. В какой-то момент он добывал столько золота, что ему удалось расплатиться по долгам отца, купить в городе дом, завести дело — торговлю мороженым на улице — и купить себе синтезатор, чтобы начать выступать с песнями в соседнем городке Умайта. В конце концов золото кончилось, но оно принесло пользу амазонскому хозяйству благодаря трудолюбию кабокло и других бедняков. Баржи принадлежали богатым, но золото намывали бедные.

Золотая лихорадка выявила не только упорство кабокло в труде, но и их искрометный юмор. Однажды я увидел, как по улице в Порту-Велью идет кабокло, одетый с игопочки, а за ним тянется связка денег.

— Зачем ты так сделал? — спросил я.

— *Filho de Deus!* ‘Сыне Божий!’ — начал он (это обычное в Амазонии восклицание, обозначающее иронию). — Я всю жизнь гонялся

за деньгами. Теперь я нашел золото, так пусть деньги погоняются за мной!

Еще один образец юмора кабокло встретился мне однажды вечером в городе Умайта на берегах Мадейры. Был еще непоздний вечер, около полвосьмого: еще самое время для *passar* — прогулки с женой или подругой — или для встречи с друзьями. Было тепло и влажно, но приятно, как в слегка натопленной бане. На маленькой площади собрались люди. Площадь была вымощена щербатыми бетонными плитами и обнесена низкой беленой стеной с верхом из гладкой красной черепицы, на которую можно было усесться. На ней сидели парочки, одетые в безупречно чистые свежевystиранные белые штаны или шорты и яркие рубашки, которые подчеркивали красоту тренированного загорелого тела. Все что-то ели: мороженое, попкорн, сэндвичи. Разнообразные насекомые: москиты, гнус, шершни, жуки-носороги — облепляли всякий источник света. В стратегически выбранных местах площади, подобно нью-йоркским ларькам с сосисками, были расставлены двухколесные тачки, а рядом с ними горели и переливались светом лампочек набитые углями японские жаровни, на которых готовился кебаб. В тачках были сложены продукты для сэндвичей, которые называются *x-baguncas* ('сырная всячина'; на португальском буква X называется «шис», что совпадает с тем, как бразильцы переименовывают английское *cheese* 'сыр'). С одного конца площади их продавала старушка, а рядом на бетонных плитах играл с пластиковым грузовичком ее внук. С другого же конца площади расположился его

отец. Обе тачки вели бойкую торговлю. Впрочем, и сэндвичи были вкусные: ветчина, картофельное пюре, горох, майонез, сосиска и сыр, все вместе.

Малыш что-то спросил у бабушки. Она ответила: «Нет». Тогда он побежал через площадь к отцу, крича на ходу: «Папа, бабушка говорит, мне нельзя купить колу!» Он явно рассердился на бабушку.

Папа взглянул на него и через секунду предложил решение:

— Ну давай ее убьем, — сказал он, как будто серьезно.

Мальчик в недоумении посмотрел на отца и ответил с жаром:

— Нет, папа, ее нельзя убивать. Это же бабушка.

— Не хочешь?

— Нет! Это же бабушка!

— Ну хорошо, тогда я буду дальше работать.

— Ладно.

И мальчик побежал обратно. Было видно, как папа довольно усмехнулся.

Культура кабокло больше всего повлияла на культуру пираха в области представлений о сверхъестественном, которые распространяются в виде ломаных фраз и словечек на «лингва-жерал» («общем языке», который использовали для контактов по всей Амазонии в ранний период истории Бразилии). Индейцы пираха часто обсуждают верования кабокло и спрашивают о них у меня.

Эти верования — смесь католического вероучения, преданий и мифов тупи и других индейцев, а также макумбы — афро-бразильской религии, похожей на вуду. Кабокло верят в «курупиру» — лесного духа (иные говорят, что в обличье прекрасной женщины), который заводит людей в чашу, потому что у него ступни повернуты назад, и несчастный, идя по его следам, думает, что выходит из джунглей к людям. И еще они верят, что розовый амазонский речной дельфин ночами превращается в человека и соблазняет юных девственниц.

Я помню, как о превращениях дельфина мне рассказывал Годофреду. Он поведал мне пространную историю о том, как дельфин, превратившийся в бледнолицего мужчину, но с penisом дельфиньего размера, сделал ребенка одной несчастной девушке в селении недалеко от Аусилиадоры. Закончив свой рассказ, он спросил:

— Ты в это веришь, Даниэл?

— Ну, я не сомневаюсь, что многие верят, — ответил я.

— Я верю, — сказал он, пытаясь надавить на меня по-дружески, чтобы и я уверовал.

Когда мы познакомились, у Годофреду было две дочери — Соня и Режина. Соня была примерно одних лет с Шеннон, а Режина — с Кристин. Когда Соне было двенадцать — мы в это время жили в штате Сан-Паулу, где я работал над диссертацией в УНИКАМПе, — она и еще одна ее подруга из Аусилиадоры умерли от страшных желудочных колик. По описанию в письме (Годо надиктовал письмо и попросил друга отвезти его на катере в Умайта и отправить по почте оттуда) — рвота каловыми массами, отсутствие стула — мы стали подозревать непроходимость кишечника, хотя это мог быть и ботулизм, и еще много что.

Диагноз же, поставленный Годо, был типичным для его народа: «*Ela mixturou as frutas*» ‘Она смешала фрукты’. В отличие от индейцев, кабокло очень суеверны в том, что касается еды: по их верованиям, если смешать за едой определенные продукты, можно быстро и страшно умереть. Например, нельзя пить молоко и при этом есть кислые фрукты вроде манго.

Однажды мы были у Годофреду, когда его сын Жуарис выздоравливал после тропической малярии, от которой чуть не умер. Годо наблюдал, как его сын день за днем извивался на полу от боли и мучился тошнотой и жаром, но даже не думал обратиться за помощью врача.

— Что ж ты не отвел его к городскому врачу? — спросил я, немного шокированный этим. — Если хочешь, я его могу сам отвести. И сам заплачу.

— Послушай, сеньор Даниэл. Все умирают, когда их пора приходит. Поэтому один доктор умирает на руках у другого. Разве не так? Врачи не управляют смертью. — В его ответе был весь здравый смысл кабокло.

Пару лет спустя, когда Жуарису было почти семнадцать, я захотел дать ему возможность встать на ноги финансово. Когда я проезжал в тот год Аусилиадору по пути к индейцам, мы с Годо сели это обсудить.

— Годо, мы оба знаем, что Жуарис — юноша не промах. Я видел, что ему нравится возиться с плеерами и радиоприемниками. Я думаю, что с хорошей подготовкой, приборами и с небольшой финансовой поддержкой он сможет открыть свою радиомастерскую и зарабатывать неплохие деньги. У меня есть друг в Порту-Велью — американец Рикарду, радиотехник, и он согласился обучить Жуариса этому ремеслу, дать ему кров у себя дома, а потом снабдить его инструментами, как только он закончит учебу. Я готов это все оплатить. Что скажешь, Годо? Я бы хотел взять его с собой, когда уеду от вас.

Годо отложил решение на потом:

— Даниэл, дай мне это обдумать. Я тебе скажу, когда ты поедешь назад в Порту-Велью.

Через несколько недель, когда Годо приехал к индейцам пираха купить бразильские орехи, я зашел к нему в каюту попить кофе.

— Даниэл, я долго обдумывал твое предложение, — начал он. — Я не могу его принять. Понимаешь, мне нужно, чтобы сын работал со мной. Я слишком беден, чтобы нанимать работников. А если он уедет и научится всем этим штукам, он точно останется в городе и не вернется. Он останется в Порту-Велью или в Умайта и будет там зарабатывать, а отцу не поможет.

— Но послушай, Годо, — стал умолять я, вмешиваясь в его семейные дела, поскольку меня поразили его эгоизм, — ты же лишаешь его будущего только ради своих интересов. — Я начал заводиться. Тут я заметил, что Жуарис и его мать Сезария косо на нас поглядывают, не поднимая головы, со своих мест на корме.

— Может, я лишаю его будущего. А может, и нет. Только Бог знает, Даниэл. Но я знаю, что здесь и сейчас Жуарис мне нужен рядом.

В отчаянии я осушил остатки своего «кафезинью» (маленькой порции крепкого черного кофе), откланялся и пошел домой. Я знал, что Годо отнесся к этому как типичный кабокло: дети — это экономическое подспорье родителям. Люди просто так своим капиталом — то есть детьми — не разбрасываются. Они ваши, вы делаете с ними все, что хотите; а хотите вы, чтобы они вам помогали зарабатывать.

Через много лет Годо спросил, нельзя ли теперь принять мое предложение. Жуарису было в это время около двадцати пяти. «Нет, Годо. Рикарду уже уехал из Порту-Велью, и у меня больше нет других знакомых, кто мог бы его учить».

В конце концов, история Жуариса завершилась трагедией — обычное дело у кабокло. Когда я писал черновик этой главы, мне сообщили, что он разбился на мотоцикле, когда ехал по Трансамазонскому шоссе. Меня и самого несколько раз чуть не убило, когда я выезжал на это шоссе на мотоцикле. Я долго с грустью вспоминал Жуариса и то, как ужасно прервалась его жизнь, не дав ему раскрыться в полной мере.

Такой обзор культуры кабокло не дает полноценного представления об их богатой системе верований и уникальном образе жизни. Со временем, когда я все глубже погружался в мир Амазонии, они стали играть в моей жизни не меньшую роль, чем индейцы пираха.

Как и пираха, они и мои ближайшие друзья, и самые несносные люди, кого я знаю.

Однако я не могу окончить даже такой краткий рассказ о них, не упомянув их готовность постоять за себя. Кабоккло следуют кодексу чести, похожему на правило Джона Бернарда Букса из фильма «Самый меткий», последней роли Джона Уэйна: «Я не потерплю, если меня унижат, оскорбят, поднимут на меня руку. Сам я так себя не веду и от других ожидаю не меньшего». Жители Амазонии помогут, если вы попросите о помощи. Отдадут последнюю кроху, если вам нужнее. Однако они обостренно чувствуют оскорбления или любые проявления чувства собственного превосходства.

Иногда для обиды довольно лишь того, что я белый иностранец. Это потому, что многие бразильцы уверены, будто американцы все расисты и смотрят на других свысока. Иногда те, кого оскорбляет само мое присутствие, считают своим долгом попытаться меня запугать на глазах у своих дружков.

Меня часто спрашивали: «*O que é você?*» ‘Ты вообще кто такой?’, или ‘Ты что в Бразилии делаешь?’, или ‘Что ты хочешь украсть у нашей страны?’

Путешествуя по Амазонии, жизненно необходимо научиться нащупывать грань между здравым смыслом и показным самоутверждением. Пираха этот урок усвоили. Кабоккло тоже. Ни те ни другие не отступят, если шансы на победу равны, но, если шансы не в их пользу, постараются избежать столкновения. Мне, чтобы понять этот урок, потребовалось некоторое время, и учиться пришлось на ошибках, которые могли стоить очень многого.

Однажды, когда мы с семьей жили в племени, по реке Маиси к нашему селению подошел огромный корабль — такие ходят по Мадейре, Риу-Негру или по самой Амазонке: три палубы, тридцать метров длиной. Стояла большая вода, поэтому корабль, казалось, встал на якорь прямо перед нашей хижиной. Вода стояла в полуметре от обрыва, хотя в сухой сезон до нее метров пятнадцать. Корабль встал так близко, а вода поднялась так высоко, что команда могла спокойно заглядывать в наш дом. Команда была многочисленная: человек тридцать пять, все мужчины. Я видел, как они смотрели на Керен и моих дочерей — уже девушек-подростков. Я действовал инстинктивно — и вот я на борту, тридцатилетний гринго, метр восемьдесят, семьдесят кило.

— Что вы делаете на индейской земле? — спросил я владельца судна, огромного детину по имени Роману.

— Нам нужно твердое дерево, — ответил он холодно.

Я оглянулся. У одного из матросов в одной глазнице вместо глаза торчал мясистый нарост. У другого ото лба до подбородка протянулся шрам от ножа. Еще у одного шрам пересекал живот. Любой из них был сильнее меня; их мощные мышцы, казалось, источали силу. Но я, разгневанный отец и муж, велел им убираться с земли племени пираха.

— А ты кто такой, что нами командуешь? — спросил Роману. — Американец велит бразильцам уходить с бразильской земли?

— «Делегаду» фонда ФУНАИ в Порту-Велью, Апоэна Мейрелиш, велел мне проследить, чтобы без его разрешения на эту землю никто не проникал, — ответил я чистую правду. Это было наивно: я просто не понимал, насколько обидно это может звучать для бразильца. Кроме того, я не осознавал, что ФУНАИ ничего не значит для кабоккло, хотя я сам без разрешения и поддержки Фонда и шагу бы ступить не смог. Я был еще неопытный и многого не знал.

Я был готов действовать. Правда, я не знал, как именно, особенно если дело пойдет плохо. Плана у меня не было. Но, к моему облегчению, после нескольких секунд молчания — команда разглядывает мой дом, Роману уставился на меня — капитан велел своим людям запускать машину и готовиться к отплытию. Он предложил мне кофе, и мы выпили по чашке приторно-сладкого эспрессо. Он вежливо попрощался, и они отчалили. Еще один урок мне: люди зловещего вида могут на поверку оказаться незлыми.

Кабоккло, как и пираха, изолированы даже от соотечественников-бразильцев; они это замечают, когда на их землю приходят другие бразильцы или иностранцы. Я это понял много лет назад по реакции речников-кабоккло на появление сотрудников «Проекта Рондон». Это была государственная программа по медицинскому обеспечению бедных районов северной Бразилии и повышению социальной ответственности жителей богатых областей юга. По этой программе студенты-медики из южных городов приезжали в отдаленные отдаленные регионы Бразилии на несколько дней и лечили местных жителей. Однажды, когда я приехал в Аусилиадору, где все еще жили Годофреду и Сезария, меня окликнули несколько мужчин, когда я проходил мимо тенистого дерева, под которым они собрались. Они сидели без рубашек, в шортах и шлепанцах, и пили ледяное пиво «Антарктика».

— *Seu Daniel, como é que vai? Sabe rapaz, na semana passada tinha um grupo de estrangeiros do seu pais aqui. Falavam português enrolado*

que nem você! ‘Сеньор Даниэл, как дела? Тут на той неделе приезжали иностранцы с вашей родины. Тоже плохо на португальском говорили, прямо как вы!’

— С моей родины? — переспросил я, удивляясь, что какой-то группе американцев пришлось в голову поехать в Аусилиадору. — А откуда именно они были?

— Они по «Проекту Рондон» приезжали. Все из Сан-Паулу.

Я пошел дальше, поражаясь тому, что для кабокло не было большой разницы между гринго из Штатов и бразильцем из Сан-Паулу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЯЗЫК

ГЛАВА 11

ФОНЕТИКА ПИРАХА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА КАНАЛЫ ДИСКУРСА

Общение с кабокло, переезды с места на место и прочие испытания, которым я подвергся в Амазонии, в конечном счете служили одной цели. Все время и силы, потраченные в тех краях, ушли на борьбу с грамматикой пираха, на попытки разгадать ее. Поскольку продвигался я мучительно медленно, то стал понимать, что столкнулся с чем-то весьма и весьма необычным. Впервые я почувствовал это, когда начал анализировать, каким образом звуки в языке пираха организованы в слова. Я пришел к своим выводам об исключительности их языка на основании полевых исследований языка цельталь в южной Мексике, а также общаясь в Оклахоме с индейцами команчи и чероки. Кроме того, все это время я помогал миссионерам осваивать некоторые языки Амазонии и много читал.

Над изучением языка пираха я неизменно работал на чердаке предоставленного мне дома. Он был выстроен над рекой и намеренно поставлен вдоль берега таким образом, чтобы внутри ощущалось даже малейшее дуновение ветерка. В доме имелась кладовка, а рубленый дощатый потолок нависал над тем местом, где мы спали (чтобы на нас не падала всяческая ползающая, прыгающая и лазящая живность, ну и чтобы сделать комнату немного прохладнее).

Треугольное пространство между соломенной крышей и потолком было открыто с обеих сторон, но мне для занятий лингвистикой вполне хватало такой комнаты, коль скоро в ней можно было разместить стол и поднять туда пару стульев. Я называл это место своим кабинетом. В этом относительно замкнутом пространстве было чудовищно жарко, в соломе водились змеи, лягушки, тарантулы и прочие гады, но «кабинет» отчасти изолировал меня от обитателей деревни, благодаря чему и я, и мои учителя отвлекались гораздо меньше. Интерьер дополняла самодельная лестница, прибитая к стене жилой комнаты прямо под моим рабочим столом.

Жара стояла такая, что футболка прилипала к телу, а волосы липли к голове. На это я со временем перестал обращать внимание, однако копошение всяческого зверья заставляло быть осторожным и бдительным.

Время от времени приходилось прекращать работу, если из соломы в панике выпрыгивали мелкие лягушки, а вслед за ними плавно скользила змея. Змеи были небольшие, но среди них попадались и ядовитые. Они так и жили в соломе, которая, вероятно, служила им роскошными охотничьими угодьями. Я приучился держать у ног или рядом с собой на стуле деревянную дубинку. Заслышав шуршание соломы над головой, я стремительно отталкивал стул, хватал ее и замирал в ожидании. Сперва из соломы в панике выпрыгивали лягушки, которых мне так и не удалось выселить поголовно. Я пытался их уничтожить, но они были слишком мелкие и шустрые. Я уже знал, что лягушки, несмотря на испуг, не будут долго прятаться за моей спиной. Так что приходилось быть настороже. Несколько раз высовывала голову и змея. Я был наготове, и хищник почти всегда оказывался повержен. Удар! — и дубина расплющивает гадину о потолочные балки. Я выкидывал мертвых змей в джунгли, а затем возвращался к работе.

Находясь месяцами в деревне пираха, я буквально впитывал в себя язык этих людей, можно сказать, дышал им. Впрочем, первоначальный оптимизм угас, как только я начал осознавать, насколько объект моего исследования далек от всего, известного лингвистам. Все мы смотрели голливудские фильмы, в которых какой-нибудь ученый или первопроходец за поразительно короткий срок в совершенстве овладевает языком племени. Теперь, когда я бился над тем, чтобы побольше узнать о языке пираха и суметь изъясняться на нем, все эти истории казались мне невероятной глупостью. Никаких учебников не было. Не было никого, кто мог бы перевести предложение с пираха на португальский — разве что пересказать с пятого на десятое. Даже через полгода я не был уверен, что понимаю что-либо из разговоров моих учителей. Временами это обескураживало. Но я видел, как язык выучивают трех-четырёхлетние дети, и смел надеяться, что научусь в конце концов разговаривать не хуже трехлетнего ребенка.

Хотя во время пребывания среди пираха основным моим интеллектуальным занятием была лингвистика, я никогда не забывал, что церковь и частные жертвователи оплатили мне перевод Библии на язык этого этноса. Но для этого необходимо было глубокое знание структуры языка — а значит, лингвистические штудии и проповедь как минимум не мешали друг другу.

Язык пираха обладает одной из самых скудных фонологических систем в мире — всего тремя гласными (*i, a, o*) и восемью согласными (*p, t, k, s, h, b, g* и гортанная смычка [ʔ], на письме выражаемая с помощью *x*) звуками (или фонемами) в речи мужчин. В женском варианте языка используются те же гласные, но согласных всего семь (*p, t, k, h, b, g* и *x*): дело в том, что женщины произносят *h* и там, где мужчина сказал бы *s*. Таким образом, у женщин набор согласных беднее, чем у мужчин. Подобное явление нельзя назвать уникальным и неизвестным науке, но оно необычно.

Термин «гортанная смычка» (*glottal stop*) мало что скажет большинству читателей, поскольку именуемый таким образом звук отсутствует среди фонем большинства европейских языков, включая английский. Но он чрезвычайно важен для языка пираха. В английском гортанная смычка иногда используется при произнесении междометия *uh-uh*, означающего отрицание¹. В таких согласных, как [t], движение воздуха, выходящего через ротовую полость, останавливается перед зубами, а при звуке [k] поток воздуха останавливает язык, приподнятый к задней части неба. Звук же, порождаемый «гортанной смычкой», образуется благодаря плотному смыканию голосовых связок, за счет чего струя воздуха останавливается до того, как достигнет верхней части глотки.

Чтобы оценить, насколько мал перечень звуков пираха, представьте себе, что в английском языке около сорока фонем, число которых меняется в зависимости от диалекта. Впрочем, в английском их еще не так много. В языке мяо, на котором говорит часть населения Вьетнама, их более восьмидесяти. Другая редкая крайность — это языки ротокас (Новая Гвинея) и гавайский, которые могут соперничать с пираха по скудости фонетического инвентаря: в обоих по 11 фонем, как и у пираха.

Возникает вопрос: может ли язык передавать полноценную информацию с помощью одиннадцати фонем? Программисты скажут, что компьютер способен выполнять наши команды благодаря нами же созданной программе, и делает он это с помощью всего двух «символов» — 1 и 0, которые можно представить себе в качестве фонем. Азбука Морзе тоже состоит из двух «букв» — короткого (точки)

¹ Приводимый автором пример справедлив и для русских междометий *не-а* и *á-а*, выражающих отрицание или запрет. Гортанная смычка широко представлена, например, в семитских языках, а среди индоевропейских — в немецком и датском (*прим. пер.*).

и длинного (тире) сигналов. Строго говоря, это все, что необходимо для любого языка. По сути, язык может функционировать даже с единственной фонемой. В таком языке слова могут выглядеть как *a*, *aa*, *aaaa* и т. д. Неудивительно, что подобные языки с одним-двумя звуками нам неизвестны по причине их мизерного фонетического запаса. Более длинные слова вынуждены давать говорящим значительно больше информации для того, чтобы отличить одно слово от другого (в противном случае они звучали бы слишком схоже), и произносить их раздельно было бы задачей, трудной для нашего мозга. Слишком длинные слова, помимо прочих неудобств, связанных с ними, требуют для их распознавания повышенного напряжения памяти.

Таким образом, если бы человеческий язык был подобен бинарному коду компьютера, необходим был бы и компьютерный мозг, способный использовать и распознавать очень длинные слова. Представьте себе попытку отличить слово, состоящее из пятидесяти следующих друг за другом «а», от слова, содержащего пятьдесят одно «а».

В результате возникает противоречие между усвоением большого числа фонем для большей краткости слов и овладением небольшой группой фонем, за счет чего слова становятся немного длиннее. Впрочем, усложнение некоторых языков может идти обоими путями. Например, в немецком языке есть как длинные слова, так и большое количество фонем.

Пара примеров из английского языка может помочь нам увидеть, как мы используем фонемы для распознавания слов. Например, возьмем слова *pin* ‘булавка’ и *bin* ‘ящик’. Для большинства говорящих существует единственный способ различить, какое из этих слов означает маленький остроконечный предмет, а какое — деревянную емкость, и состоит он в том, чтобы понять, что одно из них содержит фонему *p*, а другое — *b*; в противном случае эти слова оказываются идентичными. Это означает, что *p* и *b* в английском языке представляют собой смыслоразличительные звуки, в отличие от двух типов самого звука *p*: в словах «булавка» (*pin*) и «вращать» (*spin*).

Звук *p* в слове «булавка» произносится с придыханием, то есть при его произношении происходит выброс порции воздуха изо рта, тогда как *p* в слове «вращать» произносится без придыхания. Это можно продемонстрировать, держа листок бумаги на расстоянии примерно трех дюймов ото рта и произнося эти слова нормальным голосом. Бумага согнется под «ветром» от выдоха в момент произнесения первого слова и останется неподвижной во втором случае.

По этой причине мы считаем значимыми в нашем алфавите различия между *p* и *b*, но не различаем звук *p* в словах *pin* и *spin*, поскольку мы распознаем эти слова совсем не потому, есть ли здесь выдох или же он отсутствует (Одри Хепберн под влиянием родного нидерландского языка часто произносила согласные без придыхания, но почти никто из англоговорящих этого не замечал).

Такое разделение звуков по их положению в слогах существенно для лингвистов, но не имеет значения в английском языке — любой англоговорящий поймет разницу в словах *pin* и *spin* независимо от того, произносится ли звук *p* с придыханием или без.

В словах *sheet* ‘простыня, лист’ и *shit* ‘говно’ разницу в произнесении звуков носитель английского языка установит по степени напряжения языка в момент произнесения гласного звука. Однако, хотя во втором слове используется гласный звук, отсутствующий в романских языках, подобных испанскому или португальскому, люди, для которых эти языки родные, испытывают затруднения при попытках дифференцировать такого рода слова. Ведь два звука, о которых идет речь, представляют собой отдельные фонемы в английском, но не в испанском и португальском.

Однако при фонологической системе такого размера, как у пираха, слова могут и не быть очень длинными, поскольку существуют два дополнительных фактора — контекст и упоминавшиеся ранее тоны.

Контекст помогает распознавать смысл сказанного на всех языках. Рассмотрим омонимы английского слова *two* ‘два’. Если я спрошу вас: *How many did you say?* ‘Простите, сколько?’ (букв. ‘Сколько вы сказали?’), — и вы ответите: *tū* (фонетическая запись), — то мы будем знать, что это было слово *two*, но никак не предлог *to*, неуместный в данном контексте. Фактически с помощью контекста устраняется большая часть неопределенностей.

Однажды мы с Ко’ои сидели за столом под моей соломенной крышей, пытаясь лучше понять структуру звуков в словах пираха. Вошла Керен с чашкой кофе. Она сделала движение рукой в сторону Ко’ои, словно спрашивая, не налить ли и ему кофе. Тот улыбнулся и сказал: *Ti piai*, — что я немедленно расшифровал как ‘я/мне тоже’.

Чтобы проверить, так ли это, я составил несколько тренировочных предложений, которые могли бы подтвердить мои догадки, и начал говорить: «Ко’ои пьет кофе, Дэн *piai*»; «Ко’ои пьет кофе, я *piai*» и тому подобное.

Я записал все примеры, выделил словосочетания типа «я тоже», «вы тоже», «она тоже» и так далее. Затем я попросил Ко’ои повторить

их так, чтобы я мог проверить мое произношение. Его ответ удивил и даже обескуражил меня.

Он произнес: «*Ti piái*».

Я повторил сказанное вслед за ним.

Он сказал: «Верно, *ki piái*».

— Как ты сказал?! — спросил я с досадой и удивлением. Почему он изменил произношение? Может быть, есть более простые выражения, чем я думал?

— *Ki kiai*, — повторил он.

Теперь я усомнился в собственной вменяемости. Три разных произношения в трех повторах! Я был уверен, что звуки *k*, *t*, и *p* представляют собой значимые единицы речи — фонемы пираха. Фонемы не могут быть взаимозаменяемы! Замените, к примеру, в английском имени *Tim* один-два звука — *Kim* (уменьшительно-ласкательная форма женского имени *Kimberly*) или *pin* ‘катушка’, — и вы получите не разные произношения, а разные слова.

— *Ki kiai?* — спросил я.

— Верно, *pi piái*, — последовал возмутивший меня ответ.

Продолжая повторять эту фразу, Ко’ои демонстрировал мне еще и дополнительные варианты произношения: *xi piái*, *xi xiai*. Как я упоминал выше, буква *x* отображает на письме гортанную смычку.

Меня заинтересовало, было ли произношение Ко’ои попросту «небрежным» по сравнению с говором других обитателей деревни, или же в этих вариациях таилось отражение каких-то более глубоких принципов строения этого языка. Могло быть и так, что эти слова изменяли свое значение каким-то иным способом, которого я не осознавал. Или же они могли служить примером так называемого свободного варьирования — незначительных отличий в произношении без явных и осознанных различий в значении слова: например, у нас в Северной Калифорнии по-разному произносят слово *economics* ‘экономика (как наука)’ — с долгим звуком [i:] («икэно́микс») и с дифтонгом [ei] («эйкэно́микс»). В конце концов я предположил, что это действительно свободное варьирование.

Я обнаружил, что подобные вариации нередки в речи жителей деревни. Некоторые из них предлагали мне множество примеров произношения одного и того же слова. Например, эквивалентами английского *head* ‘голова’ были *харараí*, *карараí*, *парараí*, *хахахаí* и *какакаí*, а значение ‘жидкое топливо’ (керосин, бензин, бутан) передавалось так: *xisiihoái*, *kisiihoái*, *pisiihoái*, *pihiihoái* и *kihiihoái*.

Стало ясно, что диапазон варьирования согласных в языке пираха на удивление широк. Это казалось поразительным, особенно если принять во внимание столь малое количество фонем в их языке. Но в то же время до меня дошло, что в речи этих индейцев очень важную роль играют тон, длительность гласных и ударение, так что высказывания можно не проговаривать, а просвистеть, пропеть или промычать.

Например, предложение *Káixihí xaoxaagá, gáihí* ‘Там пака’² имеет свой музыкальный облик. И эту мелодию можно передать свистом, мычанием, а можно спеть.

Вертикальные черты в этом примере обозначают границы слов. Ноты внутри линий — мелодию одного слова. Значки акцента (^) под нотами указывают, что данный слог звучит громче, чем остальные слоги в этом слове. Целая нота (полый овал) обозначает тип слога, состоящий из наибольшего числа фонем (согласный + гласный + гласный), а четвертная нота (черный овал) — из наименьшего (согласный + гласный). Остальные ноты и точки указывают на длительность слогов, и по этому признаку можно выделить пять типов длительности.

На схеме относительная высота нот (и слогов, соответственно) указывает на их тональность. Значки, стоящие выше, — это слоги высокого тона, помещенные ниже — слоги низкой тональности. Соединительная линия между двумя такими значками — музыкальная «связка», которая показывает, происходит ли повышение или понижение тона без паузы. В музыкальной интерпретации первого слова фразы (*káixihí*) в начальной паре нот идет понижение тона, за которым следует короткий низкий тон, перед которым происходит быстрое замыкание и размыкание гортани с резким выдохом (*x* в *káixihí*). Далее следует короткая нота высокого тона и так далее.

Даже без произнесения согласных или гласных слово имеет ударение (за счет повышения громкости) соответственно длительности слога. Поэтому границы слогов отчетливо различаются в свисте,

² Крупный грызун, служащий в Амазонии объектом охоты (*прим. пер.*).

мурлыкающей или мычащей речи и выкриках, и все они складываются в мелодию, даже если сами фонемы утрачены.

В моей схеме нет нотной линейки, поскольку тоны здесь не обладают четко определенной высотой, подобно музыкальным нотам (например, нота до малой октавы на фортепианной клавиатуре дает звуковую волну с базовой частотой 256 герц), а лишь относительной — при сопоставлении их друг с другом. Высокий тон в языке пираха, как и в любом другом тоновом языке, нельзя оценить неким четким показателем в герцах. Он возникает попросту за счет усиления частоты вибраций голосовых связок, более интенсивной, чем при генерации низких тонов.

Я начал осознавать тесную связь между малым количеством фонем и ролью столь непривычных для нас «каналов языкового общения». Я предположил, что именно эти приемы могут быть самым важным ключом к пониманию такой особенности языка, как малое количество согласных и гласных, а также поразительной вариабельностью первых. Понятно, что такая передача языковой информации возможна лишь постольку, поскольку речь пираха обладает свойствами музыкальности. Так давайте попытаемся понять, на чем основана сама эта ее особенность.

Во-первых, на самом факте использования тональностей. Каждый гласный звук в каждом слове может быть либо высокого, либо низкого тона, подобно тому что мы видим в китайском и в других тоновых языках.

Языковые тоны встречаются в языках повсеместно. Речь идет о *высоте* звука, зависящей от частоты вибрации голосовых связок. Вообще высота звука используется для распознавания значений во всех языках. В английском, например, повышение тона в конце предложения обычно означает вопрос, тогда как в конце утвердительного предложения тон звука, напротив, понижается.

 John is coming ‘Джон подходит’ (утверждение с понижением тона в конце фразы).

 John is coming ‘Джон подходит?’ (вопрос с повышением высоты звука в конце фразы).

В английской пунктуации для обозначения понижения тона ставится точка, а повышение обозначается вопросительным знаком. Когда высоту звука используют для распознавания значений целых предложений, мы имеем дело с *интонацией*. Существует множество вариантов интонаций.

Чтобы лишь мельком затронуть тему сложного взаимодействия высоты звука и ударений в английском языке, приведу один из моих любимых примеров. Он известен среди лингвистов как ограничение контактной сочетаемости ударных слогов (англ. *stress clash override*, букв. ‘уход от конфликта ударений’). Когда слово *thirteen* ‘тринадцать’ произносится само по себе, высота звука повышается на последнем слоге — *thirTEEN*. В слове *women* ‘женщины’ более высоко звучит первый слог — *WOmen*. Но соедините эти два слова вместе и что же получится? Вам не удастся сказать *thirTEEN WOmen*, получится *THIRteen WOmen*. Почему? Английский, как и некоторые другие языки, «не любит», чтобы два слога повышенных тонов или два ударных слога шли друг за другом. Предпочтение отдается следующей схеме чередования слогов: ударный — безударный, ударный — безударный и так далее.

Таким образом, англоговорящие переставляют ударение в таких словах как *thirteen*, когда те оказываются в позиции первого слова в словосочетании. Тем самым удается удержать чередование ударений и одновременно сохранить ударение в главном слове словосочетания, как здесь в существительном «*women*» в именной группе «*THIRteen WOmen*» (тринадцать женщин). При всем при том, англоязычных детей этим премудростям учить не нужно: у них все получается само! Каким образом такое происходит — это один из ребусов, попытки разгадать который доставляют развлечение лингвистам.

Всем языкам, где бы на них ни говорили: в пустынях Австралии, на улицах Лос-Анджелеса или в джунглях Бразилии — присуща интонация. Но во многих из них изменение высоты тона используют не так, как в приведенном мной примере. В английском языке высота звука играет роль в изменении смысла предложения, но не используется для смены значений слов. Правда, и здесь возможны редкие исключения, которые отчасти позволяют разобраться в происходящем в таких тоновых языках, как, например, китайский или пираха.

Посмотрим, к примеру, в чем суть различий между существительными и глаголами в следующих их парах: *CONtract* (существительное) и *conTRACT* (глагол); *PERmit* (существительное) и *perMIT* (глагол); *CONstruct* (существительное) и *conSTRUCT* (глагол). Во всех случаях для существительного характерно повышение тона на первом слоге, а для глагола — на втором.

Но если в английском высота звука используются для распознавания значений лишь в немногих парах слов (как названные существительные и глаголы), то в тоновых языках каждый слог, гласный звук или слово в целом характеризуются особой высотой звучания, именуемой *тоном*.

Я обнаружил этот факт, как и многие другие особенности языка пираха, только совершив чудовищную ошибку. Мы с Ко'ои пытались разобраться с несколькими словами, которые, как мне казалось, пригодятся для перевода Библии и не только.

Я спросил его: «Когда ты кого-то очень любишь, как ты его называешь?»

— *Bagiái*, — ответил Ко'ои. Я попытался сразу же использовать это слово.

— Ты мой *bágiái*, — сказал я, улыбаясь.

— Нет, — ответил он, смеясь.

— Что, — спросил я, — ты меня не любишь?

— Я тебя люблю, — объяснил он, подхихикивая. — Я тебя люблю. Ты — мой *bagiái*. Но еще есть *bágiái*, и их мы не любим.

Чтобы помочь мне понять, Ко'ои медленно просвистел мне мелодию этих слов. И тут я впервые понял, в чем дело! Слово «друг» произносится с однократным повышением тона на последнем *a*: — *ba-gi-Ai*. Но в слове «враг» тон повышается дважды, на каждой букве *a*: *ba-gi-Ai*. Вот такое небольшое отличие отделяет понятия «друг» и «враг» в языке пираха. Эти слова тесно связаны в сознании индейцев пираха, поскольку *bagiái* 'друг' означает буквально «прикасаюсь» — т. е. это человек, к которому вы нежно прикасаетесь, — а *bágiái* 'враг' истолковывается как «заставлять сходиться, собирать». Впрочем, у *bágiái* есть обусловленное культурой идиоматическое значение: враг — это тот, кто своим поведением собирает вместе то, что ему не принадлежит. Значение подобных идиом не может быть выведено из одних лишь значений компонентов; более того, сами эти значения могут и не играть особой роли. Такова, например, английская идиома *kick the bucket* 'умереть' (букв. «пнуть ведро» или «бить ногами по балке, к которой привязаны ноги [животного на бойне]»)³: ее смысл не имеет связи со значением отдельных компонентов⁴.

Итак, теперь я вынужден был рассматривать тоны в качестве составной части языка. При записи слов я стал применять простейший

³ Ср. рус. *Дать дуба, сыграть в ящик* (прим. пер.).

⁴ Ср. классификацию В. В. Виноградова (*Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 140—161*). В рамках данной классификации подобная идиома относится к фразеологическим сращениям (прим. пер.).

лингвистический прием: ставить знак ударения для обозначения высоких тонов. Если над гласной не было знака, то тон был низким.

Вот еще несколько слов из языка пираха, каждое из которых отличается от остальных относительной высотой тона гласных звуков.

- xaóóí* (aoOI) ‘шкура’
xaóí (aoOí) ‘чужеземец’
xáóóí (AoOí) ‘ухо’
xaóóí (aOoI) ‘скорлупа бразильского ореха’

Поскольку пираха используют высоту тона столь систематически, у них в распоряжении оказываются такие каналы коммуникации, которых мы не найдем в большинстве европейских языков. Вслед за новаторскими работами социолингвиста Делла Хаймса⁵ я назвал эти формы языка *каналами дискурса*. В языке пираха существуют пять таких каналов, каждый из которых выполняет уникальную функцию в культуре этого этноса. Таковы свист, мычание, музыкальная речь, выкрики и, наконец, стандартная речь — с использованием согласных и гласных.

Чтобы знать и понимать пираха, необходимо иметь представление об этих пяти каналах связи и их функциях. Я слышал о таком еще до того, как отправился изучать язык пираха. И мне было известно, что у ряда этносов существуют схожие способы передачи информации (таковы, например, «языки барабанов», описанные у африканских племен, или же свистовая речь жителей Канарских островов). Но когда я впервые услышал нечто подобное в исполнении людей пираха, я был поражен.

Это произошло как-то в середине дня. Я выложил для жителей деревни несколько старых журналов *National Geographic*, чтобы те их полистали. Они любят рассматривать картинки с изображением животных и людей, и не только тех, что запечатлены в Амазонии, но и сфотографированных в других частях света. Женщина по имени Иооитаохоаги (*Xiooitaóhoagi*) присела на полу, разглядывая журналы, а ее ребенок в это время не отрывался от материнской груди. Она

⁵ Делл Хаймс (1927—2009) — американский лингвист, антрополог, фольклорист. Разработчик модели SPEAKING, согласно которой для языкового взаимодействия важны следующие факторы: ситуация общения (*Setting and Scene*), участники (*Participants*), цель (*Ends*), последовательность актов (*Act Sequence*), ключевая идея речевого акта или его образ действия (*Key*), инструментарий (*Instrumentalities*), социальные нормы (*Norms*), жанр (*Genre*) (*npum. nep.*).

вытянула ноги вперед, платье натянула на колени в обычной манере пираха. Женщина издавала ритмичное мычание, адресуя эти звуки ребенку, лежащему у нее на коленях, а тот не переставал энергично сосать молоко. Я наблюдал за этой сценой и лишь спустя некоторое время понял, что мычание — это не что иное, как описание кита и эскимоса, изображенных на страницах журнала. Ребенок время от времени отвлекался от груди и посматривал на картинки, а мать старалась показать их ему и начинала при этом мычать громче.

Как и любой другой подлинный канал коммуникации, мычащая или мурлыкающая речь способна передать абсолютно все, что можно сказать и с использованием согласных и гласных звуков. Но опять же, как и другие каналы связи, она обладает рядом специфических функций. К мычанию прибегают с целью замаскировать смысл сказанного либо личность говорящего, ведь даже местному жителю понять такую речь тяжело, если не прислушиваться. Мычание звучит очень тихо, подобно тому как мы шепчем, и поэтому его всегда используют в частных конфиденциальных разговорах. Вообще пираха не шепчут, они вместо этого мычат. Я поражался этому до тех пор, пока немецкий лингвист Манфред Крифка⁶ не пояснил мне очевидную причину такого поведения. Во время шепота голосовые связки не могут производить звуки разной высоты, поэтому шепот на языке пираха окажется неразборчивым. Мычание используется также при разговорах с набитым ртом. И, наконец, с его помощью мать нередко общается со своим ребенком.

Что касается другого типа сообщений, построенных из выкриков, то здесь чаще всего используется один-два согласных (*k* или гортанная смычка *x*) и гласный *a* (иногда — те гласные, которые в норме присутствуют в данном слове). В этом варианте речи сохраняется музыкальный аспект, то есть тональность и ударность слогов.

Выкриками обычно пользуются в дождливые дни, когда шум падающей воды и раскаты грома гасят все прочие звуки. Пираха общаются посредством выкриков на больших расстояниях. При этом они кричат как можно громче, переходя подчас на фальцет.

Кообио (*Koobio*) живет в Агиопаи, что в двух неделях пути от Посту-Нову вверх по реке на каноэ. В один из дождливых дней, когда я был там, Кообио находился на другом берегу реки, в доме своего

⁶ Манфред Крифка (род. в 1956 г.) — профессор Берлинского университета им. Гумбольдта, директор Центра общего языкознания ZAS (*Zentrum für Allgemeine Sprachwissenschaft*). Автор работ в области семантики, морфологии, синтаксиса (*прим. пер.*).

отца Тоитои (*Toitoi*). Его жена Иаисо'аи (*Xiáisoxái*) намеревалась перебраться туда, а Кобио давал указания, что ей следует захватить с собой. Его крики звучали так: *Ká, kaáakakáa, kaákaá*. В чисто вербальной форме эта тирада выглядела бы так: *Kó Xiáisoxái. Baósaí* 'Эй, Иаисо'аи! Одежда!'

Поразительным образом, наперекор сильному шуму дождя «слова» Кообио доносились до нас совершенно отчетливо. Затем Иаисо'аи закричала в ответ: «Хорошо, когда приеду — привезу тебе твою рубашку».

Существует также «музыкальная речь» — один из тех двух каналов коммуникации, для которых у самих пираха есть специальные наименования. Они определяют музыкальную речь как «челюсть ходит» или «челюсть двигается». При такой речи индейцы преувеличивают звуковые различия между высокими и низкими тонами и меняют ритм слов и предложений, создавая подобие мелодии. Этот вариант речи, как кажется, нагружен наиболее разнообразным набором функций. Он служит для сообщения новой важной информации. К нему прибегают для общения с духами (а зачастую и сами духи, *kaóábógi*, пользуются им). Но чаще всего музыкальная речь звучит во время танцев. Интересно, что на мои просьбы повторить тот или иной фрагмент музыкальной речи женщины соглашались куда менее сконфуженно, нежели мужчины. Я до сих пор так и не понял почему.

Еще один вариант речи — свист — индейцы пираха называют «разговором с кислым или сморщенным ртом». Имеется в виду мина человека, высасывающего лимон. Этим способом связи пользуются только мужчины. Почему-то свист как средство передачи информации в ходу только у мужчин и в других языках. Мужчины обмениваются такими сигналами на охоте, а мальчики пользуются свистовой речью в агрессивных играх друг с другом.

Я впервые познакомился с этим каналом общения в тот день, когда пираха разрешили мне пойти с ними на охоту. Примерно через час после выхода они сочли, что дичь не попадается им на пути из-за того, что моя врожденная неповоротливость вкупе со звоном фляжек и мачете, которые я взял с собой, производят слишком много шума.

«Оставайся здесь, мы за тобой вернемся позже», — сказал Аикайбаи без раздражения, но непреклонным тоном. Я смотрел вслед уходившим в джунгли индейцам, стоя под большим деревом. У меня не было ни малейшего представления о том, где именно я нахожусь и когда они вернутся за мной. Из-за тени, которую отбрасывали верхушки деревьев, вокруг меня царил полумрак, противно

гудели комары. Я достал мачете на случай, если вокруг начнет рысать какое-нибудь крупное животное. Я размышлял о том, вернутся ли вообще мои спутники, чтобы вызволить меня отсюда. (Если бы они не вернулись, мой скелет, скорее всего, там и оставался бы по сей день.)

Пока я пытался извлечь хоть какую-то пользу из своего пребывания в одиночестве, раздались посвистывания охотников. Это были простые команды: «Я пойду вон туда, а ты — туда» и так далее, но индейцы подавали их свистом на своем языке! Сигналы разносились по джунглям на редкость отчетливо. Впечатление было потрясающее, поскольку эти разговоры звучали совершенно иначе, чем все, что мне приходилось слышать до сих пор. Я моментально осознал всю важность и достоинства этого способа общения, который, как нетрудно было догадаться, куда меньше распугивал дичь, чем более низкие частоты обычного человеческого голоса.

Разнообразие вариантов речевого общения дает указание на роль культуры в ее влиянии на язык. Не зная об их существовании, я бы не смог понять, как именно происходит обмен разными категориями информации и какими средствами пользуются пираха в тех или иных культурных контекстах. Полное описание культуры пираха невозможно без ясного представления о том, как передаются сообщения духовного, интимного и прочего содержания. Все эти каналы дискурса укоренены в культурных традициях этноса. Оказалось, что особенности языка пираха, такие как ограниченный набор фонем и более или менее свободная вариативность согласных, которые в начале работы почти свели меня с ума, невозможно объяснить без знаний о культуре пираха.

Попросту говоря, пираха могут обходиться предельно малым количеством звуков, потому что не нуждаются в большем. Тот факт, что разнообразие вариантов речи занимает в их жизни столь важное место, хорошо объясняет, почему роль согласных и гласных менее существенна в языке пираха, чем в английском, французском, навахо, хауса, вьетнамском и в других языках. Здесь таится вызов современным теориям языка, поскольку они не готовы рассматривать вмешательство в фонологические системы культурных факторов.

Некоторые исследователи предлагали альтернативу этой моей точке зрения. Говорилось, что, напротив, это скудость согласных и гласных требует возникновения экзотических вариантов речи (мурлыкающей, музыкальной и других). Если согласиться с такой трактовкой, мои объяснения были бы поставлены с ног на голову. Иными словами, следовало бы прийти к выводу, что в данном случае язык

влияет на культуру, а не наоборот. На это можно возразить, напомнив, что существуют несколько языков, в которых используется, скажем, свистовой канал, но при этом количество гласных и согласных в них не сведено до минимума.

Возьмем для примера два таких языка. Это лаланский диалект чинантекского языка на севере Мексики и йоруба в Западной Африке (в частности в Нигерии). Оба они располагают значительным числом фонем (гласных и согласных). Но этому противоречию есть объяснение. Возможно, дело в том, что в них согласные и гласные звуки языка используются при свисте более интенсивно⁷. Отсюда следует, что согласные и гласные несут там более высокую коммуникативную нагрузку по сравнению с тем, что мы видим у пираха. Кроме того, в этих двух языках используется меньшее количество просодических средств (есть свист, но отсутствуют мычание и выкрики), чем у пираха, и носители этих языков пользуются свистом не столь регулярно.

Выполнено множество исследований, целью которых было уяснить взаимосвязи между культурой и звуковыми системами речи. Я не беру на себя смелость утверждать, что предлагаемые мной объяснения можно считать сегодня исчерпывающими. Однако, на мой взгляд, моя теория не просто имеет перед собой некие перспективы; скорее, она обращается к таким явлениям, которые лингвистика Хомского, например, игнорирует полностью.

В 1984 г. я опубликовал первую статью о звуковой структуре языка пираха. Это была сравнительно короткая заметка в журнале «Linguistic Inquiry», посвященном теоретической лингвистике⁸. В ней содержались указания на характерную для тогдашней научной литературы ошибку, связанную с пониманием природы систем ударений и теории слоговых структур. Тогда мне казалось, что это очень узкая проблема. Когда статья вышла в свет, я работал приглашенным экспертом-консультантом в Массачусетском технологическом институте, а мой кабинет располагался напротив кабинета Хомского. Я тогда получал гранты от Национального фонда научных исследований (*National Science Foundation*) и Американского совета научных обществ (*American Council of Learned Societies*). Так что мне казалось, что я «созрел» как исследователь.

⁷ Разумеется, требуется гораздо большее количество сравнительных исследований на материале разнообразных языков, прежде чем мы сможем делать заключения такого рода с достаточной достоверностью (*прим. автора*).

⁸ *Everett D., Everett K. On the relevance of syllable onsets to stress placement // Linguistic Inquiry. 1984. Vol. 30. № 4. P. 705—711 (прим. пер.).*

Вскоре после выхода статьи я стал получать немало писем (электронной почты тогда еще не было), причем неожиданно эмоционального характера. Эллен Кэсс⁹, профессор Вашингтонского университета, прислала открытку, в которой было сказано, что статья произвела на нее впечатление разорвавшейся бомбы. Она даже отложила на потом какую-то тему в программе своего курса и вместо этого обсуждала со студентами звуковую строй языка пираха.

Пришли письма и еще от нескольких лингвистов. В двух-трех из них корреспонденты писали, что я, очевидно, не понимаю, о чем говорю: ведь ни одна звуковая система не может работать подобным образом. Еще в паре содержались одобрительные отзывы. Поскольку эта была моя первая статья в международном журнале, я совершенно не был готов к таким откликам. Ведь я был почти уверен, что эту маленькую заметку никто не станет читать и она просто украсит мое резюме.

К 1995 г. я опубликовал много работ по вопросам фонологии пираха. В результате этот язык стал широко известен и послужил объектом целого ряда теоретических дискуссий о природе звуковой структуры речи. Ядром возникших разногласий оказался конфликт между дедуктивным и индуктивным подходами в науке. Лингвисты-теоретики были убеждены в существовании определенных параметров, в пределах которых только и могут варьировать звуковые системы человеческого языка. За пределами этих параметров какие-либо значимые вариации исключены. Что касается самих этих параметров, то они, в свою очередь, были выведены путем умозаключений из более общих теоретических постулатов и с тех пор признаны логически безупречными и, почти наверняка, абсолютно истинными. Что же касается моих полевых исследований по фонологии языка пираха, то здесь обнаружилась система, выходящая за рамки этих догм.

Эта полемика привлекла внимание самого желанного гостя, которого мне когда-либо приходилось принимать в Бразилии. Я имею в виду профессора Питера Ладефогед¹⁰ из Калифорнийского Уни-

⁹ Эллен М. Кэсс — американский лингвист, специалист в области новогреческого, испанского, турецкого языков. Автор работ о фонологии (в том числе, ее взаимодействии с синтаксисом), семантике, словообразовании (*прим. пер.*).

¹⁰ Питер Ладефогед (1925—2006) — британский и американский фонетист датского происхождения. Известен новаторскими методами сбора и обработки данных во время полевых исследований. Автор более 150 работ теоретического и прикладного характера, посвященных как фонетике отдельных языков (прежде всего, Западной Африки), так и вопросам порождения звуков (*прим. пер.*).

верситета в Лос-Анджелесе. Питер получил крупный грант от Национального фонда научных исследований, чтобы по всему миру документировать в магнитофонных записях звуки исчезающих языков. Он заранее осведомился, нельзя ли ему поехать со мной к пираха, чтобы самому познакомиться на месте с той системой ударений, которую я описал в своих публикациях.

Я ждал его в Бразилии; в аэропорт Порту-Велью, где должен был встретить самолет Питера, я поехал на автомобиле. Ведя машину, я все время чувствовал себя так, словно меня ожидает аудит налогового управления. Я высказал спорное утверждение по поводу звуковой структуры пираха, и теперь ученый-фонетист мировой величины приезжает проверить эти утверждения. Я знал, что вел свои исследования настолько хорошо, насколько был способен, был честен и уверен в своей правоте. Но все равно сильно нервничал.

Питер (его не стало в 2006 г.) был высокого роста, с внешностью подлинного аристократа. У него был низкий голос в сочетании с характерным выговором британских правящих классов, известным как *Received Pronunciation* 'приобретенное произношение' или *Queen's English* 'английский язык королевы'. Питер был консультантом фильма «Моя прекрасная леди», того самого, благодаря которому я твердо решил стать лингвистом, после того как я посмотрел его в одном из голливудских кинотеатров в год его выхода на экраны (1962). Именно голос Питера льется из граммофонов в кабинете Генри Хиггинса (Рекс Харрисон), и именно его рукой исписаны блокноты, которые Хиггинс показывает в первых сценах фильма Элизе Дулитл (Одри Хепберн) на фоне лондонского Ковент-Гардена.

Получив багаж, Питер вышел из здания аэропорта и помахал мне. Я подошел к нему и, пытаясь скрыть дрожь в голосе, начал рассказывать, как я рад его приезду.

Первыми его словами были: «Я скептически отношусь к вашим утверждениям по поводу фонологии пираха». Он добавил: «Брюс¹¹ и Донка тоже настроены скептически и просили меня внимательно все проверить», — ссылаясь на двух хорошо известных его коллег из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Все те дни, что мы провели в деревне, Питер делал высококачественные записи речи пираха, которые в конечном счете подтвердили сделанные мною

¹¹ Вероятно, имеются в виду Брюс Хейз (род. в 1955 г.), фонолог и генеративист, и Донка Стериате (род. в 1951 г., дочь нейробиолога Мирчи Стериате), фонолог и специалист в морфологии (*прим. пер.*).

выводы и помогли языку пираха занять свое место в исследованиях и теориях Питера.

Эксперименты порой требовали от индейцев невероятного терпения. Чтобы провести детальные измерения фонетических параметров, нам пришлось выстроить акустическую лабораторию, работавшую от солнечной энергии. Пираха должны были надевать наушники с микрофонами перед самым ртом, а иногда даже давали поставить себе трубки в нос для измерения силы воздушных потоков, генерируемых над голосовыми связками¹². Все это обитатели деревни воспринимали, к немалому нашему удивлению, без какого-либо раздражения и всячески старались помочь нам своим полным послушанием. И снова наука оказалась в долгу перед ними.

Сделанные нами записи хранятся в архивах фонетической лаборатории Калифорнийского Университета в Лос-Анджелесе. Ими позже пользовались лингвисты, в частности, Мэтью Гордон¹³ из Санта-Барбары (Калифорния). Фонограммы помогли ему в деле дальнейшего развития теорий, касающихся принципов построения звуковых систем в языках мира. В рамках такого рода исследований данные по пираха оказались доступными каждому лингвисту. Они получили возможность не только проверить мои гипотезы, но и использовать эти данные для более углубленного понимания сходных феноменов на материале великого множества других языков, как это удалось сделать М. Гордону.

¹² Автор использует термин *supraglottal* [*pressure*], являющийся, возможно, контаминацией слов *supraglottal* 'супраглоттальный, находящийся над голосовой щелью' и *supraglottic* 'надъязычный' (*прим. пер.*).

¹³ Мэтью Гордон — американский фонетист, специалист в области просодии, слогаделения. Автор работ о фонетике и фонологии атабаскских, прибалтийско-финских (прежде всего, эстонского, ижорского), северозападнокавказских (кабардино-черкесского) языков (*прим. пер.*).

ГЛАВА 12

ЛЕКСИКА ПИРАХА

Полевые исследования требуют постоянного внимания к деталям. Однако в джунглях бывает тяжело каждый день сосредотачиваться на чем-либо, будь то язык или иные важные аспекты жизни. Поэтому здесь важны четкий распорядок дня и постоянная дисциплина.

Во время сезона дождей, когда ливень может продолжаться всю ночь, я узнал, что моя лодка может скрыться под водой за два часа. Мотор, установленный на корме, весил килограммов шестьдесят, поэтому я не мог каждый день снимать его с лодки и переносить на сухую землю. Поэтому, когда пошел дождь, мотор перевесил, дождевая вода устремилась на корму и лодка дала крен. Хотя она вмещает тонну полезного груза, амазонскому ливню потребовалось совсем немного времени, чтобы лодка пошла ко дну кормой вниз.

Поэтому, если я слышал шум дождя около полуночи, я сразу понимал, что будет лить как из ведра. Значит, надо подниматься в три часа ночи, брести к лодке и вычерпывать воду с кормы. Это и было внимание к деталям — часть ежедневного распорядка, которому я пытался следовать. Но как же тяжело вылезать из теплого и удобного гамака среди ночи и бежать под струями воды через все селение, стараясь не наткнуться на змей и прочую живность, в том числе местных домашних собак. Но я знал, что это необходимо, и потому всегда выходил на улицу. Кроме одного раза.

Был ливень, но я, проснувшись, так и не смог заставить себя пойти к месту швартовки, хотя до него было не больше тридцати метров. Я убедил сам себя, что дождь не особо сильный, а лодка, в конце концов, может выдержать больше тысячи фунтов воды.

Я проснулся, как всегда, около пяти утра и начал планировать день. Вдруг я почувствовал запах бензина. Думаю, в глубине души я понимал, что что-то не так, однако признавать это не хотелось. Я начал заниматься делами, как обычно. Когда я варил кофе, Йоитаохоаги

(*Xioitaóhoagi*) громко закричал: «Дэн! Взгляни-ка на свою лодку!» Я выскочил из дома и побежал по тропинке к реке. По поверхности растеклось пятно бензина. Трос, которым я привязал лодку, был натянут тугой струной почти вертикально. Конец его уходил под воду. Я дошел до самой кромки и посмотрел вниз: лодка легла на дно на глубине около девяти метров; крышка люка была поднята (накануне я забыл ее опустить).

До Трансамазонского шоссе было сто миль по воде. Без лодки я не мог попасть на большую землю. Я не знал, смогу ли ее вытащить и снова завести и что буду делать, если не получится. Ко мне на помощь прибежала группа мужчин и женщин пираха. Я достал несколько длинных досок из железного дерева, не пригодившихся при строительстве хижины, и стал обдумывать дальнейшие действия.

Мы вытянули лодку за трос и волоком протащили пару метров до отмели. Затем, с большим усилием, раскрасневшись, мы все-таки завели ее в место, где глубина составляла не больше полутора метров. Я дал мужчинам доски и объяснил: надо использовать их, как рычаги, и вытолкать лодку на берег. Через пару часов над поверхностью воды показались борта. Без всякой моей подсказки женщины прыгнули в нее и начали калесами вычерпывать воду. Наконец лодка вышла из воды на две трети. Я привязал к берегу и нос, и корму и вставил в бензобак шланг водосброса. Из бака удалось выкачать большую часть воды. Поскольку она легче бензина, сначала из шланга вытекла молочно-белая смесь бензина и воды, а потом пошел чистый бензин. Бензина осталось где-то на четверть бака. Возможно, хватит, чтобы по реке дойти до дороги, но сейчас гораздо важнее было другое: заведется ли мотор. Если нет, то бензин мне уже не понадобится.

Сначала надо было снять и разобрать оба карбюратора, высушить их, а затем протереть изнутри спиртом. Потом я снял и высушил свечи зажигания. Шприцом ввел в каждый цилиндр двигателя по три кубических сантиметра спирта. Начал дергать за шнур стартера; с третьего раза лодка завелась. Спирт в цилиндрах действительно может воспалить бензин, хотя при этом есть угроза взрыва. Я тронулся и быстро набрал полную скорость, стараясь оставаться в поле зрения жителей селения на случай, если вдруг мотор заглохнет. Когда он разогреется, оставшаяся в нем вода испарится. Я был весьма доволен собой.

А потом я вспомнил: если бы ночью я просто встал и поработал пятнадцать минут не напрягаясь ничего этого бы не понадобилось.

Вот оно, внимание к мелочам! Читая биографии первопроходцев и исследователей, я понял, что успех зависит от труда, планирования и учета мелочей. Когда я начал исследовать лексику пираха, оказалось, что внимание — штука сложная; а ведь изучение лексики требует гораздо больше усилий, чем чистка карбюраторов в лодочных моторах «Джонсон».

Анализ языка — занятие более важное, чем ремонт лодки (хотя в тот момент ремонт был более насущным делом). Ценность языка пираха для понимания языка вообще не сводится к одной фонетике. Гораздо более серьезные вопросы и испытания для большинства современных теорий о природе, происхождении и употреблении человеческого языка лежат в области грамматики. Я в то время начал понимать, что грамматика пираха может оказаться не по зубам гипотезе Хомского, согласно которой конкретные грамматические принципы заложены в нас с самого рождения. Кроме того, как я понимал, язык пираха будет трудно объяснить в рамках теории Хомского и с точки зрения сочетаемости и взаимодействия грамматических компонентов. Чтобы понять устройство языка и мышления вообще, особенно важен именно этот аспект, и поэтому тут необходим тщательнейший анализ.

Начать его следует, по крайней мере в рамках лингвистической традиции описания грамматики, со слов. Из слов состоят предложения, а из предложений — повествования (тексты). Поэтому лингвистические исследования в целом описывают грамматику языков в таком порядке.

Одной из первых лексико-семантических групп, которые я хотел записать (и в силу их пользы, и потому что я был уверен в ее простоте), были слова, обозначающие части тела: рука, глаз, нога, зад и т. д.

Как обычно, я работал с Кохоибииихиаи (*Kóhoibiihíai*). Указав на нос, я спросил: «Что это?»

— *Xitaooí*, — ответил он.

— *Xitaooí*, — повторил я (как мне казалось, очень точно).

— *Xaió, xitaopaí*.

Да что ж такое, подумал я. Что тут, на конце слова, делает это *-paí*? Я наивно спросил:

— Зачем для носа два слова?

Ответ вывел меня из себя:

— Одно слово — *xitaopaí*.

— Только *xitaopaí*? — спросил я.

— Да, *xitaooí*, — сказал он.

Спустя долгое время я понял, что *-paí* на конце слова, обозначающего часть тела (причем этот суффикс не встречается ни в каких других словах пираха), означает что-то вроде ‘мой собственный’. То есть *xitaooí* означает просто ‘нос’, а *xitaopaí* — уже ‘мой нос’. Пираха могли объяснить мне это не лучше, чем средний носитель английского языка, если спросить его, что означает *to* в предложении *I want to go* ‘Я хочу идти’. Почему нельзя сказать *I want go*? Языковеду приходится самому выяснять и понимать подобное.

Во всех прочих отношениях существительные пираха в целом крайне просты. Нет префиксов и суффиксов, за исключением *-paí*, нет категории числа, нет сложностей наподобие нестандартных форм и пр.

Судя по работе британского лингвиста Гревилла Корбетта о грамматической категории числа в языках мира¹, отсутствие этой категории в языке пираха — уникальное явление; нужно отметить, что у некоторых мертвых языков (как собственно вымерших, так и более ранних стадий развития современных языков) ее, по-видимому, также не было. В пираха нет различия между словами *собака* и *собаки*, *человек* и *люди*. Все слова как будто похожи на английские *fish* ‘рыба’ и *sheep* ‘овца’, не имеющие формы множественного числа. Поэтому, значение такого предложения, как *Hiaitihí hi kaoáibogi bai -aagá* весьма размыто: это и ‘индейцы пираха злых духов бояться’, и ‘индеец пираха злого

¹ Corbett G. G. Number (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge: Cambridge University Press, 2000 (прим. пер.).

духа боится’, и ‘индейцы пираха злого духа боятся’, и ‘индеец пираха злых духов боится’.

Возможно, отсутствие категории числа — следствие принципа непосредственности восприятия (как и отсутствие счета). Такая категория при употреблении часто нарушает принцип непосредственности: она влечет за собой генерализацию на более высоком уровне, чем непосредственно наблюдаемое, т. е. более широкие обобщения.

Существительные в языке пираха устроены просто, однако глаголы гораздо сложнее. В каждом из них может быть вплоть до шестнадцати суффиксов в ряд, однако не все из них обязательны. Поскольку суффикс может присутствовать или отсутствовать (таким образом давая два варианта), число возможных форм одного глагола в пираха равно 2^{16} , или 65 536. В реальности это число не столь велико, поскольку некоторые значения суффиксов несовместимы друг с другом и, соответственно, не могут встречаться совместно, но все же оно во много раз больше, чем в любом европейском языке. В английском языке у каждого глагола около пяти форм, ср. *sing* ‘петь’: *sing, sang, sung, sings, singing*. В испанском, португальском и некоторых других романских языках у каждого глагола около сорока или пятидесяти форм.

Возможно, наиболее интересно в пираха (хотя встречается не только в этом языке) то, что лингвисты называют суффиксами эвиденциальности. С их помощью говорящий оценивает свое знание о предмете разговора. В пираха система эвиденциальности состоит из трех суффиксов: пересказывательности, или передачи с чужих слов, наблюдения и умозаключения².

Объясним это на примере из английского языка. Если я спрошу вас: «*Did Joe go fishing?*» ‘Джо пошел на рыбалку?’ — вы можете ответить: «*Yes, at least I heard that he did*» ‘Да. По крайней мере, я такое про него слышал’, «*Yes, I know because I saw him leave*» ‘Да. Я знаю, потому что сам видел, как он ушел’ или «*Yes, at least I suppose he did because his boat is gone*» ‘Да. По крайней мере, я так полагаю, потому что его лодки тут нет’. Различие между английским и пираха в том, что там, где первый язык прибегает к синтаксическому средству (предложениям), второй использует морфологическое (глагольный суффикс).

² Чаще встречается термин «инференциал», т. е. предполагаемое знание (прим. пер.).

Позиция всех этих (самых разнообразных) суффиксов в базовом глаголе — это особенность грамматики. Всего суффиксов шестнадцать, и их позиция (по крайней мере частично) зависит от значения. Например, суффиксы эвиденциальности находятся в конце слова, поскольку представляют суждение об описываемом явлении или событии.

Глагол играет ключевую роль в предложении, поэтому структура слова важна для структуры предложения. Во многом значение глагола определяет, что должно содержаться в простом предложении. Рассмотрим английский глагол *die* ‘умирать’. Предложение *John died Bill* звучит странно именно из-за значения глагола: *to die* можно сказать о самом человеке, но нельзя «умереть» другого. Однако мы можем сказать: *John caused Bill to die* ‘Джон сделал так, что Билл умер’ (букв. ‘Джон причинил Билла умереть’) или, что еще проще, *John killed Bill* ‘Джон убил Билла’, добавив к значению ‘умереть’ значение причины. В результате этой замены, так называемой каузации, Джон несет ответственность за то, что кто-то умер в результате убийства или причинения смерти (семантический компонент ‘причинение смерти’ входит в значения и глагола *kill*, и словосочетания *cause to die*). Именно поэтому *John died Bill* грамматически неправильно, а *John killed Bill* — правильно. Изменение структуры значения — или путем добавления новых слов (в рамках, дозволенных английским языком), например, *cause to*, или в результате употребления близких, но не идентичных форм наподобие *kill* — меняет значение всего предложения. По мере того как мы изучаем роль глаголов в составлении предложений, мы обнаруживаем, что синтаксис предложения в основном определяется значением глагола (в некоторых лингвистических теориях это открыто постулируется в рамках теоретического аппарата).

Первоначально я описывал грамматику пираха в рамках генеративной грамматики Хомского, но с годами мне становилось все более и более очевидно: эта теория мало что может прояснить в языке пираха, особенно в тех случаях, когда на грамматику (по-видимому) оказывала влияние культура.

По Хомскому, человека от других форм жизни на Земле отличает не способность к коммуникации вообще (ведь общаться могут многие виды), а способность использовать грамматику. Естественно, мы должны знать, как составлять предложения, оценивать смысл предложений, которые мы говорим или слышим; таким образом, определенное знание грамматики для человеческой речи жизненно необходимо. Однако, поскольку человек не единственное живое существо, способное

к общению, грамматику нельзя считать обязательной и необходимой для коммуникации как таковой. Жить — значит общаться. Растения, животные, бактерии — все живые существа общаются между собой.

Что делает возможным прием и передачу информации внутри одного биологического вида и между разными видами? Иначе говоря, что делает возможным коммуникацию? Ответ: значение и форма. В сущности, именно это подчеркивал великий швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, автор концепции языкового знака — языковой единицы, состоящей из означающего (формы) и означаемого (содержания).

Чтобы передать значение ‘пища рядом’, пчела использует такую форму коммуникации, как танец. Чтобы передать значение ‘здесь проходит пикник’ (хотя он, возможно, не использует это слово), муравей выделяет химические соединения. Собака передает значение ‘отсутствие агрессии’ с помощью особых форм коммуникации: она виляет хвостом, лает, лижет других животных или людей и пр. Что касается людей, то они, общаясь, передают значения в форме звуков или жестов.

Но человеческая коммуникация состоит не только из формы. Разумеется, коммуникация у людей отличается от коммуникации у других видов на порядки большим набором звуков, жестов или слов, но в ней есть и кое-что другое. Мы можем обсуждать гораздо более сложные проблемы в гораздо более широком диапазоне предметов и тем, нежели все прочие живые существа. Как это возможно? Есть два объяснения. Первое, самое очевидное, — мы умнее прочих живых существ. Насколько нам известно, мозг человека — это наивысшее когнитивное достижение природы на Земле. Выражение этой сложности человеческого мышления и коммуникации требует инструментов, многократно превосходящих орудия, доступные иным биологическим видам. Эти инструменты остаются в лингвистике предметом споров, но по некоторым из них достигнуто согласие. Я считаю, что самый важный из них — то, что ныне покойный лингвист Чарльз Хоккет (Charles Hockett) назвал «дуализмом структуры» (*duality of patterning*)³. Его можно вообразить по-разному, но, в сущности, все определения сводятся к тому, что люди создают структуры из звуков, а потом из этих звуковых структур формируют грамматические (слова и предложения). Учитывая то, что объем человеческого мозга велик,

³ Термин Ч. Хоккета восходит к идее двойного членения французского лингвиста А. Мартине (*прим. пер.*).

но все же конечен, именно эта многослойная организация человеческой речи делает возможной коммуникацию между людьми, которая многократно превосходит коммуникацию животных.

Формирование структур из звуков можно проиллюстрировать примером, похожим на один из уже приводившихся выше. Рассмотрим простые слова *pin* ‘булавка’, *pan* ‘кастрюля’, *bin* ‘ведро’, *spin* ‘вертеться’. Слово *pin* сформировано последовательностью $p + i + n$. Представим позиции букв как «пустоты», а буквы (p , i , n) как «наполнители». Пустоты представляют собой горизонтальную, или линейную, организацию слова, т. е. написание слева направо на письме или порядок произнесения от первого звука к последнему. Наполнители — это вертикальная организация слова. Если добавить в линейную организацию еще одну позицию, получится более длинное слово; например, поставив s в начале *pin*, мы получим *spin*. Если менять элементы вертикальной организации, получатся различные слова того же размера; так, при замене i на a слово *pin* превратится в *pan*. Все это сложнее, чем может показаться, потому что не всякие наполнители и расширения слов возможны. Можно к *pin* прибавить s и получить *spin*, но нельзя прибавить t и получить *tpin*. Можно заменить i на e и получить *pen*, но нельзя заменить его на s и получить *psn*, по крайней мере в рамках английского языка. Звуковая организация языка называется фонологией. Физическая природа отдельных звуков, использующихся в организации, — это, говоря упрощенно, фонетика. Это первая часть дуализма — организация звуков в слова.

Впрочем, тут же стоит добавить, что человек — существо изобретательное, и если люди отчего-либо не могут или не хотят пользоваться звуками речи, у них в распоряжении есть другой канал коммуникации, а именно жестовый язык. Звукам в нем соответствуют другие формы — жесты и движения. И хотя их физическая природа очевидно иная, нежели у звуков, лингвисты установили, что их организация в слова и более крупные единицы — словосочетания и предложения — подчиняется схожим принципам. Таким образом, фонология, в нашем понимании, может оперировать как звуками, так и жестами.

Вне зависимости от того, что мы используем — жесты или звуки, — для возникновения грамматики нам нужны не только слова. Поскольку для человеческой коммуникации грамматика необходима, говорящий на любом языке формирует из слов более крупные организованные единицы: словосочетания, предложения, тексты, диалоги и т. д. Одни называют такую комбинацию элементов грамматикой,

другие — синтаксисом. Ни у одного другого живого существа нет ничего, даже отдаленно похожего на дуализм структуры (двойное членение) или комбинирование языковых единиц, однако они есть у каждого человека.

Разумеется, они есть и у пираха. Рассмотрим предложение на их языке: *Kóhoi kabatii kohóairi* ‘Кохои тапира ест’. В языке пираха дополнение идет перед сказуемым (такую структуру можно найти во многих языках), т. е. *kabatii* означает ‘тапир’, а *kohóairi* — ‘есть’. Из этого примера видно, что индейцы пираха складывают из фонем слова, а из слов — предложения. Итак, в языке пираха есть дуализм структуры и комбинация единиц. Сложно вообразить человеческий язык, в котором бы их не было.

Однако, на мой взгляд, самый главный и важный компонент языка — это значение. Значение — это гироскоп грамматики. Мне нравится эта метафора, потому что она отражает убеждения многих лингвистов (и мои в том числе), согласно которым небольшое изменение значения, подобно еле заметному движению гироскопа, может привести к сильному изменению высоты ракеты или формы предложения. Иными словами, значение — главное в языке. Мы начинаем со значения и облакаем его в грамматическую форму. Значение направляет всю грамматику. Но что же такое значение? Над этим тысячи лет ломали голову мыслители. Возможно, я беру на себя невыполнимую задачу, но все же попробую кратко изложить основные идеи на этот счет.

По мнению философов и лингвистов, значение состоит из двух частей, смысла и референции. Референция — это такое использование языка говорящим и слушающим, при котором оба приходят к общему мнению о конкретном предмете разговора. Так, когда двое в беседе употребляют имена *boy* ‘мальчик’, *Bill* ‘Билл’, *you* ‘ты, вы’, эти слова соотносятся с сущностями (предметами и явлениями) в реальном мире. Во время разговора мы знаем мальчика или человека по имени Билл, или того, кого называют «ты»; в противном случае возникает непонимание, которое может разрешиться только тогда, когда и говорящий, и слушающий договорятся о том, что они именуют.

С другой стороны, существуют имена, не соотносящиеся ни с чем. Если я скажу: *John rode the unicorn* ‘Джон скакал на единороге’, вполне очевидно, что слово *unicorn* ‘единорог’ нельзя соотнести ни с чем в реальном мире. Аналогично в предложении *I will keep tabs on you* ‘Я буду за тобой пристально наблюдать’ (букв. ‘Я буду вести на тебя

картотеку')⁴, *tabs* 'карточки в картотеке' не соотносится ни с одним объектом в данном выражении: оно часть идиомы. С предметами и явлениями соотносятся не только имена: в предложении *I had built a house* 'Я построил дом' референтом *had built* является момент совершения действия в прошлом (форма плюсквамперфекта, или предпрошедшего времени). В предложении *The house is yellow* 'Дом желтый' референтом прилагательного *yellow* является характерный цвет. Существуют разногласия по поводу того, что означает референция (некоторые языковеды считают, что у глаголов и прилагательных не может быть референтов), а также насколько велико значение этого свойства для определения частей речи.

Второй базовый компонент значения — смысл. Он состоит из двух частей. Во-первых, в него включается то, как говорящие думают о сущностях, действиях и признаках — всё том, что мы употребляем в речи. К примеру, что я имею в виду, говоря *big* 'большой' в словосочетаниях *big butterfly* 'большая бабочка' vs. *big loss* 'большая потеря' vs. *big elephant* 'большой слон'? Во-вторых, смысл представляет собой отношение между словами и особенностями их употребления. Что значит *break* 'ломать' в предложениях *John broke his arm* 'Джон сломал руку', *John broke the ice in the frigid conversation* 'Джон растопил (букв. «разбил») лед во время холодного разговора', *John broke the sentence down for me* 'Джон сделал для меня синтаксический разбор предложения' или *John broke into the house* 'Джон вломился в дом'. Единственный способ узнать значение *break* — понять, как это слово употребляется. Употребление слова означает выбор конкретного контекста, набора фоновых допущений, принятых говорящим и слушающим, в том числе по поводу того, каким образом должны употребляться интересующие нас слова и с какими словами они должны сочетаться.

Вкратце значение слова или предложения можно определить как его употребление, его связь с другими словами и предложениями и договоренность говорящих на языке о том, на какой предмет или какое явление указывает предложение или слово. В языке пираха, как и в любом человеческом языке, слова имеют значение. Это, однако, не значит, что все мы используем одни и те же значения. Как и у всех прочих людей, у пираха круг значений строго ограничен их ценностями и представлениями.

⁴ Ср. русские идиомы *вести учет* (чего-л.) и *держаться под колпаком* (кого-л.), имеющие близкое актуальное значение (*прим. пер.*).

Итак, когда мы изучаем лексику любого языка, мы должны понимать каждое слово на нескольких уровнях одновременно. Необходимо понимать культурную значимость и употребление слова. Необходимо понимать его фонетическую и фонологическую структуру. И, наконец, необходимо понимать его употребление в контексте, в конкретных предложениях и связных текстах (повествованиях). С идеей о трех уровнях понимания слова согласно большинство лингвистов. Однако язык пираха преподает нам еще один урок: культурно обусловленными могут быть не только значения отдельных слов (вспомним, что в пираха слова *друг* и *враг* родственны), но и сам характер звуков, будь то свист, жужжание и т. д. Этот урок, который подтверждается на богатом материале из других языков, нечасто был предметом обсуждения в лингвистической литературе. Язык пираха дает нам четкий и ясный пример будущего направления исследований в лингвистике.

ГЛАВА 13

НАСКОЛЬКО НАМ НУЖНА ГРАММАТИКА?

В кинокомедии «Миссис Даутфайр» герой Робина Уильямса звонит своей бывшей жене (героине Салли Филд) по поводу объявления и говорит: *I... am... job?* ‘Я... это... работа?’ Это само по себе смешно в контексте фильма; кроме того, и персонажи, и зрители сразу понимают, что именно имеет в виду говорящий (т. н. *значение* этого высказывания): ‘я хочу устроиться на работу, по поводу которой вы дали объявление’.

Как именно это становится понятно зрителям? Дело тут не столько в словах или их порядке следования в предложении: актуальное значение (некто ищет работу) становится понятно скорее из контекста ситуации (в фильме или в жизни) и культуры, в рамках которой произнесено предложение. Значит, хотя грамматика — часть коммуникации, но коммуникация состоит не только из нее. Пример из «Миссис Даутфайр» почти полностью неправилен грамматически, однако значение все равно передается верно.

Когда мы учимся передавать значение средствами другого языка, первый наш шаг, как и у Робина Уильямса, это не грамматика, а культура. Чтобы понять значение культуры — то, как культура может влиять на язык (а иногда и быть его основой), — задумаемся над тем, как мы учим иностранный язык.

Что входит в эту задачу? Если вы научились произносить французские гласные без акцента и научились правильно понимать и осознавать значение любого французского слова, имеете ли вы право сказать: «Я говорю по-французски»? Если вы только знаете лексику и умеете правильно произносить звуки, может ли это знание подсказать вам, какое предложение следует употребить в том или ином социальном окружении? Достаточно ли этого знания для того, чтобы, подобно французским интеллектуалам, читать Вольтера в подлиннике? На все эти вопросы один ответ: нет. Язык — это нечто большее,

чем сумма его составных частей (слов, звуков, предложений); более того, сам по себе язык недостаточен для полноценного общения и понимания, если вы не знаете окружающей его культуры.

Культура — наш лоцман среди значений, воспринимаемых нами в окружающем мире, а язык — это часть окружающего мира. Американец едва ли будет говорить о повадках амазонской кустарниковой собаки (*Speothos venaticus*): большинству жителей США этот хищник неизвестен. Это явный пример того, как культура и опыт ограничивают наш «универсум речи», т. е. то, о чем мы говорим. Однако часто встречаются и менее очевидные пути влияния культуры на язык. Из нашего повествования становится понятно, что культура играет огромную роль в понимании.

Сравним, например, пираха и американцев. Если американец рассказывает о встречах с привидениями, то, как правило, в его представлении этого на самом деле не было, это вымысел. Дело не в том, что большинство американцев не слышало о привидениях, а в том, что они в них не верят. Даже среди тех, кто заявляет о своей вере в этих сверхъестественных существ, лишь единицы говорят о том, что видели привидение своими глазами. Это сравнительно недавний феномен в истории английского языка: как показывают протоколы ведовских процессов, во времена британского колониального владычества американцы часто были очевидцами сверхъестественных явлений и много о них говорили. В некоторых случаях культура влияет на то, как и о чем мы говорим. Большинство из нас с этим согласятся.

У индейцев пираха, как и у американцев, круг тем для разговора ограничен культурным опытом и ценностями. Одна из этих ценностей — запрет на ввод в разговор сторонней темы, не связанной с их укладом жизни. Например, пираха не обсуждают друг с другом принципы строительства кирпичных домов, потому что они их не строят. Они вполне могут описать увиденный кирпичный дом, если об этом спросит чужеземец или другой пираха сразу после возвращения из города. Но после этого тема кирпичных домов не будет спонтанно подниматься в разговоре.

Пираха в общем и целом не перенимают чужие идеи, философию или технологию. Конечно, они охотно пользуются приспособлениями, облегчающими труд, например механическими мельницами для маниоки и небольшими подвесными моторами для каноэ, однако они воспринимают эти предметы как «позаимствованные» у чужеземцев, и для заправки топливом, ремонта или замены им требуются знающие

чужеземцы. В прошлом пираха отвергали любые приспособления, использование которых требовало изменения традиционных знаний, занятий или обычаев. Если прибор нельзя приспособить к традиционному образу жизни, от него отказываются.

С одной стороны, можно использовать мотор, коль скоро он легко устанавливается на каноэ и помогает пираха заниматься традиционным промыслом. Причина в том, что пираха видели моторные лодки у кабокло, а культура кабокло для них — часть их собственной культуры. Кабокло — это часть мира вокруг пираха. С другой стороны, удилищем они не пользуются, потому что оно требует освоения такого типа ловли рыбы, который незнаком ни пираха, ни их соседям-кабокло. Глаголы со значением ‘ловить рыбу’ в языке пираха буквально переводятся как «насаживать рыбу на острогу» и «вытаскивать рыбу рукой». Для процесса вытаскивания рыбы из воды удилищем обозначения нет. Этому народу неинтересны навыки, которыми в их окружении владели только американцы — совершенно нетипичная часть их окружения. За последние пятьдесят лет пираха познакомились только с шестью американцами, миссионерами, а также с очень малым числом туристов, которые задерживались у них ненадолго. Пираха могут обсуждать, как правильно устанавливать подаренный подвесной мотор, например: «Чужеземец сказал, что винт надо подсоединять, когда мотор установлен на каноэ», — однако они никогда не будут говорить об удочках или спиннингах, хотя американцы давали им эти приспособления и показывали, как ими пользоваться.

Чтобы говорить о явлениях и предметах, которых нет в их собственной культуре, например о чужих богах, западных представлениях о микробах и пр., пираха должны поменять образ жизни и мышление. По этой причине они избегают таких разговоров. Из этого правила есть несколько явных исключений: так, пираха могут иногда говорить о верованиях кабокло. Однако эти верования давно стали для них частью окружающего мира, поскольку кабокло часто ведут с ними подобные разговоры. За века постоянных контактов вера кабокло стала темой разговоров и элементом окружения.

В этом смысле дискурс пираха является скорее эзотерическим (внутренним), чем экзотерическим (внешним), т. е. обращен внутрь, и в основном затрагивает темы, которые отвечают взглядам членов племени. Конечно, в какой-то степени таковы все народы, и в западном обществе обсуждение новых идей и иноземных ценностей тоже

может цениться не очень высоко, однако пираха выделяются степенью выраженности этой внутренней коммуникации¹.

Грань между внутренней и внешней, или экзотерической, коммуникацией невозможно проиллюстрировать каким-либо примером. Внутренняя коммуникация — это, скорее, общение по неким принятым в культуре схемам на принятые в культуре темы (причем и тех и других не так много). Передаваемая при этом информация является новой, но не принципиально новой, т. е. она соответствует основным ожиданиям. Один американец может передать по радио: «На этой улице садится космический корабль марсиан», — и другие американцы могут испытать потрясение в связи с этой совершенно новой угрозой. Однако американцы не просто могут сказать, что приземлились марсиане: они каждый день произносят нечто подобное. Пираха, в свою очередь, могли бы сказать так, только если видели в своей жизни хоть одного марсианина, но, не видев инопланетян, они никогда не будут о них говорить. Пираха говорят об охоте и рыбной ловле, о других пираха, об увиденных ими духах и т. д. и т. п. — словом, о своем каждодневном опыте. Причина не в недостатке фантазии или творческих способностей, а в том, что такая коммуникация — это культурная ценность пираха. Их общество крайне консервативно.

¹ Понятие внутренней, или экзотерической, коммуникации (*esoteric communication*) возникло в работах Кэрол Тёрстон (Carol Thurston), а также Джорджа Грейса (George Grace) и Элисон Рей (Alison Wray). Применительно к анализу языка пираха о ней первыми заговорили Джинет Сейкел (Jenette Sakel) и Юджини Стейперт (Eugenie Stapert) из Манчестерского университета, Англия. Внутренняя коммуникация — это общение внутри какой-либо хорошо оформленной и выделенной группы, которое само частично обуславливает ее выделение. Внутренняя коммуникация облегчает понимание, поскольку слушающий часто может предугадать, что в той или иной ситуации скажет говорящий. Язык не ограничен только уже известной или предсказуемой информацией, но она является базовой. В языке пираха, как мы уже видели, для новой информации используется особый канал связи — музыкальная речь. Вероятно, этим объясняется сравнительное богатство фонетики (как просодии, так и фонем) музыкальной речи: новая информация может потребовать уменьшения темпа ее подачи, а также большей восприимчивости со стороны экзотерической (в смысле, указанном выше) группы. У лингвиста Тома Гивона (Talmu Givón, также Thomas Givon) можно найти понятие, близкое к внутренней коммуникации, — «общество близких людей» (*society of intimates*). Это удачное выражение обозначает небольшие группы людей, которые часто разговаривают друг с другом и образуют культурную группу. В таких группах у людей больше общей имплицитной информации, чем в других группах, в том числе и говорящих на том же языке (*прим. автора*).

Так что же в конечном счете охватывает грамматика, помимо культуры, общего человеческого интеллекта и значения? Как я писал ранее, грамматика во многом нужна для того, чтобы развернуть значение глагола в целое предложение. С другой стороны, создание предложений — задача более трудная, чем простое «дополнение» значения его глагольного компонента. По этой причине во многих грамматиках вводятся дополнительные средства, такие как определения и обстоятельства (*modification*²).

Определения и обстоятельства сужают значение слова или словосочетания. Они усложняют форму и значение путем ввода дополнительных слов и значений, которых глагол сам по себе не требует. Так, можно сказать: «Джон дал книгу мальчику» (*John gave the book to the boy*), «Джон дал книгу *толстому* мальчику» (*John gave the book to the **fat** boy*), «Вчера Джон дал книгу мальчику» (*Yesterday, John gave the book to the boy*) или «Джон дал книгу мальчику *в клубе*» (*John gave the book to the boy **in the club***). Слова, выделенные курсивом, не являются обязательными для значения глагола. Они лишь сужают значения предмета разговора. В этом, в сущности, и состоит роль определения или обстоятельства.

Еще один аспект языка, который может оказывать влияние на грамматику, — это то, что Хомский часто именует перемещением (*displacement*). При перемещении предложение является грамматически правильным, однако слова расположены в необычном порядке для достижения прагматических целей, т. е. для изменения взаимоотношений между новой и старой, важной или фоновой (или менее важной) информацией в повествовании.

Чтобы понять суть и функции перемещения, рассмотрим несколько английских предложений. Если я говорю *John saw Bill* ‘Джон увидел Билла’, я использую стандартный порядок слов, который могут предугадать носители английского языка: сначала подлежащее *John* ‘Джон’, затем выраженное глаголом сказуемое, а после него — прямое дополнение *Bill* ‘Билл’. Иначе обстоит дело в предложении *Bill was seen by John* ‘Билл был увиден Джоном’: у глагола *see* ‘видеть’ нет прямого дополнения, подлежащим стало слово *Bill*, а прежнее подлежащее *John* стало дополнением с предлогом *by* ‘у, при, посредством’. По мнению большинства исследователей, контраст между первым

² В английской терминологии русским словам *определение* и *обстоятельство* соответствуют выражения *adjectival modification* и *adverbial modification* (прим. пер.).

и вторым предложениями (соответственно, в активном и пассивном залоге) связан с их функциями в повествовании. К примеру, пассивный залог может использоваться тогда, когда темой разговора является Билл, а активный залог — тогда, когда речь идет о Джоне.

Еще один вид перемещения³ встречается в различных модальностях, таких как утвердительная, вопросительная и повелительная⁴. Если сказать: *The man is in the room* ‘Человек находится в комнате’, порядок слов снова совершенно стандартный для повествовательного предложения. Если же мы задаем вопрос, то глагол *is* помещается в начало предложения: *Is the man in the room?* ‘Находится ли человек в комнате?’ Хотя обычно глагол идет после подлежащего, в таких вопросах он оказывается впереди. Вопрос можно задать и по-другому: *Where is the man?* ‘Где находится человек?’ Тогда перед подлежащим оказываются и глагол, и то, по поводу чего задан вопрос. Они перемещены со своих обычных мест.

Большая часть научных работ Хомского была посвящена выяснению того, как могут быть перемещены компоненты предложения. Он интересовался только технической стороной трансформаций и никогда не задавался вопросом об их причинах (если не считать упоминания неких «прагматических причин»). Однако во внутренних «обществах близких людей», таких как общество пираха, подобные синтаксические трансформации могут встречаться редко или вообще отсутствовать. В языке пираха их практически нет. Здесь функции перемещения берут на себя повествование и контекст. Эту ситуацию можно наблюдать и во многих других языках.

Одно из возможных объяснений, подробно рассмотренное в теории Хомского, таково: когда мы не видим перемещения, оно все равно есть на абстрактном уровне грамматики, который в его работах называется «логической формой». Грамматика подобного языка, соответственно, не отличается от английской, за исключением того, что в английском языке перемещение заметно, а, например, в пираха — нет. Однако из-за этого мы можем с полным правом критиковать теорию Хомского за ненужную вычурность. Если понимание предложений

³ Отсылка к эволюции генеративизма: с 1981 г. («Лекции об управлении и связывании», «Lectures on Government and Binding») Н. Хомский рассматривает перемещение как универсальную синтаксическую трансформацию, одним из частных случаев которой является пассивизация (*прим. пер.*).

⁴ Автор использует термин *mood* ‘наклонение’. В данном случае имеются в виду различные виды модальности, выражаемые в рамках изъявительного наклонения (*прим. пер.*).

без всяких перемещений возможно на каком бы то ни было уровне, абстрактном или конкретном, то получается, что грамматика менее важна, чем нам представляется.

На самом деле существует много теорий, допускающих существование языков типа пираха, в которых перемещения внешне не проявляются, а определений или обстоятельств крайне мало. Таким языкам не требуется «логическая форма» и иные абстракции подобного рода. Я предлагаю продолжать обсуждение пираха, не делая допущений о неких абстрактных уровнях языка и не слишком преувеличивая роль грамматики в языке и когнитии. Посмотрим, к чему это нас приведет.

Может быть, в рамках культуры внутреннего (эзотерического) типа грамматика действительно не настолько важна. Если это так, то мы сможем лучше понять сравнительную простоту грамматики пираха. Если мои культурологические предположения близки к истине, то когнитивные способности носителей этого языка нисколько не примитивны, а в их языке нет ничего странного. Язык пираха и его грамматика, скорее, прекрасно подходят к их закрытой культуре. Если это направление верно, то нам однозначно необходим принципиально новый подход к пониманию грамматики человеческих языков.

В рамках этого подхода грамматика не будет считаться такой необходимой и автономной, какой ее уже больше сорока лет представляет Хомский. Приведем пример: Роберт ван Валин-младший (Robert D. Van Valin, Jr) из Дюссельдорфского университета им. Генриха Гейне создал свою альтернативу теории Хомского. По мнению ван Валина, роль грамматики, независимой от значения (в духе Хомского⁵), в общем понимании человеческого языка значительно меньше, чем считалось. В его теории, известной как «референциально-ролевая грамматика» (*Role and Reference Grammar*), движущей силой грамматики по большей части является именно значение. Эта теория естественным образом дает потенциальную возможность объяснить аспекты грамматики с помощью культуры. И, хотя критерии такого объяснения еще не выработаны, референциально-ролевая грамматика может стать удобным пристанищем для идей, которые я выдвигаю в этой книге.

Однако не только ван Валин создал четко структурированную альтернативу универсальной грамматике. Уильям Крофт (William Croft)

⁵ «Мы вынуждены сделать вывод, что грамматика автономна и не зависит от лексического значения» (Хомский Н. Синтаксические структуры / Пер. К. И. Бабицкого. Благовещенск, 1999. С. 32) (*прим. пер.*).

из Университета Нью-Мексико утверждает в рамках своей радикальной грамматики конструкций (*Radical Construction Grammar*): все случаи схожести и совпадений в человеческих языках суть на самом деле близость и совпадение принципов когниции у всех представителей вида *Homo sapiens*. Соответственно, чтобы объяснить эти совпадения, не требуется таких вычурностей, как хомскианская универсальная грамматика.

Исследование языка пираха подкрепляет эти альтернативные точки зрения, хотя и указывает на некоторую их неполноту. По мере рассмотрения других языков, подобных пираха, мы сможем разработать более сильную теорию на базе указанных новаторских работ. Подобная теория, возможно, предложит более реалистичную версию происхождения грамматики, нежели универсальная грамматика Хомского, которую Стивен Пинкер называет «язык как инстинкт». Гипотеза универсальной грамматики или языка как инстинкта не может рассказать нам ничего ценного о том, как взаимодействуют грамматика и культура, а такое взаимодействие теперь представляется жизненно необходимым для сколь-нибудь полного понимания языка.

ГЛАВА 14

ЦЕННОСТИ И МЫШЛЕНИЕ: СИМБИОЗ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ

Один из самых удивительных разговоров о еде в моей жизни произошёл, когда я ел салат в селении пираха.

Рис, фасоль, рыба и дичь, обильно политые соусом табаско и тушёные, могут в известной степени удовлетворить потребности в пище, но если вам нравится, как хрустит свежий салат-латук, то через несколько месяцев он начнет вам сниться. Единственной нашей связью с внешним миром был самолет миссионеров, который раз в восемь недель завозил нам почту и припасы. Когда он прилетел в очередной раз, я передал записку для одного коллеги-миссионера. В ней я смиренно и покорнейше просил прислать мне следующим рейсом немного листьев салата и овощей. Спустя два месяца груз прибыл.

В тот вечер я сидел за столом и впервые за долгое время ел салат из помидоров и капусты. Пришел Ахоапати (*Xahóapati*) и ошеломленно уставился на мою трапезу:

— Для чего ты ешь листья? Разве у тебя нет мяса?

Пираха очень щепетильны в вопросах еды и считают (как и мы, в определенной мере), что суть человека видна по тому, что он ест.

Я заверил его:

— Нет, у меня много консервов. Но я люблю эти листья! Я не ел их уже много лун!

Мой друг-пираха посмотрел на меня. Потом на листья. Потом снова на меня.

— Пираха не едят листьев, — сообщил он, — Вот поэтому ты и не говоришь на нашем языке хорошо. Мы, пираха, хорошо говорим на нашем языке, и мы не едим листьев.

Он ушел, вероятно, полагая, что только что дал мне ключи к изучению его языка. Однако мне связь между поеданием салата и говорением на пираха показалась непостижимой. О чем он хочет мне сказать? О связи между моей едой и языком, на котором я говорю? Глупости!

Вот только слова Ахоапати продолжали меня преследовать, как будто в них был заключен какой-то полезный совет, который надо понять.

Затем я обнаружил еще одну удивительную вещь. Пираха разговаривали со мной, а потом поворачивались друг к другу и обсуждали меня так, словно меня рядом не было. Однажды Ипооги спросил меня в присутствии других индейцев:

— Дэн, скажи, ты не мог бы дать мне спичек?

— Конечно, вот!

— Отлично, он дает нам две спички. Теперь я попрошу у него полотно.

Зачем они говорили в моем присутствии так, будто я их не понимаю? Ведь я только что ответил на просьбу, показав им, что я понимаю их. Что же я упустил из виду?

С точки зрения пираха, их язык происходит из их образа жизни и из их отношений с другими пираха. Они не воспринимали мои правильные ответы на их вопросы как признак владения языком (точно так же, как я не считаю, что мой телефон с автоответчиком — носитель английского языка). Для индейцев я был чем-то вроде попугаевара, которых так много водится по берегам Маиси, а то, как я «говорил», было для некоторых из них этаким забавным курьезом или трюком. Я, в сущности, не говорил вовсе¹.

Я не утверждаю, что у пираха есть теория о связи языка и культуры (хотя и не утверждаю, что ее у них нет). Все же могу сказать, что их вопросы и действия стали катализатором для моих размышлений на эту тему.

Как и в случае с большей частью необычных высказываний и поступков, свидетелем которых я был в селении, я понял: Ахоапати говорил мне больше, чем я мог сначала понять. Его слова означали: чтобы говорить на пираха, надо жить в культуре пираха. Среди современных лингвистов есть несколько человек, которые (в духе Эдварда Сепира и Франца Боаса, великих новаторов начала XX в.) считают, что культура нетривиальным образом воздействует на грамматику. Мои доводы, впрочем, не такие, как у остальных — даже в этом меньшинстве. Сложности при переводе Библии на пираха были в основном вызваны взаимосвязями языка и общества этого народа, из-за которых даже грамматику

¹ Это можно считать общечеловеческой чертой: даже представители другого сословия или класса в рамках одного и того же общества могут говорить о человеке все, что вздумается, в его присутствии, если он воспринимается как чужак или не вполне «свой» (*прим. пер.*).

как составную часть языка нельзя понять без одновременного изучения языка и культуры. Я считаю, что это верно для всех языков и обществ, не только для пираха. Язык — это результат сложного взаимодействия общественных ценностей, теории коммуникации, биологии, физиологии, физики (физических аспектов фонетики и врожденных ограничений человеческого мозга) и человеческого мышления. Верно это, на мой взгляд, и в отношении грамматики — двигателя языка.

В современной лингвистике, равно как и в основной массе исследований по философии языка, при изучении человеческого общения принято отделять язык от культуры, однако в результате они не могут подойти вплотную к языку как «естественному явлению» (в формулировке философа Джона Сёрля). Начиная с 50-х гг. XX в., многие языковеды и философы характеризовали язык почти исключительно в рамках математической логики, как будто для понимания языка как такового неважно, что у него есть значение и на нем говорят люди.

Язык — это, возможно, высочайшее достижение *Homo sapiens*. Как заметил Сёрль, создав язык, люди приходят к согласию о том, как именовать, характеризовать и классифицировать мир вокруг них. Эти соглашения затем становятся фундаментом для прочих соглашений и договоров в обществе. Следовательно, общественный договор по Жан-Жаку Руссо не является договорной первоосновой человеческого общества (по крайней мере, не в том виде, в каком это представлял сам Руссо). Такая первооснова — язык. С другой стороны, язык — не единственный источник общественных ценностей. Важную экстралингвистическую роль играют традиция и биология; многие ценности в обществе передаются без помощи языка.

Биологи (в частности Эдвард Уилсон [E. O. Wilson]) проиллюстрировали, что некоторые наши ценности обусловлены тем, что мы живые существа вообще и приматы в частности. С биологией тесно связаны наши потребности в дружеских отношениях, еде, одежде, укрытии.

Кроме того, ценности могут возникать на основе личных, семейных или культурных традиций и обычаев. Допустим, целый ряд людей склонен лежать на диване, есть жирную пищу и смотреть телевизор (в особенности, телепередачи о еде); в английском языке такие люди обозначаются идиомой *couch potato* (букв. 'диванный картофель'). Подобный образ жизни никак нельзя назвать здоровым, однако есть люди, которым он нравится. Почему? Причина, наверное, хотя бы отчасти кроется в биологии. Видимо, наши вкусовые рецепторы хорошо реагируют на тактильные ощущения и вкус

жирной пищи (например кукурузных чипсов и густого соуса), наши тела склонны экономить энергию (отсюда и притягательность мягкого дивана), а нашему разуму нравится сенсорная стимуляция (бег мужчин за мячом, дефиле женщин в бикини, огромные пустынные ландшафты или последнее творение Эмерила Лагасси²).

Но подобное не слишком здоровое времяпрепровождение не объясняется одной лишь биологией. В конце концов, не каждый из нас диванный домосед. Почему же одни люди удовлетворяют биологические склонности так, а другие — иначе (может быть, даже не нарушая здорового образа жизни)? Такое поведение не усваивается посредством языка, а передается личным примером в отдельных семьях или иных социальных группах.

Образ жизни диванного домоседа — это один из множества примеров передачи культурных ценностей без помощи языка. Конкретные ценности такого рода, а также чисто биологические ценности (укрытие, одежда, еда, здоровье) складываются в единое и цельное пространство языка и культуры, посредством которых мы истолковываем окружающий мир и говорим о нем. Часто мы думаем, что наши ценности и их языковое выражение совершенно «естественны», но это не так. Они во многом следствие случайности — того, что мы родились и выросли в конкретном обществе, в определенной культуре.

² Известный американский шеф-повар и ресторатор (*прим. пер.*).

Пираха часто позволяют своим собакам есть с собой из одной миски или тарелки. Кому-то от этого делается дурно, а другие не видят в этом ничего плохого. Лично я едва ли в обычных условиях стал бы есть вместе с собаками. Своей собаке я даю корм с рук и иногда, забывшись, могу после этого сесть за стол, не помыв руки, — но дальше этого я никогда не заходил. Я знаю людей, которые, закончив трапезу, дают собакам вылизать тарелки дочиста, полагая, что в посудомоечной машине все и так стерилизуется. Сам же я никогда не позволю собаке сидеть со мной за одним столом и есть из моей тарелки. Я не могу себе этого позволить, потому что опасаясь болезнетворных микробов. С другой стороны, у меня нет прямых доказательств существования микробов. Я не уверен, что смогу каким-либо образом, если меня спросят, доказать существование микробов или описать их свойства. Но я все равно верю в их существование, поскольку знание о микроорганизмах и их связи с болезнями — результат воспитания в моей культуре. Замечу: я не знаю, могут ли микроорганизмы собак заразить человека, но все же мой культурно обусловленный страх перед микробами делает перспективу разделить стол и пищу с псами весьма непривлекательной.

Пираха, как и многие другие народы мира, не верят в существование микробов. Как следствие, они не испытают отвращения, если собака начнет есть с их тарелки. Собаки — союзники пираха в борьбе за выживание в джунглях, и эти люди их любят. Потому, не ведая о микробах и не веря в них, пираха нисколько не брезгают совместной трапезой с домашними собаками.

Конечно, лингвистам, антропологам³, психологам, философам и многим другим исследователям это известно. Соответственно, все, что сказано мною выше о культурных ценностях и языке, совсем не ново — но до разговора с Ахоапати я в целом не понимал значимости этих идей.

Как мы уже знаем, пираха высоко ценят непосредственный опыт и наблюдение. В этом смысле они чем-то похожи на жителей штата Миссури, неофициальный девиз которого — «Покажи-ка мне» (*Show me*). Однако, в отличие от миссурійцев, они согласятся не только с фразой: «Пока не увижу — не поверю», но и с обратным утверждением: «Пока не поверю — не увижу». Если вы захотите

³ Здесь термин «антрополог» употреблен в широком смысле, т. е. может включать также культуролога и этнографа (*прим. пер.*).

рассказать индейцам-пираха о чем-нибудь, они наверняка захотят узнать, откуда у вас такие сведения, а особенно — есть ли у вас непосредственные доказательства ваших утверждений.

Поскольку для пираха сновидения и общение с духами — это непосредственный опыт, они часто о них говорят. Для них разговор о духах и всем, что с ними связано, — это разговор не о вымысле, а о реальных событиях. Единственно важным условием для того, чтобы их духовная жизнь объяснялась принципом непосредственности опыта, является вера в духов. Это условие легко соблюсти.

Приведу небольшое изложение сна, записанное Стивом Шелдоном со слов индейца-пираха. В этом рассказе нет ничего особенного: пираха не придают своим снам мистического значения. Сновидения — это такой же опыт, как и все остальное, хотя сон может быть связан с опытом не только на реке Маиси или нижней «границе» (*bigí*), но и в каких-либо иных местах.

Казимиру видит сон

Информант: Кабоибаги (*Kaboibagi*)

Запись и транскрипция: Стив Шелдон

Аннотация: Данный текст — описание сна, увиденного рассказчиком. Ему снится бразильянка, жившая в прошлом около селения пираха, очень крупная женщина.

1. *Ti xaogii xaipiraábahoagihiai kai.*
Я видел сон о его жене.
2. *Ti hai xaogii xaixaagá aipiraábahoagai.*
Я затем о бразильянке видел сон.
3. *Xao gáxaiaiao xariraába xao hi gía xabaáti.*
Она говорила во сне. Ты останешься с бразильцем.
4. *Gíxa hi xaoabikoí.*
Ты останешься с ним.
5. *Ti xaigía xao xogígió ai hi xahárita.*
В отношении ко мне, соответственно, большая бразильянка исчезла.
6. *Xaipiraá kagahaogí poogíhiai.*
Потом я видел сон о папайях и бананах.

Отсутствие перехода между первыми пятью строками и шестой строкой было бы любопытно, если бы мы подошли к этому сновидению, как к обычному рассказу. Однако на самом деле это просто подробное изложение действий говорящего. Разумеется, пираха

не путают сон и явь, однако и то и другое они категоризируют примерно одинаково — как типы приобретенного и увиденного опыта. Этим они иллюстрируют принцип непосредственности опыта.

Итак, культура и язык переплетены множеством разных способов в любом обществе и у всех народов. То, что культура может влиять на грамматику, не противоречит мысли, что и грамматика вполне может влиять на культуру. По сути, выделение различных типов отношений между культурой и грамматикой — первоочередная и полезнейшая задача для лингвистики и в целом антропологии.

Воздействие грамматики на культуру может быть самым разным, и иногда оно может проявляться в таких очевидных явлениях, как обозначение правой руки. Я обнаружил это в один из бесчисленных дней, когда я сидел за столом и работал с Кохой:

— Хорошо. Вот это рука, которую американцы называют «левая рука» (*left hand*). Бразильцы называют ее *mão esquerda*. Как ее называют пираха?

— Рука.

— Да, я знаю, что это рука. Но как вы говорите «левая рука»?

— Твоя рука.

— Нет. Вот смотри. Вот твоя левая рука. Вот твоя правая рука. Вот моя левая рука. Вот моя правая рука. Как ты это называешь?

— Вот это моя рука. Это твоя рука. Вот это моя другая рука. Это твоя другая рука.

Было ясно, что опрос информантов на тему того, как они отличают одну руку от другой, ничего не дает. Я был не в силах понять, почему так тяжело выяснить обозначения левой и правой рук.

Я понял, что надо перекусить. Я объявил перерыв, и мы с моим учителем выпили растворимого кофе с печеньем. Я решил попросить Кохой поработать со мной еще раз. Если же он не сможет мне помочь и во второй раз, придется придумывать что-то совершенно иное. Как же, спрашивал я себя, я буду переводить Библию на язык пираха, если я даже не могу выяснить простейшие обозначения типа «левая рука» и «правая рука». Что ж такое... Я был вне себя от раздражения, но, по крайней мере, Кохой согласился поработать со мной еще раз, и я начал опрашивать его по той же схеме:

— *Mão esquerda*.

И тут он ответил:

— Рука находится вверх по реке.

Я был совершенно разочарован: и как это вообще понимать? Он что, надо мной издевается?

Я указал на правую руку.

— Рука находится вниз по реке.

Я подумал: «Сдаюсь», — и стал задавать вопросы по другой теме. После этого я несколько дней подряд считал себя совершенно некомпетентным в полевой лингвистике.

Прошла неделя. Я присоединился к охотникам, и примерно в двух милях от селения мы наткнулись на развилку на тропе. Каа'аоои (*Каахаоои*) закричал из арьергарда: «Кохои, иди вверх по реке!». Кохои повернул направо, хотя Каа'аоои не сказал: «Поверни направо».

Потом направление нашего движения поменялось. Кохои оставался во главе колонны, и один из охотников сказал ему: «Поверни вверх по реке». На этот раз он повернул налево, хотя приказ был тот же.

Как я заметил, на протяжении всей охоты направления обозначались или применительно к реке (вверх по реке, вниз по реке, к реке), или применительно к джунглям (в джунгли). Пираха — в отличие от меня, полностью потерявшего ориентацию в пространстве, — знали, где находится река. По-видимому, они все ориентировались по известным им географическим объектам, а не по положению тела, в отличие от нас, привыкших указывать направление по левую или правую руку.

Я не понимал этого; а слов, означающих левую и правую руки, я в их языке так и не нашел. Но когда я обнаружил, что они ориентируются по реке, мне стало ясно, почему пираха, посещая города вместе со мной, чуть ли не первым делом спрашивали: «Где здесь река?» Им нужны были ориентиры в пространстве.

Только много лет спустя я прочитал интереснейшую работу, написанную коллективом авторов из Института психолингвистики им. Макса Планка (г. Неймеген, Нидерланды) под руководством д-ра Стивена Левинсона (*Stephen C. Levinson*)⁴. Изучая различные культуры и языки, коллектив Левинсона обнаружил два больших типа обозначения направлений в культурах и языках. Во многих культурах, в частности американской и европейских, ориентирование на месте

⁴ Вероятно, имеются в виду следующие работы:

Levinson St. C. Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

Levinson St. C., Jaisson P. Evolution and culture. Cambridge (MA): MIT Press, 2006.

Levinson St. C., Wilkins D. P. Grammars in space. Cambridge: Cambridge University Press, 2006 (*прим. пер.*).

относительно и зависит от положения нашего тела (например, слева или справа); некоторые авторы называют это эндоцентрической ориентацией. У других народов, таких как пираха, ориентирование в пространстве связано с объектами, находящимися вне человеческого тела (экзоцентрическая ориентация).

Очевидно, система указания направлений, принятая народом пираха, отличается от того, как в пространстве ориентируется средний американец. Однако даже в английском языке можно использовать «абсолютную» систему направлений, близкую к системе пираха: мы можем сказать: *The United States is north of Mexico* ‘Соединенные Штаты находятся к северу от Мексики’ или *When you get to the stop sign, turn west* ‘Когда дойдете до дорожного знака «стоп», поверните на запад’⁵. Направления по компасу близки к направлениям по течению реки у пираха: и те и другие привязаны к миру вокруг говорящего. Различие в том, что английский, как и многие другие языки (но не пираха), также содержат систему направлений, ориентированную на человеческое тело, — *поверните налево, идите прямо, идите вперед* (англ. *straight ahead* ‘прямо вперед’), *поверните направо* и пр. Эта система может быть полезна, однако необходимо, чтобы слушающий знал местонахождение говорящего и ориентацию его тела в пространстве; в противном случае он не сможет следовать указаниям говорящего. Часто это трудно осуществлять на практике. Допустим, говорящий стоит перед вами. Тогда то, что для него слева, для вас — справа, то, что он видит впереди, для вас — позади. Говорящий может и не быть в поле зрения (например, вести телефонный разговор), и тогда положение его тела неизвестно слушающему. Такая «относительная» система направлений, ориентированная на человеческое тело, в ряде ситуаций эффективна, однако она неточна в самой своей основе и иногда может вводить в заблуждение.

Итак, в английском языке есть и внешняя, эффективная, и внутренняя (телесная и иногда приводящая к неточностям) системы координат. Сохранение обеих систем связано во многом с историей и культурами англоговорящих стран. У пираха же нет телесной эндоцентрической системы. Они пользуются только недвусмысленной внешней системой (хотя, конечно, у них есть преимущество: они все-

⁵ Стоит отметить, что для русского языка абсолютная система еще менее характерна, чем для английского: последний пример в речи американцев совершенно естественен, а вот носитель русского языка, объясняя дорогу, так не скажет почти никогда (*прим. пер.*).

гда находятся рядом с рекой, по отношению к которой и определяют свое местоположение). По этой причине им приходится осмысливать свое положение в мире более явно, подробно и последовательно, чем мы. В свою очередь, это значит, что язык заставляет пираха осмысливать мир иначе, чем мы.

Скрытый смысл этого открытия в том, что язык и культура не изолированы друг от друга с когнитивной точки зрения. Необходимо в то же время остерегаться далеко ведущих выводов. К примеру, из того, что название «кока-кола» в испанском и португальском языках употребляется в женском роде, не стоит делать вывод о том, что мексиканцы и бразильцы считают кока-колу существом женского пола. Точно так же, если в языке пираха нет числительных, это отнюдь не значит, что его носители не умеют считать (например, по пальцам рук и ног). Полагать так — значит злоупотреблять идеей о том, что язык определяет мышление.

Вокруг этой идеи всегда было много споров. Она известна под множеством разных имен: гипотеза лингвистического детерминизма, гипотеза лингвистической относительности, гипотеза Уорфа, гипотеза Сепира — Уорфа. В наши дни ее создателем, как правило, называют именно Бенджамина Ли Уорфа, который одним из первых начал много и подробно писать о примерах того, как язык определяет мышление, однако имя Эдварда Сепира продолжает ассоциироваться с идеей о глубоком влиянии языка на культуру. Сепир был основателем американской лингвистики. Кроме того, он так же, как и Рут Бенедикт, Маргарет Мид и другие американские антропологи, был учеником человека, которого иногда называют отцом американской антропологии — Франца Боаса, антрополога (в прошлом физика) из Колумбийского университета (г. Вашингтон). Выводы Сепира о функциональном взаимодействии языка, культуры и процесса когниции (*cognition-language-culture interface*) основаны на гигантском опыте полевых исследований: Сепир много работал с языками Северной Америки, изучал культуру и историю этих народов, взаимоотношение их языков и культур. В своей знаменитой работе «Статус лингвистики как науки» он пишет:

Люди живут не только в материальном мире и не только в мире социальном, как это принято думать: в значительной степени они все находятся и во власти того конкретного языка, который стал средством выражения в данном обществе. Представление о том, что человек ориентируется во внешнем мире, по существу, без помощи

языка и что язык является всего лишь случайным средством решения специфических задач мышления и коммуникации, — это всего лишь иллюзия. <...> Два разных языка никогда не бывают столь схожими, чтобы их можно было считать средством выражения одной и той же социальной действительности⁶.

По Сепиру, язык влияет на то, как мы воспринимаем окружающее. По его мнению, то, что мы видим и слышим в повседневной жизни, обусловлено тем, как мы говорим о мире. Это поможет нам понять, почему, идя по джунглям и увидев, как пошевелилась ветка, я скажу, что она сдвинулась с места сама, а аборигены-пираха скажут: «Мы видели, как дух сдвинул ветку». Сепир утверждает даже, что наша картина мира сконструирована с помощью языка, так что «реального мира», который мы могли бы воспринимать не через фильтр языка, объясняющий нам увиденное и его смысл, вообще не существует.

Если Сепир и Уорф правы, то это имеет большое скрытое значение для философии, лингвистики, антропологии, психологии и других областей знания. Уорф даже утверждал, что западная наука в целом является следствием грамматических ограничений в европейских языках. Может ли быть так, что априорные категории морали в философии Канта на самом деле артефакт, вызванный дистрибуцией существительных и глаголов в немецком языке? Может ли оказаться, что теория относительности Эйнштейна — тоже? Какими бы маловероятными ни представлялись подобные гипотезы, они возникли на основе предположений Уорфа.

Гипотеза Сепира-Уорфа ставит перед лингвистикой и антропологией научные вопросы, чтобы мы могли узнать, как языки заставляют нас по-разному осмысливать мир. В этой концепции подразумевается симбиоз языка и мышления, а в сильной версии гипотезы (лингвистический детерминизм), которую, впрочем, не принимает практически ни один исследователь, мышление вообще не может выйти за пределы языка. Говорение на каком-либо конкретном языке может наделить наше мышление непреложным преимуществом, а может оказаться для него помехой (в зависимости от языка и характера задачи). Согласно слабой версии (или слабой форме) гипотезы, получившей некоторое

⁶ Цит. по: *Сепир Э.* Статус лингвистики как науки / Пер. С. В. Князева // *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. докт. филол. наук А. Е. Кибрика. М.: Издательская группа «Прогресс» — Универсо, 1993. С. 261 (*прим. пер.*).

признание, мы можем, мысля, «выходить за рамки языка» (*think out of the language box*), но, как правило, этого не делаем, поскольку даже не воспринимаем влияние языка на наше мышление. Подтверждение этой версии находят на своем опыте даже те люди, которые открыто отвергают гипотезу Сепира-Уорфа.

Приведем пример того, как у разумных людей могут возникать «разногласия» по поводу идеи о влиянии речи на мышление. Американское лингвистическое общество издает четкие директивы против сексизма в языке. Это значит, что по крайней мере некоторые из членов этого общества полагают, что речь влияет на мышление в полном или хотя бы частичном соответствии со слабой формой гипотезы Сепира-Уорфа. Другие его члены, наоборот, отвергают гипотезу Сепира-Уорфа практически в любой формулировке. Меня в этой ситуации восхищает то, что и сторонники, и противники гипотезы единодушны в вопросе политически корректного и гендерно-нейтрального языка: по их мнению, Американское лингвистическое общество должно повсеместно его продвигать. К примеру, один из этих лингвистов может критиковать гипотезу лингвистической относительности и одновременно тщательно следить, чтобы в его статье для обозначения лиц обоих полов использовалось только местоимение *they* 'они' или формы типа *s/he* 'она/он', но ни в коем случае не местоимение *he* 'он' (ср.: *If anyone wants this job, they can have it* 'Если кто-то хочет устроиться на эту работу, они могут ее получить' vs. *If anyone wants this job, he can have it* 'Если кто-то хочет устроиться на эту работу, он может ее получить'). Это происходит не просто потому, что гендерно-нейтральная речь вежливее, чем гендерно-специфичная (указание в речи на половую и социальную роль человека). Люди стали оказывать давление на английский язык с целью изменить его потому, что они считают: не важно, есть в этом намеренное оскорбление или нет, вежливо так сказать или нет, — то, как мы говорим, влияет на то, как мы думаем о других.

Я прочитал немало психолингвистических работ и знаком со свидетельствами довольно многих людей в пользу того, что язык влияет на мышление. Это позволяет мне сделать вывод, что слабая форма гипотезы Сепира-Уорфа — вполне разумная и обоснованная идея. В то же время я считаю, что эта гипотеза подтверждается не в том смысле, в каком этого хотели бы некоторые. Например, с ее помощью, по-видимому, нельзя объяснить отсутствие счета в языке пираха. Если принять гипотезу Сепира-Уорфа для объяснения того, почему они не умеют считать (потому что у них нет числительных), некоторые факты остаются необъясненными.

В мире было и остается много языков с крайне скудными системами числительных, однако люди, на них говорящие, умеют считать и (под социально-экономическим давлением) позаимствовали в окрестных языках числительные для торговли. Таковы, например, австралийские аборигены из племени вальбири (*Warlpiri*). Пираха же, несмотря на двести с лишним лет торговых сношений с бразильцами, не позаимствовали ни одного числительного, чтобы облегчить себе торговлю. Если описывать счет у пираха в рамках идей Уорфа, то можно прийти к такому заключению: незачем заимствовать слова для выражения понятий, ставших полезными, потому что если таких слов не было с самого начала, значит, соответствующие им понятия просто не нужны. Из такого описания можно сделать неверный вывод, что без слова нет понятия. На самом деле подобное описание в рамках строгой гипотезы несовместимо с наукой, а наука во многом представляет собой обнаружение и открытие понятий, для которых раньше не было слов.

Гипотеза Сепира-Уорфа не может дать цельного описания всего диапазона необычных явлений в языке и культуре пираха, таких как отсутствие цветообозначений, кванторов или числительных, простая система терминов родства и пр.

Наши попытки описать взаимодействие языка пираха с культурой этого народа должно находиться в контексте соответствующих научных знаний. Следует кратко обрисовать различные точки зрения на взаимоотношение грамматики, когниции и культуры. Ср. таблицу:

Связь когниции, грамматики и культуры

Непосредственная связь	Соответствующая лингвистическая теория
1. когниция → грамматика	Универсальная грамматика Хомского
2. грамматика → когниция	Теория / гипотеза лингвистической относительности (Уорф)
3. когниция → культура	Книга Брента Берлина и Пола Кея о цветообозначениях в различных языках ⁷

⁷ Berlin B., Kay P. Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1991 (прим. пер.).

⁸ Urban G. A discourse-centered approach to culture: Native South American myths and rituals. Austin: University of Texas Press, 1991.

См. также: Urban G. Metaculture: How culture moves through the world. Minneapolis: University of Minnesota Press, 2001 (прим. пер.).

Окончание таблицы

4.	<i>грамматика → культура</i>	Работа Грега Урбана о дискурсивно-ориентированной культуре (discourse-centered culture) ⁸
5.	<i>культура → когниция</i>	Долговременное воздействие культурных ограничений поведения на мыслительный процесс
6.	<i>культура → грамматика</i>	Этнограмматика; отдельные формы, структурированные посредством культуры

Как нам всем известно, при попытке понять взаимодействие и взаимовлияние культуры, когниции и грамматики следует избегать упрощений в понимании того, что формирует «человеческий опыт». В то же время полезно и необходимо начинать с определенной идеализации или намеренного упрощения, благодаря которому можно сконцентрировать внимание на наиболее заметных точках соприкосновения этих трех областей, ненадолго упуская из виду остальные. Такой подход может помочь в плотной работе с таким сложным материалом.

Первая строка в таблице, приведенной выше, обозначает случаи, в которых когниция (под нею я понимаю в широком смысле структуры мозга или сознания, необходимые для мышления, или само мышление) управляет грамматикой. Идея универсальной грамматики, предложенная Ноамом Хомским, который в течение нескольких десятков лет сосредотачивал свое внимание исключительно на воздействии когниции в широком смысле на грамматику, призвана ответить на вопрос, как когниция ограничивает грамматику человеческого языка.

Согласно его универсальной грамматике, у всех языков мира, по сути, одна грамматика, допускающая варьирование по сравнительно небольшому набору «принципов и параметров»⁹. Если ребенок растет в языковой среде, слыша какой-то определенный язык, этот опыт словно по щелчку выключателей порождает те или иные свойства в его формирующейся грамматике. Допустим, вы родились в Бразилии и с самого рождения вокруг вас все говорят по-португальски.

⁹ Теория принципов и параметров — один из этапов развития генеративной грамматики. В рамках модели, предложенной Н. Хомским и Г. Лазником, грамматика различных языков описывается через универсальные принципы и правила, а различия — через параметры (*прим. пер.*).

Тогда, если рассуждать с позиции универсальной грамматики, в детстве вы приобрели параметр «нулевого подлежащего» («*null-subject parameter*»), т. е. для вас подлежащее не является обязательным членом предложения. Поэтому в португальском языке предложение наподобие *Saw me yesterday* 'Видел / видела / видели меня вчера' будет грамматически правильным, а в английском — неправильным. Кроме того, в португальском языке глаголы содержат больше информации о характере подлежащего (по крайней мере, о числе и лице), чем в английском, и т. д. и т. п. Среди всех теорий о взаимоотношении грамматики и когниции эта научная традиция, бесспорно, была самой влиятельной.

Вторая строка символизирует научную традицию Сепира-Уорфа, рассматривающую взаимосвязи грамматики и когниции с позиции того, как грамматика, т. е. структура нашего языка, может влиять на наше мышление.

Имена, приходящие на ум в связи с третьей строкой, — Brent Berlin и Пол Кей. Оба они являются почетными профессорами Калифорнийского Университета в Беркли. Цель их работы — доказать, что классификация цветообозначений во всех культурах ограничена физической способностью человеческого мозга воспринимать тона, оттенки и относительную яркость цветов. Это нейропсихологическое ограничение приводит к ограничениям в классификациях цветов во всех культурах.

Четвертая строка представляет точку зрения лингвистических антропологов, таких как Грег Урбан (Пенсильванский Университет). В своей работе Урбан утверждает, что язык может интересным образом и почти незаметно влиять на культуру. В частности, один из его примеров посвящен сопоставлению того, как пассивные (*John was seen by Bill* 'Джон был увиден Биллом') и активные (*Bill saw John* 'Билл увидел Джона') заложенные конструкции влияют на концепт героя в различных обществах.

Согласно Урбану, в некоторых языках доля пассивных предложений или клауз в естественном устном и письменном дискурсе выше, чем доля предложений с активным залогом. В других языках, наоборот, активный залог в предложениях встречается чаще. Урбан утверждает, что при естественном преобладании пассивных конструкций герои повествований чаще и естественнее воспринимаются не как инициаторы действий, а как те, в отношении кого эти действия предпринимаются. Такие герои воспринимаются как люди более пассивные, чем герои в повествованиях, написанных на языках, в которых преобладает

активный залог. В языке без пассивных конструкций мы встретим предложения вида *The man killed the jaguar* ‘Человек убил ягуара’ или *The jaguar killed the man* ‘Ягуар убил человека’, но не *The man was killed by the jaguar* ‘Человек был убит ягуаром’. Когда выполняется какое-либо действие, центральной фигурой является деятель.

С другой стороны, в языке, для которого более характерны пассивные конструкции, деятель в меньшей степени является основной фигурой повествования. Так, если мы сопоставим активные и пассивные конструкции, периодически встречающиеся в повествованиях, например *The man killed the jaguar* ‘Человек убил ягуара’ и *The man was killed by the jaguar* ‘Человек был убит ягуаром’ (или, что даже более вероятно для пассивных конструкций, *The man was killed* ‘Человек был убит’), мы быстро обнаружим: в пассивном залоге роль «человека» приуменьшается. Центральной фигурой повествования становится не субъект или деятель, а объект действия, в данном случае — ягуар. Подобные противопоставления могут работать рука об руку с культурой, порождая или героя, находящегося в центре повествования, или повествование, в котором деятель не слишком значим, находится не в центре повествования и, соответственно, не вполне героичен.

Поскольку в пираха пассивных конструкций нет, основные герои повествований, таких как рассказ о пантере, являются активными инициаторами действий. Они герои в большей степени, чем их аналоги в языках с преобладанием пассивного залога (я не даю примеров подобных языков, поскольку лишь передаю основную мысль теории Урбана простыми словами; на мой взгляд, примеры таких языков могут оказаться сложнее, чем принято считать в рамках этой теории). В любом случае это подчеркивает то, насколько важно одновременное изучение языка и культуры вместо изучения их по отдельности. Эта теория, как и моя работа (хотя они исходили из противоположных предпосылок и двигались навстречу друг другу), противоречит традициям как современной лингвистики, так и в значительной мере современной антропологии.

В пятой строке представлено изучение того, как культура может воздействовать на когницию. Отличный пример этого — язык пираха. Как было сказано выше, отсутствие в нем системы счета является результатом культурных ограничений, однако этот побочный продукт культуры влияет на когнитивные способности пираха: взрослые, прожив всю жизнь в мире без чисел, почти не могут научиться считать.

Наконец, в последней строке таблицы представлены работы других авторов (в том числе и мои) на тему того, как культурные ценности могут на местном и глобальном уровне влиять на формирование предложений, словообразование и словоизменение, фонологию¹⁰. Эти исследования также неоднозначны и противоречат многим знаниям, накопленным в лингвистике. Например, именно для этого нужно исследовать принцип непосредственности восприятия.

¹⁰ В оригинале *word structure* ‘словесная структура’, *sound structure* ‘звуковая структура’ (прим. пер.).

ГЛАВА 15

РЕКУРСИЯ: ЯЗЫК КАК МАТРЕШКА

Теории влияют на наше восприятие. Они часть той культурной информации, которая ограничивает наше мировоззрение. Существует много примеров связи культуры с восприятием, не имеющих отношения к науке, но иллюстрирующих мою точку зрения. Так, например, один раз я принял анаконду за лежащее на воде бревно: знание культуры подсказывало мне, что, путешествуя на лодке, нужно опасаться бревен (это совет, который пригодится в любой точке земного шара), а также давало мне сведения о том, как выглядит плавник — бревно, носимое течением реки. Но культура не давала мне никаких сведений о том, как выглядит крупная анаконда, плывущая навстречу.

Мы плыли на своей лодке из селения в Умайту, чтобы там сесть на автобус до Порту-Велью. Керен приготовила сэндвичи с тунцом и домашним хлебом, а запивали мы их растворимым соком из пакетиков. Я вел лодку по Маиси, а затем по Риу-дус-Мармелус. Все были расслаблены: Шеннон читала бразильский комикс «Моника», остальные или дремали, или любовались пейзажем.

Мы добрались до места, которое мне нравилось больше всего, — до *encontro das aguas*¹, где сливаются темно-зеленая Риу-дус-Мармелус и шоколадно-молочная Мадейра. Я закричал: «Все смотрите сюда!» — и мы вместе стали наблюдать: сначала потоки двух цветов шли рядом, потом в зеленой воде появились мутные вихри, а затем, через четыреста пятьдесят — пятьсот метров от устья, мутная вода поглотила зеленую.

Потом я стал внимательнее смотреть вперед. Мы обогнули остров в устье Риу-дус-Мармелус и шли к Аузилиадоре, где планировали остановиться на ночлег. Река Мадейра названа так из-за деревьев, которые вода срывает с илистого берега, и они плывут по течению

¹ Встреча вод (порт.) (прим. пер.).

в сторону Амазонки. На реке можно встретить огромные стволы и ветви, и особенно опасны среди них те, которые плывут у самой кромки: их труднее всего заметить. Впереди, метрах в двадцати, в стремнине я увидел изогнутое бревно. Когда я только начал путешествовать в бассейне Амазонки и все время ожидал увидеть нечто новое в этом новом мире, я принимал все бревна за змей: в воде кажется, что дерево извивается. То же самое происходило и с этим деревом, хотя я уже знал довольно много и понимал, что это не змея. Я также знал, что змеи не бывают такого размера. Это бревно было, кажется, метров двенадцать в длину и больше полуметра в обхвате.

Я взглянул наверх: там с криками пролетели два попугая-ара. Потом я снова посмотрел на бревно. Теперь оно было ближе. Странно, — подумал я, — оно плывет к берегу, перпендикулярно течению. Когда бревно приблизилось, оказалось, что оно действительно извивается. Внезапно оно направилось в сторону лодки, к той части, где сидел я. Это было не бревно. Я раньше никогда не видел такой крупной анаконды. У нее голова была больше моей, туловище в поперечнике тоже толще моего, а длина была больше десяти метров. Удав широко раскрыл пасть и рванул ко мне. В тот момент, когда змея нырнула под лодку, я резко свернул в сторону, с такой силой, что жену и детей отбросило к борту лодки. При этом я сумел ударить ее гребным винтом (от пятнадцатисильного мотора). Удар был сильным. Вроде бы я попал в голову, но не знал наверняка.

Змея исчезла, но через секунду встала из воды во весь исполинский рост, демонстрируя белое брюхо. Мы полетели вперед со скоростью около десяти миль в час, и она стала удаляться, а потом упала на спину, подняв тучи брызг.

Я и не знал, что анаконды так могут. Эта мерзкая тварь вполне могла прыгнуть к нам в лодку! Я смотрел на то место, где раньше была она. В этот момент Шеннон оторвалась от комикса и сказала: «Ух ты!»

Этот опыт с обманутым восприятием научил меня тому, что давно известно психологам: восприятие является не врожденным, а приобретенным. Мы воспринимаем мир (и как теоретики, и как граждане Вселенной) в соответствии со своим опытом и ожиданиями и не всегда — а возможно, и вообще никогда — в соответствии с реальным положением вещей.

Когда я начал лучше говорить на пираха, у меня появились подозрения, что люди специально говорят проще, чтобы я лучше понимал. Говоря со мной, они, похоже, строили только короткие предложения

с одним глаголом. Чтобы не делать выводов на основе речи, обращенной ко мне, я решил тщательнее слушать, как они говорят друг с другом. Удобнее всего было слушать Баигипохоаи (*Báigipóhoái*), жену Ахоабиси (*Xahoábisi*). Каждое утро, около пяти, она начинала громко разговаривать. Она сидела у себя в хижине и говорила, а Ахоабиси поддерживал огонь в очаге. Все это происходило буквально в двух шагах от моей спальни. Она рассказывала всему селению о том, что ей снилось накануне. Она спрашивала у односельчан, чем они думают заниматься в течение дня, причем называла каждого по имени. Мужчинам, садившимся в каноэ, она говорила, какую надо поймать рыбу, где ловится самая лучшая рыба, напоминала, что надо держаться подальше от чужеземцев и так далее и тому подобное. Она была глашатаем и сплетницей одновременно. Слушать ее было одно удовольствие. В ее речи был какой-то артистизм: она говорила низким грудным голосом, с переходом интонации от очень низкой к очень высокой и обратно, а слова она произносила как будто на вдохе, а не на выдохе. И уж кто-кто, а она точно обращалась не ко мне, а к носителям языка пираха. Важно отметить: когда я записывал, а потом транскрибировал высказывания Баиги, по структуре они ничем не отличались от высказываний Кохои и других учителей, обращенных ко мне; и у нее, и у них в предложениях был только один глагол.

Это было особенно тяжело, потому что, анализируя грамматику пираха, я пытался найти примеры употребления одного словосочетания или предложения внутри другого. Так поступает любой лингвист, потому что такие структуры должны раскрывать особенности грамматики больше, чем те простые предложения, которые собирал я. Я начал искать предложения вида *Человек, который поймал рыбу, находится в доме* (*The man who caught fish is in the house*), где придаточное предложение *который поймал рыбу* находится внутри именной группы (*человек, который...*), входящей в состав главного предложения (*человек находится в доме*). В те времена я считал, что придаточные предложения существуют во всех языках.

Пытаясь выяснить, существуют ли в пираха придаточные предложения, я однажды решил спросить у Кохои. Я поинтересовался: хорошо ли сказать: «Человек вошел в жилище. Он был высокий». Это два простых предложения. В английском языке, как правило, мы предпочитаем «вложить» второе предложение в первое, получая в результате сложноподчиненное предложение: *The man who was tall came into the house* ‘Человек, который был высоким, вошел в жилище’. Когда я спрашивал мужчин-пиреха, «хорошо» ли звучит моя

речь, они обычно отвечали утвердительно, чтобы не показаться грубыми. С другой стороны, если я действительно выражался плохо и неправильно, мне не указывали на ошибки, а произносили всю фразу правильно. По этой причине в этот раз я тоже надеялся, что Кохои произнесет что-то вроде «Человек, который высок, вошел в жилище». Однако он ответил, что я говорю хорошо, и повторил оба предложения в том же виде, в каком их произнес я (а пираха так поступают редко, если фраза построена неправильно). Я экспериментировал с разными предложениями и опрашивал разных людей. Ответом было: «Да, ты говоришь хорошо» или *Xaió!* ‘Правильно!’.

Поэтому, составляя грамматику пираха, в черновом варианте раздела «Сложноподчиненные предложения» я написал было, что их нет. Но однажды Кохои делал стрелу для того, чтобы бить рыбу из лука, и в качестве наконечника ему понадобился гвоздь. Он обратился к своему сыну Паите (*Paitá*): *Ko Paitá, tapóá xigaboopaáti. Xoogíai hi goo tapóá xoáboi. Xaisigíai* ‘Эй, Паита, принеси немного гвоздей. Дэн купил именно те гвозди. Они те же самые’.

Я услышал его и застыл как вкопанный. Я понял, что эти предложения функционируют совместно, подобно единому сложноподчиненному предложению, и их даже можно перевести на английский в таком виде, но они совершенно иные по форме. Это были три отдельных предложения, а не одно предложение, содержащее другое внутри себя, как в английском языке. Соответственно, эта конструкция пираха не содержала придаточных предложений в том смысле, который в этот термин обычно вкладывают лингвисты. Здесь особенно важно то, что последнее предложение (*Xaisigíai* ‘Они те же самые’) было тождественно слову «гвозди» в первых двух. По-английски можно сказать: *Bring back the nails that Dan bought* ‘Принеси гвозди, которые купил Дэн’ (придаточные выделены курсивом). Получалось, что передо мной две отдельных клаузы, которые толковались вместе, хотя и не были формально частью одного предложения. Значит, даже если нет придаточных предложений как таковых, в принципе возможно сформулировать то, что аналогично им по значению.

Для большинства лингвистов предложение — это выраженная словами пропозиция, единица значения, которая представляет отдельную мысль (*я поел, Джон увидел Билла*) или отдельное состояние (*мяч красный, у меня есть молоток* и пр.). Правда, в большей части языков есть не только вот такие простые предложения, но и возможность вставить одно предложение или словосочетание внутри другого, подобно

матрешке. В лингвистике, философии, психологии и информатике эта характеристика называется рекурсией. Из-за нее разгорелись яростные дебаты среди лингвистов, философов языка, антропологов и психологов: они пытаются понять, насколько важна грамматика пираха для понимания человека вообще и языка вообще.

В связи с этим, на основе собираемых сведений у меня начали формироваться две идеи о структуре предложений в пираха. Первая: в предложениях на этом языке отсутствует рекурсия. Вторая: значение рекурсии сильно преувеличено: вероятно, все, что можно сказать на одном языке с помощью рекурсии, можно выразить на другом без нее. Лингвисты давно полагали (хотя регулярно расходились в вопросе терминологии), что рекурсия играет крайне важную роль в языке. Я понял поэтому, что любые данные о языке пираха имеют большое значение.

Хомский был одним из первых, кто задал вопрос: как люди могут производить неограниченное число предложений, используя явно ограниченный объем мозга? Очевидно, существует некий инструмент, благодаря которому возможно — если верить распространенной сентенции — «бесконечное использование конечного числа средств» (хотя, на мой взгляд, ни один лингвист не может дать адекватное научное толкование данной фразы). Хомский утверждает, что этим фундаментальным инструментом, основой для всех творческих возможностей человеческого языка, является рекурсия.

Традиционно рекурсия понимается как способность «вкладывать» один объект или процесс внутрь другого объекта или процесса, относящегося к тому же типу (или, для читателей со склонностью к математике, функция, содержащая процедуру или подпрограмму, которая ссылается на самое себя). Визуальную форму рекурсии можно наблюдать, если поднести одно зеркало к другому: в отражениях можно увидеть бесконечную перспективу зеркал. Акустической формой рекурсии является заводка сигнала, или «фидбэк», — высокочастотные колебания усилителя, постоянно нарастающие по амплитуде и усиливающие сами себя.

Существуют стандартные определения рекурсии. В синтаксисе она, как уже было сказано, понимается как помещение одной единицы внутрь другой, относящейся к тому же типу. Например, такое словосочетание, как *John's brother's son* 'сын брата Джона', содержит слова и словосочетания *John* 'Джон', *his brother* 'его брат' и *son* 'сын'. А в составе предложения *I said that you are ugly* 'Я сказал, что ты страшный' содержится предложение *you are ugly* 'ты страшный'.

В своей статье 2002 г., опубликованной в журнале *Science*², Марк Хаузер, Ноам Хомский и Уильям Текумсе Фитч взвалили на рекурсию огромное бремя, объявив ее уникальным компонентом человеческого языка. По их словам, рекурсия — это ключ к творческому потенциалу языка: благодаря наличию этого инструмента грамматика может производить бесконечное множество предложений неограниченной длины.

Однако, когда моя идея об отсутствии в языке пираха рекурсии (в математическом, «матрешкообразном» смысле) приобрела определенную известность в научном мире, произошло нечто любопытное: у некоторых последователей Хомского поменялось определение рекурсии. В каком-то смысле это можно считать иллюстрацией к изречению философа Ричмонда Томасона о людях, поменявших мнение на какую-либо тему: «Если с первого раза ты не добился успеха, придумай для слова “успех” другое значение».

Новейшее определение рекурсии у последователей Хомского превращает ее в подвид композициональности. Проще говоря, они утверждают, что для создания чего-то нового можно бесконечно соединять вместе отдельные компоненты. В рамках этого оригинального определения, которое, насколько мне известно, не было принято никем в математической лингвистике, информатике и вычислительной технике,

² Hauser M. D., Chomsky N., Fitch W. T. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*. 2002. Vol. 298. P. 1569—1579 (прим. пер.).

если я могу соединить вместе слова, чтобы получить предложение, и предложения, чтобы получить связный текст, то это рекурсия.

На мой взгляд, это определение ошибочно, потому что в нем логическое мышление и язык сведены воедино. Очевидно, что мы можем складывать слова в предложения, а затем интерпретировать их как текст, но это умение ничем не отличается от умения полицейских интерпретировать разнородные и, на первый взгляд, не связанные между собой доказательства на месте преступления и создавать на этой основе хронологию произошедшего. Это не язык, а мышление, а ведь притягательность теории Хомского для лингвистов именно в том, что она отделила мышление от языка и, в частности, структуру повествования от структуры словосочетаний и предложений. Он много раз заявлял, что повествования и предложения строятся по совершенно различным принципам. Как это ни парадоксально, невозможность провести эту границу в новом определении рекурсии противоречит теории самого Хомского, однако укладывается в мою теорию.

Если я прав и в пираха нет рекурсии, то Хомскому и другим ученым придется немало поломать голову над тем, как построить подобный язык в теорию, в рамках которой рекурсия — самый важный компонент языка.

Одним из возражений Хомского и других авторов было то, что рекурсия — это инструмент, который доступен человеку благодаря развитому мозгу, однако его использование не строго обязательно. Но в таком случае очень сложно совместить эту идею с мыслью, что рекурсия — неотъемлемая часть человеческого языка; ведь если рекурсия необязательна в отдельно взятом языке, то ее появление необязательно в любом языке. В результате Хомский и его последователи оказываются в незавидном положении: они утверждают, что уникальное свойство человеческого языка как такового может не проявляться в любом человеческом языке.

На самом деле не так уж и сложно определить, играет ли рекурсия какую-то роль в понимании грамматики конкретного языка или нет. Для этого надо ответить на два простых вопроса. Во-первых, может ли грамматика, составленная без помощи рекурсии, описывать изучаемый язык проще, чем грамматика с рекурсией? Во-вторых, если в этой грамматике действительно есть рекурсия, то какие словосочетания и предложения вы ожидаете в ней найти? Язык без рекурсии будет выглядеть не так, как язык с рекурсией: прежде всего, в нем не будет одних словосочетаний и предложений внутри других. Если там найдется одно словосочетание внутри другого — значит, в этом

языке есть рекурсия. Точка. Если вы таких предложений не нашли, то, может быть, рекурсии и нет (хотя понадобится больше данных). Итак, первый вопрос: есть ли в пираха предложения и словосочетания внутри других предложений и словосочетаний? Ответ: их нет. Этому ответу предшествует стандартная аргументация, используемая в теоретической лингвистике для того, чтобы установить: в этом языке нет такого интонационного рисунка, таких слов или предложений такого размера, как в языке с рекурсией.

В грамматиках языков мира есть различные средства для маркирования рекурсивной структуры, т. е. для того, чтобы показать, что одно предложение находится внутри другого. Подобное маркирование не является обязательным, однако оно широко распространено. Некоторые из таких маркеров — отдельные слова. Например, по-английски можно сказать: *I said that he was coming* ‘Я сказал, что он приезжает’ (букв. ‘я сказал, что он приходил’). В этом предложении придаточное *he was coming* ‘он приходил’ находится внутри главного предложения *I said...* ‘я сказал’. *He was coming* — это содержание того, что было сказано. Слово *that* ‘что’ — это своего рода «дополнительная частица», которая часто используется в английском языке для маркирования рекурсии. Если мы посмотрим на сложное предложение, которое произнес Кохон, здесь мы увидим три независимых предложения, интерпретируемых совместно, без каких бы то ни было признаков включения одного предложения в другое.

Еще одним распространенным маркером рекурсии является интонация, использование высоты звука для выделения иного значения и структурных отношений между предложениями и их компонентами. Например, в сложноподчиненных предложениях английского языка сказуемое главного предложения часто произносится более высоким тоном, чем сказуемое придаточного. В самом типичном варианте произношения фразы *The man that you saw yesterday is here* ‘Человек, которого ты видел вчера, находится здесь’ глагольная группа *is here* ‘находится здесь’ звучит выше, чем *saw yesterday* ‘видел вчера’. Причина здесь в том, что *saw yesterday* — подчиненное предложение, а *is here* — главное. Однако, когда мы с Робертом Ван Валином исследовали интонацию и ее отношение к синтаксису в пяти языках Амазонки в рамках трехлетнего исследовательского проекта Национального научного фонда (*National Science Foundation*), мы не нашли никаких свидетельств того, что в языке пираха интонация может использоваться как альтернативный маркер рекурсии. Конечно, интонация в пираха служит для того, чтобы группировать наборы предложений, создавая из них

сверхфразовые единства и повествования. Но все-таки это не рекурсия с чисто грамматической точки зрения — по крайней мере, согласно всей истории грамматики Хомского (хотя многие лингвисты не согласны с Хомским и считают текст частью грамматики; в этом смысле я не собираюсь спорить с этими научными школами). Это рекурсия в мышлении, в логике. Собственно, многие специалисты, исследующие роль интонации в человеческой речи, считают наивными попытки увязать интонацию напрямую со структурой предложений, а не с их значением и употреблением в текстах. Если это верно, то интонация не помогает найти однозначный ответ на вопрос, есть ли в языке рекурсия.

Как мы уже видели, смешивание языка и мышления — это грубая ошибка. Их легко спутать, поскольку логическое мышление связано с многими когнитивными операциями, которые некоторые лингвисты ассоциируют с языком (в частности, с рекурсией). В своей классической работе «Архитектура сложности» (1962) Герберт Саймон³ дает прекрасный пример рекурсии вне языка. Интересно, что пример Саймона демонстрирует, как рекурсия может помочь в ведении бизнеса! Этот отрывок стоит процитировать полностью⁴:

В давние времена жили два часовых дел мастера, Хора и Темпус⁵, мастерившие прекрасные часы. Репутация каждого из них была выше всяких похвал, и колокольчики на дверях их мастерских звонили не переставая — все новые и новые клиенты добивались их внимания. Но в то время как Хора богател, Темпус становился все беднее, пока вообще не остался без мастерской. В чем же было дело?

Часы, которые выпускали эти мастера, состояли из тысячи деталей каждые. Но Темпус собирал свои часы так, что если ему приходилось оставить их на время незаконченными — чтобы открыть дверь, например, — то часы немедленно разваливались, и их приходилось заново собирать с самого начала. Чем большей популярностью пользовались его изделия, тем чаще звонил колокольчик, и тем труднее становилось мастеру выкроить время для того, чтобы закончить хотя бы одни часы.

Часы, которые мастерил Хора, были ничуть не проще, чем у Темпуса. Но Хора собирал их из блоков. В каждом блоке содержалось

³ Герберт Александер Саймон (1916—2001) — специалист в области психологии, информатики и вычислительной техники (в частности проблем искусственного интеллекта), экономики, социологии и политологии (*прим. пер.*).

⁴ Цит. по: Саймон Г. Архитектура сложности // Саймон Г. Науки об искусственном / Пер. Э. Л. Наппельбаума. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 110 (*прим. пер.*).

⁵ *Hora, tempus* (лат.) — час, время (*прим. пер.*).

около десяти деталей. Десяток таких блоков составлял более крупную подсистему, а из десяти подсистем получались часы. Поэтому, когда Хора вынужден бывал прервать сборку часов, чтобы принять заказ, только очень малую часть работы приходилось начинать сызнова, и он собирал часы во много раз быстрее, чем Темпус.

Этот отрывок о часовщиках никак не связан с языком. Благодаря этому примеру (и многим другим) мы знаем, что человеческое мышление рекурсивно. Более того, мы понимаем, что не только люди, но и многое другое в природе рекурсивно: даже построение атомов из субатомных частиц демонстрирует рекурсивные иерархии. Куклы-матрешки могут служить иллюстрацией еще одного типа рекурсии, а именно включения, или вложения: одна кукла вложена в другую, подобную ей, та вложена в третью и так далее.

Из существования рекурсии следует важный вывод: если в языке есть рекурсия, то на нем нельзя составить одно самое длинное предложение. Например, в английском языке любое произнесенное кем-либо предложение можно сделать длиннее. Скажем, предложение *The cat that ate the rat is well* 'Кошка, которая съела крысу, чувствует себя хорошо' можно удлинить: *The cat that ate the rat that ate the cheese is well* 'Кошка, которая съела крысу, которая съела сыр, чувствует себя хорошо', и так до бесконечности.

Здесь принципиально то, что в языке пираха мы не находим ни одного из этих разнообразных типов рекурсии. История о пантере, которую мне рассказал Каабооги (*Kaaboogi*), типична. Ни в этом, ни в других подобных рассказах ни по одному из параметров не были найдены признаки рекурсии в грамматике пираха.

Возможно, самой интересной иллюстрацией моих аргументов против рекурсии является одно предложение на языке пираха, которое нельзя сделать длиннее каким-либо явным образом: *Xahapíóxió xigihí toioxaagá hi kabatíi xogii xi mahaháhiigi xiboítópí piohoáó, hoihio* '[В] другой день старик медленно разделявал больших тапиров около воды, двух [тапиров]' (букв. 'двух их'). Если мы добавим сюда какое угодно слово, например, *бурый* (*разделявал больших бурых тапиров*), предложение станет грамматически неправильным. В словосочетаниях и предложениях может быть только одно определение или обстоятельство; речь идет о предложениях в тех повествованиях и текстах, которые производятся в естественной среде: у меня есть несколько искусственных примеров, в которых информанты-пираха по моей

просьбе употребляли несколько определений, но подобные конструкции им не нравились. В обычной речи их предложения никогда не содержат больше одного определения. Иногда в конце предложения может появиться второе обстоятельство или определение, своего рода запоздавшая мысль (как *два татуира* в конце нашего примера). Если это так, то предложения в пираха конечны и этот язык не может быть рекурсивным.

Следует отказаться от последнего потенциального признака рекурсии, который предложили мне несколько лингвистов. Первым о нем сказал профессор Иэн Робертс (Ian Roberts)⁶, заведующий кафедрой лингвистики в Кембриджском университете, когда мы с ним дискутировали в радиопрограмме «Материальный мир» (*Material World*) на «Би-Би-Си». Робертс утверждал, что если в пираха можно добавлять или повторять слова или словосочетания после предложений, то в этом языке не может не быть рекурсии, потому что, цитирую, «итерация — это одна из форм рекурсии». Это логически верно: с математической точки зрения, помещение одного словосочетания внутрь другого в конце предложения тождественно повтору компонентов после словосочетания или предложения. Если я скажу: *John says that he is coming* ‘Джон говорит, что он скоро придет’ (букв. ‘он приходит’), предложение *he is coming* ‘он приходит’ помещается в конечной части предложения *John says...* ‘Джон говорит’ и оказывается внутри него. Это явление известно как хвостовая рекурсия. С позиции математики или логики это эквивалентно фразе *John runs, he does* ‘Джон бежит, это верно’ (букв. «Джон бежит, он делает»). У говорящих на пираха одно предложение может — даже должно — следовать за другим, например: *Kóxoí soxóá kahapii. Ki xaohai hiaba* ‘Ко’ои уже ушел. Его здесь нет’. Однако, если простое повторение, итерация или последовательность соответствуют определению рекурсии по Хаузеру, Хомскому и Фитчу (а некоторые их последователи говорили мне именно это), то тогда рекурсия обнаруживается не только у *Homo sapiens*, но и у других биологических видов.

У меня есть собака, родезийский риджбек по кличке Бентли. Бентли — очень эмоциональное создание. В частности, сильные эмоции у него вызывают другие собаки, когда проходят мимо нашего дома:

⁶ Иэн Робертс (род. в 1957 г.) — английский лингвист-генеративист, профессор Кембриджского университета, сторонник минималистской программы Хомского. Является автором ряда работ о синтаксисе германских, романских и кельтских языков в диахроническом аспекте (*прим. пер.*).

он хочет их сожрать или нанести им какие-нибудь другие повреждения. Завидев их, Бентли сразу начинает лаять. На мой взгляд, его лай не лишен смысла. Я думаю, своим лаем он передает сообщение, что-то вроде: «А ну-ка убирайся с моего двора!» Не так важно, что он сообщает, как сам факт: своим лаем он *что-то сообщает*. Иногда Бентли подаст голос раз-другой и перестанет. Причина в том, что собака, которой был адресован лай, уже ушла с лужайки. Бывает и так, что он лает долго, т. е. повторяет соответствующие звуки, и эта итерация указывает на растущие злость или желание, чтобы другой пес ушел со двора (может быть, он вкладывает в это какое-то иное значение, тут уж я не знаю). Что же означает повтор лающих звуков? Если итерация — это всего лишь одна из форм рекурсии, то лай моего питомца рекурсивен. Но Бентли не человек. Значит, рекурсия характерна не только для людей или, что представляется более разумным, итерацию не стоит считать рекурсией.

Впрочем, я говорю о том, что в пираха нет рекурсии, не только из желания кого-то опровергнуть. Предполагая, что какой-либо язык лишен рекурсии, мы делаем утверждение о характере его грамматики. Мы хотим рассмотреть эти предположения и прогнозы и понять, насколько они верны в отношении пираха.

Возможно, отсутствие зависимых предложений можно объяснить всепроникающим принципом непосредственности восприятия (далее ПНВ). Еще раз рассмотрим сложные предложения, такие как английское *The man who is tall is on the path* ‘Человек, который имеет высокий рост, стоит на тропе’. Оно состоит из двух простых предложений — главного *The man is on the path* ‘Человек стоит на тропе’ и вложенного в него придаточного *who is tall* ‘который имеет высокий рост’. Новая информация, или то, что лингвисты называют ассерцией (утверждением)⁷, содержится в главном предложении: *The man is on the path* ‘Человек стоит на тропе’. Придаточное содержит лишь дополнительную информацию, которая ненова и известна говорящему и слушающему («есть один высокий человек, которого мы оба знаем»), и привлекает внимание к конкретному лицу для того, чтобы помочь слушающему понять, кто именно стоит на дороге. Это не ас-

⁷ Автор употребляет термин «ассерция» (компонент семантической структуры предложения, который при отрицании приобретает противоположное значение) в несколько нестандартном значении: здесь это не только собственно ассерция, но, по-видимому, также и рема — новая утверждаемая информация (*прим. пер.*).

серция. Вообще, придаточные почти никогда не используются для ассерции. Между тем, согласно принципу непосредственности опыта, повествовательные высказывания могут содержать только ассерции. Соответственно, ПНВ позволяет предположить, что в пираха нет придаточных: наличие придаточного означает наличие «неутверждения», а это противоречит данному принципу.

Еще один пример можно найти в предложениях типа *The dog's tail's tip is broken* ‘Кончик хвоста собаки сломан’. Индейцы-пираха регулярно произносят фразы, подобные этой, потому что у их собак часто повреждены хвосты. Однажды вечером я увидел в селении собаку, у которой не было кончика хвоста. Я сказал: *Giopai xigatoi xaóxio baábikoi*; как мне казалось, это была грамматически правильная фраза, означающая ‘собаки хвоста кончик деформирован’. Буквально она означает «собаки хвост на конце плохой». В ответ индейцы сказали: *Xigatoi xaóxio baábikoi* ‘Хвоста кончик плохой’. Изначально я не думал об этом опущении, поскольку опущения распространены в любом языке, когда говорящим известна одна и та же информация: зачем повторно констатировать, что мы говорим о собаке, когда нам это и так известно.

Но, как я выяснил далее, сформулировать высказывание, подобное нашему «Кончик хвоста собаки сломан», можно только одним способом: *Giopai xigatoi baábikoi, xaóxio* ‘Собаки хвост плохой, на кончике’. Я обнаружил, что в отдельно взятом словосочетании или предложении не может встречаться более одной посессивной конструкции и не более одного посессора (в данном случае посессивная конструкция — *хвост собаки*, где *собака* является посессором, т. е. обладателем, а *хвост* — посессивом). Это вполне понятно и осмысленно, если в языке нет рекурсии. Конструкция с одним посессором возможна и без рекурсии: она может быть основана просто на культурном или языковом представлении говорящих, которые понимают, что если два существительных идут друг за другом, то первое следует толковать как посессор. Если же в клаузе (элементарном предложении) два и больше посессоров, то один из них не может не быть словосочетанием внутри другого словосочетания.

В пираха таких структур нет. Многие лингвисты почти не могут понять, как и почему это может быть вызвано культурными особенностями. Я должен согласиться: путь от культурных ограничений к сложным группам подлежащих может показаться немного извилистым.

Начиная с зависимых предложений, мы должны прежде всего помнить, что, согласно принципу непосредственности опыта, придаточные недопустимы, так как не являются ассерцией. Это вызывает

вопрос: каким образом ради следования культурному табу в грамматике пираха исчезли нежелательные придаточные?

Есть три возможных ответа. Во-первых, в грамматике может быть наложен запрет на появление правил, создающих рекурсивные структуры; в формальной записи подобные правила можно представить как $A \rightarrow AB$. Если такого правила нет, то грамматика не позволяет поместить одно словосочетание или предложение непосредственно в другое словосочетание или предложение того же типа.

Во-вторых, возможно, в грамматике языка рекурсия не развилась. Многие лингвисты начинают соглашаться с тем, что грамматики без рекурсии в эволюционном плане предшествуют грамматикам с рекурсией и, более того, даже в грамматиках с рекурсией в большинстве ситуаций и окружений используются нерекурсивные структуры.

Третье возможное объяснение: возможно, в грамматике пираха просто не предусмотрена структура предложений. Рекурсии нет потому, что нет словосочетаний, а есть лишь цепочки слов, помещенных друг с другом и интерпретируемых как предложения.

Если в грамматике пираха нет синтаксиса, то в ней нет групп подлежащего и сказуемого, зависимых предложений и пр. В сущности, все предложения на этом языке можно трактовать как что-то вроде бисеринок, нанизанных на одну нитку: им не требуется более сложной структуры того типа, который могут прогнозировать структуры непосредственных составляющих. Тогда предложение может представлять собой всего лишь список слов, необходимых для того, чтобы полностью выразить значение глагола, плюс минимальное число определений или обстоятельств (как правило, не более одного определения или обстоятельства на предложение). На мой довольно радикальный взгляд, у пираха нет синтаксиса, и это нужно, чтобы в повествовательных предложениях ни в коем случае не появились «неутверждения». В противном случае возникает противоречие, т. к. по принципу непосредственности опыта в повествовательных предложениях может содержаться только ассерция. Соответственно, принцип непосредственности опыта ограничивает грамматику пираха.

Рассмотрим сложноподчиненное предложение, которое произнес Кохои: «Эй, Пайта, принеси немного гвоздей. Дэн купил именно те гвозди. Они те же самые». Здесь мы видим две ассерции: *Дэн принес гвозди* и *Гвозди те же самые*. Однако в английском придаточном *the nails that Dan bought* ‘гвозди, которые купил Дэн’ ассерции нет, так что принцип непосредственности опыта оказывается нарушен.

Если мои рассуждения верны, то какие еще прогнозы можно сделать в отношении грамматики пираха? Как выясняется, абсолютно верные.

Во-первых, можно предположить отсутствие сочинительной связи, поскольку она также связана с общим характером рекурсии, которая удалена из грамматики пираха по причине, указанной выше (запрет на зависимые предложения без ассерции в повествовательных предложениях с ассерцией). Разумеется, сочинительные структуры широко распространены в английском и многих других языках. Рекурсию в этих структурах можно увидеть на примере английской фразы *John and Bill came to town yesterday* 'Джон и Билл вчера приехали в город', где существительное *John* и существительное *Bill* составляют вместе более длинную группу подлежащего *John and Bill*. Сочинительная связь глаголов и предложений также исключена, поэтому в пираха нет предложений типа *Bill ran and Sue watched* 'Билл бежал, и Сью смотрела' или *Sue ran and ate* 'Сью бежала и ела'.

Ограничение, налагаемое принципом непосредственности опыта на рекурсию, позволяет предсказать отсутствие дизъюнкции (ср.: *Either Bob or Bill will come* 'Придет или Боб, или Билл', *I had some white meat, chicken or pork* 'Я поел белого мяса: то ли курятины, то ли свинины' и т. д.). В пираха нет дизъюнкции, поскольку, как и сочинительная связь, она требует помещения одних словосочетаний в другие. Говорящий на пираха скажет не «Придет или Боб, или Билл», а что-то вроде «Боб придет. Билл придет. Хм. Я не знаю».

Существуют и другие предсказуемые следствия отсутствия рекурсии в пираха. В настоящее время целый ряд психологов и антропологов проверяет некоторые другие подобные гипотезы. Это интересно, поскольку наличие проверяемых прогнозов на базе принципа непосредственности опыта показывает, что он работает не только на отрицание, выявляя, чего в языке пираха нет, но и на утверждение, описывая характер его грамматики и ее отличия от многих уже известных грамматик.

ПНВ имеет утвердительное значение, потому что в языке пираха на грамматику налагаются культурные ценности, влияющие на нее самым непосредственным образом. Повторим: в пираха неслучайно нет рекурсии — она ему не нужна. Она не допускается в этом языке из-за культурного принципа.

Кроме грамматики пираха, ПНВ позволяет нам объяснить другие известные нам лакуны в этом языке, например отсутствие категории

числа, числительных и цветообозначений, простоту системы родства и пр.

Запрет на абстракции и обобщения, налагаемый принципом непосредственности опыта, на самом деле весьма узко определен. Из него никак не следует, будто культура пираха запрещает абстрактное мышление. Кроме того, это не запрет на вообще любые абстракции или обобщения в языке. Так, в пираха, как и в других языках, есть слова, обозначающие виды или категории предметов и явлений. Эти слова, в основном существительные, по определению являются некой абстракцией. На первый взгляд, здесь есть противоречие. Как и почему оно допустимо в пираха?

Когда-то мне казалось, что грамматика слишком сложна, чтобы быть следствием общих когнитивных свойств человека. Я считал, что должен существовать особый компонент мозга, ответственный за нее, или то, что некоторые лингвисты называют «языковым органом» или «языком как инстинктом». Однако этот орган становится неправдоподобным, если мы можем продемонстрировать его ненужность, поскольку язык как факт онтогенеза и филогенеза можно объяснить с помощью иных средств.

Как и большинство современных лингвистов, я раньше считал, что культура и язык в целом не зависят друг от друга. Однако, если я прав в том, что культура может сильно влиять на грамматику, то тогда теория, приверженцем которой я был на протяжении большей части своей научно-исследовательской работы (т. е. идея, что грамматика является частью человеческого генома и вариации в грамматиках языков мира в целом незначительны), в корне неверна. Выходит, что для грамматики не нужна особой генетической предрасположенности: возможно, биологический базис грамматики является одновременно базисом для изысканной кухни, математических рассуждений и новейших медицинских технологий. Иными словами, их общая первооснова — человеческое мышление.

К примеру, в отношении эволюции грамматики многие ученые недооценивали то, что нашим далеким предкам было необходимо говорить о предметах и событиях, относительных величинах и, среди прочего, о содержимом сознания других представителей их биологического вида. Если вы не можете говорить о предметах и о том, что с ними происходит (события), или о том, каковы они и на что они похожи (состояния), вы не можете говорить ни о чем. Значит, всем языкам необходимы глаголы и имена существительные. Отмечу, что исследования других авторов, да и мои собственные, убедили

меня в том, что если в языке есть эти части речи, то следом за ними во многом появляется «скелет» грамматики. Значения глаголов требуют определенного количества существительных, и те вместе с глаголом составляют простые предложения, организованные с логически обусловленными ограничениями. Другие преобразования этой базовой грамматики происходят под воздействием культуры, контекстной зависимости и ввода определений и обстоятельств, связанных с именами и глаголами. В грамматике есть и другие составляющие, но их не так много. Могу сказать так: нет особой необходимости считать грамматику частью генома человека. Возможно, еще менее оправдан прежний взгляд на грамматику как на ни от чего не зависящую сущность.

Хотя в языке могут существовать строгие культурные ограничения наподобие принципа непосредственности восприятия в пираха, они не могут остановить ни действие общих сил и результатов эволюции, ни саму природу коммуникации. Имена и некоторые виды обобщений — это часть нашего эволюционного наследия, и культурные принципы не могут их отменить, хотя они, конечно, демонстрируют теснейшую связь грамматики с культурой.

С другой стороны, исследования продолжают, и спор об отсутствии или наличии рекурсии в пираха еще далек от завершения. Все же те данные, которые собирают и интерпретируют независимые исследователи, соответствуют моим выводам.

Еще до моих размышлений о возможных связях грамматики с культурой мое внимание привлекал один феномен: научные теории, какими бы полезными они во многом ни были, могут быть препятствием для оригинального мышления. Наши теории сродни культурам. В культуре пираха есть лакуны в словаре, связанном со счетом и цветообозначениями, — и точно так же в некоторых теориях могут быть лакуны там, где другие научные школы могут дать разумные объяснения. В этом смысле и научная теория, и культура формируют способность разума познавать мир — иногда положительным образом, а иногда и не совсем, в зависимости от поставленной цели.

Если в грамматике пираха нет рекурсии, какие это влечет для нее последствия? Прежде всего, отсутствие рекурсии означает, что число возможных предложений, порождаемых этой грамматикой, конечно. Это, однако, не означает, что конечен сам язык, поскольку рекурсия обнаруживается в повествованиях пираха: развиваются отдельные элементы повествования, в них есть побочные сюжеты,

персонажи, события и всевозможные взаимоотношения и связи между ними. Из этого можно сделать интересный вывод: роль грамматики в безграничности языка не так уж важна: бесконечность языка может быть достижима и с конечной грамматикой, которая не может быть ни принята, ни объяснена недавней теорией Хомского о важности рекурсии. Кроме того, отсюда следует, что можно конкретизировать верхний предел отдельного предложения в исследуемом языке, хотя нельзя конкретизировать пределы для дискурса. В отношении языка это представляется странным. Некоторые лингвисты или когнитивисты могут прийти к поспешному выводу, что отсутствие рекурсии делает язык несколько неполноценным, однако это не так.

Даже если грамматика языка конечна, это не значит, что она бедна и неинтересна. Вспомним такую игру, как шахматы. Количество ходов в ней конечно, однако это не имеет особого практического эффекта. Шахматы — невероятно плодотворная игра, в которую можно играть веками (так, собственно, и происходит). Конечное число возможных ходов мало что говорит нам о богатстве и значимости шахмат. Дискурс пираха богат, артистичен и служит для выражения всего, что говорящие хотят выразить в рамках параметров, установленных ими самими.

Итак, если существует грамматика с конечным числом предложений, то это совсем не значит, что на этом языке говорят ненормальные люди. Или что эта грамматика — плохая основа для коммуникации. Или даже что язык с такой грамматикой конечен. Если же такие языки все-таки есть, где и при каких условиях можно их обнаружить?

Если в основе вашей теории лежит ограничительный постулат, что все грамматики бесконечны и, соответственно, должны быть рекурсивны, то отсутствие рекурсии будет от вас ускользать. Вам мешает ваша собственная теория, подобно тому как заложенное в моей культуре отсутствие опыта взаимодействия с опасными животными за пределами зоопарка может сделать меня легкой добычей каймана.

С другой стороны, если в теории не требуется, чтобы рекурсия была важнейшим компонентом языка, то откуда берется рекурсия? Невозможно возразить против того, что она обнаруживается в большинстве языков. Нет сомнения, что она проявляется в мышлении любого человека. На мой взгляд, рекурсия основана на общих когнитивных возможностях мозга. Это составная часть мышления всех

людей, даже если ее нет в их языке. У людей есть рекурсия потому, что они умнее, чем живые существа, неспособные к ней, хотя на данный момент, вне зависимости от утверждений в литературе, нельзя понять, причина это нашего более высокого интеллекта или же следствие.

Вообще, как мы видели ранее, Герберт Саймон в «Архитектуре сложности» писал почти то же самое. В своей статье он утверждал, что рекурсивные структуры являются основополагающими для обработки информации и что люди используют их не только в языке, но и в экономике и решении задач.

Кроме того, рекурсия необходима для практически любого повествования. Как ни удивительно, дискурс человека никогда не был предметом исследований Хомского. Как мы уже видим, это серьезное упущение, поскольку рекурсия может быть найдена вне грамматики, значительно уменьшая важность грамматики для понимания природы языка и общения. Хомский сознательно игнорировал дискурс и связанные тексты как социальные (или, во всяком случае, экстралингвистические) конструкты. И все же, когда мы рассматриваем те истории, которые рассказывают индейцы-пираха, мы обнаруживаем в них рекурсию — не в отдельных предложениях, а в том, что одни идеи «встроены» в другие: некоторые элементы повествования оказываются подчинены другим элементам. Такая рекурсия не относится к синтаксису, но она составная часть их повествования.

Подобно Саймону, мы можем предположить, что рекурсия жизненно необходима для головного мозга человека и что она вызвана его размерами, превышающими размеры мозга у других биологических видов, или большим числом извилин. Однако в конечном счете мы не можем утверждать наверняка, присуща ли рекурсия исключительно человеку. И совершенно неясно, является ли рекурсия компонентом грамматики или же она появляется в языках людей, будучи полезным когнитивным инструментом, существовавшим еще до возникновения языка.

Предположение Саймона имеет важное практическое значение для лингвистических исследований: иерархические структуры, которые обнаруживаются в языках и уже долгое время находятся в фокусе научных исследований Хомского и его сторонников, являются не базисными свойствами языка, а, так сказать, «производными». Иначе говоря, они появляются в языках в качестве реакции на взаимодействие мозга, способного рекурсивно мыслить, и проблем или ситуаций

в культуре или обществе, в рамках которых наиболее эффективна рекурсивная коммуникация.

Если рекурсия провозглашается основным умением в рамках языковой способности, или языковой компетенции, человека (как это делают Хомский и многие его последователи) и если она при этом отсутствует в одном или нескольких языках, то хомскианская гипотеза опровергнута. Если же рекурсия не является основным умением, то пример пираха показывает, что нам нужна такая теория языка, которая не рассматривает язык как инстинкт. Возможно, лучше смотреть на синтаксис и другие составляющие языка как на один из компонентов решения задачи коммуникации, т. е. необходимости общаться сообразно с конкретным окружением.

Я сомневаюсь, что пираха — единственный язык, который заставит нас переосмыслить представления о рекурсии, языке и взаимодействии культуры и грамматики. Если мы взглянем на другие группы людей в Новой Гвинее, Австралии и Африке, то мы, вполне вероятно, обнаружим аналогичные случаи эзотерической (внутренней) коммуникации и обществ друзей, которым не нужна рекурсия. Эзотерическая коммуникация может быть хорошим подспорьем при объяснении некоторых дискуссионных аспектов грамматики пираха.

Пользу понятия эзотерической коммуникации в деле понимания пираха можно частично проиллюстрировать современными исследованиями психологов Томаса Роупера⁸ (Thomas Roeper, Университет штата Массачусетс) и Барта Холлебрандсе⁹ (Bart Hollebrandse; Гронингенский университет, Нидерланды). В их работе делается предположение, что рекурсия является полезным способом «укладки» в предложения дополнительной информации в человеческих социумах с высоким уровнем эзотерической (внешней) коммуникации. В подобных социумах, к которым можно отнести, например, современное индустриальное общество, часто требуется достаточно сложная информация. В обществе, устроенном так же, как у пираха, рекурсия не так нужна в силу эзотерического характера коммуникации. С нею также несовместим принцип непосредственности опыта.

⁸ Томас Роупер — американский лингвист, автор работ о морфологии и усвоении языка (*прим. пер.*).

⁹ Барт Холлебрандсе — нидерландский лингвист, специалист в области когнитивной семантики (*прим. пер.*).

Нам необходимо искать группы, по разным причинам изолированные от больших культур. Изоляция пираха вызвана ощущением собственного превосходства и презрением к прочим культурам. Они не считают себя ниже других оттого, что у них нет чего-либо, имеющегося в других языках и культурах, наоборот, они считают собственный образ жизни лучшим из возможных. Они совершенно не желают перенимать чужие ценности, поэтому культурные и языковые заимствования почти не просачиваются в пираха. Именно такое культурно-языковое сопряжение и нужно исследовать.

Творческое использование языка можно описать, в частности, так: человеческий язык (без отсылок на рекурсию) свободен от контроля со стороны окружения и среды и не ограничивается простыми «практическими» функциями. Чарльз Хоккет называл это свойство «продуктивностью языка». Как гласит народная мудрость, говорить можно о чем угодно.

Разумеется, на практике это не так. О чем угодно говорить невозможно. Нам неизвестна большая часть явлений, о которых можно говорить в принципе. Мы даже не знаем, что они существуют. Более того, многое из того, что мы делаем или встречаем изо дня в день: лица людей, увиденных нами, дорога к любимому ресторану и т. д., — нам очень тяжело описать. Вот почему мы полагаемся на фотографии, карты и прочие наглядные пособия.

Тем не менее идея языковой креативности почти четырехсот лет пользовалась заслуженным влиянием. Мысль, что человек — особенное существо, которое (по крайней мере, в своем сознании) лишено ограничений, сковывающих остальных представителей царства животных, представляется весьма привлекательной. Французский философ Рене Декарт, которого Хомский популяризовал среди лингвистов, полагал, что человека от животных отличает особая мыслящая и творческая субстанция. Этой точке зрения близка идея о том, что у человека есть не только физическая структура, но и некая духовная сущность. Этот дуализм очень напоминает представление о «боговдохновенности»: язык объявляется чем-то совершенно «особым», нечто одушевляет физическую форму человека — тот прах, что служит оболочкой нашему сознанию.

Вместо этого квазирелигиозного и в какой-то степени мистического дуализма, лежащего в основе многих трудов Декарта и, в определенном смысле, некоторых работ Хомского, я предлагаю более конкретное представление о языке. Язык — это побочный продукт общих когнитивных способностей человека (а не особой

универсальной грамматики) в сочетании с ограничениями на коммуникацию, характерными для развитых приматов (например, необходимость произнесения слов с помощью органов речи в определенном порядке, необходимость использования лексических единиц для описания объектов и событий и пр.), и всеобъемлющими ограничениями отдельных человеческих культур. Очевидно, что исходные культурные условия могут быть утрачены. Так, если индеец-пираха уедет в Лос-Анджелес и адаптируется к жизни в нем, то он потеряет многие из культурных ограничений, которые есть у его соплеменников, живущих по берегам Маиси. Возможно, его язык изменится. Если же он не изменится, по крайней мере, на первом этапе, то это покажет нам, что языки действительно могут быть отделены от культур.

Я считаю, что язык нужно понимать в ситуации, максимально приближенной к его исходному культурному контексту. Если моя точка зрения верна, невозможно вести полевые лингвистические исследования отдельно от этих культурных контекстов. Поэтому едва ли я могу надеяться на то, что пойму язык пираха, общаясь с его носителем, живущим в Лос-Анджелесе, или пойму язык навахо, если буду искать себе информанта в Тусоне¹⁰. Я должен буду исследовать язык в его культурном контексте. Конечно, можно заниматься языком вне контекста культуры и все равно обнаруживать много интересных закономерностей, но тогда в головоломке грамматики будет не хватать важнейших фрагментов.

¹⁰ Народ навахо живет преимущественно в резервации на границе штатов Аризона, Колорадо, Нью-Мексико и Юта. Тусон — крупный город, расположенный на юге Аризоны, достаточно далеко от резервации (хотя и не так далеко, как Лос-Анджелес от бассейна Амазонки) (*прим. пер.*).

ГЛАВА 16

«КРИВОГОЛОВЫЕ» И «ПРЯМОГОЛОВЫЕ»: ВЗГЛЯД НА ЯЗЫК И ИСТИНУ

Вскоре после моего путешествия вместе с группой исследователей из Национального фонда индейцев (ФУНАИ), в ходе которого мы нанесли на карту резервацию пираха, язык и культура этого народа начали привлекать внимание некоторых бразильских антропологов. Один молодой человек из Рио-де-Жанейро, студент-дипломник, попросил меня помочь ему в работе с пираха. Чтобы помочь ему приобрести среди индейцев авторитет, я записал для них кассету на их языке. На ней я представил этого студента и сказал, что он хочет учиться их языку и просит их построить ему дом. Слыша мой голос из магнитофона, индейцы решили, что это был аналог рации — прибора, с которым они знакомы.

Проиграв им эту запись и начав исследования, студент стал спрашивать их о сотворении мира. Вернувшись из селения, он приехал ко мне в Сан-Паулу, чтобы показать результаты. Мы стали слушать магнитофон, попивая «кафезинью» (*cafezinho* ‘кофеек’) из маленьких чашечек.

— Дэниэл, вы были неправы! — выпалил он еще до того, как мы стали слушать. Он явно уже не мог сдерживаться.

Я поставил чашку:

— В каком смысле — неправ?

— В том смысле, что я нашел у них космогонический миф! — улыбнулся он. — Вы говорили, что у них его нет, а я нашел. Не могли бы вы послушать запись и помочь перевести текст?

Одной из причин, по которой он решил писать дипломную работу о пираха, было мое заявление об отсутствии у этого народа космогонических мифов, т. е. повествований о прошлом — о том, откуда они, как был сотворен мир и т. д.

— Ну что ж, давайте послушаем, — ответил я, снедаемый любопытством.

В начале зазвучал голос студента-антрополога, который говорил по-португальски с индейцем-пираха у магнитофона. Он был вынужден вести беседу на португальском, поскольку знал на пираха всего несколько слов; правда, почти все пираха говорили по-португальски примерно так же.

Студент: Кто сделал мир?

Мужчина-пираха, сидящий перед микрофоном: Сделал мир...
(повторяет только последние два слова).

Студент: Как был сделан мир?

Мужчина-пираха, сидящий перед микрофоном: Сделан мир...

Студент: Что было первым? Первое?

Пауза.

Голос индейца-пираха на заднем плане: Бананы! (*мужчина-пираха, сидящий перед микрофоном, быстро повторяет подсказку*).

Студент: А что было потом? Второе?

Голос на заднем плане: Папайя...

Мужчина-пираха, сидящий перед микрофоном: Папайя...
(громко, сменив тему) Эй, Дэн! Ты меня слышишь? Я хочу спичек! Я хочу полотна! У меня ребенок болеет! Ему нужны лекарства!

И пираха продолжили обращаться ко мне: они рассказывали о селении и о том, кто сидел у микрофона, и что им требовалось, спрашивали, когда я приеду и т. д. Студент решил, что этот поток живой и взволнованной речи и есть их миф о сотворении мира. На самом деле пираха знали, что я могу услышать их напрямую с помощью приборов, которые они видели, например телефонов и раций, и поэтому решили, что коммуникация посредством любых электроприборов, таких как магнитофон, построена по тому же принципу. Они не отвечали на вопросы студента, они говорили со мной. Когда я сказал студенту об этом, он не расстроился, хотя, кажется, был несколько потрясен тем, что мог настолько заблуждаться (как известно, мы часто находим то, что ищем, даже если его на самом деле нет). В любом случае, он понял, что у него не получится провести достаточно времени с пираха, чтобы выучить их язык, и работа над его дипломным проектом окажется сложнее, чем предполагалось.

Проблема моего друга была в том, что он говорил как «кривоголовый» (т. е. по-португальски), пытаюсь общаться с «прямоголовыми». С другой стороны, разве мы все не сталкиваемся с этой

проблемой в общении? Нам постоянно нужно выходить за рамки наших собственных коммуникативных условностей, пытаюсь видеть все с точки зрения иного набора условностей. Эту проблему можно встретить в науке, профессиональной деятельности и личной жизни, в отношениях мужей и жен, отцов и детей, начальников и подчиненных. Часто мы думаем, будто знаем, о чем думает собеседник, а потом, подробнее изучив ход беседы, осознаем, что многое поняли неверно.

Что подобное непонимание может рассказать нам о природе нашего сознания, о языке, о самом биологическом виде *Homo sapiens*? Чтобы узнать это, нам нужно будет сделать небольшое отступление и обсудить природу знания и человека. Катализатором для этого обсуждения стала история с псевдомифом о сотворении мира. Цель этого отступления — подготовиться к обсуждению более важных тем, связанных с народом пираха и его языком.

Когда мы говорим на языке, фоном для него становится множество допущений, из которых сформирована наша культура. Когда друг говорит мне, что на перекрестке надо повернуть налево, он не добавляет: «Остановись точно перед белой стоп-линией и жди зеленого сигнала светофора». Он знает, что мне это и так известно, ведь мы с ним воспитаны в одной культуре. Точно так же индеец-пираха, который учит сына охотиться на рыбу из лука, не говорит ему, что надо подолгу сидеть без движения в каное или целиться не в рыбу, а чуть ниже (поправка на преломление света в воде): и то, и другое — это культурно обусловленные приобретенные навыки, которые имплицитно известны всем пираха. Им не нужно говорить о них напрямую.

Для пираха, как и для каждого из нас, знание — это опыт, интерпретируемый посредством культуры и индивидуальной психики. У этого народа знание требует непосредственных показаний очевидца, однако они не подвергают такие свидетельства очевидцев «независимой экспертизе». Если я приду в селение пираха и скажу, что видел летучую мышь с шестиметровыми крыльями, большинство не поверит мне, но, возможно, они пойдут проверить, нет ли там мыши. Или если я расскажу о том, что видел, как ягуар превратился в человека, они спросят меня, где, когда и как это случилось. По сути, у них нет более высокой инстанции, чем мои свидетельские показания. Это совсем не означает, будто пираха не способны лгать. По правде говоря, ложь в их обществе встречается так же часто, как и в любом другом (у нее есть важное эволюционное предназначение, например,

защита собственной жизни и жизни близких). И тем не менее знание — это объяснение собственного опыта, причем такое объяснение, которое представляется наиболее полезным.

В этом смысле отношение пираха к знанию, истине и Богу похоже на философию прагматизма, восходящую к работам Уильяма Джемса, Чарльза Сандерса Пирса и других, а само это философское течение находится под влиянием концепции терпимости к физическим и культурным различиям, характерной для коренных народов Северной Америки. Общая идея пираха и представителей прагматизма заключается в том, что проверка знания — это проверка не его истинности, а его пользы. Они хотят знать именно то, что им нужно знать, чтобы действовать, а это знание базируется в основном на культурных концепциях полезных действий, частью которых являются теории. Значит, культура помогает нам, когда мы находимся в тех местах, где она возникла и развивалась.

Когда же мы попадаем в новое место, в непривычную для тела и ума обстановку, к которой нас не подготовила наша культура, она может стать препятствием. Приведу пример того, насколько плохо моя культура подготовила меня к определенным условиям жизни. Как-то вечером мы шли с подростком-пираха по имени Каиоа (*Kaióa*). Уже было темно, и мы шли из его хижины ко мне домой; от его дома до моего было чуть больше четырехсот метров по узкой тропинке в джунглях рядом с неглубоким болотом. Я громко разговаривал с Каиоа и подсвечивал себе путь фонариком. Каиоа шел чуть позади без фонарика. Внезапно он прервал мой поток речи и тихо произнес:

— Смотри, там впереди кайман!

Я направил на тропинку луч фонаря, но ничего не увидел.

— Выключи эту молниеподобную штуковину в руке, — предложил Каиоа, — и посмотри в темноту.

Я послушался. Теперь не было видно вообще ничего.

— О чем ты говоришь? — спросил я, подозревая, что он хочет меня разыграть. — Там ничего нет.

— Нет же. Смотри! — Каиоа хихикнул. Моя неспособность видеть дальше своего носа была для пираха источником нескончаемого веселья. — Видишь вон там такие два глаза, похожие на кровь?

Я напряг глаза и, конечно, разглядел две красных точки метрах в тридцати от нас. Каиоа сказал, что это глаза не крупного каймана. Он подобрал с земли тяжелую палку и побежал вперед. Через пару секунд я услышал звук удара, но ничего не было видно. Вскоре Каиоа вернулся, со смехом таща за хвост метрового каймана, оглушенного, но еще живого. Пресмыкающееся, видимо, выползло

из болота, чтобы поохотиться в кустарнике на лягушек и змей. Кайман едва ли мог меня убить, однако если бы я и дальше беззаботно болтал и не смотрел под ноги, то вполне мог бы лишиться пальца на ноге или получить рваную рану.

Мы, городские жители, привыкли отслеживать на дороге автомобили, велосипеды и пешеходов, но никак не доисторических рептилий. Беззаботно шагая по тропе в джунглях, я не знал, чего ожидать и чего опасаться. Это был еще один урок мышления и культуры, хотя тогда я этого и не понимал. Мы воспринимаем мир так, как нас научили наши культуры. Если наше культурно ограниченное восприятие мешает нам в каком-то окружении, то наши культуры затуманивают наш взгляд на мир и ставят нас в неблагоприятные условия.

Был и такой случай. Я плавал перед собственным домом в компании Кохоибииихиаи, моего учителя. Мы плескались в воде, разговаривали и были совершенно расслаблены. Внезапно чуть ниже по течению к берегу подошло несколько женщин. Они принесли с собой мертвую обезьяну, которую только что опалили в костре. Ее шерсть сгорела, а шкура почернела. Стопы и кисти рук были отрублены и отданы детям в качестве лакомства. Положив обугленную обезьяну на землю, одна из женщин сделала разрез от паха до грудины и, нисколько не церемонясь, начала руками вытаскивать из нее кишки. Закончив, она отрубила мертвому зверю руки и ноги и смыла кровь в реку. После этого она выкинула серую массу внутренностей в реку и пошла прочь. Вскоре я заметил, что вода начала пениться.

— Что это? — спросил я Кохои.

— *Vaixóó* ‘пираньи’, — ответил он. — Они любят есть кровь и потроха.

Я насторожился. Чтобы выйти на берег, надо проплыть рядом с этой пенящейся и пузырящейся водой. А вдруг пираньи начнут есть еду рядом со мной или, например, захотят белого мяса?

— А нас они не съедят? — спросил я.

— Нет. Только обезьяньи потроха, — ответил Кохои, спокойно плескаясь рядом со мной. Вскоре он сообщил, что собирается на берег.

— Я тоже, — ответил я. Я старался держаться как можно ближе к нему и, когда наконец вышел из воды, испытал ни с чем не сравнимое облегчение.

Моя южнокалифорнийская культура помогла мне представить себе пиранью, хотя это представление было не вполне точным. Но культура не подготовила меня к тому, чтобы узнать их по следам и признакам в дикой природе. Не подготовила она меня и к тому, что рядом

с пираньями надо быть спокойным, а спокойствие в джунглях — это граница между жизнью и смертью.

Образованное городское общество не может подготовить своих представителей к жизни в джунглях, но точно так же и культура пираха не готовит их к жизни в городе. Они не воспринимают некоторые предметы и явления, которые в западной культуре не представляют трудности даже для детей. Так, пираха не очень хорошо распознают двухмерные объекты, например, на рисунках и фотографиях. Они часто поворачивают фотографии набок или вверх ногами, а потом спрашивают меня, что они, собственно, должны увидеть. Сейчас они видят много фотографий, поэтому сейчас они распознают изображения лучше, но все равно это дается им нелегко.

Недавно распознавание двухмерных изображений людьми из народа пираха проверялось экспериментальным путем. Коллектив исследователей из Массачусетского технологического института и Стэнфордского университета рассматривал проблему распознавания и четких фотографий, и изображений, обработанных различными способами с целью уменьшения четкости¹. Авторы пришли к следующему выводу:

Хотя пираха могли прекрасно распознавать и истолковывать неизмененные изображения, они с трудом истолковывали измененные изображения, в том числе и тогда, когда рядом с ними находился оригинал изображения. Этот результат разительно отличается от модели, продемонстрированной исследованием контрольной группы американских респондентов. Хотя данное исследование является предварительным, содержащаяся в нем информация наводит на размышления о сложности (или отсутствии опыта) визуального абстрагирования...

Таким образом, культура важна даже в таком, казалось бы, универсальном и простом явлении, как восприятие фотографий. Насколько же она может быть важна при решении более общих задач? Я привел несколько примеров важности культуры в решении общих задач, основанных на моем личном опыте, но есть много аналогичных примеров из опыта пираха.

¹ См., например: *Yoon J. M. D., Witthoft N., Winawer J., Frank M. C., Everett D. L., Gibson E., Markman E. M.* Thinking for seeing: Enculturation of visual-referential expertise as demonstrated by photo-triggered perceptual reorganization of two-tone Mooney images // *Proceedings of the 33rd Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. Boston; Massachusetts, 2011. P. 2896—2901 (*прим. пер.*).

В 1979 г. Керен восстанавливалась после малярии. Поскольку я не мог находиться в селении, я взял с собой в Порту-Велью двух мужчин из селения, чтобы они продолжили обучать меня языку. У них было только по одной паре спортивных трусов, и среди бразильских горожан они робели. В джунглях пираха встречали бразильцев, но это были в основном речные торговцы, которые носили, как правило, только спортивные трусы и сандалии-вьетнамки (по крайней мере, на работе). Однако в городе одежда была гораздо более сложной, в особенности яркие платья и блузы на бразильских женщинах.

Отправляясь со мной в город, Ипооги и Ахоабиси задали мне множество вопросов об этих женщинах. Потом они спросили, не смогу ли я купить им ботинки, штаны и рубашки с воротниками, чтобы они не так сильно выделялись в большом городе. Мы пошли по Сети-ди-Сетембру (*Sete de Setembro*), главной улице Порту-Велью, чтобы купить одежду. По пути мы много разговаривали. Мои спутники задавали мне очень много вопросов об автомобилях («Кто сделал эти дома? Они ходят быстро!»), здания («Кто их сделал? Да, бразильцы умеют строить»), тротуаре («Что это за твердая черная земля?») и в целом о бразильцах («Где они добывают пищу на охоте?»; «Кто делает товары, которые мы видим?»).

Прохожие внимательно смотрели на босоногих и полуголых индейцев, а те отвечали прохожим тем же. Моих спутников восхитили бразильские женщины — ухоженные, приятно пахнущие, ярко одетые. Они поинтересовались у меня, не захотят ли эти женщины заняться с ними сексом. Я ответил, что сильно сомневаюсь, потому что эти женщины не знакомы с пираха.

Мы зашли в магазин. Нас вышла обслужить прелестная смуглая девушка с браслетами на руках. У нее были длинные черные волосы, она носила обтягивающую одежду и сандалии. Она мило улыбалась, и пираха улыбнулись ей в ответ.

С помощью этой девушки мы подобрали моим спутникам штаны, рубашки и ботинки. Как и у всех мужчин-пираха, их рост был примерно метр шестьдесят, а вес — около пятидесяти килограммов. Объем талии у них был семьдесят сантиметров. Продащица задавала им много вопросов, а я исправно переводил. Пираха тоже задали ей несколько вопросов. Они надели новые костюмы, и мы отправились покупать им зубные щетки, дезодоранты, расчески и лосьоны после бритья: они слышали об этих вещах и полагали их жизненно необходимыми для жизни в городе. Они были стройные, мускулистые и очень смуглые, и европейская одежда была им к лицу.

Я думал, что дела идут неплохо, и привезти пираха в город оказалось не так уж и сложно. И почему я раньше беспокоился? Мне показалось любопытным то, что мои спутники упорно ходили по городу гуськом, точно так же, как они ходят по джунглям.

Мы бродили по улицам — впереди я, за мной Ипооги, а за ним Ахоабиси. Однажды я замедлил шаг, чтобы они меня догнали. Они тоже замедлили шаг. Я стал идти еще медленнее — и они тоже. Я остановился — и они тоже. Они просто не хотели идти рядом со мной, даже когда я просил их. Это понятно, когда идешь по узкой тропе в джунглях: там просто нет места, если, конечно, не приложить в два раза больше усилий и не прорубить просеку пошире (с еще большим риском надорвать спину), чтобы по ней могли пройти двое. И то ходить друг рядом с другом небезопасно: люди становятся более легкой добычей для хищников и не могут защищать друг друга от змей и прочих опасностей так, как идущие друг за другом. Когда люди ходят рядами в городе, это неэффективно с точки зрения пространства, зато идущим легче вести беседу, а проходим проще воспринять их как группу.

Идя впереди, я сказал Ипооги и Ахоабиси: «Следуйте за мной. Мы идем вон в тот магазин», а затем показал пальцем на гастроном, находившийся напротив. Уже на пешеходном переходе, пройдя три четверти пути, я оглянулся назад. Мои спутники замерли посреди дороги, со страхом глядя на машины, стоящие на перекрестке перед светофором. Водители периодически подгазовывали, был слышен рев моторов. Я попытался было вернуться, но тут сигнал светофора сменился, машины поехали вперед. Шоферы яростно сигналили индейцам-пираха, которые теперь были явно напуганы: еще немного, и они запаникуют и бросятся прямо под машины. Им было не под силу предсказать маршрут автомобилей, совершенно непохожих ни на одно знакомое им дикое животное. Я дошел до них и за руки перевел через улицу. Нам все-таки удалось перейти дорогу.

— Эти штуковины нас пугают! — воскликнули оба, еще не оправившиеся после стресса.

— Меня тоже, — согласился я.

— Да они страшнее ягуара, — подвел итог Ипооги.

Повторимся: споры вокруг языка пираха посвящены тому, нужен или не нужен после его обнаружения пересмотр основных теорий о языке и культуре. Хомский, основавший самую известную и влиятельную из современных теорий языка, утверждает, что языков с такими свойствами, которые я описал в пираха, просто не существует,

иными словами, что пираха, в общем-то, такой же, как и прочие языки. Чтобы понять, почему его собственная теория ведет к подобной реакции отрицания, нужно рассказать больше о самой теории.

Хомский пытается открыть «истинную теорию универсальной грамматики», в которой грамматика представлена как специфичный для каждого языка компонент нашего биологического дара речи. Не ясно, что Хомский имеет в виду под «истинной теорией», но я могу предположить, что это такая теория, которая полностью совпадает с реальностью (сложно сказать, что большинство ученых и философов понимает под словом *истинный*, и Хомский здесь не исключение). Об этом стоит поразмыслить тщательнее. С одной стороны, универсальная грамматика кажется почти необходимой концепцией: в конце концов, из всех живых существ даром речи наделены только люди. Все согласятся с тем, что в основе языка лежит некая особенность человеческой биологии. В этом смысле Хомский однозначно прав, хотя это общее место. Но главный вопрос заключается в том, в какой степени эта природная способность ориентирована именно на язык (в отличие, например, от предположения, что она проистекает из общих свойств мышления) и насколько такой биологический дар (в чем бы он ни заключался) определяет окончательную форму грамматики любого конкретного языка. С этим вопросом связан и другой (хотя, на первый взгляд, и непрямо): как мы, ученые, можем получить знания для проверки наших гипотез?

Как правило, наука делается в двух местах — в лаборатории и в поле. Исследования в области так называемых естественных наук, таких как физика и химия, а также в большей части общественных наук протекают в удобных помещениях с регулируемым климатом, снабженных необходимым оборудованием. В богатых странах, таких как США, Германия, Великобритания или Франция, наукой занимается небольшая привилегированная прослойка на благо всего общества. Финансирующие органы, по крайней мере на бумаге, ожидают, что научные результаты принесут пользу обществу, в котором поддерживается эта наука и ведутся разработки. Молодые ученые работают «под зонтиком» авторитета ведущего специалиста в их дисциплине. Хомский — это своего рода Даниэль Бун²

² Даниэль (Дэниел) Бун (1734—1820) — легендарный американский первопроходец XVIII в., исследовавший территории будущих штатов Огайо, Теннесси и Кентукки и основавший ряд поселений. В зрелом и пожилом возрасте продавал земельные участки переселенцам (*прим. пер.*).

от лингвистики, и большинство языковедов — переселенцы, осевшие на его земле.

За последние десятилетия лингвистика изменилась. Было время, когда она была ближе к «полевым наукам» — таким областям знаний, как геология, антропология и биология, в которых приходится покидать лабораторию и погружаться в суровый мир полевых исследований. Разумеется, многие лингвисты и сейчас продолжают заниматься полевыми исследованиями языков мира. Тем не менее бурный рост лингвистики, начавшийся в 50-х гг. XX в. с приходом в науку Хомского, сильно изменил характерные черты этой дисциплины. Многих языковедов, и меня в том числе, привлекала в Хомском именно элегантность его теории, а не полевые исследования. Леммы и аксиомы, впервые сформулированные им в новаторской работе «Логическая структура лингвистической теории» (*The logical structure of the linguistic theory*), которую Хомский написал, когда ему не было и тридцати, и последующие труды, такие как «Синтаксические структуры» (*Syntactic structures*), «Аспекты теории синтаксиса» (*Aspects of the theory of syntax*), «Лекции об управлении и связывании» (*Lectures on government and Binding*) и «Минималистская программа» (*The minimalist program*), — все это убедило целые поколения лингвистов в том, что теория Хомского наверняка даст заметные результаты. Как и многие, я прочел все эти книги от корки до корки. На базе этих книг я вел курсы, лекции и семинары.

Культура хомскианской лингвистики распространилась еще и потому, что его кафедра в Массачусетском технологическом институте привлекала самых талантливых студентов. Новая культура привела к колоссальным изменениям в методологии лингвистики, а также в ее целях, и это стало еще одной характерной чертой группы Хомского. До Хомского американский лингвист был почти что обязан провести один-два года среди носителей индейского языка и написать его грамматику. В североамериканской лингвистике это было чуть ли не обрядом посвящения. Но, поскольку сам Хомский не занимался полевыми исследованиями и тем не менее, очевидно, обнаружил в языке больше интересного, чем любой полевой исследователь, многие студенты и новые преподаватели, на которых повлияли его утверждения, по понятным причинам решили, что исследование лучше проводить не методом индукции, а методом дедукции — не в деревне, а в научном учреждении — и начинать со стройной теории, заранее определяя, в каком месте она лучше всего подкрепляется фактами.

Вот как я понимаю эти идеи. Индуктивный подход к науке о языке означает, что каждому языку дается возможность «говорить самому за себя». Это возможно при помощи каталогизации наблюдений о языке, выполненных во время полевых исследований, с последующей интерпретацией того, что собой представляют элементы этого языка (слова, словосочетания, предложения, тексты — ученый может использовать и другие термины, в зависимости от практической пользы при описании и обсуждении конкретного языка) и как они соединяются вместе (например, как говорящие порождают предложения или абзацы или что-то подобное, как они создают диалоги, повествования и прочие формы социолингвистического взаимодействия).

Что же касается дедуктивного подхода, то он начинается с теорий — ящиков с заранее наклеенными ярлыками — и приспособливает к ним аспекты языка. Можно создавать и новые ящики, но это не приветствуется. Значительная часть споров в дедуктивных теориях связана с видом, свойствами и границами этих ящиков. Не следует упускать из виду культурные ценности, укрепившиеся в лингвистике не без влияния дедуктивного подхода Хомского к науке о языке. В число этих ценностей входят как минимум следующие: чтобы быть хорошим лингвистом, совсем необязательно заниматься полевыми исследованиями; изучение родного языка исследователя может быть ничуть не менее важным, чем изучение языка, не описанного прежде, в полевых условиях; грамматика — это формальная система, не зависящая от культуры.

Некоторые авторы утверждают, что наше знание формы и значения компонентов языка в двадцать первом веке намного превосходит знания, накопленные ранее. Эта точка зрения проистекает из идеи научного прогресса, из представления о том, что мы достраиваем знания, доставшиеся нам от предшественников, по принципу «заповедь на заповедь, правило на правило». Во вступлении к серии «Великие книги Западной цивилизации» (*Great books of the Western world*) Мортимер Адлер назвал это «великой беседой» жизни.

Есть, однако, конкурирующая концепция, в которую многие ученые верят одновременно с предыдущей. Это идея научной революции. Согласно этой идее, разработанной в трудах философа Томаса Куна, научные теории могут загнать себя в угол и ученые после этого оказываются в ловушке. Избежать этого можно только если кто-либо пробьет дыру в стене здания и объявит, что теперь заниматься наукой можно свободно, вне ограничений предыдущего подхода. Этот взрыв происходит, когда накапливаются труднообъяснимые, упрямые

факты, которые могут быть объяснены и интерпретированы теорией только с помощью многочисленных уточнений, допущений и натяжек — того, что Кун называет «вспомогательными гипотезами». Пираха содержит множество таких упрямых фактов, и я не сомневаюсь, что в будущем найдут и другие, похожие на него языки. Чтобы объяснить их, требуется пробить немаленькую дыру в стене, и это приведет к строительству нового здания науки. Вот что говорит мне язык пираха о господствующей теории.

Наши попытки изучать других людей могут быть точно так же культурно обусловлены, как и моя попытка убедить пираха идти рядом со мной в городе. Культура влияет не только на ученого-наблюдателя, но и на наблюдаемый объект. Чтобы понимать теории, посвященные человеческим языкам, нам необходимо учитывать влияние культуры на построение теории, а также роль культуры в формировании объекта исследования.

Это проблемный вопрос. В одной известной книге — работе Стивена Пинкера «Язык как инстинкт» (*The language instinct*) — почти не уделяется внимания тому, как культура формирует человеческую грамматику. Пинкер допускает, что культура в значительной мере ответственна за то, о чем мы говорим (так, американцы определенного возраста могут сравнивать Марлона Брандо и Элвиса Пресли по параметрам относительной физической привлекательности и «звездности» или, например, обсуждать влияние поисковой системы «Гугл» на научные работы в современном американском обществе; с другой стороны, пираха, скорее, будут обсуждать встречи с духами леса или лучшие способы ловли окуня). Кроме того, культура определяет словарь. В Шотландии можно обнаружить слово *haggis* ‘хаггис’. Это национальное блюдо, как правило, состоит из овечьих потрохов (сердце, печень и легкие), прокрученных через мясорубку с луком, овсяной кашей, специями, нутряным салом, в которые затем добавляется бульон; затем все это помещается в овечий желудок и варится примерно три часа. Я очень люблю хаггис, но, разумеется, это еда не для всех, и, кроме того, это блюдо является традиционным только в Шотландии. Не стоит удивляться тому, что у шотландцев есть отдельное слово для обозначения этой традиционной части культуры.

Еще один пример — бразильское слово *jeito* (произносится как «жэйту»), которое буквально переводится как «лежать» или «покоиться» и обозначает бразильское понятие об особом умении или навыке решать проблемы, который, по мнению самих бразильцев,

очень для них характерен³. От них часто можно услышать, к примеру: *Nós brasileiros somos muito jeitosos* ‘У нас, бразильцев, очень хорошо получается «жейту»’. Искусное умение решать проблемы и любовь к разговорам о них — культурная ценность бразильцев. Представители бразильской культуры, в которой разговоры об этом имеют такое значение, выражают это понятие фактически одним словом. Следовательно, перед нами еще один случай тесного взаимодействия культуры и языка.

И, разумеется, не следует забывать о том, что у пираха есть такие слова, как *kaoáibógi* («быстроговорящий»), обозначающее сверхъестественное существо (духа), характерное только для их культуры.

Несмотря на это в большинстве лингвистических теорий культуру никаким образом не связывают с формированием грамматики как таковой. Более того, ей даже отказывают в этом праве. Вот почему так важно изучать языки вроде пираха, в которых культура влияет на грамматику так, как могут вообразить лишь немногие теоретики.

Важность пираха для понимания природы человеческого языка можно понять, если рассмотреть один из главных научных интересов Хомского — объяснение общих черт языков.

Изучая языки мира, мы видим много общих черт, которые повторяются так часто, что никак не могут быть простым совпадением. Как ученые западной традиции мы обязаны предложить объяснение этому сходству.

Хомский убедил нас, что точкой отсчета для объяснения этого сходства должна быть генетика. Поиск объяснений в ней кажется разумным: в конце концов, именно общий геном объединяет нас в один вид «человек разумный» и приводит к известному сходству между всеми нами, в том числе во многих потребностях, желаниях, опыте и эмоциях. И пусть, например, пигмеи и голландцы внешне сильно отличаются друг от друга, их общие черты намного перевешивают различия, поскольку они, как и все люди, имеют одно генетическое происхождение. Без понимания эволюции и генетических предпосылок природа нашего вида останется для нас недоступной, и потому следует поразмыслить о некоторых общих чертах самых разных языков, которые может объяснить генетика.

³ В современном португальском *jeito* означает также ‘способ’, а в разговорной речи получает значение, близкое к рус. *смекалка* (прим. пер.).

Во-первых, это может объяснить нам, почему во всех языках есть похожие части речи (глаголы, существительные, предлоги, союзы и т. д.). Может быть, не в каждом языке есть весь набор возможных частей речи, но то, что есть в одном языке, похоже (насколько нам известно) на категории всех остальных языков.

Во-вторых, это может объяснить, почему у языков есть схожие психолингвистические ограничения на обработку предложений. Например, в любом языке грамматически правильное предложение со структурой типа *Oysters oysters eat eat oysters* ‘Устрицы, [которых] устрицы едят, едят устриц’ (букв. «устрицы устрицы едят едят устрицы») может быть трудным для понимания. Причиной является вложение: одно предложение (придаточное *oysters eat* ‘устрицы едят’) вставлено в середину другого (главное *Oysters eat oysters* ‘устрицы едят устриц’). Этот пример можно сделать легче для понимания, если вставить слово, маркирующее вложение: фраза *Oysters that oysters eat eat oysters* ‘устрицы, которых едят устрицы, едят устриц’ гораздо понятнее на слух.

Во всех языках налагаются похожие ограничения на значение слов. Например, ни в одном известном нам языке нет глагола, которому для полного раскрытия своего значения потребовалось бы больше трех (в некоторых теориях утверждается, что четырех) существительных. Глаголы в том или ином языке могут появляться без имен. Могут встречаться имена, не обозначающие ничего (экземплификанты, т. е. своего рода временные заместители существительного, ср. *it* ‘оно’ в предложении *It rains* ‘Идет дождь’, букв. ‘Оно дождит’). Есть глаголы, которые сочетаются только с одним существительным (*John runs* ‘Джон бежит’), с двумя (*Bill kissed Mary* ‘Билл поцеловал Мэри’) или даже с тремя (*Peter put the book on the shelf* ‘Питер положил книгу на полку’), но не более⁴. Предложение **John gave Bill the book Susan* (букв. ‘Джон дал Билл книга Съюзен’) уже невозможно. Чтобы употребить четыре существительных или больше, нужно несколько глаголов, несколько предложений или предлоги, ср.: *John gave the book to Bill for Susan* ‘Джон передал книгу Биллу для Съюзен’⁵.

⁴ Здесь автор, по-видимому, следует за классификацией валентностей по Л. Теньеру (см.: *Теньер Л. Основы структурного синтаксиса*. М., 1988) (*прим. пер.*).

⁵ Английские предложения в повелительном наклонении, разумеется, обычно не содержат подлежащего, ср.: *Run!* ‘Беги’. Однако лингвисты едины во мнении, что здесь есть *подразумеваемое* подлежащее, потому что в повелительном наклонении субъект — это всегда *ты / вы*. Когда я говорю: «*Run!*» — я имею в виду не то, что все должны бежать, а то, что бежать должны вы (*прим. автора*).

До современной теории о происхождении грамматики из определенного участка мозга, ответственного за ее возникновение, господствующими (в течение недолгого времени) были бихевиористские подходы. Они отражены, например, в работах Б. Ф. Скиннера.

Но, хотя бихевиоризм, по-видимому, так и не смог объяснить, как мы учим языки и почему у них наблюдается известное сходство (эта неспособность связана с тем, что в бихевиоризме никак не учитывается мыслительный процесс, когниция), теории, основанные на универсальной грамматике, в этом отношении оказались ничуть не лучше. Причины разнообразны. Во-первых, в период между этими теориями появились превосходные новые научные идеи, которые не основываются ни на крайних взглядах Скиннера (язык как всего лишь одна из разновидностей человеческого поведения), ни на крайних взглядах Хомского (грамматика как нечто, обусловленное генами). Есть и другие возможные объяснения, включая логические требования к общению в сочетании с природой общества и культуры.

Одним из ведущих научных коллективов, занимающихся языком и проблемой его происхождения на основе принадлежности к обществу, является исследовательская группа психолингвистов под руководством Майкла Томаселло⁶ (Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка, Лейпциг, Германия). Исследования Томаселло и соавторов не отягощены допущениями бихевиористов и хомскианцев.

Еще одна важная причина утраты влияния теорией Хомского заключается в следующем: многие чувствуют, что в настоящее время она стала слишком расплывчатой и не поддающейся проверке, чтобы воспринимать ее серьезно. В кругах лингвистов многие считают, что современная исследовательская программа Хомского практически бесполезна для их разработок.

Третья проблема языковой теории Хомского — и та тема спора, которую я хочу поднять, — заключается в том, что языки не так похожи друг на друга, как полагал Хомский, и у них есть глубокие различия.

Если бы пираха были философами и лингвистами (в западном смысле), они бы вряд ли пришли к лингвистической теории, похожей на теорию Хомского. В отличие от картезианского понятия креативности (способности порождать новые идеи), культурные ценности

⁶ Майкл Томаселло (род. в 1950 г.) — американский психолог, психолингвист и когнитивист. Автор работ о происхождении когнитивных способностей человека, освоении языка и когнитивных способностях приматов (*прим. пер.*).

пираха сужают диапазон допустимых тем разговора и способов их выражения, ограничивая их лишь сферой непосредственного опыта.

В то же время пираха очень любят поговорить. Я очень часто слышу от тех, кто приезжает в их селения, что пираха чуть ли не все время говорят друг с другом и смеются. Для их поведения нехарактерна сдержанность, по крайней мере в их родных селениях. Лежа в хижинах вокруг очагов, в которых всегда поддерживается огонь, они то и дело запекают в золе клубни картофеля или маниоки. Они ведут разговоры о рыбалке, духах, недавнем приезде чужеземца; обсуждают, почему в этом году урожай бразильского ореха меньше и т. п. Затем они прерываются, достают из огня горячую картофелину, чистят ее и возобновляют разговор, тщательно разжевывая и пищу, и предмет обсуждения.

Просто тем для разговора у них немного. Но так же обстояли дела и в моей семье на юге Калифорнии. Когда я рос, мы говорили о коровах, об урожае, о боксе, о барбекю и разных значных местах, кино и политике. Других тем для беседы было немного. «Картезианская креативность» не заинтересовала бы моих родных так же, как она не интересует пираха. Может быть, она нужна лингвистам, коль скоро темы их разговоров намного разнообразнее? Не думаю. У большинства известных мне лингвистов — да что уж там, у большинства известных мне университетских преподавателей — диапазон тем для разговора (если он есть) не шире, чем у пираха. Чаще всего лингвисты говорят о лингвистике и о других лингвистах. Философы беседуют о философии, философах и вине. В целом наша профессия и наши коллеги — это те параметры разговора, в рамках которых действуем почти все мы. Разумеется, чтобы можно было говорить обо всем этом в пределах одного языка, наш язык должен быть пригодным для всех научных дисциплин, профессий, ремесел и пр.

Мы часто думаем, будто наши знания всегда с нами, как если бы то, что мы узнали о восприятии и познании мира в Сан-Диего, позволяло нам полноценно воспринимать и понимать мир в Дели. Однако многое из того, о чем мы думаем, — это местные сведения, основанные на местном взгляде на жизнь. В новых условиях их использование нелегче, чем попытка включить электроприбор, рассчитанный на напряжение 110 вольт, в сеть с напряжением 220 вольт. К примеру, если языковед, изучающий теоретическую лингвистику в современном университете, отправится после обучения в экспедицию, чтобы описывать языки в полевых условиях, то он вскоре обнаружит, что его теории не полностью подходят к обнаруженному языковому

материалу. Теории могут быть полезны, если их корректируют на месте. Если этого нет, то они превращаются в прокрустово ложе, на котором факты растягиваются или отсекаются.

Это особенно верно для теорий, согласно которым язык (или грамматика — в зависимости от терминологии автора) присущ человеку от рождения. В аудитории университета эти теории могут казаться весьма притягательными, однако в полевых условиях их оказывается тяжело согласовать с реальными фактами. Хомский и Пинкер предполагают, что природа (биология) — это главный инструмент для объяснения и понимания эволюции и современного вида грамматик в языках людей. Они предлагают нам универсальную грамматику (Хомский) или трактуют язык как инстинкт (Пинкер); в обоих случаях язык понимается как часть нашего генома. Эти взгляды в течение многих десятилетий оказывали огромное влияние на исследования психологии и языка.

Но есть и другие потенциальные объяснения психологии, эволюции и формы человеческих грамматик и языков. К примеру, мы знаем, что, по мнению Б. Ф. Скиннера, язык — это всего лишь результат воздействия среды, т. е. воспитание намного сильнее природы. Мы знаем и то, что в уничтожающем обзоре, который Хомский посвятил теории Скиннера, было продемонстрировано, что модель Скиннера не может объяснить появление языка ни филогенетически (у человека как биологического вида), ни онтогенетически (у каждого отдельного человека). С другой стороны, позиции Хомского и Пинкера, относящих важнейшие аспекты языка исключительно к области природы, тоже чреваты проблемами. Данные языка пираха (отсутствие рекурсии и наличие культурных ограничений на грамматику) — это контрпримеры для идеи универсальной грамматики. Самое лучшее описание происхождения и природы языка сложнее, чем любая простая дихотомия.

Но если эта теория оказывается неполноценной, то что нам остается?

Нам остается теория, в которой грамматика (т. е. механизм языка) гораздо менее важна, чем культурно обусловленные значения и ограничения на речь в каждом конкретном языке мира.

Если эта точка зрения верна, то она может привести к далеко идущим последствиям в методологии лингвистического исследования. И это значит, что, как и было сказано выше, мы не можем полноценно изучать языки отдельно от их культурного контекста — особенно такие языки, культура которых радикально отличается от культуры исследователя.

Это также означает, что лингвистика не столько часть психологии (как думает большинство современных лингвистов), сколько часть антропологии (как полагал Сепир). В общем, это может означать, и что психология — тоже часть антропологии; опять же, Сепир полагал именно так. Лингвистика отдельно от антропологии и полевых исследований — это то же самое, что химия отдельно от химических реактивов и лаборатории.

Но иногда, изучая культуру народа, язык которого мы исследуем, мы извлекаем из нее уроки, выходящие далеко за пределы наших научных целей. Благодаря пираха я начал узнавать о своей духовной природе то, что изменило мою жизнь навсегда.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ГЛАВА 17

ОБРАЩЕНИЕ МИССИОНЕРА

Миссионеры ЛИЛ не проповедуют и не крестят. Они избегают брать на себя роль пастыря. ЛИЛ придерживается мнения, что самый эффективный способ христианизировать аборигенов — это перевод Нового Завета на их родной язык. Так как ЛИЛ также следует доктрине о том, что Библия — это слово Божье в прямом смысле, то отсюда следует, что Библия должна говорить сама за себя. Поэтому моя повседневная работа в племени пираха в основном сводилась к лингвистике: я пытался изучить их язык настолько глубоко, чтобы сделать возможным адекватный перевод Библии. По мере продвижения я должен был переводить фрагменты текста и проверять качество перевода, обсуждая их с разными членами племени. В свободное время я часто разговаривал с индейцами о своей религии и о том, почему она для меня важна. Этим мое миссионерство и ограничивалось, как и принято в ЛИЛ.

Однажды утром, в ноябре 1983-го (к тому времени я прожил среди пираха, пусть и с перерывами, уже больше года), я сидел в передней нашего домика и пил кофе с несколькими мужчинами из племени. Было часов десять утра, воздух постепенно накалялся; жара нарастала примерно до четырех часов дня, а потом медленно спадала. Я сидел лицом к реке, наслаждаясь ветерком с воды, и рассказывал своим собеседникам о кораблях, которые, как они слышали, спускались по реке Мармелус в полутора километрах от селения. Вошел Кохоиби-ихиаи, я встал и налил ему кофе: у нас в кухне было полно пластиковых чашек самых разных размеров и форм. Кофе был слабый и очень сладкий.

Приняв чашку, Кохоибиихиаи сказал: *Ko Xoogíai, ti gixahoisoo-gabagai* ‘Эй, Дэн, я хочу с тобой поговорить’, — и продолжил: «Племя знает, что ты оставил семью и свою землю, чтобы приехать жить с нами. Мы знаем, что ты приехал, чтобы рассказать нам про Иисуса.

Но пираха не хотят жить, как американцы. Мы любим выпить. У нас мужчины хотят не только одну женщину. Мы не хотим Иисуса. Но ты нам нравишься. Можешь у нас оставаться. Но мы больше не хотим слушать про Иисуса. Ладно?»

Хотя ЛИЛ не разрешает своим миссионерам прямо проповедовать среди туземцев, Кохои уже не раз слышал от меня о моей вере и помог мне переводить маленькие фрагменты Нового Завета.

Затем он добавил, имея в виду предыдущих миссионеров-американцев:

— Арло рассказывал про Иисуса. Стив рассказывал про Иисуса. Но мы не хотим Иисуса. — Остальные, похоже, были согласны.

Я ответил:

— Если вы не хотите Иисуса, вы не хотите нас. Моя семья приехала только для того, чтобы рассказать вам об Иисусе.

Потом я сказал, что мне надо работать. Индейцы встали и ушли на рыбалку: пришла их очередь, потому что другая смена только что вернулась в селение и можно было взять лодки.

Их слова поразили меня и поставили передо мной очевидную моральную дилемму. Я приехал к пираха, чтобы поведать им об Иисусе, — то есть, как я тогда считал, дать им возможность выбрать: смысл жизни или бессмысленное существование; жизнь или смерть; радость и веру или отчаяние и страх; рай или ад.

Если индейцы пираха поняли смысл Евангелия и все же отвергали весть, это одно. Но, возможно, они просто не поняли. Это было очень возможно, так как я все еще говорил на языке пираха намного хуже, чем сами индейцы.

В тот мой приезд к пираха был еще один эпизод, когда я посчитал, что моих знаний языка хватит, чтобы рассказать им, как я сам пришел к Иисусу Христу и принял его как своего спасителя. Миссионеры-протестанты часто так делают; это называется «свидетельствовать». Смысл такого рассказа в том, что чем хуже была ваша жизнь до обращения к Христу, тем удивительнее чудо вашего спасения и тем больше это побудит слушателей тоже обратиться к Иисусу.

Был вечер, около семи; мы как раз поужинали. На нас еще держалась прохлада после купания в реке. В это время мы обычно варили кофе для индейцев, и они приходили к нам в гости и сидели с нами. Тогда я и заговаривал с ними о своей вере в Бога и о том, почему убежден, что пираха тоже должны уверовать, как и я. Поскольку у пираха не было слова «Бог», я использовал понятие, которое предложил Стив Шелдон: *Vaixi Hioóxio* 'Отец Вверху'.

Я рассказывал им, что Отец Вверху сделал мою жизнь лучше. Однажды, говорил я, я тоже пил, как пираха. У меня было много женщин (тут я немного преувеличил), и я был несчастен. Потом Отец Вверху вошел мне в сердце, сделал меня счастливым и помог мне встать на ноги. Я не задумывался о том, понимают ли вообще индейцы все те новые понятия, метафоры и имена, которые я изобретал по ходу рассказа. Мне они были понятны. В тот вечер я решил рассказать им очень личную историю: я думал, что она поможет им уяснить, как много может значить для нас вера в Бога. И я рассказал индейцам о том, как моя приемная мать покончила с собой и как эта трагедия привела меня ко Христу; как моя жизнь наладилась, стоило только бросить выпивку и наркотики и обратиться к Иисусу. Я рассказывал очень серьезно.

Когда я окончил, индейцы расхохотались. Это было, мягко говоря, неожиданно. Я привык ожидать реакции вроде «Восславим Господа!», когда слушатели действительно поражены тем, через что мне пришлось пройти и как Господь Бог вывел меня на праведный путь.

— Почему вы смеетесь? — спросил я.

— Она убила себя? Ха-ха-ха, как глупо. Пираха себя не убивают, — ответили они.

Рассказ не произвел на них никакого впечатления. Для них было очевидно: то, что родной мне человек покончил с собой, вовсе не означает, что они должны поверить в моего Бога. Напротив, моя история имела прямо обратный эффект: она только подчеркнула различия между нами. Это был удар по моей миссии. Много дней после этого случая я долго и тщательно обдумывал, что же я делаю среди индейцев.

Я стал хотя бы частично осознавать трудность своей задачи. Сущность христианской веры я передал индейцам в основном верно: слушавшие меня поняли, что был такой человек, которого звали «Хисо» (*Hisó*) — Иисус, — и этот человек хотел, чтобы другие вели себя так, как он им говорит. Но потом они спросил:

— Эй, Дэн, а как выглядит Иисус? Он темный, как мы, или светлый, как ты?

— Ну, я сам его не видел. Он жил давным-давно. Но у меня есть его слова, — ответил я.

— А откуда у тебя его слова, если ты его сам не слышал и не видел?

Затем они давали понять, что если я сам не видел этого парня (и не в переносном смысле, а буквально), то мои истории о нем им

неинтересны. И точка. Как я сейчас понимаю, это связано с тем, что пираха верят только в то, что видели сами. Иногда они верят тому, что им рассказывают другие, но только если рассказчик сам видел то, о чем говорит.

Я решил, что отчасти эта трудность в восприятии Евангелия вызвана тем, что индейцы в селении Посту-Нову, где мы работали, слишком тесно контактируют с культурой кабокло и считают, что эта культура более совместима с их образом жизни, чем американская, откуда, как они думают, идет христианство. Поэтому я пришел к выводу, что если мы переедем в другое селение, куда не добираются речные торговцы, нашу весть встретят теплее. Таких селений я знал два — одно ближе к Трансамазонскому шоссе, а другое еще глубже в джунглях: в дне речного пути на моторке вниз от шоссе и в трех днях вверх от селения, где мы были сейчас.

Я обсудил это с Керен. Мы решили, что перед тем, как собраться в такое путешествие окончательно, мы съездим на «побывку» в США впервые за пять лет. Пришла пора отчитаться о затратах перед нашими донаторами, отдохнуть и понять, насколько продвинулась наша миссия.

На этом «отпуске» я снова обдумывал тяжелую задачу миссионера: убедить счастливое, всем довольное племя в том, что они — заблудшие овцы и нуждаются в Иисусе Христе, чтобы спасти душу, каждый свою. Мой учитель по предмету проповеди в университете Биола, доктор Кертис Митчелл, говорил обычно: «Чтобы они узрели спасение, сначала они должны узреть погибель». Если люди не осознают какого-то недостатка в своей жизни, они менее склонны перенять новые верования, особенно о Боге и спасении. Языковые и культурные барьеры здесь просто огромны. А я еще не вполне владел их языком и, безусловно, не понимал, что у него есть такие особенности, из-за которых весть из первого века нашей эры почти наверняка не будет услышана.

Мы решили переехать в другое селение, самое дальнее. Для этого надо было пройти около 250 километров вверх по реке. Там, в шести часах от Трансамазонского шоссе, находилось селение Агиопаи. Индейцы в этом новом селении приняли нас тепло. Первые несколько лет мы спали в палатках, а приезжали туда по шоссе: автостопом, на машине миссии или на собственном маленьком мотоцикле для бездорожья, — а затем на моторной лодке вниз по реке Маиси до селения. Припасы к реке подвозил пикап из миссионерского комплекса ЛИЛ.

Этим индейцам мы предложили кое-что новое: только что переведенное на их язык Евангелие от Марка. Я вложил в эту работу много

сил и закончил за несколько недель до окончательного переезда в дальнее селение.

Однако перед тем, как начать распространять этот перевод в племени, ЛИЛ потребовал организовать так называемую «апробацию» перевода. Для этого я убедил Исао'ои (*Xiasáoxoi*; его португальское имя — Доутор — от *doutor* ‘доктор’) приехать в Порту-Велью и провести пару недель в миссионерском комплексе, чтобы вместе со мной отредактировать перевод. Директор Общества переводчиков Библии имени Уиклифа¹ Джон Тейлор, изучавший древние языки в Оксфорде, согласился проверить точность перевода.

На первой рабочей встрече Джон раскрыл греческий оригинал Нового Завета и велел мне спрашивать Доутора на языке пираха, как он понимает некоторые пассажи в переведенном Евангелии. Доутор выслушал первый вопрос, почти не глядя на меня и сосредоточенно ощупывая мозоль на пятке. В комнате работал кондиционер; потеряв интерес к пятке, Доутор указал подбородком на кондиционер и спросил: «Это что?» Потом он повторил этот вопрос о дверных ручках, столе и так далее — почти обо всем, что было в комнате. Джон заволновался, что Доутор просто не понимает мой перевод.

Я тоже волновался, потому что хотел, чтобы проверка прошла хорошо. Я снова и снова спрашивал Доутора, и он наконец стал отвечать на вопросы прямо. Мы быстро установили режим работы — пару часов в день. Через две недели Джон убедился, что Доутор понимает текст Евангелия от Марка. Одним из требований Общества переводчиков было, чтобы ассистент при апробации не участвовал в самой переводческой работе, а значит, слышал бы этот текст впервые и не был заинтересован в удачном исходе проверки.

Однако уровень понимания Доутора меня больше беспокоил, чем радовал. Если он действительно так хорошо воспринимал текст, как нам казалось, то почему библейская история так мало его волновала? Доутора вообще не интересовал и не трогал смысл Евангелия. Когда мы вернулись в селение, я зачитал Евангелие под запись, чтобы индейцы могли его слушать. Потом я привез кассетный магнитофон с ручной динамо-машиной и научил индейцев им пользоваться; к моему удивлению, некоторые дети сразу стали вертеть ручку. Мы с Керен уехали на несколько недель. Когда мы вернулись, индейцы все еще иногда слушали Евангелие; ручку крутили дети. Сначала я был

¹ В честь Джона Уиклифа, средневекового богослова и автора первого, еще «подпольного», перевода Библии на английский (*прим. пер.*).

очень этому рад, но вскоре стало ясно, что им было интересна только казнь Иоанна Предтечи: «Ух ты, голову отрубили! Давай еще раз послушаем!»

Может быть, они не слушают запись целиком из-за моего акцента, подумал я. Чтобы решить эту проблему, мы попросили одного мужчину из племени надиктовать перевод на пленку: я читал перевод по строчке, а он повторял за мной по возможности с естественной интонацией. Когда мы сделали эту версию, мы наложили на нее в студии музыку и звуковые эффекты и сделали профессиональную обработку звука. Нам казалось, что вышло просто замечательно.

Мы сделали несколько экземпляров и купили еще аппаратов с динамо-машиной. Через несколько дней индейцы стали слушать перевод часами. Мы были уверены, что с помощью этого средства сможем наконец обратить племя пираха в христианство.

Магнитофоны были зеленые, пластиковые, с желтой ручкой. Когда я показывал, как это работает, впервые я сел рядом с Аоописи (*Хаоописи*), с которым только недавно познакомился, и показал ему, как надо крутить ручку — медленно, чтобы машина вырабатывала ток непрерывно. Мы стали слушать; он улыбнулся и сказал, что ему нравится. Я был рад этому и оставил его слушать Библию в одиночестве.

На следующий вечер я увидел, что на другом берегу вокруг костра собралась группа мужчин; они ели рыбу и смеялись. Я переправился к ним на своей лодке, захватив с собой магнитофон, и спросил, не хотят ли они послушать. «Конечно», — ответили все как один. Я знал, что им нравится все новое, чтобы развеять скуку. И они меня не подвели.

Я покрутил ручку, и мы стали слушать начало Евангелия от Марка. Я спросил их, понятно ли им. Они ответили, что понятно, и пересказали мне услышанное, так что я убедился, что им действительно было все ясно. Уже спустилась ночь, а мы сидели на песке при свете костра и разговаривали о Евангелии. Моя мечта сбылась.

— Слушай, Дэн, а кто это говорит на пленке? Похоже на Пиихотаи (*Piihoatai*).

— Это и есть Пиихотаи, — ответил я.

— Ну он же не видел Иисуса. Он нам говорил, что не знает Иисуса и не хочет знать.

Этим простым наблюдением пираха показали мне, что наша запись никак не скажется на их духовных чаяниях. Эти слова не могли прочно закрепиться в их сознании.

Но мы не сдавались и добавили к аудиозаписи Евангелия купленные слайды со сценами из Нового Завета: Иисус, апостолы и так далее.

Наутро после одного такого показа слайдов заниматься со мной языком пришел один из стариков, Каа'аоои (*Каахаоои*). Мы стали рабывать, и тут он вдруг сказал, совершенно неожиданно:

— Женщины боятся Иисуса. Мы его не хотим.

— Почему? — спросил я, недоумевая, отчего это он так сказал.

— Потому что прошлой ночью он пришел в селение и хотел поиметь наших женщин. Он гонял их по селению и пытался засунуть в них свой большой член. — И Каа'аоои развел руки в стороны, чтобы показать, какой большой у Иисуса член — почти метр.

Я не знал, что ответить, и совершенно не мог понять, то ли это кто-то из мужчин племени притворился, что он Иисус и что у него большой половой член, то ли за этим рассказом кроется что-то мне неизвестное. Каа'аоои, очевидно, не выдумывал: он рассказывал о событии, которое его обеспокоило. И позже, когда я спросил об этом еще двух мужчин в селении, они подтвердили его рассказ.

В самой сущности моей миссии в племени пираха была заключена трудность: весть, служению которой была посвящена моя жизнь и весь мой труд, не укладывалась в их культуру. По крайней мере один урок из этого можно было извлечь: я зря был так уверен, что духовное послание, которое я им нес, абсолютно универсально. Пираха ни к чему было новое мировоззрение, а свое собственное они были в состоянии защитить. Если бы я нашел немного времени перед первой поездкой и прочитал, что пишут о пираха, я бы узнал, что миссионеры пытаются обратить их в христианство уже больше двухсот лет. С самого первого описанного контакта с племенем пираха и родственным племенем мура, в восемнадцатом веке, у них сложилась репутация «упорствующих в заблуждении своем»: за всю историю не известно ни одного индейца пираха, который перешел бы в христианство. Конечно, это знание вряд ли остановило бы меня: как любой начинающий миссионер, я был склонен не обращать внимания на факты и был свято убежден, что моя вера преодолет любое препятствие. Однако пираха не чувствовали, что им грозит гибель и, значит, не ощущали потребность в «спасении».

Принцип непосредственного восприятия означает, что если вы чего-то не видели сами, ваши рассказы об этом никому не интересны. Из-за этого индейцы пираха практически неуязвимы для проповеди, основанной на историях из далекого прошлого, которое не застал никто из живущих. И это объясняет, почему они так долго сопротивлялись миссионерам. Мифы о сотворении мира не выдерживают проверки доказательством.

Удивительным образом я стал их понимать. В общем-то, так и стоило ожидать, что они откажутся верить во что-то просто потому, что я так сказал. Я и не думал, что труд миссионера будет прост. Однако во мне зашевелилось что-то еще. То, как они отвергли евангельскую весть, заставило меня подвергнуть сомнению собственную веру. Это меня удивило. В конце концов, я же не новообращенный. Я закончил Библейский институт имени Моуди с отличием. Я проповедовал на улицах Чикаго, вел беседы с наркоманами и преступниками, ходил по домам с проповедью и дискутировал с атеистами и агностиками у себя на родине. Я был хорошо подготовлен в апологетике и миссионерской работе с отдельными людьми.

Но теперь я был еще и ученым; в науке доказательство превыше всего, и как исследователь я все подвергал проверке фактами подобно тому, как пираха сейчас просили доказательств у меня. И у меня таких доказательств не было. Я мог подкрепить свои слова только своими убеждениями, субъективно.

Их сомнения передавались мне еще и потому, что я стал их уважать. Многие в них заслуживало восхищения. Это был самостоятельный народ, и сейчас они, по сути, сказали мне, что я могу пойти и вешать лапшу на уши кому-нибудь еще, а у них моя вера не приживется.

Христианская религия со всеми ее утверждениями, столь близкими моему сердцу, в этой культуре оборачивалась полнейшей бессмыслицей. Для пираха это было лишь суеверие. И постепенно я и сам начинал смотреть на нее как на суеверие.

Я стал серьезно сомневаться в природе веры, в самом акте веры в нечто неосязаемое. Священные книги — Библия, Коран — прославляли именно такую веру в объективно непознаваемое, в противное здравому смыслу: жизнь после смерти, непорочное зачатие, ангелы, чудеса и тому подобное. Ценности культуры пираха — непосредственность восприятия, подтверждение слов делом — бросали сомнение на все это. Их собственные верования исключали фантастическое и чудесное; они верили в духов, являвшихся по сути частью природы и действовавших согласно природе (здесь не важно, верю ли в них я или нет). У пираха не было чувства «греха», не было потребности «исправить» род людской или даже только самих себя. Они принимали вещи такими, как они есть. Не боялись смерти. Верили в самих себя.

Я не в первый раз ставил под сомнение свою веру. Встречи с бразильскими интеллектуалами, мое собственное прошлое в рядах хиппи, чтение — все это уже заронило в меня сомнения. Однако пираха стали последней каплей.

И вот, примерно в конце 80-х, я признался — пока только себе, — что больше не верю ни в одно утверждение христианской религии и вообще не верю в сверхъестественное. Я стал тайным атеистом. И я не мог этим гордиться: меня страшило, что об этом узнает кто-то из близких. Я знал, что рано или поздно должен буду сознаться, но боялся последствий.

Среди миссионеров и помогающих им донаторов есть общее понимание того, что миссионерство — это благородная задача. Они уверены, что поехать волонтером в дальние и опасные края, чтобы служить Господу, означает жить по своим убеждениям. И когда миссионер приезжает на место назначения, он обычно сразу же начинает жить жизнью, в которой сочетаются поиски приключений и альтруистическое служение. Конечно, к этому добавляется и желание обратить людей в свою версию истины, однако бывают вещи и похуже, да и действенность проповеди зависит от человека.

Когда я окончательно осознал, что готов, не страшась последствий, признаться кому-нибудь о своем «обращении в неверие», со дня моих первых сомнений прошло целых двадцать лет. И, как я и полагал, когда я наконец объявил о том, что мои взгляды изменились, последствия для меня лично были огромны. Это тяжело — сказать своим родным и друзьям, что ты отошел от взглядов, которые вас всех объединяли и благодаря которым вы стали теми, кто вы есть. Наверно, это похоже на то, как объявляют ничего не подозревающим друзьям и родным о своей гомосексуальности.

В конце концов потеря веры и душевный кризис, который ее сопровождал, привели к распаду моей семьи, а этого я больше всего и боялся.

Джим Эллиот, миссионер-мученик, проповедовавший в племени ваорани, однажды сказал слова, которые надолго врезались в мою память: «Разве глупо — отдать то, что тебе не удержать, в обмен на то, чего уже не лишишься?» Он, конечно, имел в виду, что уход из этого мира, который мы с собой не унесем, — это малая цена за то, чтобы познать Бога и пребывать вечно в раю.

Я же отдал то, что не мог удержать, — свою веру, чтобы обрести то, чего уже не лишусь, — свободу от того, что Томас Джефферсон назвал «тиранией чужого ума», то есть от следования авторитетам в ущерб собственному разумению.

Индейцы пираха заставили меня сомневаться в представлении об истине, которым я жил очень долгое время. Сомнение в вере в Бога вместе с жизнью среди пираха заставили меня поставить под вопрос

и еще более глубинную основу современной мысли — само понятие истины. Более того, я пришел к выводу, что жил под властью иллюзии — иллюзии истины. Бог и истина — две стороны одной медали. Жизнь и душевное равновесие страдают от обеих, по крайней мере если индейцы пираха правы. А качество их внутренней жизни, их веселость и довольство очень убедительно подтверждают их мнение.

С самого рождения мы пытаемся упростить окружающий мир. Ведь он чересчур сложен, чтобы в нем разобраться: слишком много звуков, слишком много происходит на глазах, слишком много стимулов; мы и шагу ступить не можем, не выбирая, на чем сосредоточить внимание, а что пропустить. В узких сферах умственного труда мы называем такие попытки упрощения «гипотезами» и «теориями». Ученые вкладывают силы и годы жизни в такие попытки. Они запрашивают у спонсоров деньги на экспедиции или на постройку экспериментальной среды, в которой будут проверять свою схему упрощения мира.

Однако этот вид «элегантного теоретизирования» (поиск результатов скорее «красивых», чем практически полезных²) нравился мне все меньше и меньше. Люди, участвующие в таких исследованиях, обычно считают, что трудятся ради приближения к истине. Однако, как говорил американский философ-прагматик и психолог Уильям Джемс, не следует зазнаваться. Мы просто развитые приматы, не больше и не меньше. Довольно смешно представлять себе, будто вселенная, словно робкая дева, хранит свои тайны для нас одних. Мы чаще оказываемся в роли трех слепцов, рассуждающих об облике слона, или человека, который ищет ключи под фонарем, потому что там светло.

Индейцы пираха твердо привержены прагматическому представлению о пользе. Они не верят ни в рай на небесах, ни в ад под землей, ни в то, что ради какой-нибудь отвлеченной идеи стоит идти на смерть. Они дают нам возможность вообразить себе жизнь без абсолютных координат — праведность, святость, грех. И эта жизнь очень привлекательна.

Можно ли жить, не опираясь на подпорки религии и истины? Пираха живут именно так. Конечно, некоторые заботы у них такие же, как и у нас, поскольку многие наши проблемы определяет биология, а не культура (наши культуры приписывают смысл проблемам, которые глубинного смысла не имеют, но оттого не менее реальны).

² Ср. итальянскую поговорку *Se non è vero, è ben trovato* 'Если [даже] это неправда, то хорошо придумано' (*прим. пер.*).

Однако они проводят большую часть жизни, не заботясь этими трудностями, так как сами дошли до осознания того, как полезно жить сегодняшним днем. Пираха просто концентрируются на том, что непосредственно их окружает, и тем самым одним махом избавляются от всех источников беспокойства, страха и отчаяния, которые не дают вздохнуть столь многим в нашей западной культуре.

Им не нужна истина как некая извечная реальность. Эта идея не имеет никакой ценности для них. Истина для них — это поймать рыбу, грести в лодке, смеяться вместе с детьми, любить своего брата, умереть от малярии. Значит ли это, что они примитивнее нас? Многие антропологи думали, что да, и поэтому им так хочется выяснить, каковы представления пираха о Боге, вселенной и сотворении мира.

Однако существует интересная альтернатива такому мышлению. Возможно, именно забота о подобных вещах есть знак более примитивной культуры, а их отсутствие — более развитой? Если так, то пираха — очень развитый народ. Звучит неправдоподобно? Но давайте спросим себя, что более разумно: смотреть на мир с беспокойством, заботой и считать, будто нам под силу охватить его весь, или наслаждаться жизнью день ото дня, принимая как должное, что поиски истины или Бога наверняка бесплодны?

Пираха строят свою культуру вокруг того, что нужно для выживания. Они не беспокоятся о том, чего не знают, и не думают, будто смогут все знать или уже все знают. Таким же образом им не нужны чужие знания и чужие ответы на вопросы. Их взгляды — не в моем сухом пересказе, но в своем живом воплощении в повседневной жизни — очень мне помогли и оказались убедительными, когда я взглянул на собственную жизнь и собственные убеждения, часто ничем не подкрепленные. Многим в своей теперешней личности, и в том числе нетеистическим взглядом на мир, я хотя бы частично обязан племени пираха.

ЭПИЛОГ: ЗАЧЕМ НУЖНО БЕРЕЧЬ ИНЫЕ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКИ?

Программа «Исчезающие языки» имени Ханса Раусинга¹ работает в помещениях Института исследований Азии и Африки (ИИАзАф) — School of Oriental and African Studies (SOAS) при Лондонском университете. Программа финансируется из пожертвования в размере 20 миллионов фунтов, сделанного Лисбет Раусинг, дочерью Ханса Раусинга. Цель проекта — задокументировать языки со всего мира, которым угрожает исчезновение.

Зачем отдавать двадцать миллионов фунтов на изучение языков племен, не обладающих никаким политическим весом и живущих в таких уголках мира, которые, мягко говоря, не исхожены вдоль и поперек туристами? В конце концов, можно легко доказать, что языки рождаются и умирают, и их возникновение, распространение и исчезновение определяется только законами естественного отбора. Умиравший язык — это неадаптивно для тех, кто должен изучать чужой язык, так как их родной язык не употребляется в общении, и точка. В самом деле, если считать, что Вавилонская башня — либо буквально проклятие божье, либо символ трудностей, встающих перед человеком, то уменьшение числа живых языков и гомогенизация или «глобализация» языкового пространства вообще полезны.

На сайте проекта «Исчезающие языки» (<http://www.hrelp.org/>) интерес к вымирающим языкам объясняется так:

Сегодня в мире насчитывается около 6500 языков, и половине из них угрожает вымирание в ближайшие 50—100 лет. Это социальная, культурная и научная катастрофа, так как языки выражают уникальное знание, историю и мировоззрение разных обществ; каждый

¹ Раусинг Ханс (Hans Rausing, род. в 1920 г.) — шведский и британский бизнесмен, владелец компании Tetra Pak, меценат.

Раусинг Лисбет (Anna Lisbet Kristina Rausing, род. в 1960 г.) — старшая дочь Х. Раусинга, историк науки, ведущий научный сотрудник лондонского Имперского колледжа (*прим. пер.*).

язык — отдельно эволюционирующее проявление способности человека к общению.

По-моему, убедительно. Представьте, как многому нас научили язык и культура пираха о человеческом разуме. А теперь представьте, сколько таких же уроков можно извлечь из других вымирающих языков.

Языки вымирают по крайней мере по двум причинам. Исчезновение угрожает языкам, когда под угрозой гибели находятся люди, их использующие. Численность племени пираха — менее четырехсот человек. Это хрупкое сообщество, так как у них почти нет иммунитета к болезням из внешнего мира, а мир все больше и больше вторгается в их жизнь, поскольку у бразильских властей часто нет возможности проконтролировать, кто проникает в их резервацию. Поэтому язык пираха под угрозой, так как под угрозой все племя, ведь их выживание не гарантировано.

Другая причина — это, так сказать, «воздействие рынка» или естественный отбор среди языков. Носители миноритарных языков, таких как ирландский, диегень, банава и другие, начинают переходить на государственный или официальный язык (английский, португальский и так далее), потому что пользоваться им выгоднее экономически. Носители языка банава в Бразилии бросают свою землю и идут работать на белых бразильцев, так как стали сильно зависеть от промышленных товаров. В свою очередь, из-за этого они оказываются в среде, где их могут осмеять просто за разговор на собственном языке и где, во всяком случае, единственный язык, понятный хозяевам-бразильцам, — это португальский. Поэтому язык банава стал исчезать.

В этом втором смысле, впрочем, языку пираха ничто не угрожает, так как пираха не заинтересованы в том, чтобы пользоваться португальским или вообще каким-либо чужим языком. На них, безусловно, не оказывается давление, чтобы они перешли с родного языка на чужой.

Говоря об уникальных сочетаниях языков и культур, стоит задать ся и более общим вопросом: что теряем мы, не говорящие на исчезнувшем языке? Теряем ли мы вообще хоть что-то? Ответ — да, теряем.

Количество языков, используемых в мире в каждый момент истории, — это лишь небольшая доля от, возможно, бесконечного количества потенциально возможных языков. Язык — это хранилище конкретного культурного опыта. Когда язык исчезает, мы теряем знание словарного состава и грамматического строя этого языка. Это знание

вернуть нельзя, если язык не был изучен и записан. В этом объеме знаний не все приносит практическую пользу, однако жизненно важно сохранить его весь, чтобы научиться по-другому осмысливать наше повседневное существование на планете.

Один из народов, который я изучал помимо пираха, это банава, одно из племен Амазонии, которые изготавливают кураре — быстродействующий смертоносный яд на основе стрихнина; им мажут стрелы и колючки, которыми стреляют из духовой трубки. Умение его изготавливать — плод многовекового опыта, сохраненного в языке банава с помощью обозначений растений и процедур их обработки. Все это может исчезнуть, так как последние семь десятков индейцев банава постепенно переходят на португальский язык.

Для многих людей, как для племени банава, потеря языка означает потерю своей личности и чувства соплеменничества, потерю духовной традиции и даже воли к жизни. Чтобы спасти языки вроде банава, пираха и тысячи других таких же по всему миру, потребуются огромные усилия лингвистов, антропологов и других заинтересованных людей. Как минимум нам нужно установить, каким языкам мира угрожает опасность, изучить их настолько, чтобы можно было составить словарь и грамматику, создать письменную форму этих языков и подготовить лингвистов и учителей среди их носителей, а также обеспечить государственную поддержку с целью защитить эти языки и упрочить положение их носителей в обществе. Это задача огромных масштабов, но решить ее жизненно необходимо.

В этой книге подчеркивалось, что каждый язык вместе со своей культурой показывает нам нечто особенное в том, как развивалась одна группа представителей нашего вида, чтобы справиться с окружающим миром. Каждый народ решает языковые, психологические, общественные и культурные проблемы по-своему. Когда умирает незаписанный язык, мы теряем подсказку к загадке происхождения языка вообще. Но, пожалуй, еще важнее то, что человечество теряет пример того, как можно жить, как выживать в мире. Сейчас, когда терроризм и фундаментализм угрожают порвать связь доверия и общих надежд, связывающие общество, тем ценнее примеры, которые можно найти в исчезающих языках, и тем страшнее их потеря для надежд человечества выжить как вид.

Народы вроде пираха предлагают нам новые, и очень полезные, альтернативные примеры того, как можно решать вечные и повсеместные проблемы: жестокость, сексуальное насилие, расизм, отношение к больным людям, отношения родителей и детей и так далее. Например,

интересно, что ни в одном из амазонских языков, с которыми я работал, нет детского языка — то есть особенной снисходительной манеры говорить с маленькими детьми. То, что у пираха нет детского языка, видимо, объясняется их представлением, что все члены общества равны и поэтому с детьми следует вести себя в общем так же, как с взрослыми. За выживание общины отвечают все, но и община заботится обо всех.

Взглянув более пристально на язык и культуру пираха, мы поймем, что она готовит нам и другие, не менее важные уроки. У пираха нет и следа депрессии, хронической усталости, крайней тревожности, приступов паники и других психических недугов, обычных во многих индустриальных странах. Однако это ровное состояние духа связано вовсе не с отсутствием стрессов, как можно подумать. Полагать, что только индустриальные общества могут порождать сильный стресс или что только в этих обществах возможны психологические проблемы, было бы неоправданным этноцентризмом.

Действительно, индейцы пираха не беспокоятся о том, чтобы оплатить счета в срок, или о том, в какой институт отправить ребенка. Однако они сталкиваются со смертельными болезнями (малярия, нагноение ран, вирусные инфекции, лейшманиоз и многие другие). У них есть любовь и привязанности. Им нужно каждый день добывать еду для семьи. У них высокая детская смертность. Они постоянно борются со змеями, хищниками, ядовитыми насекомыми и другими опасными животными. Им приходится жить под угрозой насилия со стороны чужаков, которые вторгаются на их землю. Когда я приезжаю к ним, мне живется намного легче, чем индейцам, но я все равно понимаю, что мне есть из-за чего волноваться. И интересно, что я и правда волнуюсь, а они нет.

Я никогда не слышал от индейца пираха, что он беспокоится. На самом деле, насколько я могу судить, в языке пираха нет слова «беспокойство». Одна группа исследователей, приехавших к пираха, — психологи с кафедры нейробиологии и когнитивистики Массачусетского технологического института — отмечали, что не видели народа счастливее, чем пираха. Я спросил их, как можно проверить такое утверждение. Они ответили, что можно, например, измерить время, которое индейцы в среднем проводят смеясь и улыбаясь, а затем сравнить с тем, сколько минут проводят в этом состоянии люди из других стран — те же американцы. Они предположили, что в этом пираха намного опередят кого угодно. За последние тридцать лет я изучил более двадцати изолированных племен в Амазонии, и это необычное довольство жизнью проявилось только у пираха. Многие другие, кого я исследовал, если не все, намного более мрачны и погружены в себя, разрываясь между

желанием сохранить свою культурную самостоятельность и приобретать товары из внешнего мира. У пираха этой раздвоенности нет.

Исходя из всего моего опыта общения с индейцами пираха, я думаю, что мой коллега из института был прав. Пираха — необычайно счастливые и довольные жизнью люди. Я, пожалуй, даже готов утверждать, что индейцы пираха счастливее, здоровее и лучше приспособлены к окружающему миру, чем любой мне знакомый христианин или просто верующий человек.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я бы хотел сказать спасибо тем, благодаря кому мне было о чем написать, и тем, благодаря кому я смог написать эту книгу. В первую очередь я благодарен народу пираха. За эти десятилетия они научили меня многому. Их острый ум, красота, терпение и верная дружба, их любовь ко мне и моим родным изменили мой мир к лучшему.

Далее, я хотел бы поблагодарить сотрудников Бразильского национального фонда по делам индейцев (ФУНАИ) в Порту-Велью, особенно сеньоров Османа и Ромулу, за многолетнюю поддержку моих исследований. Осман и я начали работать с амазонскими индейцами примерно в одно и то же время. Меня всегда восхищала его абсолютная преданность делу индейских народов.

Моя первая жена Керен была со мной почти все те годы, о которых я здесь пишу, и я благодарю ее за эти воспоминания. Шеннон, Кристин и Калев помогли мне пройти через все испытания живым и здоровым. Без моей семьи не было бы всего того опыта и тех уроков, которые я описал в книге. Изменения, описанные в главе 17, сказались на наших взаимоотношениях, но, как справедливо говорит апостол Павел, любовь превыше прочих чувств.

Стив Шелдон, служивший миссионером у пираха передо мной, много лет помогал мне и как друг, и как администратор миссии. Начиная со знакомства с пираха столько лет назад и далее, когда он набирал на машинке мою диссертацию и переписывался со мной по самым разным вопросам более тридцати лет, — всю помощь Стива даже не перечислить. В особенности я хочу поблагодарить его за пример, который он и первый миссионер к племени пираха Арло Хайнрикс показали в общении с «прямоголовыми». Многие в племени до сих пор вспоминают, как Арло охотился для них и кормил их во время эпидемии кори в начале 60-х. Старики говорят, что это Арло и Стивен спасли народ пираха. Я надеюсь, что медицинская помощь, которую я оказывал индейцам пираха в эти годы, хотя бы немного возместила их неоценимый вклад в мою жизнь и что дети, которые могли умереть,

но выжили благодаря такой малости, как укол хлорохина или пенициллина, будут вспоминать белого Пао'аиси.

Эта книга не появилась бы без дружеской помощи моих коллег из Университета штата Иллинойс. Я не могу представить себе более теплой и отзывчивой компании на работе. Мои коллеги с кафедры языков, литератур и культур благосклонно терпели мое увлечение этим проектом. Президент университета Эл Боумен не раз вселял в меня столь необходимую уверенность. Декан Гэри Олсон был и остается самым отзывчивым руководителем в моей карьере, неизменно внушая мне оптимизм, и я с огромной признательностью благодарю его за поддержку.

Я также хочу поблагодарить тех, кто помог мне своими замечаниями, прочитав черновик книги или отдельных глав. Многие из них оставили настолько детальные замечания, что без их помощи эта книга вышла бы значительно хуже: Манфред Крифка, Шеннон Рассел, Кристин Диггинз, Линда Эверетт, Митчелл Мэттокс, Майк Фрэнк, Хайди Харли, Джинетт Сэйкл, Тед Гибсон, Роберт ван Валин, Джеффри Паллем, Кормак Маккарти, Ч. С. Вуд и Джон Сёрль. Вклад декана Дэвида Брамбла, в прошлом моего руководителя в Университете Питсбурга, значительно превысил даже обязательства, накладываемые давней дружбой. Он предлагал исправления с юмором и прямо-той, и они помогли мне многое в этой книге выразить яснее.

За последние двадцать пять лет мои исследования языков Амазонии поддерживали Национальный научный фонд, Национальный фонд гуманитарных исследований, Европейский Союз (по гранту «Описание структурной сложности человеческого языка»), Совет по гуманитарным исследованиям и Совет по социоэкономическим исследованиям Великобритании, а также Фонд научных исследований штата Сан-Паулу. Благодарю все эти учреждения за возможность использовать деньги бразильских, европейских, британских и американских налогоплательщиков для исследования исчезающих языков Амазонии.

Фотограф журнала «Нью-Йоркер» Мартин Шеллер проявил невероятную щедрость, разрешив использовать в книге его фотографии индейцев пираха. Постоянный автор журнала Джон Колапинто оказал мне помощь косвенно, задав высокий образец мастерства в своем описании моей жизни в племени пираха. Работая над книгой, я много раз черпал вдохновение в «бессмертной прозе» Джона.

Мой редактор в издательстве «Пантеон» Эдвард Кастенмайер щедро уделял мне свое время и многократно обсуждал со мной текст

книги, всегда стараясь помочь мне лучше описать жизнь пираха и высветить их максимально ярко. Мой редактор в «Профайл букс» Джон Дэви также предложил множество полезных замечаний и не раз подбадривал меня, пока я писал книгу.

Наконец — хотя это самый важный человек — я хотел бы поблагодарить своего агента Макса Брокмана. Именно Макс принадлежит идея, без которой эта книга не состоялась бы. Его уверенность убедила меня, что этот труд мне под силу.

**ТРИ
ПОСЛЕСЛОВИЯ**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Исследования Д. Эверетта, посвященные языку и культуре племени пираха, вызывают живейший интерес и широкие дискуссии, выходящие порой далеко за пределы лингвистического мира. Дело в том, что некоторые утверждения Эверетта о языке пираха вступают в противоречие с теорией Н. Хомского и его многочисленных последователей. Приведу два таких утверждения: конкретное — в языке пираха нет, точнее говоря, не обнаружено рекурсии¹ — и более общее — между грамматикой языка этноса и его культурой существует теснейшая взаимосвязь, ср.: «Гипотеза универсальной грамматики или языка как инстинкта не может рассказать нам ничего ценного о том, как взаимодействуют грамматика и культура, а такое взаимодействие теперь представляется жизненно необходимым для сколь-нибудь полного понимания языка» [Эверетт, наст. изд.: 225].

В свете сказанного мне кажется уместным сопроводить перевод книги Д. Эверетта «Не спи — кругом змеи!» тремя послесловиями: П. С. Дронова — одного из переводчиков и научного редактора перевода, А. В. Никулина — специалиста по языкам Амазонии — и А. Д. Кошелева — составителя серии «Разумное поведение и язык», в которой выходит эта книга. Надеюсь, что представленные в этих послесловиях разборы некоторых важных положений Д. Эверетта и критических возражений его оппонентов помогут читателю сориентироваться в лабиринте различных точек зрения и сформировать собственный взгляд на обсуждаемые проблемы.

Благодарности. Эта книга — плод усилий команды энтузиастов, увлеченных идеей представить российскому читателю одну

¹ См., например: *Futrell R., Stearns L., Everett D. L., Piantadosi S. T., Gibson E.* A corpus investigation of syntactic embedding in Pirahã [Электронный ресурс] // *PLOS One*. 2016. № 3. Режим доступа: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0145289>

из наиболее интересных книг Д. Эверетта. Это переводчик и автор послесловия П. С. Дронов, переводчики И. В. Мокин, Е. Н. Панов, авторы послесловий А. В. Никулин, А. Д. Кошелев, ведущая издательских проектов В. В. Столярова, научный консультант Г. В. Бондаренко и художник С. А. Жигалкин. К сожалению, переводческого гранта издательству найти не удалось, поэтому участники проекта довольствовались минимальными ставками оплаты их труда, а иногда и вовсе работали бесплатно. Воздержусь от поименного перечисления заслуг каждого из них. Отмечу лишь, что все работали заинтересованно и слаженно, хотя и без споров, конечно, не обходилось. Кроме того, мы получали консультации от ряда коллег, разделявших наши устремления. Здесь мне прежде всего хотелось отметить вклад Г. С. Старостина. Наконец, живейшее участие в завершающем этапе работы принял Д. Эверетт, приславший предисловие к русскому переводу и прекрасные фотографии, использованные С. А. Жигалкиным при оформлении обложки.

Всем, кто откликнулся на мое приглашение принять участие в подготовке и издании этой книги, — моя самая искренняя благодарность.

А. Д. Кошелев,
30 мая 2016 г.

ТАК ЛИ УЖ НЕСОВМЕСТИМЫ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ Д. ЭВЕРЕТТА И ГЕНЕРАТИВИСТОВ?

Книга Дэниела Эверетта, заведующего кафедрой лингвистики Университета штата Иллинойс, по всем признакам относится к научно-популярной литературе, т. е. к литературе, описывающей основы или проблемные области науки и предназначенной для широкого круга читателей. Именно такая проблемная область рассматривается здесь; одновременно автор посвящает ей и академические работы, в частности недавно вышедшую монографию «Язык как инструмент культуры»¹.

Как уже было показано в самой книге, до своего знакомства с пираха (единственным оставшимся языком из семьи мура, на котором говорит около 300 человек по берегам реки Маиси в бассейне Амазонки) Д. Эверетт был, скорее, сторонником идей Ноама Хомского и его последователей-генеративистов (Рэя Джекендоффа, У. Текумсе Фитча и др.). Как известно, одним из постулатов генеративной грамматики является наличие двух структур, определяющих язык, — поверхностной (грамматики отдельных языков) и глубинной (базовый компонент, общий для всех языков). Ядром базового компонента является рекурсивный механизм: *These structures are generated by a recursive procedure that mediates the mapping between speech- or sign-based forms and meanings, including semantics of words and sentences and how they are situated and interpreted in discourse* («Эти структуры порождаются при помощи рекурсивной процедуры, которая служит опосредующим звеном в установлении соответствий между речевыми формами или формами, соотносенными со знаковыми образованиями, и значениями, включающими в себя семантику слов и предложений, а также определяет, как они должны быть расположены и интерпретированы

¹ *Everett D. L. Language: The cultural tool. New York: Pantheon Books, 2012.*

в дискурсе»². Рекурсия при этом объявляется единственным уникальным свойством человеческого языка, поэтому говорится о языке в узком смысле (рекурсивный механизм) и языке в широком смысле (прочие аспекты языка).

Переводя на язык пираха Библию и изучая его грамматику, Эверетт, с одной стороны, отказался от генеративистской точки зрения на язык, а с другой — пришел к выводу о существовании культурных ограничений на язык. Причиной этому стали особенности языка пираха и, прежде всего, отсутствие — по крайней мере, по мнению самого автора³ — рекурсии. Задача данного послесловия — рассказать подробнее о связи языка и культуры, а также рассмотреть некоторые из особенностей языка пираха, привлечших внимание Эверетта, на предмет соответствий в других языках.

Краткая справка об истории вопроса. Идея о связи языка и культуры⁴ имеет давнюю историю: еще в XVIII в. Иоганн Готфрид Гердер писал о взаимосвязи четырех фундаментальных явлений, характерных для человека, — языка, культуры, общества и «национального духа»⁵. Вильгельм фон Гумбольдт утверждал, что мышление зависит от конкретного языка⁶. Позднее связью языка и культуры, их взаимовлиянием занимались братья Гримм, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, Г. О. Винокур, которому принадлежат слова: «Язык есть условие и продукт человеческой культуры»⁷. В XX в. ее продолжали исследовать неогумбольдтианцы (Лео Вайсбергер, Йозеф Трир, Вальтер Порциг, Гюнтер

² Hauser M. D., Yang C., Berwick R. C., Tattersall I., Ryan M. J., Watumull J., Chomsky N., Lewontin R. C. The mystery of language evolution // *Frontiers in Psychology*. Vol. 5. Article 401. 2014. P. 2.

³ Во всяком случае, одна из основных идей лингвистов, полемизирующих с Эвереттом с позиций генеративной грамматики, заключается в том, что на самом деле в языке пираха рекурсия есть, ср.: Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Evidence and argumentation: A reply to Everett // *Language*. 2009. Vol. 85 (2).

⁴ В данной статье культура понимается в сепировском смысле, т. е. как социально унаследованная совокупность практических навыков и идей, характеризующих образ жизни сообщества или этноса. Вспомним остроумное замечание Эверетта, что лингвисты преимущественно говорят друг с другом о лингвистике и лингвистах, а философы — о философии, других философах и вине.

⁵ Гердер И. Г. Идея и философия истории человечества. М.: Наука, 1977.

⁶ Humboldt H. W. von. Wilhelm von Humboldts Werke. 17 Bände. Berlin: B. Behr, 1903—1936. Bd 4. S. 2.

⁷ Винокур Г. О. О задачах истории языка // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1959. С. 216. Ср. также триаду Клода Леви-

Ипсен и др.), этнолингвисты (прежде всего, Эдвард Сепир и Бенджамин Ли Уорф⁸), представители лингвокультурологических направлений (например школа В. Н. Телия во фразеологии). На основе идей гумбольдтианства и этнолингвистики появилось понятие языковой картины мира (Л. Вайсгербер, Ю. Д. Апресян, Анна Вежбицка и др.). В трактовке Ю. Д. Апресяна языковая картина мира может быть определена следующим образом:

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков. С другой стороны, языковая картина мира является «наивной» в том смысле, что во многих существенных отношениях она отличается от «научной» картины. При этом отраженные в языке наивные представления отнюдь не примитивны: во многих случаях они не менее сложны и интересны, чем научные. Таковы, например, представления о внутреннем мире человека, которые отражают опыт интроспекции десятков поколений на протяжении многих тысячелетий и способны служить надежным проводником в этот мир. В наивной картине мира можно выделить наивную геометрию, наивную физику пространства и времени, наивную этику, психологию и т. д.⁹

Наиболее очевидна связь культуры народа с его лексикой и фразеологией: так, из-за того, что в доколумбовой Америке не было лошадей, после знакомства с этими животными (т. е. после появления такой реалии и такого явления в культуре) коренные народы или позаимствовали обозначение из языков колонизаторов (например, в современном науатль — потомке языка ацтеков — лошадь называется *cahuayoh* от исп. *caballo*), или создали на основе уже существующих слов (ср.: лакота *sunka wakan*, букв. 'собака священная'). Это типичный пример

Строса: «Язык — часть культуры, ее продукт и ее основание» (цит. по: Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. М.: ФЛИНТА: Наука, 2004. С. 10).

⁸ Гипотеза Сепира-Уорфа (или гипотеза лингвистической относительности) подробно описана Д. Эвереттом во второй части этой книги.

⁹ Зализняк Анна А. Языковая картина мира [Электронный ресурс] // Энциклопедия Кругосвет. Режим доступа: <http://www.krugosvet.ru/node/41681>

того, как культура оказывает влияние на язык¹⁰ (к этому утверждению мы вернемся позже).

Тема национально-культурной специфики является традиционной для фразеологических исследований; в качестве иллюстрации этого часто приводится высказывание А. М. Бабкина, что идиоматика есть «святая святых» национального языка, в котором неповторимым образом «манифестируется дух и своеобразие нации»¹¹.

Это связано с тем, что значительная часть идиом не имеет прямых эквивалентов в других языках. В. Н. Телия отмечает, что, поскольку характерная для идиом образная мотивированность непосредственно связана с мировидением народа — носителя языка, идиомы обладают национально-культурной коннотацией¹². При этом выделяются такие пласты культуры, как архетипические (например противопоставления своего и чужого, верха и низа, далекого и близкого, ср.: *свой парень, пойти в гору, на носу, не за горами*), мифологические (в том числе с элементами анимизма и фетишизма, с которыми связано придание особого значения частям тела¹³, ср. немецкую идиому: *die Gelegenheit beim Schopf packen* ‘схватить удобный случай за чуб’, восходящую к греческой мифологии и образу бога Кайроса; сюда также можно отнести ритуалы, мифы, религиозные слои культуры), фольклор, художественно-литературные тексты (ср.: русск. *дым отечества, свежо предание*, англ. *to be or not to be* ‘быть или не быть’, *fool’s paradise* ‘блаженное неведение, самообман’ [букв. ‘рай дурака’]), содержащие

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Сенур Э. Язык // Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Пер. с англ. под ред. и с предисл. докт. филол. наук проф. А. Е. Кибрика. М.: Издат. группа «Прогресс-Универс», 1993. С. 242.*

¹¹ Цит. по: *Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии (I) // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37.*

¹² *Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 257.*

¹³ Вспомним пример, приводимый Эвереттом: в языке пираха нет понятий «правый» и «левый» (что было бы понятно с точки зрения телесного кода культуры по В. Н. Телия, или телесно обусловленного мышления, или *embodied cognition*, в когнитивистике), а для определения своего места в пространстве говорящие используют наземные ориентиры (вернее, всего один ориентир — реку Маиси). По-видимому, это явление культурно обусловлено: постоянная жизнь на берегу и способ ведения хозяйства (рыболовство и охота) выводят на передний план пространственный код культуры (использование ориентиров). Надо отметить, что в некоторых языках может происходить совмещение пространственного и телесного: так, в ирл. *soir* ‘вперед’ также означает ‘на восток’, а *siar* ‘назад’ — ‘на запад’.

аллюзии на прецедентные тексты¹⁴), публицистические тексты и другие средства массовой культуры¹⁵.

По мнению А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского, отсутствие прямых эквивалентов у идиом связано, скорее, с несовпадением техники номинации. В результате можно обнаружить расхождения во внутренней форме при близости актуального значения (нем. *das kannst du vergessen* ‘выражение скепсиса говорящего относительно позитивных ожиданий, выраженных собеседником в предыдущей реплике’, букв. ‘об этом можешь забыть’, и русск. *дохлый номер*)¹⁶, равно как и расхождения в актуальном значении при близости внутренней формы (ср.: русск. [*жить...*] как у Христа за пазухой ‘жить спокойно, умиротворенно’ и сербск., хорватск. [*žiti...*] *Bogu za leđima / iza leđa* ‘быть всеми забытым’, букв. ‘у Бога за спиной’; русск. *пустить пыль в глаза кому-л.* ‘с помощью эффектных поступков пытаться представить кому-л. себя и свое положение лучше, чем на самом деле’ и англ. *to throw dust into sb.'s eyes* ‘отвлекать внимание кого-л. от того, чего он, по мнению субъекта, не должен видеть или знать’)¹⁷. Даже когда один предмет и явление уподобляется другому одинаково в разных языках (например, властная женщина уподобляется мужчине), могут

¹⁴ По определению Ю. Н. Караулова, «тексты, (1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и окружению данной личности, включая и предшественников и современников, и, наконец, такие, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» (Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. С. 216).

¹⁵ Ковшова М. Л. Вместо предисловия... Составила М. Л. Ковшова на основе опубликованных трудов В. Н. Телия // *Красных В. В., Изотов А. И.* (отв. ред.). Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 50. М.: МАКС-Пресс, 2014. С. 14.

¹⁶ Фразеологизму одного языка в другом языке может соответствовать композит с близкой внутренней формой, который при этом может иметь иное актуальное значение, ср.: русск. *морская капуста* ‘водоросль ламинария’ и бретонск. диал. *morgaol* ‘медуза’ (*mor* ‘море’ + *kaol* ‘капуста’).

¹⁷ А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский замечают: «Из данного различия нельзя сделать вывод, что в русской и англосаксонской культурах бытует различное отношение к пыли или к глазам. Просто в английской идиоме идея препятствия визуальному восприятию порождает смысл ‘отвлечение внимания’, а в русской — смысл ‘маскировка, сокрытие правды’. Такое развитие значений никак не является культурно значимым фактором. Скорее, речь идет о случайном выборе языком того или иного следствия из метафоры» (Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии. М.: ФЛИНТА, 2013. С. 223).

использоваться совершенно различные метафоры, ср.: русск. *мужик в юбке* и нем. *sie hat die Hosen an*, букв. ‘она носит штаны’.

Менее очевидна культурная обусловленность на уровне синтаксиса; в частности, Э. Сепир указывал на то, что сходство культур может быть и у народов с типологически и даже генетически несходными между собой языками¹⁸ (например, в силу постоянных контактов обнаруживается некоторое сходство культур словаков [славянский язык флективного строя] и венгров [финно-угорский язык агглютинирующего строя]). В то же время Д. Эверетт постулирует наличие подобных ограничений на грамматику и когницию¹⁹. В «Не спи — кругом змеи!» он полшутя отмечает, что современная культура влияет на грамматику и его родного языка: когда половая принадлежность лица, о котором идет речь, неизвестна, говорящие из соображений политкорректности стараются использовать не гендерно-маркированное *he* ‘он’, а нейтральное *they* ‘они’ (с согласованием по модели множественного числа там, где до этого использовалось единственное, например: *If a person is ill, they are supposed to consult a doctor* ‘Если человек болен, ему следует обратиться к врачу’).

При этом никогда не стоит забывать, что национально-культурная специфика в языке существует параллельно с языковыми универсалиями — с тем общим, что есть в каждом языке. Как известно, если некое явление сначала считается универсалией, но затем не обнаруживается в каком-либо языке, то оно уже рассматривается как нечто лингвоспецифическое. Если материал языка (в данном случае, пираха) показывает, что какая-либо универсалия не является универсалией, это не значит, что в этом языке не действуют другие универсалии.

Ниже мы рассмотрим особенности лексики и грамматики языка пираха с точки зрения культурной специфики, а также укажем на черты, объединяющие пираха с другими языками.

Числительные в пираха²⁰. В ранних работах²¹ о пираха Эверетт выделял три количественных числительных: *hói* ‘один’, *hoí* ‘два’

¹⁸ *Cenip* Э. Язык. С. 242.

¹⁹ *Everett D. L.* Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. P. 621—646.

²⁰ Примеры из систем исчисления языков мира взяты с сайта Юджина С. Л. Чаня «Numeral Systems of the World’s Languages» (<http://lingweb.eva.mpg.de/numeral>).

²¹ См., например: *Everett D. L.* Pirahã // *Derbyshire D. C., Pullum G. K.* (eds). *Handbook of Amazonian Languages*. Vol. 1. Berlin: Mouton de Gruyter, 1986. P. 200—325.

и *baágiso* ‘три и более’²². Позднее он пришел к выводу о том, что числительных в этом языке нет. Для проверки этого утверждения Эверетт (в соавторстве с Майклом С. Фрэнком, Эвелиной Федоренко и Эдвардом Гибсоном) провел следующий эксперимент²³. Сначала перед четырьмя носителями пираха раскладывали на столе от одной до десяти батареек. Когда на столе была одна батарейка, на вопрос: «Сколько на столе предметов?» — индейцы уверенно отвечали: «*Hói*». Две батарейки были обозначены словом *hoi*; при добавлении батареек они говорили или *hoi*, или *baágiso*. После этого эксперимент повторили в обратном порядке, разложив на столе 10 батареек и убирая их по одной. Когда батареек осталось шесть, один из участников обозначил их число словом *hói* (т. е., как предполагалось ранее, ‘один’), а когда батареек осталось три, это слово употребили все четверо. Авторы пришли к выводу, что *hói* и *hoi* означают не абсолютные величины, а нечто относительное или познаваемое в сравнении: ‘мало’, ‘еще меньше’, ‘еще больше’. Авторы всё же пришли к выводу о том, что индейцы пираха имеют представление о единице.

Такая система псевдочислительных (скорее, количественных слов), разумеется, является нестандартной. Эверетт объясняет этот ограниченный инвентарь культурными особенностями (образом жизни охотников-собираателей) и «принципом непосредственности восприятия» (ограничением на генерализацию вне того, что происходит «здесь» и «сейчас»). С другой стороны, в Южной Америке встречаются похожие системы исчисления: так, в языке каинганг (*Kaingáng*, *kanhgág*; язык из семьи же (*Jé*), распространенный в Бразилии и Аргентине) числительное *pir* ‘один’ имеет также значение ‘небольшое количество’; для двух и трех индейцы из народа каинганг используют собственные числительные, а для остальных чисел — заимствования из португальского. Возможно, подобная относительная система количественных слов является первым шагом к системе исчисления (не зря Бернард Комри поместил ее в самое начало своей классификации систем исчисления в языках мира²⁴).

²² Подобная система, если бы она соответствовала действительности, совпала бы с той, что обнаруживается в ряде языков Амазонии, например в языке-изоляте машакали (*Maxakalí*): *p-xet* ‘один’, *tikoxyuk* ‘два’, *xohix* ‘все’.

²³ Frank M. J., Everett D. L., Fedorenko E., Gibson E. Number as a cognitive technology: Evidence from Pirahã language and cognition // *Cognition*. 2008. Vol. 108. P. 819—824.

²⁴ Comrie B. Typology of numeral systems [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://eugeneslchan.com/TypNumCuhk_11ho.pdf

Обратим внимание на то, что в результате языковых контактов и торговых отношений числительные часто заимствуются: такова ситуация с двойной системой количественных числительных в корейском и японском языках (параллельно используются исконные числительные и числительные китайского происхождения) или, например, заимствованиями в малых языках (в юкагирский из русского попали слова *сто* и *тысяча*, а в южноамериканский язык оровин [*Oro Win*] из португальского — номиналы бразильских купюр). Ограниченный характер подобных контактов у пираха объясняется их удаленностью от «цивилизации», интроспективным характером их культуры, их замкнутостью на себе (хотя они контактируют с другими индейцами и этнической группой кабокло, в ограниченных масштабах пользуясь пиджинизированным ньенгату²⁵) и предубеждением к чужакам (вспомним дихотомию «прямоголовые» vs. «кривоголовые»). Впрочем, эта удаленность от цивилизации оказалась весьма относительной: в настоящее время²⁶ на территории народа пираха действует школа, в которой детей обучают португальскому и математике по программе бразильского министерства образования. По-видимому, в дальнейшем система числительных пираха пойдет по тому же пути заимствования, что и во многих других малых языках.

Что касается отсутствия грамматической категории числа, здесь пираха не является единственным в своем роде языком: такой грамматической категории нет, например, в ряде сино-тибетских языков (в том числе, китайском), в языках Новой Гвинеи и Австралии²⁷.

Цветообозначения и семантические универсалии. В своих первых работах о пираха (в том числе в уже упоминавшемся обзоре 1986 г.) Д. Эверетт писал о существовании цветообозначений. Позднее, в статье 2005 г. «Культурные ограничения...»²⁸, он пришел к выводу, что на самом деле в пираха их нет, за исключением понятий

²⁵ Ньенгату (*Nheengatu, Nhangatu*), или амазонский лингва-жерал (порт. *língua geral da Amazônia*), — язык семьи тупи, служащий средством межплеменного общения (лингва-франка) в бассейне Амазонки.

²⁶ См. документальный телефильм «Грамматика счастья», снятый в 2012 г. для канала «Смитсониан ченел» (Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.smithsonianchannel.com/shows/the-grammar-of-happiness/0/141519>).

²⁷ *Haspelmath M.* Occurrence of Nominal Plurality [Электронный ресурс] // The World Atlas of Language Structures Online. Режим доступа: <http://wals.info/chapter/34>

²⁸ *Everett D. L.* Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã...

«светлый» и «темный». То, что он (а до него Стивен Шелдон²⁹, также служивший миссионером среди индейцев) описывал ранее как цветообозначения, было, скорее, описательными словосочетаниями. К примеру, *a³hoa³saa³ga¹* ‘зеленый’ буквально переводится как ‘незрелый временно’, а *bi³i¹sai³* ‘красный’ — как ‘крови подобное’ или даже ‘кровеподобие’ (-*sai* — суффикс-номинализатор)³⁰. Соответственно, вместо обозначений цвета индейцы пираха используют сравнения (как в свободных, так и в устойчивых сочетаниях, например, по описанию Эверетта, фонарик в его руках называли «подобным молнии»).

При этом нельзя сказать, что подобная неразвитость системы цветообозначений уникальна (а именно это Эверетт утверждал в «Культурных ограничениях...»). Согласно А. Вежбицкой³¹, в языке вальбири (Австралия) нет ни цветообозначений, ни слова *цвет*. Те слова, которые в вальбири принимают за цветообозначения, на самом деле являются уподоблением какому-либо прототипическому референту — реальному объекту — по определенному признаку: *yalyu-yalyu* ‘кровь-кровь’, *karntawarra-karntawarra* ‘охра-охра’, *yukuri-yukuri* ‘трава-трава’³².

Здесь мы сталкиваемся с тем, что, хотя наличие в языке цветообозначений, по-видимому, не является языковой универсалией, сам факт семантических переносов и сравнений («трава-трава», «кровеподобие» и т. д.) указывает на то, что в этих языках существуют регулярная многозначность, метафоры и метонимии. Регулярная многозначность характерна для лексики³³, более того, ее можно отнести к языковым

²⁹ С. Шелдон записывал цветообозначения пираха для обзора, создававшегося коллективом авторов под руководством Брента Берлина и Пола Кея с конца 70-х гг. XX в. по 2009 г.: *Kay P., Berlin B., Maffi L., Merrifield W. R., Cook R.* The World Color Survey. Standford: CSLI, 2009. Обзор основан на знаменитой монографии Б. Берлина и П. Кея: *Berlin B., Kay P.* Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1969.

³⁰ В транскрипции Шелдона выделяется не два, а три тона — высокий (цифра 1 над строкой), средний (2) и низкий (3). В транскрипции Эверетта данные выражения могут быть записаны как *ahoas aaga* и *biisai*.

³¹ *Wierzbicka A.* Why there are no ‘colour universals’ in language and thought // *Journal of the Royal Anthropological Institute.* 2008. Vol. 14. P. 407—425.

³² *Ibid.* P. 410.

³³ См., например: *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издат. фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

универсалиям³⁴ и связать с главной из этих универсалий — тем, что язык является системой, состоящей из знаков-символов (ср. замечание Уэнди Сандлер, исследователя жестовых языков: *The critical features that make sign languages languages are the creation of symbols — something that no ape can do... and their manipulation in a rule-governed grammatical system* «Главные характеристики, которые делают языки жестов языками, — это создание знаков-символов (человекообразные на это не способны) ...и манипулирование ими в грамматической системе по определенным правилам»³⁵; как известно, знак-символ, в отличие от иконического или индексального знаков по классификации Чарльза Сандерса Пирса, не имеет мотивированной связи с обозначаемым предметом или явлением).

Многозначность не мешает точному пониманию: контекстом обуславливается то, в каком из значений употреблено слово³⁶. Убедительной представляется гипотеза, объясняющая всеобщий характер многозначности тем, что в процессе когнитивного развития ребенка «совокупность базовых концептов отражает **концептуальное представление** окружающего мира», и в этом представлении элементарными единицами выступают «**целостные поименованные концепты** и их референты: реальные предметы, живые существа, качества и действия»³⁷. В возрасте около двух лет у ребенка скачкообразно начинает формироваться смысловое представление мира: он начинает делить прежде целостные базовые концепты на отдельные, гораздо более мелкие части, а также манипулировать ими, по мере необходимости разделяя их или объединяя (как друг с другом, так и с целостными концептами)³⁸. Дифференциация проявляется не только в языке, но и в поведении, в частности в стремлении разделить физический объект (игрушку, цветок, лист дерева и т. д.) на составные части, которое начинает проявляться примерно в этом же возрасте³⁹.

³⁴ Кошелев А. Д. Почему полисемия является языковой универсалией? (Когнитивная природа и языковая функция многозначных слов) // Слово и язык. Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 695—735.

³⁵ Sandler W. Vive la différence: Sign language and spoken language in language evolution // Language and Cognition. 2013. Vol. 5 (2—3). P. 197—198.

³⁶ Шмелев Д. Н. Современный русский язык. Лексика. М.: Просвещение, 1977. С. 85.

³⁷ Кошелев А. Д. Почему полисемия является языковой универсалией?.. С. 730.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 732.

Следствием из этого является наличие в языке композитов и фразеологических единиц (устойчивых словосочетаний, для которых характерна идиоматичность, т. е. переинтерпретация, определенная степень непрозрачности и усложнение способа указания на денотат⁴⁰). Впрочем, провести грань между словом и фразеологизмом не всегда легко, ср. кит. *дюсаньласы* ‘забывчивость’ (букв. ‘забыть три, потерять четыре’) и самоназвание пираха *hiaitihi* (букв. ‘он/она⁴¹ есть прямой/прямая’).

К следствиям из регулярной многозначности мы можем отнести и энантиосемию — наличие у слова двух противоположных значений, как в пираха *xibipiio* ‘появляться; исчезать’. Д. Эверетт объясняет этот пример энантиосемии принципом непосредственности восприятия: этим глаголом объясняется любое изменение в поле зрения говорящего (с точки зрения предикатной логики — квантор существования и его отрицание). Интересно, что подобную энантиосемию и, возможно, отражение эвереттовского принципа (ПНВ) мы вполне можем увидеть в некоторых индоевропейских языках: так, в ирландском (гойдельская ветвь кельтской группы) родственными словами являются предлоги *do* ‘к (кому-л. / чему-л.)’ и *de* ‘от (кого-л. / чего-л.)’, а наречия «всегда» и «никогда» (квантор всеобщности и его отрицание) совпадают. Более того, «всегда / никогда» разделено во времени: *riamh* ‘всегда / никогда в прошлом и настоящем’ и *go deo* ‘всегда / никогда в будущем’).

Грамматические особенности: уникальное, распространенное и универсальное. Как мы писали выше, Д. Эверетт пришел к выводу, что в пираха нет рекурсии. Выражается это, прежде всего, в том, что говорящие на этом языке не могут строить предложения наподобие *принеси мне гвозди, которые привез Дэн или дом друга охотника*. Вместо этого они строят цепочки простых предложений:

*Принеси гвозди. Дэн привез гвозди. Это те же самые.
У охотника есть друг. Это его дом.*

⁴⁰ См., например: Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008.

⁴¹ Любопытный факт: если, например, в английском языке обнаруживается скрытая категория рода, проявляющаяся в наличии местоимений *he*, *she* и *it* при отсутствии каких-либо грамматических различий, то в пираха можно говорить о наличии скрытой категории именных классов. В системе местоимений третьего лица есть обозначения людей, наземных животных (зверей и птиц), водных животных (рыб) и неодушевленных предметов.

В своих ранних работах (таких как обзор 1986 г.) Эверетт склонялся к тому, что пираха в некоторой степени допускает рекурсию, но при этом вместо придаточного предложения употребляется номинализация, ср.: *ti xog-i-bai gixai kahaí kai-sai* ‘я очень хочу, чтобы ты сделал мне стрелу’ (букв. ‘я хотеть-это-очень ты стрела-делание’). Кроме того, он выделял суффикс *-sai*, с помощью которого создаются придаточные условия: *Pi-boi-hiab-i-sai ti ahá-p-i-í* ‘если не будет дождя, я пойду’ (букв. ‘вода-приходить-нет-если я идти-[несовершенный вид]-[завершение]-[уверенность]’)⁴². В 2005 г. Эверетт пришел к выводу о существовании лишь одного суффикса — номинализатора *-sai*. Позднее, полемизируя с оппонентами, указывавшими на его прежние наблюдения, он писал о том, что прежде не так хорошо знал язык пираха. Что касается суффикса *-sai*, то, по Эверетту (с 2009 г. и далее), с его помощью обозначается уже известная информация (*old information*)⁴³.

Интересно, что, подвергая сомнению универсальный характер рекурсии, Эверетт фактически доказывает универсальный характер актуального членения предложения. В самом деле, практически нет языка, в котором не было бы членения на тему (уже известное), рему (новое) и элементы перехода. В пираха тема маркируется морфологически. Кроме того, как и во многих других языках (в том числе, романских — испанском и французском), в пираха субъект и объект дублируются местоимениями, ср.: *Hoagaxóai hi páxai kaopápi-sai-xáagahá* ‘Хоага’оаи поймал рыбу па’аи (у меня на глазах)’ (гlossу можно представить как «Хоага’оаи 3SG па’аи ловить-NOM/ТОПИС-EVID»)⁴⁴ или уже упомянутый пример *ti xog-i-bai gixai kahaí kai-sai*. В 2010 г. к теме рекурсии в пираха обратился Ули Зауэрланд. На основе экспериментальных данных (чтение предложений исследователем, не говорящим на пираха, и исправление ошибок информантами — носителями языка) он пришел к выводам о наличии в пираха двух разных суффиксов — номинализатора *-sai* и кондиционалиса *-sai* (т. е. подтвердил точку зрения раннего Эверетта)⁴⁵. С другой стороны,

⁴² Everett D. L. Pirahã. P. 239.

⁴³ Everett D. Pirahã culture and grammar: A response to some criticism // Language. 2009. Vol. 85 (2). P. 405—442.

⁴⁴ Здесь NOM/ТОПИС указывает на спорный статус суффикса *-sai* (номинализатор или топикализатор), EVID — на эвиденциальность (см. ниже).

⁴⁵ Sauerland U. Experimental evidence for complex syntax in Pirahã [Электронный ресурс] // Recursion in Brazilian Languages and Beyond. 2013. Режим доступа: <http://www.letras.ufrj.br/poslinguistica/recursion/papers/7-uli-sauerland.pdf>

в 2016 г. вышла совместная работа Эверетта с сотрудниками Мас-сачусетского технологического института на основе корпуса языка пираха. Авторы пришли к выводу, что оба суффикса обозначают уже известную информацию и могут быть не связаны с вложением (например, в двух контекстах употребления нельзя даже предположить наличия придаточных)⁴⁶.

Если вывод Эверетта об отсутствии рекурсии все-таки верен, то язык пираха нельзя считать единственным в своем роде. Нечто подобное было обнаружено группой исследователей из США и Израиля, изучавших жестовый язык, самостоятельно возникший в общине с большим числом глухих и слабослышащих в первой половине XX в. и развивающийся по сей день⁴⁷. Этот язык, известный как ABSL (*Al-Sayyid Bedouin Sign Language* ‘жестовый язык бедуинов из клана ас-Сайид’), характеризуется постепенной эволюцией грамматики. Исследователи успели застать в живых первых носителей этого языка, зафиксировали четыре возрастных страты, отличающиеся друг от друга последовательным усложнением морфологии и синтаксиса. На ранних стадиях развития у них обнаруживается тенденция к использованию цепочек клауз, состоящих из имени (это имя может играть роль агенса, пациенса, экспериенцера и пр., но формально остается субъектом) и глагола или даже одного глагола, ср.: ЖЕНЩИНА СИДЕТЬ; ДЕВОЧКА КОРМИТЬ ‘девочка кормит женщину’, СТОЯТЬ (ПРАВАЯ СТОРОНА ТУЛОВИЩА); СТОЯТЬ (ЛЕВАЯ СТОРОНА ТУЛОВИЩА); ДАВАТЬ ‘он [стоящий справа] дает ей [слева] мяч’⁴⁸. В речи более молодых носителей уже появляется разделение на субъект и объект: МУЖЧИНА СТОЯТЬ-ЗДЕСЬ; ЖЕНЩИНА РУБАШКА ДАВАТЬ; МУЖЧИНА БРАТЬ ‘женщина дает мужчине рубашку’⁴⁹;

⁴⁶ Futrell R., Stearns L., Everett D. L., Piantadosi S. T., Gibson E. A corpus investigation of syntactic embedding in Pirahã // PLOS ONE. 2016. Vol. 11 (3). P. 15.

⁴⁷ См., например: Sandler W., Meir I., Dachkovsky S., Padden C., Aronoff M. The emergence of complexity in prosody and syntax // *Lingua*. 2011. Vol. 121 (13). P. 2014—2033.

⁴⁸ Padden C., Meir I., Sandler W., Aronoff M. Against all expectations: Encoding subjects and objects in a new language // Gerds D., Moore J., Polinsky M. (eds). Hypothesis A / Hypothesis B: Linguistic Explorations in Honor of David M. Perlmutter. Cambridge, MA: MIT Press, 2010. P. 383—400. Цитируется по электронной версии (режим доступа: <https://quote.ucsd.edu/padden/files/2013/01/AgainstAllPMSA.pdf>. P. 12).

⁴⁹ Sandler W., Meir I., Dachkovsky S., Padden C., Aronoff M. The emergence of complexity in prosody and syntax. P. 18.

как видим, в этом контексте используется только прямое дополнение. Отдельные жестовые и мимические единицы приобретают грамматическое значение, появляется вложение (*embedding*, т. е. рекурсия): например, в предложении СОБАКА МАЛЕНЬКИЙ INDEX_i⁵⁰ («она») Я НАХОДИТЬ ПРОШЛЫЙ НЕДЕЛЯ INDEX_k («там») // УБЕЖАТЬ ‘маленькая собака, которую я нашла на прошлой неделе, убежала’⁵¹, помимо жестов, употреблены дополнительные маркеры: наклон головы (маркировка темы, обозначенная в данном примере двойной косой чертой), движения бровей (‘продолжительность действия’) и глаз (прищуривание ‘сообщение фактической информации’). Фактически они приобретают характеристики служебных слов и морфем в звуковых языках.

Постепенное усложнение ABSL проходило в четыре этапа — фактически с каждым новым поколением:

1) простые конструкции, выполняемые с помощью рук (пример — рассказ человека из первого поколения говорящих на ABSL: короткие фразы из одного-двух слов, т. е. знаков-символов, в сопровождении пантомимы — иконических знаков с участием всего тела⁵²);

2) выделение субъекта и объекта, маркеры темы и ремы (движения головы);

3) сложные предложения, выражение иллокутивной силы (мика, аналоги просодии — положение рук и тела, повторение жеста), вводные слова, вставные конструкции, аналог логического ударения, появление новых грамматических показателей (движения головы, мика);

4) вставленные предложения и вставки внутри них, противопоставление двух референтов, появление новых грамматических показателей (движения и положение тела, ведущая рука vs. ведомая рука)⁵³.

Вполне возможно, что подобное усложнение происходило и со «звучащими» языками, и тогда пираха оказывается просто «застывшим» на стадии, соответствующей второму этапу ABSL.

⁵⁰ INDEX — здесь: жест с применением указательного пальца (говорящий на ЖЯ показывает на что-либо реальное или воображаемое пальцем).

⁵¹ Sandler W. Vive la différence: Sign language and spoken language in language evolution. P. 197—198.

⁵² Ibid. P. 198.

⁵³ Ibid. P. 200.

Если же верны выводы Зауэрланда и раннего Эверетта, то возникает вопрос: почему тогда пираха чаще пользуются простыми предложениями? Здесь надо отметить, что во многих языках (в том числе и в русском) сложноподчиненные предложения стилистически маркированы: в устной речи придаточные предложения, причастные и деепричастные обороты встречаются не так часто, как в письменной, а в разговорном стиле — не так часто, как в книжных. Подобную маркированность мы встречаем, в частности, в бретонском языке, где под влиянием богослужебной латыни и грамматики Присциана сформировался особый стиль, так называемый *brezhoneg beleg* ‘поповский бретонский’. Его особенностью является появление придаточных определительных предложений с союзом *pehini* ‘каковой, который’, являющимся калькой с лат. *qui*. В устной речи такие придаточные не использовались, а сам этот стиль часто становился предметом насмешек простого народа и национальной интеллигенции⁵⁴. Такую же маркированность мы видим в разговорном ирландском языке. Здесь одновременность действий выражается не с помощью придаточных времени, начинающихся с *nuair a* ‘когда’, а с помощью длинных сложносочиненных предложений — фактически цепочек клауз, ср.: *Tráthnóna Dé Sathairn, 's mé 'stigh i dtigh óil, // Sa chúinne go seascair is piúnt os mo chómhair* ‘когда я суббота́тним вечером тихо сидел в углу пивной с пинтой пива’ (букв. ‘вечер суббота́ты, и я внутри в доме питья, // В углу тихо, и пинта напротив меня’; из народной песни *Na Tailliúirí* ‘портные’).

Наконец следует остановиться на ряде грамматических явлений, общих для пираха и многих других языков. В 12-й главе Эверетт достаточно подробно описывает грамматику. Это агглютинирующий язык, в котором у аффиксов (в данном случае, как и во многих агглютинирующих языках, например тюркских и финно-угорских, у суффиксов) есть только одно значение. Суффиксы прикрепляются преимущественно к глагольным основам (ср., однако, притяжательный суффикс *-pai* ‘мой’, добавляемый к существительным). В грамматике пираха есть категория эвиденциальности — явное указание на источник сведений говорящего об истинности высказывания («я знаю, потому что видел», «я знаю, потому что слышал»,

⁵⁴ См., например: *Muradova A. The Breton Verb *endevout* and the French *avoir*: The influence of descriptive grammars on Modern Breton verbal system // Studia Celtologica 6. Łódź, 2012. P. 65—74.*

«я предполагаю»). Хотя ее нельзя отнести к языковым универсалиям, она широко распространена во многих языках⁵⁵, в частности в тюркских, некоторых финно-угорских (эстонский), северокавказских (лезгинский) и ряде языков Южной Америки. Пример эвиденциальности: тат. *бардың* ‘ты ходил’, *ул бер атнага кунакка килде* ‘он(а) на неделю в гости приходил(а)’ (прямая информация) vs. *баргаң, ул бер атнага кунакка килгән* (то же значение, косвенная информация). Кроме того, из примеров на языке пираха мы можем сделать вывод о противопоставлении переходных и непереходных глаголов в пираха (что представлено, по-видимому, во всех известных нам языках).

Вместо заключения. В сущности, между точкой зрения генеративистов и мнением Эверетта о языке как инструменте культуры нет фундаментальных противоречий: коль скоро человеческие общества имеют определенное сходство, то известное сходство может быть и у их сколь угодно далеких культур, а значит, какие-то общие черты можно найти и в языках.

Даже если идеи Эверетта не вполне точны, нет никакого сомнения в том, что они заслуживают самого пристального внимания и непредвзятого анализа. На попытки немедленно отвергнуть концепцию Эверетта можно ответить словами философа и историка науки Карла Поппера: «Мы хотим большего, чем просто истины. Мы ищем интересную истину, которую нелегко получить. <...> негативисты (такие как я) несомненно предпочтут попытку решить интересную проблему с помощью смелого предположения, даже если вскоре обнаружится его ложность, перечислению истинных, но неинтересных утверждений»⁵⁶.

П. С. Дронов

⁵⁵ См., например: *Макарец М. М.* Эвиденциальность в пространстве балканского текста. М.; СПб.: Нестор-История, 2014; *Aikhenvald A. Y.* Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

⁵⁶ *Поппер К.* Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983. С. 347—348.

НАСКОЛЬКО НЕОБЫЧЕН ЯЗЫК ПИРАХА?*

Не так уж часто научные работы в области лингвистики оказываются интересными людям, никак с этой наукой не связанным. Как правило, сенсационными становятся, наоборот, не совсем корректные (а то и псевдонаучные) заявления о языках — от расхожего мифа про пятьдесят эскимосских обозначений для снега (однажды такой пример неосторожно привел в своей работе антрополог Франц Боас в 1911 г.¹, а публично его развенчали только через несколько десятков лет²) до откровенной лженауки («этруски — это русские», «в Атлантиде говорили по-баскски»).

Но статья Даниэла Эверетта, вышедшая в 2005 г. в журнале *Current Anthropology*³, произвела в некоторых кругах поистине колоссальный фурор. Самые разнообразные СМИ пестрили заголовками, так или иначе дававшими понять: речь в тексте заметки пойдет об уникальном языке и об уникальной культуре.

Так что неудивительно, что после публикации этой статьи языку пираха уделили особое внимание некоторые скептически настроенные лингвисты. Часть из них отправилась в Бразилию проводить полевые исследования с индейцами пираха; другие опирались в своих

* Я благодарю Ану Суэлли Арруду Камару Кабрал, Ариэла Феулу ду Коуту и Силву, Дмитрия Николаева и в особенности Марию Шкапу за плодотворные обсуждения на смежные темы.

¹ *Boas F.* Handbook of American Indian languages. Washington: US Government Printing Office, 1911.

² *Martin L.* «Eskimo words for snow»: A case study in the genesis and decay of an anthropological example // *American Anthropologist*. 1986. Vol. 88 (2). P. 418.

Pullum G. K. The great Eskimo vocabulary hoax and other irreverent essays on the study of language. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

³ *Everett D. L.* Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. P. 621—646.

работах только на чужие опубликованные труды (в основном самого Эверетта), придирчиво выискивая в них противоречия.

Самым сильным — и самым спорным — стало предположение Эверетта о том, что отдельные грамматические особенности языка пираха объясняются не чем иным, как так называемым *принципом непосредственности восприятия* (далее я буду сокращенно называть его ПНВ). В этой книге о ПНВ довольно подробно говорится во второй главе. Ниже я попробую изложить альтернативные взгляды на особенности языка пираха, а также то, что об этих взглядах думает сам Эверетт.

Здесь и далее, если не указано иначе, приводимые примеры и рассуждения с критикой гипотез Эверетта взяты из работ Невинса, Песецки и Родригис⁴, а точка зрения самого Эверетта иллюстрируется примерами и утверждениями из его диссертации, упомянутой выше статьи в *Current Anthropology*, а также статьи, где он отвечает Невинсу, Песецки и Родригис на их критику⁵.

Данные языка пираха и вложенные конструкции. Разумеется, основным тезисом Эверетта, которое пытаются опровергнуть ученые, стало утверждение об отсутствии в пирахе *вложенных конструкций* — нанизанных посессивов (вроде «дом отца девочки»), а также придаточных предложений разных типов. Кроме того, согласно Эверетту, тем же принципом объясняется отсутствие в языке пираха числительных и прочих счетных слов, относительных глагольных времен, простых цветообозначений, а также примитивность пираханской системы местоимений. Конечно же, каждая из этих языковых особенностей привлекла к себе повышенное внимание лингвистов.

В этом послесловии я намеренно избегаю слова «рекурсия», поскольку к нему тоже можно придаться. Так, в некоторых недавних разновидностях порождающей грамматики (например, в минималистской программе⁶) принято считать, что предложения склеиваются

⁴ Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment // *Language*. 2009. Vol. 85 (2). P. 355—404.

Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Evidence and argumentation: A reply to Everett (2009) // *Language*. 2009. 85 (3). P. 671—681.

Salles R. O. Understanding recursion and looking for self-embedding in Pirahã. The case of possessive constructions. Rio de Janeiro: PUC-Rio, 2015.

⁵ Everett D. L. Pirahã culture and grammar: A response to some criticisms // *Language*. 2009. Vol. 85 (2). P. 405—442.

⁶ Chomsky N. *Derivation by phase*. Cambridge: MIT, 1999.

из более мелких единиц при помощи так называемой операции *Merge*; таким образом, любое предложение длиннее двух слов строится путем применения операции *Merge* к результату операции *Merge*. Поэтому последователи этих разновидностей порождающей грамматики усматривают рекурсию в формировании любого предложения длиной больше двух слов в любом языке, а в языке пираха, безусловно, есть предложения длиннее двух слов. Но Эверетт в своей статье в *Current Anthropology* и не утверждает, что в пираха отсутствует **рекурсия**; речь идет только об особом типе вложенных конструкций: согласно Эверетту, как можно понять из текста статьи и из приводимых им примеров, в пираха запрещено вложение синтаксических конструкций одного и того же типа (причем считаются только конструкции, содержащие хотя бы два слова). Например, значение *обладателя* (как в русском словосочетании *книга друга*) в пираха не может быть выражено словосочетанием с указанием на обладателя этого обладателя (*книга моего друга*).

«**Обладатель обладателя**». Итак, если верить Эверетту, грамматика языка пираха запрещает конструкции вроде *книга моего друга*. Похожие ограничения бывают и в других языках, например в немецком⁷. Одним из способов выразить принадлежность по-немецки является родительный падеж:

Hansens Auto
Ганса машина
'машина Ганса'

Но нанизать слова в родительном падеже по-немецки, как по-русски, нельзя; вот так по-немецки сказать невозможно (неправильные предложения в лингвистических работах принято обозначать звездочкой):

*Hansens Autos Motor
Ганса машины мотор
'мотор машины Ганса'

В случае немецкого есть предположения, почему подобные конструкции запрещены; эту особенность связывают с особенностями приписывания родительного падежа (в рамках теории порождающей грамматики). Как бы то ни было, ПНВ здесь совершенно точно ни при чем.

⁷ Пример из: Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment. P. 367.

В пираха нанизывание обладателей друг на друга, согласно Эверетту, запрещено еще строже: в этом языке нет никакого способа выразить вложенное обладание с тремя участниками в одном предложении. Например, нельзя сказать:

*Kóxoí hoagí kai gáihí xíga
 Ko'oi сын дочь это правда
 'Это дочь сына Ko'oi.'

Эверетт замечает, среди прочего, что все пираха знают всех остальных пираха и знают, кто кем кому приходится, так что им не приходится оперировать больше, чем одним уровнем обладания, и необходимость выражать подобные значения избыточна (впрочем, неясно, каким образом это положение связано с ПНВ). Нельзя не задаться вопросом: раз все всех знают, почему тогда можно оперировать одним уровнем обладания (иначе говоря, почему можно сказать «сын Ko'oi»)? А также как это соображение объяснит, почему нельзя сказать «каноэ сына Ko'oi»?

Кроме того, одна только избыточность еще ничего не значит: в языках мира обычно есть способы выражать тривиальную информацию. За примерами далеко ходить не надо: в пираха вполне возможны реплики вроде «Это дочь Исааби. Сын Ko'oi — тот же человек <тот же, что Исааби>». Так что апеллировать к избыточности — не слишком удачная идея⁸.

Как бы то ни было, упомянутая особенность немецкого синтаксиса для ситуации пираха не очень релевантна. Эверетт подчеркивает, что одно и то же явление может совершенно независимо быть следствием абсолютно разных принципов — в этом случае культурного принципа (ПНВ) и синтаксического принципа, препятствующего нанизыванию родительного падежа в немецком языке.

Более того, некоторым исследователям, занимавшимся пираха, удалось, как они утверждают, записать примеры фраз с нанизанными посессивами:

Iapohen baíxi xapaitá kobiaí
 Иапохен мать волосы белый
 'Волосы матери Иапохена седые.'
 (полевые материалы Силени Родригис)

⁸ Подробнее см.: *Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment.* P. 368—369.

Встретились и другие похожие конструкции: ‘Волосы моей жены темные’, ‘Голова сына Пихоюо маленькая’, ‘Это дом моего брата’, ‘Платье твоей жены синее’, ‘Это собака моей жены’, ‘Мотор моей лодки маленький’, ‘Мотор каноэ Капоого большой’ (полевые материалы Райани Саллис).

Если эти данные корректны, то аргумент Эверетта о вложенных обладателях отпадает за ложностью материала. Однако корректность этих фактов еще предстоит доказать независимым исследователям: Родригис и Саллис не описывают детально, каким именно образом они вытащили эти фразы из носителей пираха. Пока что экспериментальные данные других лингвистов⁹ не подтверждают этих находок.

Придаточные предложения. Если в языке нет вложенных конструкций, то и придаточных предложений в нем тоже не может быть: придаточное предложение на то и придаточное, что зависит от другого предложения.

Посмотрим на такие предложения:

hi ob-áaxái kahaí kai-sai
 он(а) знать-очень стрела делать-sai
 ‘Он действительно умеет делать стрелы.’

Xoogiái hi xob-áaxái xapaitiisi xohoai-sai
 Оогиаи он(а) знать-очень язык пираха говорить-sai
 hiaitíhi xigiábi-koí
 пираха каклюди-же
 ‘Оогиаи действительно умеет говорить на языке пираха,
 как индейцы пираха.’

Можно было бы предположить, что *-sai* обозначает так называемую *нефинитную* форму глагола (что-то вроде отглагольного существительного или инфинитива). Для языков Амазонии (да и не только) очень типично оформлять глагол в придаточном предложении примерно таким образом. Если такая интерпретация показателя *-sai* верна, то здесь налицо типичные вложенные (придаточные) предложения: *hi ob-áaxái [kahaí kai-sai]* ‘он знает [делание стрел]’, *Xoogiái hi xob-áaxái [xapaitiisi xohoai-sai]* ‘Оогиаи знает [говорение на пираха]’¹⁰.

⁹ Piantadosi S. T., Stearns L., Daniel L. E., Gibson E. A corpus investigation of syntactic embedding in Pirahã // PLOS ONE. 2006. Vol. 11 (3).

¹⁰ Подробнее см.: Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment. P. 369—370.

Но Эверетт считает, что в этих предложениях представлен так называемый паратаксис, то есть, грубо говоря, два отдельных предложения, поставленные рядом (вроде «Мартинью платит мало, Оогииа платит больше» — буквально так на языке пираха выражается идея сравнения). Какие аргументы он приводит?

Язык пираха относится, наряду с такими языками, как эстонский, турецкий, грузинский и латынь, к языкам SOV. Это значит, что стандартный порядок слов в пираха такой: сначала подлежащее, потом прямое дополнение, потом глагол. Поэтому Эверетт считает, что в предложении вроде *hi ob-áaxái kahaí kai-sai* у глагола *знать* (он же *видеть*, здесь в форме *ob-áaxái*) нет прямого дополнения, иначе бы оно стояло *левее* словоформы *ob-áaxái*, и поэтому трактовать это предложение как ‘Он знает делание стрел’ не выйдет. Эверетт предлагает другую трактовку: ‘Он знает. Делание стрел’.

Но далеко не во всех случаях в языке пираха прямое дополнение помещается между подлежащим и сказуемым! Иногда оно может выноситься в конец (например, когда оно слишком громоздкое; согласно Эверетту, так бывает, когда оно длиннее шести слогов¹¹):

ti hobaisogabagai [hiaitiíhi ti xahaigí]
я хотел было видеть пираха я брат
‘Я хочу увидеть моих братьев-пираха.’

tiobáhai kohoáihiaba [tomáti gihiókasí píaii taípiáii]
ребенок не есть помидор фасоль тоже листоже
‘Дети не едят помидоры, фасоль или зелень.’

В принципе, ничего не мешает существованию отдельного правила, по которому придаточные предложения помещались бы в позицию после сказуемого. В конце концов, дополнение, выраженное целым предложением (как говорят, *сентенциальное*), — громоздкая штука. Более того, похоже, что в одном зафиксированном Эвереттом случае придаточное предложение оказалось достаточно коротким, чтобы затесаться между подлежащим и сказуемым:

hi [ti xapi-sai] xoghiaba
он(а) я идти-sai не хочет
‘Он не хочет, чтобы я уходил’ (*букв.* ‘Он не хочет моего ухода’).

¹¹ Everett D. L. Pirahã // Handbook of Amazonian languages. Vol. 1 / Ed. by D. C. Derbyshire, G. K. Pullum. Berlin: Mouton de Gruyter, 1986. P. 206.

В этом примере паратаксис не очень поможет: местоимение третьего лица окажется совершенно оторванным от сказуемого¹².

В своих новейших анализах Эверетт отказался от того, чтобы интерпретировать *sai* как показатель нефинитности глагола (иначе говоря, номинализатор). Вместо этого он утверждает, что *-sai* обозначает «старую информацию»¹³, и приводит примеры, когда к корню глагола с показателем *-sai* добавляются дополнительные показатели, типичные для финитных глаголов:

(hi) kosaagá (hi) kahaí kai-sai-híai
 он(а) не знать (он) стрела делать-sai-говорят
 ‘Он не умеет делать стрелы, как говорят.’

Но, если этот анализ верен, у Эверетта больше не остается аргументов, чтобы предпочесть описание с использованием паратаксиса описанию с использованием придаточных предложений! Если раньше он говорил о прямом дополнении и порядке слов, то теперь не приходится считать, что речь шла о прямом дополнении: если форма глагола с показателем *-sai* финитная, то у нас нет права считать, что он может быть прямым дополнением.

Есть и другой способ отличить паратаксис от вложенных предложений, а именно отрицание. Известно, что отрицание сказуемого главного предложения в некоторых случаях относится и к сказуемому зависимого предложения (бывает по-разному в зависимости от семантического типа сказуемого). Например, русские предложения «Я приказываю тебе сделать стрелу» и «Я приказываю тебе. Сделай стрелу!» значат примерно одно и то же, а вот «Я не приказываю тебе сделать стрелу» и «Я не приказываю тебе. Сделай стрелу!» довольно сильно расходятся в значениях.

В диссертации Эверетта есть такой пример:

tí xibíbihiabiigá kahaí kai-sai
 я не приказывать стрела делать-sai
 ‘Я не приказываю / не дам тебе сделать стрелу.’

¹² Подробнее см.: *Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment.* P. 372—375.

¹³ *Everett D. L. Pirahã culture and grammar: A response to some criticisms.* P. 405—442.

Если этот перевод верен, то это еще один аргумент против паратак-сиса¹⁴. Однако в более поздних работах Эверетт переводит его несколько иначе: ‘Я не приказываю. Ты делаешь стрелы’. Очевидно, и здесь требуются независимые исследования, которые бы специально концентрировались на отрицании сказуемого главного предложения.

Сторонники и противники Эверетта спорят об особенностях и других типов конструкций (которые противники считают придаточными предложениями, а Эверетт нет) — это конструкции вроде «гамак, который я купил» и другие. Здесь я подробно на них останавливаться не буду.

Глагол говорения. Уже памятный нам показатель *-sai* имеет необычную особенность: в предложениях с косвенной речью он прикрепляется не к сказуемому в цитируемой реплике, как можно было бы ожидать от придаточного предложения, а к самому глаголу *сказать*:

ti gáí-sai Kóhoí hi kaháp-íí
я сказать-sai Ко'ои он(а) собираться уйти
‘Я сказал, что Ко'ои собирается уйти.’

Поскольку, по Эверетту, придаточных предложений в пираха не существует, буквально это предложение устроено так: «Моя речь. Ко'ои собирается уйти».

В более поздних работах Эверетт выступил с гипотезой о том, что на самом деле *sai* — показатель так называемой «старой информации». В таком случае не очень ясно, почему глагол речи почти всегда сопровождается показателем «старой информации» и что именно этот показатель вообще значит. Но одно в анализе Эверетта остается неизменным: «Ко'ои собирается уйти» — это отдельное предложение, никаким образом не зависимое от предложения, обозначающего речевой акт.

Противники Эверетта напоминают, что в пираха, как и в русском, есть нулевая связка:

giopaíxi hi sabí-xi
собака он(а) дикий-очень
‘Собака действительно дикая.’

Они утверждают, что это позволяет интерпретировать косвенную речь как придаточное предложение: «Моя речь — [что Ко'ои

¹⁴ Подробнее см.: Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment. P. 375.

собирается уйти]»¹⁵. Однако этот аргумент не очень сильный, ведь даже по-русски предложения вроде «Мое мнение: все здесь неправы» абсолютно нормальны.

Чтобы выяснить, идет ли в этом случае речь о подчинении или сочинении, лингвист Ули Зауэрланд провел следующий эксперимент¹⁶. Он попросил носителя пираха по имени Тои произнести некоторые фразы (как обычные, например «Я посеял кукурузу», так и заведомо ложные фразы вроде небылиц, например «Я был на луне»), а другого носителя он попросил произносить предложения вида «Тои сказал, что...» и записал всё это на аудио. Затем другим носителям пираха воспроизводились эти записи в разных комбинациях: в части из них с одной и той же фразой, а в части с разными. Их просили сказать, истинное или ложное высказывание они слышали. Фразы выглядели примерно так:

Тои: Я сплю в лодке.

второй носитель: Тои говорит, что он спит на дереве¹⁷.

¹⁵ Подробнее см.: *Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C. Pirahã exceptionality: A reassessment*. P. 381—383.

¹⁶ *Sauerland U. False speech reports in Pirahã: A comprehension experiment* [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ling.auf.net/lingbuzz/002850>

¹⁷ Отмечу, что в языке пираха в косвенной речи на самом деле не происходит замены местоимения. Буквально такие фразы устроены как «Речь Тои: я сплю на дереве». Это никоим образом не значит, что здесь представлено сочинение, а не подчинение; в таких языках, как мацес (Бразилия, Перу) или грузинский, тоже представлено это явление. В грузинском есть даже два способа выражать косвенную речь: с согласованием времен (как в английском) и лиц и без такого согласования. Можно привести такие грузинские примеры:

მან თქვა, “ხვალ კინოში წავალ.”

ман тква хвал к'иноши ц'авал

он сказал завтра в кино пойду

‘Он сказал: «Завтра я пойду в кино».’

მან თქვა, ხვალ კინოში წავალო.

ман тква хвал к'иноши ц'авал-о

он сказал завтра в кино пойду-косвенная речь

‘Он сказал, что завтра он пойдет в кино’ (букв. ‘Он сказал, мол, завтра я пойду в кино’).

მან თქვა, რომ მომდევნო დღეს კინოში წავიდოდა.

ман тква ром момдэвно дгъэс к'иноши ц'авидოდა

он сказал что следующему дню в кино пошел бы (3 лицо)

‘Он сказал, что на следующий день пойдет в кино.’

(Материал из: *Aronson H. I. Georgian: A reading grammar*. Boolington, Indiana: Slavica Publishers, Inc., 1990.)

Тои: Я был на луне.

второй носитель: Тои говорит, что он был на луне.

Некоторые носители, видимо, не очень хорошо поняли задание (что в сложных условиях эксперимента не очень удивительно) и стабильно на все или почти на все вопросы отвечали «да» (возможно, они подумали, что им нужно оценивать только грамматическую правильность фраз). Другие носители, наоборот, на все или почти на все вопросы регулярно отвечали «нет». А вот ответы остальных носителей чаще оказывались верными, чем неверными; статистический анализ подтверждает, что они отвечали на вопросы не случайным образом.

По мнению Зауэрланда, это возможно только в том случае, если предложения с глаголом речи вовлекают синтаксическое подчинение.

Нужно сказать, что отношение подчинения можно выделять не только на синтаксическом уровне, но и на более высоких уровнях, например на уровне глобальной структуры дискурса. Так, в 1988 г. Уильям Мэнн и Сандра Томпсон придумали так называемую *теорию риторических структур*. Согласно этой теории, можно составлять деревья отношений для целых текстов. Всего авторы теории выделяют около двух десятков риторических отношений, и они делятся на партактические (сочинительные) и гипотактические (подчинительные). Отсутствие подчинительного отношения в синтаксисе (как в примере «Мое мнение: все здесь неправы») еще не значит, что на уровне глобальной структуры дискурса отношение тоже будет подчинительным¹⁸. Граница между этими уровнями не очень четкая, но, так или иначе, тезис Эверетта об отсутствии вложенных конструкций затрагивает *синтаксические* отношения. О риторических отношениях он ничего не говорит.

Прочие особенности. Эверетт считает одним из следствий ПНВ отсутствие в пираха числительных и счетных слов, полагая, что для того, чтобы оперировать количественными понятиями, необходимо уметь обобщать и мыслить абстрактно (подробнее об этом он пишет в этой книге). Однако он не отрицает наличие в пираха слов вроде

¹⁸ Мэнн и Томпсон не включили отношение цитирования (*Quote*) в список риторических отношений между пропозициями, хотя рассматривали такую возможность (*Mann W. C., Thompson S. A. Rhetorical structure theory: Toward a functional theory of text organization // Text. 1988. Vol. 8 (3). P. 278*). Следует учитывать, что набор риторических отношений во многом произволен и может быть расширен без ущерба для теории риторических структур.

«небольшое количество» (*hói*), «большое количество» (*hoi*), «все или почти все» (*xogió*) и тому подобных. Остается не вполне ясным, почему, если ПНВ запрещает выражать точное количество, он же разрешает выражать приблизительное количество.

Оппоненты Эверетта указывают на то, что известны и другие языки с крайне ограниченными возможностями выражения количества. В Южной Америке таких довольно много. К этому есть все предпосылки: в обществах охотников-собирателей, да еще не очень зависящих от торговых отношений, умение считать не приносит особой пользы. С большинством таких языков экспериментов, подобных тем, что проводились с пираха, пока, насколько мне известно, не было предпринято, и вполне может оказаться, что и во многих из этих языков нет способа выразить точное количество.

Впрочем, Эверетт подчеркивает, что совершенно неважно, подтвердится ли уникальность пираха в этой сфере: во-первых, схожие явления могут быть вызваны разными причинами, во-вторых, он и не заявляет, что пираха — единственный язык с ПНВ.

Похожие соображения применимы и к цветообозначениям пираха. Для языков Южной Америки типично не иметь производных слов для обозначения цветов, а описывать цвет сравнениями («как трава», «как кровь»). Правда, обозначения вроде «темный» и «светлый» в большинстве языков всё же есть (хотя часто у них есть и другие значения, например, ‘ночь’ и ‘день’). И снова не очень понятно, чем в отношении ПНВ отличаются наличие отдельных слов для цветов (которому ПНВ, согласно Эверетту, препятствует) и возможность выражать цвета описательно (которую ПНВ допускает).

Эверетт отмечает простоту системы местоимений в пираха и предполагает, что, поскольку они заимствованы из одного из языков группы тупи-гуарани, на более раннем этапе в пираха их вообще не было. Последнее утверждение крайне сомнительно: местоимения заимствуются в самых разных языках мира (хоть и не очень часто), и во всех этих случаях они, насколько известно, вытеснили исконные местоимения, а не появились из-за того, что до этого их не было. Что же касается простоты системы местоимений в пираха, то и на этот раз не понятно, как она должна быть связана с ПНВ. Необычным в ней может показаться отсутствие противопоставления по числу (обычно языки, где имена не изменяются по числам, имеют хотя бы местоимение «мы»), но и это встречается в языках мира (например в бразильском языке машакали) и, учитывая отсутствие категории числа у имен, едва ли поражает.

Обращает внимание он и на отсутствие времен вроде английско-го перфекта (хотя и признает сам, что перфект настоящего времени мог бы существовать в пираха), однако вряд ли этот факт показался бы ему сколько-нибудь примечательным, если бы его родным языком был русский.

Вложенные конструкции, культурные принципы и универсальная грамматика. Даниэл Эверетт подчеркивает, что совершенно неважно, уникален ли язык пираха в своих свойствах: вполне могут найтись и другие языки без вложенных конструкций, подчиняющиеся ПНВ. Для него имеет значение существование хотя бы одного такого языка, а есть ли другие — дело уже десятое.

Но и сама связь между ПНВ и вложенными конструкциями явилась объектом дискуссий. Бурное обсуждение вызвали не только непосредственно факты языка пираха, но и остальные утверждения Эверетта, связанные с постулируемой им культурно-лингвистической связью. Верно ли, что отсутствие в языке вложенных конструкций (если оно вообще имеет место) может быть следствием ПНВ и что оно опровергает тезисы Хомского и его последователей?

Оказывается, что с позиций ПНВ не так-то легко объяснить, почему в языке не должно быть вложенных конструкций. В своей статье в *Current Anthropology* Эверетт предполагает, что в языке невозможно запихнуть в предложение информацию сразу о двух событиях, поскольку для индейцев пираха в соответствии с определением ПНВ актуален только их непосредственный опыт (необязательно опыт самого говорящего; опыт, пересказанный другим живым человеком, тоже годится), а раз о двух событиях в одном предложении рассказать нельзя, то и вложить одну конструкцию в другую нельзя.

На это можно возразить две вещи. Во-первых, это рассуждение не объясняет, почему в одном предложении не может быть информации о двух событиях, каждое из которых находится в рамках непосредственного опыта говорящего. Например, предложение вроде «Х сказал, [что приближается лодка]» не нарушает ПНВ в формулировке Эверетта: говорящий вполне мог присутствовать при речевом акте Х-а (непосредственный опыт № 1), а о приближающейся лодке, как и положено, говорящему сообщил живой человек (непосредственный опыт № 2). Так что не совсем понятно, почему ПНВ должен запрещать подобные реплики.

Во-вторых, даже если мы предположим, что найдется объяснение этой нестыковке, вложенные конструкции очень часто не вовлекают

несколько событий! Например, в предложениях вида «Пришли старые [мужчины и женщины]» или «В каноэ [моего брата] нашлась пробоина» есть вложенные конструкции, хоть речь в каждом из них идет только об одном событии.

Очевидно, что эти рассуждения Эверетта требуют некоторой корректировки — либо формулировки самого ПНВ, либо уточнения механизма, при помощи которого ПНВ вызывает запрет на вложенные конструкции в пираха (всё это, конечно, при условии, что вложенных конструкций в пираха действительно нет).

В том, что касается Универсальной Грамматики, позволю себе вслед за Эвереттом процитировать самого Хомского (газета *Folha de São Paulo*, номер от 1 февраля 2009 г.), где он, среди прочего, обвиняет Эверетта в умышленном обмане:

Эверетт надеется, что читатели не разберутся, чем отличается Универсальная Грамматика в техническом смысле (теория о врожденной составляющей человеческого языка) и в неформальном смысле — описание свойств, присущих всем языкам мира. Носители пираха генетически не отличаются от остальных людей, и дети пираха вполне способны выучить человеческий язык. Но что, если бы и не могли? Представим, что мы обнаружили племя, в котором все только ползает, а ходить не умеют, так что дети не учатся ходить и всю жизнь ползают. Всё это не давало бы никакой дополнительной информации для человеческой генетики.

Таким образом, Хомский дает понять, что в этом конфликте он защищает теорию, которую нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть никакими языковыми данными; ее истинность задается определением (хорошо хоть никому пока не пришло в голову заявлять, что учение Хомского всеильно, потому что оно верно). Такие теории в науке называются нефальсифицируемыми. Вообще говоря, обычно гипотезы и теории, обладающие таким свойством (к ним относится, например, гипотеза о существовании Бога), не могут быть объектом изучения науки.

Другое дело, что в то же время среди конкретных предсказаний о том, каким должен быть человеческий язык, он и его последователи называют-таки рекурсию. Как мы видели выше, в рамках теории порождающей грамматики примером рекурсии считается даже обычное предложение из трех слов, и в этом смысле волей-неволей придется считать, что рекурсия в пираха есть, — если, конечно, очень хочется смотреть на язык с текущих позиций этой теории.

Как так вышло? Если точка зрения Эверетта по поводу рекурсии и других упомянутых особенностей языка пираха верна, нельзя не задаться вопросом: пережиток ли это некой древней ситуации (про такие пережитки говорят *архаизм*) или же пираха стал таким в результате самостоятельного развития (это называется *инновация*)?

На этот вопрос ответить очень сложно потому, что у языка пираха не осталось ни одного живого или хоть сколько-нибудь хорошо зафиксированного памятниками родственного языка (по крайней мере такого, про который лингвисты бы не сомневались, что он родствен пираха). Это не значит, что такого языка (или группы языков) никогда не найдется: сравнительно-историческое языковедение не стоит на месте и постоянно открывает что-нибудь новое.

Как известно, в Южную Америку люди впервые попали из Северной, а в Северную — через Берингов пролив. Из этого, однако, не следует, что первые поселенцы в Америке говорили только на одном языке, как неочевидно и то, что миграция через Берингов пролив прошла только в одну волну (на самом деле ученым известно, что таких волн было как минимум две — одна древняя, другая не слишком). Вообще о заселении Америк нам известно катастрофически мало.

В то же время нет никаких данных, которые бы заставляли нас подозревать, что именно пираха существовали обособленно с самого начала заселения Америк. Генетически население коренных американцев довольно однородно, многие черты языка пираха укладываются в наши представления о том, как должен выглядеть типичный язык Южной Америки (чего нельзя сказать, например, о языках Огненной Земли). Это указывает на то, что пираха, возможно, отдаленно связан с какими-то другими южноамериканскими языками. Поскольку для других языков подобных особенностей до сих пор не отмечалось и нет причин предполагать, что несколько тысяч лет назад ситуация была иной, представляется вероятным, что пираха претерпел столь серьезные изменения за время своего обособленного существования.

Послесловие к послесловию. Забавный факт: нельзя не заметить, что в академической прозе Эверетта есть что-то от пираха¹⁹

¹⁹ Приведу один показательный пример: «Я нечетко сформулировал это в [Everett 2005]. Это обычный порядок. Но он необязателен. Я вообще не делаю заявлений об обязательных порядках слов в предложениях. Предложения 36 и 37 грамматичны (= возможны в языке)» (оригинал: «I stated this unclearly in Everett 2005. That is a common order. But it is not required. I make no claim on required orderings of the sentences as a whole. Both 36 and 37 are grammatical»).

(по крайней мере в его описании). Не берусь судить, осознанный ли это выбор.

Не все исследователи согласны с тем, что обязательно долго прожить бок о бок с носителями изучаемого языка. Большинству лингвистов (разве что за исключением миссионеров) такой возможности вообще не представляется; сейчас, скорее, принято ездить в поле время от времени, собирать данные и уезжать. Они не успевают даже научиться говорить на языке, который они описывают.

Представьте себе, что русский язык совершенно не описан и что у него нет ни письменности, ни литературной или лингвистической традиции, и вдруг в Москву приезжает лингвист из какой-нибудь дальней страны, например из Новой Зеландии. Предположим, что за два-три года ему удастся детально изучить и описать звуковой строй русского языка, составить какой-никакой словарь, описать, скажем, русское склонение и спряжение и научиться более-менее изъясняться по-русски.

Если вы когда-нибудь общались с иностранцами, которые много лет упорно изучали русский, например, в университете (используя новейшие дидактические материалы, в которых всё разжевано и понятно объяснено), то вы уже догадываетесь, что наш новозеландский герой, мягко говоря, не научится за это время понимать сто процентов естественной речи. Кстати, эксперимента ради попробуйте найти такого иностранца и спросите, как он понимает фразу: «Мне уже во где эти ваши штуки». Или покажите ему какой-нибудь эпизод современного мультсериала вроде «Масяни». Или спросите, как он понимает слова «тут» и «там» в предложении вроде: «Я тут подумала, что всякие там семинары с тренингами — полная чепуха». Если иностранец чего-то не понимает, попробуйте объяснить, можно на его родном языке. Не так-то легко, правда? Вроде бы простые слова, но словарь тут не поможет. Как и обычная грамматика.

А теперь дополнительно представьте, что наш новозеландец приезжает не в Москву, а в захолустье, где все говорят только по-русски и знают по-английски только «хеллоу». Много ли он наисследует за несколько лет?

Вот и с пираха нельзя позволить себе роскошь приехать к ним, не владея языком, раздать анкеты и надеяться в тот же день (неделю, месяц) получить ответы на интересующие вопросы. Более того, нельзя взять записанные тексты на пираха и надеяться, вооружившись

грамматикой, с бухты-барахты всё в них понять, иначе эта работа будет выглядеть как-то так:

мн-е уже во где эт-и ваш-и штук-и
я-Д. п. уже вот где этот-мн. ч. ваш-мн. ч. вещь-мн. ч.
'Мне надоели ваши действия' (букв. 'Вот [место], где уже эти
ваши вещи для меня').

Именно поэтому у Эверетта есть огромное преимущество перед всеми остальными исследователями. Из западных исследователей ему единственному доступно, видимо, довольно полное понимание речи пираха: сюда включается не только грамматика, но и прагматика и структура их дискурса. Очень вероятно, что больше никому такой возможности не представится, потому что социальный и культурный контекст пираха в последние годы очень быстро меняется (не в последнюю очередь это связано с сенсацией, которую произвели заявления Даниэла Эверетта) и такими же мы их уже не застанем.

В академической среде немногим удается выдержать такой напор критики, какой достался Даниэлу Эверетту; некоторые сдаются после первого же теоретического столкновения. Здесь важно отдавать себе отчет, что идеальных лингвистов не бывает. Все ошибаются. Каждый в какой-то момент времени защищает точку зрения (хоть бы и по пустяковому поводу), которая позже оказывается очевидно неверной. Поэтому, несмотря на то что Эверетт в настоящее время является самым авторитетным специалистом по пираха, нельзя слепо ему верить; напротив, совершенно естественно проверять и перепроверять каждое его утверждение.

Андрей Никулин
Февраль — май 2016 г.
Хельсинки, Бразилиа, Сантьяго

ПИРАХА КАК ПРИМЕР ЯЗЫКА, «ЗАСТЫВШЕГО» НА НАЧАЛЬНОЙ СТАДИИ ЭВОЛЮЦИИ

1. Мир и язык индейцев ПИРАХА

1. О языке пираха. Языку пираха — небольшого одноименного племени охотников-собирателей, живущих на берегах реки Маиси (притока Амазонки), — присущ целый ряд редких свойств: отсутствие числительных, цветообозначающих имен, грамматической категории числа, пассива, рекурсии и др. [Everett 2005; 2009; Futrell et al. 2016]. Многие из перечисленных свойств встречаются и в других языках: единственное и множественное число не различается в китайском языке, цветообозначающие имена отсутствуют в языке австралийских аборигенов из племени вальбири (Warlpiri) и т. д. Тем не менее, оказавшись собранными вместе, эти свойства выделяют пираха из известного множества человеческих языков. Естественно возникает вопрос: образовалась ли эта «коллекция» свойств случайным образом или же она является продуктом эволюционных процессов и потому вполне объяснима.

Мы постараемся показать справедливость второй альтернативы. То есть мы считаем, что перечисленные выше свойства пираха вызваны, с одной стороны, ранней стадией социального развития (уровня прогресса) племени, а с другой — своеобразием (в рамках этой стадии) его жизненного уклада.

2. Общий принцип развития: преобразование нерасчлененного целого в систему его взаимосвязанных частей. Чтобы лучше понять, в чем именно выражаются различия в развитии индейца пираха и современного человека, необходимо сначала определить сущность развития как такового. На этот вопрос отвечает общий принцип развития, восходящий фундаментальному труду Г. Спенсера «Основания биологии» [Спенсер 1899], см. также [Сеченов 1952: 272—426; Werner 2004; Чуприкова 2007; Кошелев 2011]. Согласно этому принципу элементарный цикл развития синкретичного целого заключается

в двухэтапном преобразовании этого целого в систему его частей. А именно: исходная гомогенная целостность сначала а) дифференцируется на несколько элементарных частей, обретающих статус самостоятельных единиц, а затем эти части б) интегрируются, образуя системное представление исходной целостности. Например, сначала в сознании ребенка стул представляется синкретично, в виде единого концепта, а далее, в процессе когнитивного развития, этот концепт сначала разделяется на части (концепты сиденья, ножек и спинки), а затем эти частные концепты объединяются в партитивную систему концептов, которая становится более развитым представлением синкретичного концепта стула.

Этот общий принцип подсказывает вполне конкретную гипотезу: в развитии индейцев пираха какие-то концепты их когнитивного представления мира все еще остаются синкретичными, недифференцированными, тогда как у современных людей они уже трансформировались в системы своих частей или свойств.

3. Вкус чая. Поясним эту мысль конкретным примером. Представим себе человека, который впервые пьет сладкий чай, ощущая его целостный вкус и не зная, что он складывается из вкуса воды, заварки и растворенного сахара. Сколько бы человеку ни говорили: *жидкий / крепкий* (мало / много заварки) или *несладкий / сладкий чай* — он не может понять, что обозначают эти прилагательные, поскольку указываемые ими вкусовые свойства не концептуализированы — не вычленены из целостного вкусового представления чая в самостоятельные концепты-качества. При этом человек, конечно, будет отличать более сладкий чай от менее сладкого. Но охарактеризовать это отличие он сможет только общими прилагательными типа *вкусный* или *невкусный* или описательными оборотами типа «подобен сахару». Лишь когда человек начинает сам заваривать чай или наблюдать, как это делают другие, он узнаёт о данных свойствах как отдельных компонентах вкуса чая, которые можно независимо друг от друга усиливать или ослаблять. И тогда его вкусовое представление чая превращается из синкретичного в системное и он начинает адекватно соотносить с его вкусовыми компонентами соответствующие прилагательные, усваивая тем самым их значения.

А для тонких ценителей чая вкус заварки — первоначально целостный — становится (в результате их специальной деятельности — многократных совместных чаепитий, детального сравнения различных сортов чая, способов его заварки и пр.) совокупностью самостоятельных оттенков (букет чая), подобно тому как стул постепенно

становится для ребенка совокупностью сиденья, спинки и ножек. Поэтому ценители чая могут уже называть и обсуждать эти оттенки по отдельности. Итак, в результате данного шага развития в их памяти появился новый уровень представления вкуса заварки — набор отдельных концептов вкусовых оттенков вместе с их именами. Благодаря этому любители чая становятся его ценителями. Они обретают способность ощущать в целостном вкусе чая систему его оттенков, располагают набором специальных терминов — имен этих оттенков и их сочетаний — для обсуждения достоинств тех или иных сортов чая.

Возникшая способность не является генетически обусловленной. Она продукт специфической совместной деятельности любителей чая. Сильно упрощая, можно сказать, что эта способность выработалась в результате многократного повторения чаепития, в процессе которого его участники пьют чай, наслаждаются его букетом и обсуждают его оттенки, называя их специальными терминами. И, конечно, человек, способный лишь различать вкусы заварки, сахара и воды, не сможет ни понять этого обсуждения и используемых в нем терминов — названий вкусовых оттенков чая, ни представить соответствующие им чувственные понятия.

Эти три уровня восприятия чая: синкретичный, на котором не разделяются вкусы заварки, сахара и воды, системный, когда они воспринимаются как самостоятельные компоненты, и системно-системный, когда во вкусе заварки различаются отдельные вкусовые оттенки, — могут служить наглядной иллюстрацией возможных различий в когнитивном и речевом развитии индейца пираха и современного человека. Например, находясь на первом (синкретичном) уровне, индеец не сможет сказать *чай сладкий*. Эту характеристику чая он сможет выразить лишь косвенно, аналоговым способом: *чай подобен сахару* — если вкус сахара ему хорошо известен.

Перейдем теперь к анализу некоторых особенностей языка индейцев и их восприятия окружающего мира.

4. Цветообозначения в пираха. Как утверждает Д. Эверетт, индейцы пираха

...видят цвета вокруг себя так же, как и мы. Однако они не обозначают видимый цвет отдельными словами, которые жестко привязаны к определенным обобщенным представлениям о цвете. Они описывают цвет целыми фразами... их перевод такой: «кровь грязная» — черный; «оно видит» или «оно прозрачное» — белый; «оно как кровь» — красный; «оно незрелое» — зеленый [Эверетт, наст. изд.: 132].

Чтобы понять, какому уровню когнитивного развития человека соответствуют такие цветообозначения, посмотрим сначала, как формируются концептуализация цветов и усвоение цветообозначающих прилагательных у современных детей.

4.1. Концептуализация у ребенка цветовых характеристик.

В усвоении детьми прилагательных наблюдается один весьма показательный парадокс. В отличие от существительных и глаголов, которые ребенок почти сразу научается использовать семантически правильно (категории и имена предметов ребенок начинает усваивать с 12-ти месяцев, а категории и имена действий — на 2—3 месяца позже [Xu, Carey 1996; Xu 2007; Waxman 2008]), семантически правильное употребление прилагательных, называющих видимые ребенком цвета предмета, формируется значительно позже [Gasser, Smith 1998; Цейтлин 2009: 167; 2000: 125; Blackwell 2005]. Хотя первые прилагательные появляются в активном лексиконе ребенка уже с полутора лет, до двух с половиной — трех лет он употребляет их без какой-либо опоры на их значение, лишь имитируя речь окружающих.

Рассмотрим в качестве примера употребление ребенком цветообозначающих прилагательных *красный*, *зеленый* и др. — так называемых базовых наименований цвета («basic color terms» в терминологии Берлина и Кея [Berlin, Kay 1969], см. п. 1.10). Хорошо известно, что ребенок начинает различать цвета предметов (своих игрушек) не позднее полутора лет (см., например, экспериментальные исследования Г. Л. Розенгарт-Пупко [Розенгарт-Пупко 1948; 1963] и их описание в [Воейкова 2011: 114]). Тем не менее детям требуется еще почти полтора года, чтобы научиться семантически правильно употреблять цветообозначающие прилагательные. Этот факт отмечают многие исследователи, см. [Andrick, Tager-Flusberg 1986; Цейтлин 1996: 5—7]. С особым вниманием данный феномен изучается в [Воейкова 2011: 217—218]:

Еще Ч. Дарвин в наблюдениях за языковым развитием своих детей отмечал, что они употребляли первые цветовые прилагательные настолько неадекватно, что в течение некоторого времени он считал их дальтониками (см. об этом [Bornstein 1985: 387—388]). <...> Необходимость в подробном изучении ранних прилагательных продиктована тем, что они составляют целую группу слов, употребляемых детьми не просто ошибочно, но и необъяснимо, без всякой связи с реальными свойствами предметов... для детей характерна следующая черта: рано понимая, к каким семантическим классам относятся

прилагательные, они не различают значения прилагательных внутри этих классов... ребенок редко говорит *плохой* вместо *зеленый*, но может перепутать *плохой* и *хороший* или *зеленый* и *красный*. <...> Указанные явления характерны как минимум для ряда индоевропейских языков, можно предположить, что они наблюдаются в большинстве языков, где имеется развитая система имен прилагательных [Dixon 1982; 2004].

Налицо парадокс: с одной стороны, дети в полтора года различают конкретные цвета предметов, с другой стороны, они в течение последующего года или даже полутора лет оказываются неспособными правильно называть цвета соответствующими прилагательными. И это при том, что правильные употребления цветообозначающих прилагательных ребенок слышит постоянно.

Объяснение данного парадокса заключается, на наш взгляд, в следующем. Ребенок распознает воспринимаемый им цвет в рамках синкретичного визуального образа предмета, не вычлняя его пока как самостоятельное свойство. Поэтому ребенку не с чем соотнести слышимое прилагательное (ср. пример с синкретичным представлением вкуса чая). Если перед ребенком положить красное яблоко, желтый банан, красную сливу и желтый лимон и попросить объединить фрукты по их цвету, он легко справится с этой задачей (ее можно считать вариацией экспериментов Г. Л. Розенгардт-Пупко). Иначе говоря, он, подобно индейцу пираха, вполне может описать цвет банана, сказав о нем «оно как лимон», или красного яблока, сказав о нем «оно как слива». Однако, чтобы осуществить референцию прилагательного *красный* к красному яблоку, необходимо, чтобы детское представление яблока было не синкретичным (в котором красный цвет не имеет самостоятельного статуса в ряду других свойств), а системным — в виде набора самостоятельных концептов-свойств (цвета, вкуса и др.), приписанных пространственной форме яблока. Тогда прилагательное *красный* обретет свое значение-концепт — самостоятельную перцептивную характеристику «красный» в ментальном представлении яблока — и употребление прилагательного станет семантически обособленным.

Можно предположить, что к трем годам дифференциация конкретных значений цвета (красный, зеленый и др.) у ребенка завершается, поскольку к этому времени ошибки в употреблении цветовых прилагательных в речи детей прекращаются.

Специфика детских ошибок при употреблении прилагательных позволяет предположить, что процесс дифференциации цветового

свойства предмета у ребенка идет в общем русле последовательной дифференциации и интеграции сенсорных модальностей [Бауэр 1985: гл. 5] и реализуется в два этапа. Сначала вычленяются общие свойства — цвет предмета, его размер, вес и пр. И с этого момента ребенок уже не говорит *большой* вместо *зеленый*, но может спутать *зеленый* и *красный*, *большой* и *маленький*. А затем, к трехлетнему возрасту, происходит концептуализация отдельных значений этих общих свойств. Поэтому теперь ребенок начинает употреблять прилагательные цвета, размера и др. семантически правильно.

4.2. Второй принцип развития: кооперация двух (внутренних и внешних) факторов. Далее мы будем опираться на второй принцип развития — принцип кооперации, также восходящий к труду Г. Спенсера «Основания биологии» [Спенсер 1899]¹. Согласно этому принципу развитие живого существа определяется взаимодействием двух факторов: внутреннего (генетических данных) и внешнего (влияния извне). Говоря словами И. М. Сеченова, который в своей работе «Элементы мысли» [Сеченов 1952: 272—426] развил и детально проиллюстрировал этот принцип Г. Спенсера, *«всегда и везде жизнь складывается из кооперации двух факторов — определенной, но изменяющейся (нервной. — А. К.) организации и воздействия извне»* [Там же: 288] (курсив автора. — А. К.)².

Из данного принципа следует, что прогресс человеческих сообществ определяется главным образом воздействиями извне, поскольку генетический фактор здесь один и тот же (мы не учитываем здесь возможные эффекты эпигенетического наследования).

Принцип кооперации, как мы полагаем, в полной мере применим и к процессу усвоения ребенком родного языка, ср. точку зрения Р. Якобсона:

При усвоении ребенком языка... скрещиваются природные и культурные факторы: природные свойства служат необходимой основой для приобретенных. <...> Вопрос о том, в каких пределах наследственная способность воспринимать, приспособлять к себе и использовать язык старших соотносится с врожденным характером языковых универсалий, остается полностью спекулятивным

¹ Этот принцип формировался также в трудах Я. А. Коменского, Г. Гегеля, Ч. Дарвина, Вл. С. Соловьева, И. М. Сеченова, К. Коффки, К. Левина и других мыслителей (подробнее см. в [Чуприкова 2007]).

² Эту концепцию И. М. Сеченов охарактеризовал как «дарвинизм в области психических явлений» [Сеченов 1952: 284].

и бесплодным. Очевидно, что унаследованные и воспринятые модели тесно связаны: они взаимодействуют и взаимно дополняют друг друга [Якобсон 1985: 389—390].

4.3. О когнитивном и языковом развитии ребенка. Проведенные выше рассуждения в полной мере подтверждают известный тезис Д. Слобина «о первичности когнитивного развития, прокладывающего путь развитию языковых средств...» [Слобин 1984: 160; Цейтлин 2000: 86]. Естественно, однако, поинтересоваться: а что прокладывает путь когнитивному развитию? Как оказалось, справедлив и противоположный тезис: усвоение ребенком лексики родного языка стимулирует его когнитивное развитие.

Так, в ряде работ [Waxman, Braun 2005; Fulkerson, Waxman 2007; Waxman 2008; Xu 2002] была установлена тесная связь между именованием и категоризацией не только у двенадцатимесячных, но даже у шести- и даже четырехмесячных младенцев. А именно: если манипуляции ребенка с игрушками сопровождаются называнием этих игрушек, процесс предметной категоризации у него идет быстрее³. Основываясь на этом факте, некоторые исследователи (С. Ваксман, Ф. Сю) стали говорить о доминирующем влиянии речевого развития младенца на его когнитивное развитие: «слова служат *побудительными стимулами* к образованию категорий» [Waxman 2008: 101; курсив автора. — А. К.]. Между тем имеются данные, свидетельствующие о самостоятельном, внелингвистическом характере процесса детской категоризации. С. Пинкер, не соглашаясь с доминирующей ролью имен, ссылается на эксперименты, проведенные с обезьянами (макаки резус) [Hauser 2000; Santos et al. 2002]. В них было установлено, что у годовалых детенышей обезьян формируются категориальные классы, «как у вас или у меня... хотя обезьяны, конечно, не знали ни слова по-английски» [Пинкер 2013: 174]⁴.

К этому обсуждению нужно добавить два соображения. Во-первых, у детенышей обезьян формировались категориальные классы объектов

³ Категоризация у младенцев ускорялась даже в том случае, когда для обозначения объектов использовались различные псевдослова (звуковые комплексы, лишённые смысла). Напротив, они терпели неудачу, когда оба объекта были названы словом игрушка (a toy), или двумя различными однотонными звуками, или двумя разными эмоциональными (но бессловесными) восклицаниями [Waxman 2008].

⁴ И С. Ваксман в более поздней статье [Ferry et al. 2010: 473] согласилась с тезисом о независимом от усвоения имен возникновении у ребенка первичных категорий.

благодаря тому, что они, пусть и без лексического сопровождения, но взаимодействовали с предметами (с бутылочками пепси-колы). Эти манипуляции и послужили тем необходимым внешним фактором (воздействием извне), который в кооперации с генетическим фактором и обеспечил образование предметных категорий.

Во-вторых, в этой же статье С. Ваксман описывает свои попытки сформировать у младенцев адъективную категорию, объединяющую, к примеру, фиолетовые предметы. Ни в 12, ни в 14 месяцев подобные категории у младенцев не формировались. Этот факт дает основание для двух выводов. Во-первых, в представлении ребенка этого возраста качества еще не вычленяются из синкретической смеси свойств предмета. Во-вторых, в такой ситуации (без начальной и сугубо когнитивной дифференциации) лексика — воспринимаемые ребенком прилагательные — не способна **побудить** вычленение соответствующих свойств и начать формировать новую (адъективную) видовую категорию. Воспринимаемые младенцем **слова могут ускорять дифференциацию лишь тех свойств**, которые уже начали **обособляться** в результате его сугубо когнитивного развития.

Итак, начальную дифференциацию свойств предмета обеспечивает генетически фактор, а далее включается внешний фактор, который ускоряет и завершает эту дифференциацию. Если же фактор внешней среды отсутствует, то генетически начавшееся развитие останавливается и остается на прежнем синкретическом уровне.

4.4. Роль цвета в жизни современных людей и индейцев пираха. Вернемся в свете сказанного к описательному цветообозначению у индейцев пираха: черный — «кровь грязная», красный — «оно как кровь» и под. Такие аналоговые обозначения соответствуют уровню когнитивного развития ребенка, не достигшего 3 лет, у которого отдельные цвета еще не вычленились из синкретичного цветового спектра. Разумеется, индеец пираха прекрасно распознает отдельные цвета (красный, зеленый и др.). Но, подобно ребенку, он не может прямо их назвать (только опосредованно, отсылая к предмету с известным цветом). А значит, в его языке в принципе не могут появиться цветообозначающие прилагательные.

Объяснение данного вывода вытекает из проделанных выше рассуждений. Генетически ребенок пираха идентичен современному ребенку. Поэтому в его развитии возникает начальная дифференциация конкретных цветов. Но для ее усиления и завершения в кооперацию с генетическим фактором должно вступить воздействие извне. Но этого-то как раз и не происходит.

В самом деле, у современных детей имеются целых три внешних фактора, ускоряющих начавшуюся дифференциацию конкретных цветов. Во-первых, это цветообозначающие прилагательные *красный*, *зеленый* и др., которыми окружающие люди постоянно называют цвета видимых детьми предметов. Во-вторых, это активная деятельность ребенка по распознаванию цвета как такового, поскольку цвет необычайно информативен в мире современного человека. Дело в том, что этот мир в огромной степени состоит из артефактов, имеющих не натуральные, а произвольные цвета. У ребенка может быть несколько одинаковых игрушек, различающихся только цветом. Это же касается и предметов одежды, мебели, наконец, карандашей и красок, которыми ребенок рисует и т. д. И в этих случаях цвет является единственным отличительным признаком предмета, ср.: *Возьми красную лошадку; Надень черные туфли и синюю рубашку; Я люблю желтые розы; Она покрасила волосы в фиолетовый цвет, а ногти — в черный* и под. Цвет нередко несет конвенциональную символическую функцию (светофор). Наконец, в-третьих, это рисование цветными карандашами и красками, когда ребенок сам выбирает цвет рисуемого объекта. Как мы видим, в современном мире цвет — самостоятельный и зачастую главный отличительный признак предмета.

У ребенка пираха все иначе. Первый внешний фактор у него очевидным образом отсутствует: в языке пираха нет лексических коррелятов прилагательных *красный*, *зеленый* и под., напрямую именующих цвета. А описательные наименования цветов типа ‘оно как кровь’, конечно же, не могут выступать в этой функции. Отсутствуют и два других внешних фактора. Индейцев пираха окружает природный мир со своими естественными и неизменными (или закономерно изменяющимися) красками. Артефактов, имеющих случайный цвет, очень мало (простейшие предметы одежды, инструменты и под.). Да и их индейцы не выбирают, а получают (выменивают) более или менее случайным образом. Правда, в некоторых случаях цвет все-таки является информативным, например, зеленый цвет описывается как ‘оно незрелое’. Но и тут цвет, как правило, не является единственным критерием. Если в магазине могут продаваться, скажем, зеленые бананы, то у индейцев пираха они висят на банановом дереве, пока не пожелтеют. И их незрелость видна не только по их цвету, но и по другим признакам: цвет и состояние листьев дерева, спелость других плодов, созревающих одновременно с бананами и пр. Наконец, у индейцев пираха совершенно отсутствует склонность к рисованию, включая традицию наносить на свое тело символические узоры.

Таким образом, различные цвета в мире пираха не несут самостоятельной информационной функции. А значит, начавшаяся у ребенка пираха дифференциация синкретичного цветового спектра не получает поддержки извне и потому не трансформируется в полную дифференциацию. Повторимся: ребенок пираха, конечно же, будет различать по цвету одинаковые предметы, например два яблока — красное и зеленое. Он лишь не сможет непосредственно назвать эти цвета, поскольку они не концептуализированы в его цветовой палитре.

Справедливость проведенных рассуждений подтверждается следующим фактом. Современный человек использует для называния различных цветовых оттенков множество опосредованных обозначений: *аметистовый (amethyst)*, *бронзовый (bronze)*, *медный (copper)*, *морковный (carrot)*, *каштановый (chestnut)*, *шоколадный (chocolate)*, *янтарный (amber)*. Как мы видим, они совершенно аналогичны цветообозначениям в пираха или, скажем, в языке вальбири: *yalyu-yalyu* — в буквальном смысле ‘кровь-кровь’, а фактически ‘выглядит как кровь’, *yukuri-yukuri* — ‘трава-трава’, или ‘выглядит как трава после дождя’, и под. [Дронов, наст. изд.: 317; Wierzbicka 2008: 410]. Можно полагать, что эти оттенки, ввиду своей незначительной роли в жизни современного человека (в сравнении с основными цветами), не концептуализировались в его цветовой палитре, поэтому актуализация названного оттенка в сознании осуществляется посредством актуализации типичного носителя этого оттенка. Например, в услышанном выражении *шоколадный загар* цвет реконструируется через представление шоколада, а не непосредственно, как при восприятии выражения *красный шарф*⁵.

Но в сообществах современных художников или модельеров, в деятельности которых оттенки цветов (*бронзовый, шоколадный, янтарный* и др.) играют важную роль, эти оттенки могут выделиться в самостоятельные категории, пополняя тем самым набор основных цветов. И тогда имена этих оттенков обретут статус базовых наименований. Это значит, что в сознании художника или модельера, услышавшего выражение *шоколадный галстук*, шоколадный цвет галстука

⁵ Можно возразить: а разве некоторые опосредованные обозначения цвета в восприятии современного человека не актуализируются непосредственно? К примеру, нередко случается, когда женщина, никогда не видевшая ни фисташек, ни оливок, тем не менее свободно (и правильно) использует цветообозначения *фисташковый* и *оливковый*. Как нам кажется, эти обозначения все же остаются для нее опосредованными. Просто роль образца вместо природного объекта играет запомнившийся ей артефактный объект называемого цвета.

будет «всплывать» сразу, без опосредованного участия шоколада — исходного носителя этого цвета.

5. Лексические показатели времени. Двухэтапный процесс усвоения детьми цветообозначающих прилагательных характерен и для других групп слов, обозначающих различные (альтернативные) значения какого-то общего свойства. Например, точно такая же путаница происходит у детей при употреблении показателей времени *вчера / завтра*: *Мы завтра ходили в лес* (Настя, 2 года 4 месяца), *Я к бабушке вчера поеду* [Воейкова 2011: 115—116, 173]. Объяснение этих детских ошибок аналогично. После двух лет у детей происходит первичная дифференциация целостного понятия времени на «настоящее время» и «не настоящее время». Однако последнее еще не дифференцировалось на «прошедшее-вчера» и «будущее-завтра». А значит, ребенок не имеет пока семантических оснований для употребления слов *вчера* и *завтра* и поэтому путает их.

Последующая дифференциация — разделение понятий «вчера» и «завтра» — у современного ребенка не заставляет себя ждать, поскольку мотивируется его непосредственным каждодневным опытом — суточным циклом, в котором эти понятия строго отделяются от «сегодня» и лексикой (он постоянно слышит слова *вчера* и *завтра*). Но в ментальном мире индейцев пираха соответствующие понятия отсутствуют. Их жизнь не делится на суточные циклы, ср.:

Пираха спят урывками (от пятнадцати минут до двух часов) и днем, и ночью. Всю ночь в селении стоит гул голосов. <...> Поскольку в разные часы дня и ночи ловится разная рыба, индейцев можно застать за рыбалкой круглые сутки. Это значит, что день и ночь не так различны между собой, как у нас, разве что видимостью. Индейца можно увидеть за рыбалкой хоть в три утра, хоть в шесть, хоть в три часа дня. <...> Если кто-то принесет улов в три часа ночи, то тогда же рыбу и съедят: все встанут тут же, как только рыболов вернется. <...> Индейцы встали (они пили кофе в хижине Д. Эверетта. — А. К.) и ушли на рыбалку: пришла их очередь, потому что другая смена только что вернулась в селение и можно было взять лодки [Эверетт, наст. изд.: 92, 93, 286].

Поэтому в языке пираха в принципе не может быть коррелятов столь привычных нам лексических показателей времени как *вчера*, *сегодня*, *завтра*, *утро*, *вечер*, *неделя*, *месяц* и под.

6. Счет и счетные слова. Отсутствие числительных в пираха считается доказанным фактом, см. [Эверетт, наст. изд.: 130—131;

Дронов, наст. изд.: 314—315]. В свете проведенных выше рассуждений этот факт кажется совершенно закономерным, поскольку в своей повседневной жизни индейцы пираха вообще не используют счет, ср.:

Когда я стал наблюдать за ними пристальнее, я увидел, что они никогда не считают ни на пальцах, ни на других частях тела, ни с помощью счетных предметов [Эверетт, наст. изд.: 129—130].

В такой ситуации крайне удивительной была бы противоположная картина: наличие в пираха числительных. При том что генетическая предрасположенность к счету у человеческих младенцев, безусловно, есть (см., например, [Иванов 2008: 3]), внешний фактор (отсутствие счета и числительных) тормозит ее развитие. В то же время некоторые племена, например вальбири пользуются счетом, несмотря на то что система числительных в их языке крайне скудна [Эверетт, наст. изд.: 238]. Эта, казалось бы, парадоксальная ситуация вполне объяснима. Она, к примеру, возникает при жестовом счете, использующем пальцы рук (и ног или других частей тела), ср.:

В развитии коммуникации ребенка и в реконструированных пра-языках многих семей языков пальцевые жесты выступают в качестве символов соответствующих чисел, что можно считать универсальной чертой естественных языков, где, как правило, числительное 5 означало некогда «одна рука», 10 — «обе руки» и т. п. <...> ...нейропсихологи приходят к выводу о том, что язык и математика не зависят друг от друга, и к звучащему на лад Платона утверждению, согласно которому понятие числа возникает раньше, чем соответствующее ему слово [Varley et al. 2005; Brannon 2005; Dehaene 2007]. <...> Можно предположить, что это раннее понятие числа сперва воплотилось в жесте и потом лишь — в слове [Иванов 2008: 5, 7].

7. Отсутствие пассива (страдательного залога). Согласно Д. Эверетту, культура пираха базируется на принципе непосредственности восприятия. В соответствии с этим принципом практически все интересы и всё внимание индейцев фокусируется на том, что происходит «здесь и сейчас», ср.:

...пираха не хранят пищу, не планируют вперед больше чем на день, не обсуждают далекое будущее или прошлое — они сосредоточены на том, что есть сейчас, на непосредственно воспринимаемом мире. <...> Пираха просто концентрируются на том, что непосредственно их окружает [Эверетт, наст. изд.: 143, 295].

По мнению Эверетта, этот принцип предопределяет не только бытовые и культурные стороны жизни индейцев (бедность их ритуалов и устного фольклора, отсутствие художественного вымысла и т. д.), но и специфические черты их языка, в частности отсутствие рекурсии, см. [Futrell et al. 2016].

Соглашаясь в целом с этой точкой зрения, приведем один подтверждающий ее пример. Покажем, что отсутствие пассива в пираха обусловлено, скорее всего, принципом непосредственности восприятия.

Рассмотрим главную функцию пассива. Простой референциальный анализ показывает, что, в отличие от актива, называющего действие, непосредственно воспринимаемое наблюдателем (*Мальчик моет машину*), пассив (*Дом строится рабочими*) называет не действие как таковое, а лишь динамическое состояние Пациенса, подверженного этому действию ('дом находится в стадии строительства'), т. е. сам факт происходящих с ним изменений. Поэтому пассив некорректно употреблять в ситуации, когда действие, происходящее с Пациентом, воспринимается непосредственно. Например, если мы видим как мальчик моет машину, некорректно описать это действие пассивом **Машина моется мальчиком*, поскольку воспринимаемое действие мешает трактовать мытье машины как ее состояние. В этом случае сомнительна даже фраза ?*Машина моется*. Она допустима лишь в ситуации, когда адресат непосредственно не видит мытья машины: скажем, ему сообщает об этом служитель мойки. Тогда эта фраза обозначает не наблюдаемое действие, а тот факт, что это действие происходит с машиной, т. е. состояние машины ('находится в мойке').

Аналогично фраза *Дом строится рабочими* сомнительна, если мы стоим перед строящимся домом и непосредственно наблюдаем действия строителей. Сомнительна в этой ситуации и фраза *Дом строится*, произнесенная в нейтральном контексте. Еще более показательна корректность актива *Мальчик строит домик* (из кубиков) и сомнительность пассива ?*Домик строится мальчиком*: осуществляемое Агенсом видимое действие препятствует трактовке этой фразы как обозначения состояния 'домик строится' (подробнее пассив рассмотрен в [Кошелев 2016: 27—37]).

Из сказанного ясно, что принцип непосредственности восприятия, царящий в мире индейцев пираха, исключает возможность трактовать действие, происходящее с Пациентом, как **состояние изменения** пациенса.

8. Распознавание плоских изображений. Проведенные выше рассуждения проливают свет на отмечаемые Эвереттом трудности, возникающие у индейцев при распознавании двухмерных изображений:

Они часто поворачивают фотографии набок или вверх ногами, а потом спрашивают меня, что они, собственно, должны увидеть. Сейчас они видят много фотографий, поэтому сейчас они распознают изображения лучше, но все равно это дается им нелегко [Эверетт, наст. изд.: 270].

Исследователи из Массачусетского технологического института и Стэнфордского университета провели эксперименты с пираха по распознаванию четких, а также намеренно нечетких и искаженных изображений объектов. Вот их вывод:

Хотя пираха могли прекрасно распознавать и истолковывать неизмененные изображения, они с трудом истолковывали измененные изображения, в том числе и тогда, когда рядом с ними находился оригинал изображения. Этот результат разительно отличается от модели, продемонстрированной исследованием контрольной группы американских респондентов. Хотя данное исследование является предварительным, содержащаяся в нем информация наводит на размышления о сложности (или отсутствии опыта) визуального абстрагирования... [Там же].

Рискну предположить, что дело не в «сложности визуального абстрагирования», а исключительно в специфике обыденной жизни индейцев, в которой они почти не встречаются с двухмерными изображениями. Современного ребенка с самого раннего возраста окружают разного рода картинки: книжные иллюстрации, фотографии, картины, рисунки на одежде, на стенах домов и пр. Что не менее важно, он столь же рано сам начинает рисовать, т. е. создавать двухмерные изображения предметов по их трехмерным оригиналам. Индейцы пираха, напротив, не получают опыта ни в распознавании картинок, ни в их создании, ср.:

Если я просил их нарисовать один и тот же знак дважды, они никогда с этим не справлялись. <...> На занятиях мы не могли добиться, чтобы индеец нарисовал прямую линию без многочисленных подсказок, и после этого без подсказки повторить эту линию они не могли... сама идея «правильной» формы рисунка была им совершенно чужда [Там же: 131].

В мире пираха нет рукотворных двухмерных изображений — рисунков, чертежей, карт местности и пр. А значит, в их языке нет и соответствующей лексики, как именной, так и глагольной.

Следуя нашей логике, можно предположить, что индейцы пираха легко узнавали бы себя в зеркале. Живя на берегах реки Маиси и постоянно взаимодействуя с ней, они с детских лет видят свое отражение (как неподвижное, так и подвижное) и, следовательно, имеют богатый опыт такого восприятия. Можно также предположить, что природные двухмерные изображения, значимые для пираха, легко ими распознаются: вид животного или дерева по отбрасываемой ими тени, плоские отпечатки следов животного на твердой и влажной земле, характерный рисунок прожилок листа и пр.

9. Представление действительности у индейцев пираха и у современных людей. Человек живет не в окружающем его мире, а в своем ментальном представлении этого мира. Как мы убедились выше, у пираха это представление существенно отлично от представления современных людей.

В одних отношениях ментальное представление пираха более синкретично, в других, напротив, более системно. Так, в их обыденной деятельности цвет как таковой не используется, поэтому в их представлении основные цвета спектра не концептуализировались. А значит, в их языке нет и не может быть имен для этих концептов. Они не используют счета в своей повседневной жизни, поэтому у них нет концептов чисел, а стало быть, и символических обозначений этих чисел (словесных или, скажем, пальцевых). Суточный цикл для них не существен, поэтому они не имеют соответствующих концептов и именующих их слов (*вчера, сегодня, завтра, неделя* и др.). Аналогичная ситуация и с принципом непосредственности восприятия, который обусловлен образом жизни пираха. Они живут текущими заботами. Им нет необходимости заготавливать впрок пропитание, поскольку, как только оно понадобилось, его можно добыть охотой, рыболовством, сбором съедобных растений. В их деятельности нет долговременных работ, которые заставляют думать о том, что сделано ранее и что предстоит сделать в будущем. Практически все их интересы сосредоточены «здесь и сейчас».

С другой стороны, в практической жизни индейцев огромную роль играют джунгли, поэтому они знают множество видов деревьев и трав, их лечебные и другие свойства, а также приемы их обработки и использования. Поэтому в языке пираха имеется множество конкретной лексики, обозначающей эти растения и действия с ними. Эта лексика

не имеет коррелятов в современных языках. И в этом, а также в других подобных аспектах пираханское ментальное представление мира гораздо более дифференцированно и системно, чем представление современных людей.

10. Об универсальности человеческих концептов. Главный вывод, вытекающий из проведенных рассуждений, заключается в следующем. Целый ряд лексических и грамматических единиц и их значений-концептов (числительные, цветообозначающие слова, категории числа, залога и пр.) обусловлен образом жизни этноса, точнее, кругом видов деятельности, осуществляемых его членами. Скажем, сначала у членов племени не было потребности в счете и в их языке отсутствовали счетные слова. Затем в процессе социального и интеллектуального развития племени эта потребность возникла. Пираха начинают считать, пусть с помощью пальцев, и в их ментальном представлении появляются концепты ОДИН, ДВА, ТРИ и т. д., получающие имена — количественные числительные. Из сказанного ясно, что эти и подобные концепты (цвета, размера и др.) никак **не могут претендовать на статус универсальных человеческих концептов.**

Коснемся в этом плане дискуссии об универсальности цветовых категорий. Б. Берлин и П. Кей [Berlin, Kay 1969] утверждают, что английские базисные наименования цвета *black, white, red, yellow, green, blue, brown, purple, pink, orange* и *grey* задают базовые категории, центральные члены которых универсально одни и те же для разных этносов. И хотя многие языки содержат меньшее количество имен для базовых категорий, люди способны формировать все такие категории. А. Вежбицкая придерживается иной точки зрения [Wierzbicka 2005; 2008]. Основываясь на том факте, что в некоторых языках, например в языке австралийских аборигенов вальбири, нет ни слова *цвет*, ни базисных имен для основных цветов, она полагает, что цветовые категории не относятся к числу человеческих универсалий. А. Вежбицкая признает, что все люди живут в многоцветном мире. Но не все воспринимают цвета концептуально. У носителей языков, не имеющих слова *цвет*, вопрос «какой это цвет?» не может быть задан и, по-видимому, не возникает. А значит, люди не могут и думать о цвете.

Для Вежбицкой вопрос об универсальности концепта ЦВЕТ принципиален. Отвечая на него отрицательно, она не включает этот концепт в число своих универсальных семантических примитивов. Не соглашаясь с логикой А. Вежбицкой, П. Кей отмечает [Kay 2015], что в ряде языков отсутствуют слова *размер, большой* и *маленький*,

число, количество, один, два и др. Однако несмотря на это Вежбицкая относит концепты БОЛЬШОЙ и МАЛЕНЬКИЙ, ОДИН и ДВА к универсальными семантическими примитивами.

Не имея возможности вдаваться здесь в детали дискуссии (ответ Вежбицкой см. в [Wierzbicka 2008: 419]), изложим кратко свою точку зрения. Цветовые категории можно считать универсальными лишь потенциально — в том смысле, что их начальная дифференциация из синкретичной совокупности визуальных свойств предмета имеет генетическую обусловленность. Что же касается степени развития этой первичной дифференциации, то она определяется исключительно воздействием извне — влиянием повседневной практической деятельности этноса. Так, у индейцев пираха даже основные цвета не получают статуса самостоятельных категорий (что, однако, не лишает их возможности называть цвета предметов описательно типа «оно как кровь»). Но, как мы видели выше, в п. 4.4, в сообществах современных художников или модельеров даже оттенки цветов (*бронзовый, шоколадный, янтарный* и др.) обретают статус базовых наименований.

В полной мере все сказанное относится и к концепту РАЗМЕР. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что ребенок при усвоении слов *большой* и *маленький* некоторое время путает их точно так же, как он путает употребление цветообозначающих прилагательных [Воейкова 2011: 218]. Следовательно, степень развития этих концептов тоже обусловлена практической деятельностью и внешней средой этноса. Характерно, что патология лобных отделов коры головного мозга может приводить к регрессии — утрате в ментальном представлении человека вычленившихся концептуальных характеристик размера. Например, пациент с такой патологией успешно забрасывает мяч в любую из трех корзин, расположенных на разном расстоянии от него, но не может сказать, какая корзина является ближайшей к нему, а какая — самой далекой. Концептуальные характеристики ДАЛЬШЕ / БЛИЖЕ у него утратились, но восприятие расстояния до корзины как синкретичного компонента его целостного восприятия корзины сохранилось. Другой пациент с аналогичным поражением коры мозга безошибочно схватывал пальцами руки предметы разной величины, но не мог развести большой и указательный пальцы, чтобы показать величину схваченного предмета [Чуприкова 2015: 430—431].

Сказанное следует учитывать и при обращении к стословному списку Сводеша, в который в качестве базовых слов входят прилагательные *зеленый, желтый, красный, большой, маленький*, числительные *один, два*.

В [Кошелев 2016] мы показали, что более полутора десятков значений пассива и рефлексива в русском языке отражают различные типы процессов и действий, происходящих с живым существом или предметом. Можно предположить, что такая дифференциация обозначений окружающих человека изменений сформировалась в современном этносе в процессе его длительного социального и интеллектуального развития. Отсутствие в языке пираха подобных значений свидетельствует о синкретизме этого аспекта в их ментальном представлении мира.

В этом же ключе следует, как нам кажется, трактовать спор между Д. Эвереттом и генеративистами [Everett 2009; Nevins et al. 2009; Эверетт, наст. изд.] об универсальности рекурсии. Не имея возможности подробно рассмотреть здесь этот вопрос, отметим лишь, что, по нашему мнению, языковая рекурсия отражает концептуальную рекурсию — рекурсивное представление сложных фрагментов действительности. В современных социумах такое представление широко распространено, и поэтому языки этих социумов содержат рекурсию. У индейцев пираха подобное представление пока не сформировалось, и потому в их языке рекурсия не представлена.

2. СХЕМА ЭВОЛЮЦИИ ЭТНОСА И ЕГО ЯЗЫКА

1. Единая линия прогресса этносов. Выше мы убедились, что уровень развития этноса существенным образом влияет на ментальное представление его членов об окружающем мире и, как следствие, на язык этноса, описывающий это представление. Поэтому поэтапную эволюцию языка этноса мы будем напрямую связывать с поэтапным развитием человеческих обществ. Для этого обратимся к классической теории Л. Моргана о едином пути прогресса человеческих этносов [Морган 1935]. В ней выделены три этнических периода прогресса, «каждый из которых представляет собой определенное состояние общества и отличается свойственным этому периоду образом жизни» [Там же: 8]: 1) дикость, для которой характерны отсутствие частной собственности и равенство членов общества; 2) варварство, отмеченное появлением гончарного производства, земледелия, скотоводства, частной собственности и социальной иерархии, и 3) цивилизация, наступающая с изобретением фонетического алфавита и письменных текстов.

В периоде дикости Морган выделяет три ступени общественного прогресса — низшую, среднюю и высшую. Низшая ступень

(«младенчество человеческой расы») характеризует общество с членораздельной речью, питавшееся в основном орехами и плодами. Средняя ступень дикости отмечена умением использовать огонь и введением в употребление рыбной пищи. Наконец, высшая ступень дикости начинается с изобретения лука и стрелы и заканчивается с изобретением (или заимствованием) гончарного производства [Морган 1935: 9]. В соответствии с данной периодизацией, племя пираха находится в точности на третьей ступени периода дикости.

Далее наступает период варварства. Его низшая ступень начинается с изготовления гончарной посуды. Это изобретение, по мнению Л. Моргана, «наиболее действительный и убедительный признак», разграничивающий периоды дикости и варварства [Там же]⁶. Следующая — средняя — ступень начинается с приручения животных и/или возделывания некоторых сельскохозяйственных культур с помощью орошения, а также использования необожженного кирпича и камня для постройки домов.

Мы считаем, что переход от высшей ступени периода дикости, наступающей с овладением луком и стрелами, к низшей ступени периода варварства, отмеченной началом гончарного производства, является переломным моментом в эволюции этноса и его языка. Чтобы разъяснить эту мысль, рассмотрим следующую дихотомию.

⁶ Согласно Л. Моргану, на ступенях дикости и варварства находятся многие племена из самых различных языковых семей, ср.: «Ряд изобретений, отвечающих более настоятельным потребностям и соответствующих более низкому состоянию, должен был появиться прежде, чем испытали потребность в гончарной посуде. Начало оседлой жизни... деревянная посуда и утварь, ручное ткачество из волокон древесной коры, плетение корзин, лук и стрела — всё это предшествовало гончарному производству. Оседлые индейцы, находившиеся на средней ступени варварства, например цуни, ацтеки, чолула, изготовляли в большом количестве и разнообразии гончарную посуду высокого качества, полуседлые индейцы Соединенных штатов, находившиеся на низшей ступени варварства, например ирокезы, чокта и чироки, изготовляли гончарную посуду в меньшем количестве и в ограниченном числе форм; индейцы же, находившиеся на ступени дикости и не занимавшиеся огородничеством, например атапаски, племена Калифорнии и долины Колумбии, не знали ее употребления. <...> Лоример Файсон, английский миссионер в Австралии, сообщил автору в ответ на его запрос: “австралийцы не знали ни ткацких, ни гончарных изделий и не знали лука и стрел”. Последнее правильно вообще для полинезийцев. <...> Индейцы крайнего севера и некоторые прибрежные племена Северной и Южной Америки находились на высшей ступени дикости» [Морган 1935: 11, 13].

2. Обыденная vs. специфическая деятельность. Проведенные в разделе 1 рассуждения иллюстрируют теснейшую зависимость языка этноса от структуры его **обыденной деятельности** — той устоявшейся, общепринятой совокупности действий, из которых складывается повседневная жизнь каждого члена этноса. Обыденная деятельность обеспечивает насущные потребности членов общества в пище, жилище, безопасности, отдыхе и развлечениях. Она охватывает весь спектр общепринятых бытовых действий и связанных с ними эмоциональных переживаний и интеллектуальных усилий.

С обыденной деятельностью этноса непосредственно связан язык, ее описывающий. Условимся далее этот язык называть **основным языком** этноса⁷.

Оппозицию к обыденной деятельности составляет **специфическая деятельность**. В отличие от первой, она осуществляется не всеми членами этноса, а лишь отдельными его группам и слоями. Например, чаепитие относится к обыденной жизни современного общества. Оно широко распространено, и этот процесс хорошо знает (понимает, чувствует) любой член общества. Участие знатоков чая в чайной церемонии — это уже специфическая деятельность, недоступная без специальной подготовки неискушенному любителю чая. Приготовление пищи, счет — это обыденная деятельность, а поварское искусство, бухгалтерские расчеты — специфическая, профессиональная деятельность.

Специфическая деятельность обычно представляет собой развитие какого-то вида обыденной деятельности, превращение ее в профессиональную деятельность, доступную уже далеко не всем членам общества. Этот же процесс характерен и для зарождения наук. К примеру, необходимость восстановления границ участков земли, смываемых ежегодными разливами Нила, послужила в древнем Египте стимулом для возникновения геометрии.

3. Обыденная деятельность и основной язык индейцев пираха. Как мы упоминали, это племя находится на высшей ступени периода дикости. Следующая, более развитая ступень — низшая ступень периода варварства — отличается от высшей стадии дикости производством гончарной посуды. Разумно предположить, что это **первая специфическая деятельность**, возникающая обычно в первобытном

⁷ Здесь нет возможности сопоставлять введенное нами понятие «основной язык» с известным в философии (и весьма неоднозначным) понятием «обыденный язык» (ordinary language), см., например, [Ryle 1960: 108—127].

племени⁸. Но это позволяет предположить, что на высшей ступени дикости все члены племени занимаются только обыденной деятельностью и, как следствие, пользуются только основным языком.

Проведенный Д. Эвереттом анализ повседневной жизни индейцев пираха поддерживает высказанную гипотезу: в этом племени отсутствуют какие бы то ни было виды специфической деятельности. Охота, рыбная ловля, собирательство, приготовление пищи, ручное прядение (практически в каждой семье есть «традиционная ручная прялка» [Эверетт, наст. изд.: 95]), отдых у костра и пр. — всё это обыденные виды деятельности, понятные в деталях всем индейцам, причем не только взрослым, но и детям, которые приучаются к ним с раннего возраста.

Попытаемся теперь объяснить, что нового обретает этнос и его язык с появлением специфических видов деятельности.

4. Специфическая деятельность и производный язык. Специфическая деятельность особым образом расширяет язык этноса. Она стимулирует образование специального языка, посредством которого участники этой деятельности могут общаться друг с другом. В этом языке появляются термины (новые слова или прежние слова в новых значениях) для обозначения новых ощущений, понятий, специальных приемов и пр., а иногда и новые синтаксические конструкции. Однако в целом этот производный язык базируется на основном языке, используя его языковые единицы как в уже известных (узальных), так и в новых — метафорических или метонимических — значениях (восьмилетний Блез Паскаль, самостоятельно изучавший геометрию, называл прямую палочкой, а окружность — колечком). Например, на таком языке искушенные любители чая на своих встречах обсуждают букет, вкусовые оттенки, способы заварки и пр. различных сортов чая. Неискушенный любитель чая, попав случайно на чайную церемонию, окажется в крайне дискомфортной ситуации. Он не будет знать правил чаепития (например, сладости съедаются до питья чая), не воспримет тех вкусовых оттенков поданного ему чая, которые чувствуют остальные участники чаепития. Кроме того, он не знает значений используемых ими терминов. Потому он сможет понять обсуждение достоинств и недостатков чая лишь в общих

⁸ Гончарное производство есть продолжение обыденной деятельности по изготовлению деревянных изделий: первые гончарные миски — это деревянные миски, обмазанные толстым слоем глины, смешанной с толчеными ракушками.

чертах, т. е. совершенно не так, как он понимает обсуждение какого-либо обыденного действия. В то же время для остальных участников чайной церемонии это обсуждение будет столь же понятным, сколь и обсуждение обыденных действий.

Специфическая человеческая деятельность представляет собой совокупность трех составляющих: последовательности действий (особых приемов), человеческих интенций (целей, желаний, ожиданий и пр.), побуждающих и направляющих эти действия, и терминов — слов и выражений, описывающих эти действия и понятия. Все три составляющие тесно связаны между собой.

Ответим теперь на вопрос: как изменяется этнос с появлением в нем нового, специфического вида деятельности — той же чайной церемонии? Несколько обобщая, можно сказать, что специфическая деятельность представляет собой особую сферу жизни со своими целями, законами и ценностями. Она строго отделена от повседневной жизни и нередко инкапсулированно вложена в нее. К примеру, японская чайная церемония предусматривает целый ряд особых правил, регулирующих как приготовление чая (кипячение воды осуществляется на углях из древесины сакуры, заварка взбалтывается в чашке бамбуковой кистью и пр.) и подачу его гостю, так и сам процесс питья. Гостей после непродолжительной беседы приглашают в специальную комнату (отделенное от внешнего мира пространство). Церемония чаепития и сопровождающая ее беседа нацелены на создание особой атмосферы покоя и гармонии с миром, отрешенности от повседневных забот. Другим примером специфической деятельности, создающей свой собственный мир, вложенный в мир повседневности, может служить игра, см. анализ и определение концепта ИГРА в монографии [Кошелев 2015a: 146—168].

Кроме того, образуется специальный язык, производный от основного языка (метафорически его можно назвать микрокреолом), посредством которого общаются участники данного вида деятельности. Тем самым язык этноса расширяется: «язык этноса = основной язык + язык чайной церемонии». Поскольку в некотором обобщенном плане этот язык понимают и остальные члены этноса, новые знания о чае и чаепитии становятся доступными и другим членам. Правда, эти знания не поддержаны конкретными действиями и вкусовыми ощущениями и потому носят обобщенный характер.

Наконец, может оказаться, что данный вид деятельности важен не для узкого круга лиц, а для всего этноса. В таком случае этим видом деятельности постепенно овладевает все большее и большее

число его членов. Этот вид становится частью обыденной деятельности, а его язык — частью обыденного языка. Примером такой деятельности в племени, находящемся на стадии дикости, могут служить навыки счета, которыми сначала овладевают отдельные его члены, занимающиеся торговлей и обменом, а затем и все остальные члены племени. В современном обществе примером нового вида деятельности, постепенно превращающегося в обыденный, может служить использование компьютера.

5. Концептуальный и языковой рубикон. Сказанное выше позволяет утверждать, что появление у этноса специфических видов деятельности является, образно говоря, тем рубиконом, переход которого означает, что картина мира этноса и его язык меняются радикально. Ранее, когда в жизни этноса царила обыденная деятельность, все члены этноса одинаково смотрели на окружающий мир, его возможности и опасности, и в этом плане этнос был подобен сообществу антропидов, которые также одинаково воспринимают свою среду обитания. Теперь же в этносе появляются группы людей, у которых к общеэтническому представлению мира добавляется новое, особое представление какого-то фрагмента мира, отражающее их опыт специфического взаимодействия с этим фрагментом. Таким образом, в этносе постепенно появляется множество новых точек зрения на окружающую действительность и ее возможности. Одновременно в языке этноса появляется множество дополнительных, производных языков (микрореолов), описывающих этот специфический опыт. Подчеркнем: производный язык могут формировать только участники специфического вида деятельности. При этом они используют главным образом метафоризацию, а она требует знания контекста; непосвященные не могут участвовать в этом процессе, поскольку не понимают конкретных реалий описываемой деятельности. Таким образом, без опоры на специфические виды деятельности нельзя объяснить механизм расширения основного языка.

6. Эволюционное состояние племени пираха и его языка. Из вышесказанного следует, что племя пираха — одно из человеческих обществ, в котором царит полное единообразие восприятия окружающего их мира, а **их язык — живой пример основного языка, сохранившегося в чистом виде, без каких бы то ни было расширений.**

Опираясь на классификацию Л. Моргана, можно предположить, что это наиболее полная версия основного языка, соответствующая наиболее широкому спектру общечеловеческой деятельности индейцев

пираха. Они уже овладели огнем, умеют ловить рыбу, используют лук и стрелы. Племена, находящиеся на низшей или средней стадии дикости, также осуществляют только обыденную деятельность. Но она не полна в указанном выше смысле: не содержит видов деятельности, связанных с рыбной ловлей или использованием лука и стрел. Поэтому и используемый ими основной язык также не полон, т. е. допускает непосредственное расширение, связанное с расширением обыденной деятельности племени. Язык пираха и представляет собой это предельное расширение.

Замечание. Данная характеристика не учитывает исторических особенностей развития племени пираха, эволюции их образа жизни, путей миграции, а также эволюционного пути их языка (от единого праязыка). С одной стороны, есть основания полагать, что нынешнее состояние племени пираха — застывший продукт его естественной эволюции, ср.: «Генетически население коренных американцев довольно однородно, многие черты языка пираха укладываются в наши представления о том, как должен выглядеть типичный язык Южной Америки» [Никулин, наст. изд.: 338]. С другой стороны, нельзя исключать, что это состояние — результат регресса некогда более развитого единого социума мура-пираха и его языка (некоторые соображения в пользу этой гипотезы приводятся в [Иванов 2008: 139—140]). Однако логика наших рассуждений не требует обращения к таким данным (тем более что они практически отсутствуют). Рассматриваемые нами концептуальные различия в языках человеческих этносов определяются исключительно воздействием различных внешних факторов (поскольку вклад генетических данных для всех человеческих сообществ одинаков). А как мы показали выше, в воздействии на язык извне решающую роль играет структура видов деятельности сообщества, определяющая и эволюционную структуру его языка.

Как отмечает Д. Эверетт, «данные из описаний племен мура и пираха трехсотлетней давности, времен первого контакта в 1714 г., подтверждают вывод о том, что культура пираха с тех пор изменилась мало» [Эверетт, наст. изд.: 94]. Таким образом, на протяжении по меньшей мере трехсот лет племя пираха находится на одном и том же уровне развития — высшей ступени дикости с характерной для нее сугубо обыденной деятельностью и основным языком. Можно думать, что за это время концептуальные свойства языка предков пираха, поддержанные этим устоявшимся строем их жизни,

сохранились и получили развитие, а не поддержанные — бесследно утратились.

7. О взаимодействии социальной и языковой линий эволюции этноса. В современных обществах, наряду с обыденной деятельностью, осуществляется огромное множество различных видов необщепринятой, специфической деятельности.

На рис. 1а дано схематическое изображение совокупности видов деятельности современного этноса. Центральный круг изображает обыденную деятельность, а лепестки — ее расширения, специфические виды деятельности.

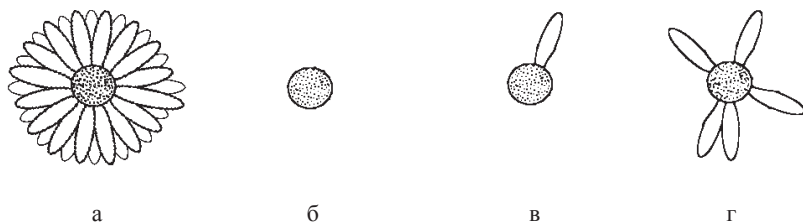

Рис. 1. Схематическое изображение совокупности видов деятельности этноса:

а) структура видов деятельности современного общества, где центральная часть цветка обозначает обыденную деятельность, присущую всем его членам, а лепестки — множество специфических видов деятельности; осуществляемых отдельными группами общества; б) обыденная деятельность без специфической деятельности (племя пираха); в) обыденная деятельность с одним видом специфической деятельности; г) обыденная деятельность с пятью видами специфической деятельности.

Поясним рис. 1. Переход от высшей ступени дикости к низшей ступени варварства обусловлен появлением первого вида специфической деятельности (гончарного производства) и первого производного языка. Это состояние отражено на рис. 1в.: из центрального круга, изображающего обыденную деятельность, вырастает первый лепесток, обозначающий гончарное производство и, соответственно, язык гончарных мастеров.

Вторая (средняя) ступень стадии варварства начинается, согласно Моргану, с приручения животных и/или возделывания некоторых сельскохозяйственных культур (маиса и др.) с помощью орошения, а также с использования необожженного кирпича и камня для постройки

домов. Здесь число и сложность специфических видов деятельности резко возрастает. Следующая за ней высшая стадия варварства наступает с началом обработки железной руды и употребления железных орудий. Специфических видов деятельности, связанных с производством и использованием железных изделий, становится всё больше. На рис. 1г совокупная деятельность, соответствующая третьей ступени варварства, изображена в виде круга с несколькими лепестками, обозначающими различные виды специфической деятельности племени и соответствующие им языки. Наконец, современному этносу свойственно множество самых различных видов специфической деятельности. Это состояние этноса и его языка отражает рис. 1а.

Аналогичный вид имеет и эволюционная схема языка современного этноса: центральный круг (рис. 1а) обозначает основной язык, а лепестки — его расширения, производные (от основного) языки, порожденные соответствующими видами деятельности.

Предложенная эволюционная схема показывает, что на ранней стадии эволюции этнос и его язык развивались синхронно и в два этапа:

1. Сначала, в период пребывания этноса на стадии дикости, постепенно расширялся круг обыденных видов деятельности, охватывающих всех членов племени (собирачество, использование огня, рыбная ловля, ручное прядение, совместный отдых у костра, использование лука и стрел). Параллельно расширялся основной язык, используемый для обсуждения и описания всех аспектов этой обыденной деятельности и понимаемый (в деталях) всеми членами племени. На высшей стадии дикости расширение обыденной деятельности этноса и его основного языка достигло предела, см. рис. 1б.

2. Затем, при переходе этноса к периоду варварства, некоторые виды обыденной деятельности этноса получают дальнейшее развитие и становятся специфическими. Изготовление деревянной и плетеной посуды и утвари превращается в гончарное производство (деревянная и плетеная посуда обмазывается слоем глины и т. д.), сбор съедобных растений развивается в сельскохозяйственную деятельность, деревянные и каменные изделия заменяются железными и пр. Эти специфические виды деятельности осуществляют (и понимают в деталях) лишь отдельные (профессиональные) группы. Одновременно на базе основного языка формируются различные его расширения — производные языки, предназначенные для описания этих новых, специфических видов деятельности, см. рис. 1в, 1г и 1а.

Подчеркнем: **социальная и языковая эволюции этноса проходят в теснейшем взаимодействии друг с другом и невозможны одна без другой.** Поэтому эти линии эволюции необходимо изучать не по отдельности, а во взаимосвязи, в виде дуального комплекса «деятельность этноса — его язык». В таком случае эволюцию этноса от периода дикости к периоду варварства можно представить как двухэтапное развитие этого дуального комплекса:

- (1) Схема ранней эволюции этноса = «обыденная деятельность — основной язык» + «специфические виды деятельности — производные языки».

Здесь после знака + обозначен новый фактор, качественно расширяющий и развивающий деятельность этноса и переводящий его в период варварства.

Конечно, в процессе эволюции этноса и роста числа производных языков круг обыденной деятельности этноса и описывающий ее основной язык существенно изменяются. Но их роли — формировать и описывать единую этноспецифичную картину мира — остаются неизменными. Точно так же сохраняются и функции специфических видов деятельности этноса и описывающих эти виды производных языков — давать возможность пытливым членам этноса формировать и описывать свои собственные представления тех или иных аспектов окружающего мира, отличные от обыденных представлений.

8. Общая схема эволюции этноса. Основываясь на теории Л. Моргана, можно сформулировать единый критерий для определения уровня прогресса этноса. Это пара «круг деятельности этноса — язык ее описания». Для периодов дикости и варварства этот критерий реализуется в схеме (1). Расширим эту схему на два последующих периода прогресса: цивилизацию и компьютеризацию.

Согласно Моргану, переход этноса от варварства к цивилизации обусловлен появлением у него фонетического письма и письменных текстов. Изобретение письменности связано с развитием городов и вызвано прежде всего необходимостью создавать и хранить торговые, хозяйственные и административные документы. Таким образом, деловые письменные тексты — это не просто новый вид деятельности этноса. Они служат важнейшим организующим фактором всех видов специфической деятельности этноса, давая тем самым толчок их дальнейшему развитию. Кроме того, письменность порождает ряд новых видов деятельности, в том числе науки. Фонетическое письмо

представляет собой наиболее простую и удобную форму письма. Итак, критерий перехода этноса в период цивилизации имеет следующий вид: «письменные деловые документы — фонетический письменный язык».

Наконец, следующим периодом прогресса необходимо, на наш взгляд, признать период компьютеризации этноса. Начальная потребность в компьютере была вызвана необходимостью осуществлять сложные вычисления. Вспомним, что первая вычислительная машина была создана юным Паскалем в середине XVII века, чтобы облегчить отцу утомительные расчеты, выполнявшиеся им по долгу службы. Использование компьютерных программ дает новый качественный толчок развитию множества прежних видов деятельности этноса и порождает целый ряд новых видов деятельности. Если письменные документы обеспечивают только организацию деятельности, то компьютерные программы активно участвуют в осуществлении этой деятельности, придавая ей тем самым новое качество. Эти программы написаны на различных компьютерных языках. Таким образом, критерий перехода этноса к периоду компьютеризации, имеет вид «компьютерные программы — компьютерные языки».

В итоге получается четырехэтапная схема эволюции этноса, основанная на взаимосвязанной эволюции видов деятельности этноса и описывающих их языков:

- (2) Схема эволюции этноса = «обыденная деятельность — основной язык» + «специфические виды деятельности — производные языки» + «письменные деловые документы — фонетический письменный язык» + «компьютерные программы — компьютерные языки».

Как мы видим, в наступившем периоде компьютеризации естественный язык уступил компьютерным языкам свою роль непосредственного двигателя этнического прогресса.

9. Проблемы антропологической терминологии. Заклучая свою классификацию периодов этнического прогресса человеческого общества, Л. Морган пишет:

Каждый из этих периодов имеет особую культуру и представляет строй жизни, более или менее особенный и только ему одному присущий. Это разграничение этнических периодов дает возможность рассматривать каждое отдельное сообщество соответственно состоянию

его относительного развития и сделать его предметом самостоятельного изучения [Морган 1935: 11].

Тем самым он подчеркивает строгий таксономический статус предложенной периодизации.

Терминологическое замечание. В современной антропологии терминология Л. Моргана почти не используется. Одна из причин кроется в ее уничижительных коннотациях («дикость», «варварство»), невольно приписываемых многим древним этносам. Однако новая терминология («палеолит», «мезолит», «неолит» и др.) не просто элиминировала эти коннотации, но и радикальным образом перекроила периодизацию Л. Моргана (хотя в рамках этой новой терминологии ключевые таксономические признаки, предложенные Морганом, присутствуют). Для наших задач точная и ясная система Моргана гораздо полезнее классификации современной социальной антропологии. У Моргана 1) предметом классификации являются ступени и периоды этнического прогресса, 2) дается главный признак каждой ступени, 3) этот признак типологически един для всех ступеней и периодов прогресса и представляет собой вид деятельности, появление которого у этноса знаменует его переход на новую ступень прогресса. Конечно, указываются и другие характеристики ступеней прогресса, но они имеют вторичный статус. В результате все этносы разбиваются на классы (занимают свои ступени на лестнице прогресса). Более того, становится понятным, что главная движущая сила этнического прогресса заключается в овладении новыми видами деятельности.

Современная терминология описывает главным образом периоды развития материальной культуры (прежде всего орудия труда) в привязке их к оси времени. Ранний палеолит — от 2,5 млн. до 150 тыс. л. н., средний — от 300 до 30 тыс. л. н., поздний — от 40 до 10 тыс. л. н., мезолит — от 15 до 5 тыс. л. н. Но, во-первых, разные авторы указывают различные интервалы, и при этом соседние интервалы даже у одного автора всегда частично пересекаются. К тому же неолит не имеет фиксированной привязки к временной оси, поэтому периодизация получается заведомо нечеткой. Во-вторых, эти интервалы характеризуются целым набором разнородных признаков (в их числе даются и признаки Моргана) без явного указания приоритетного признака, более того, иногда эти признаки относятся к двум соседним периодам. Например, мезолит характеризуется как период широкого распространения лука и стрелы, но отмечается, что изобретены они были в предшествующую эпоху. Гончарное производство упоминается как один из признаков перехода от палеолита к неолиту. Так что и этот

план описания антропологических интервалов получается размытым. Поэтому при проведении междисциплинарного исследования, например социолингвистического анализа, в таксономических описаниях современной антропологии трудно найти точку опоры. В то же время критерий Моргана «новый вид деятельности», напротив, служит непосредственной опорой для такого анализа, поскольку, как мы постарались показать, представляет собой главный экстралингвистический фактор языковой эволюции.

10. Этапы эволюции языка. Мы подробно остановились на состоянии языка этноса, находящегося на верхней ступени периода дикости. Это основной язык в его предельно расширенной форме. Примером такого языка является пираха. Естественно задаться вопросом: какие именно средства языка и в какой последовательности развиваются при продвижении этноса от одной ступени прогресса к другой? Отвечая на него, мы можем опереться лишь на общие рассуждения (п. 10.1) и на один конкретный пример языка — жестовый язык ABSL (п. 10.2), все эволюционные этапы которого были описаны.

10.1. Об эволюции основного языка. Этносом, достигшим периода варварства, производятся гончарные изделия, кирпич для строительства домов, продукты огородничества, различного рода украшения, предметы искусства и пр. Следовательно, процветает взаимовыгодный товарообмен, который без использования счета невозможен, важную роль начинают играть величина и цвет изделия. А это означает, что в языке данного этноса должны присутствовать числительные, прилагательные размера и цвета: *большой, маленький, красный, зеленый* — и другие классы привычной нам лексики.

Для осуществления многих работ требуется светлое время суток. Кроме того, некоторые виды работ, будучи долговременными, во-первых, не отвечают принципу «здесь и сейчас» (изменения протекают медленно и недоступны непосредственной фиксации). Во-вторых, часто неизвестен (или неважен) производитель такой работы. Можно увидеть лишь ее текущее состояние — промежуточный или окончательный результат. Тем самым порождается необходимость в использовании пассива: *Ваш заказ выполняется, Кирпич будет готов завтра, Три меры маиса собраны* и под. Выше (п. 1.8) мы упоминали, что в русском языке имеется более полутора десятков значений пассива и рефлексива, отражающих различные типы действий или процессов, происходящих с живым существом или предметом. Понятно, что эти значения появлялись постепенно, отражая растущую дифференциацию происходящих в мире изменений. А эта дифференциация —

продукт нарастающего разнообразия различных видов специфической деятельности, осуществляемых этносом.

10.2. Этапы эволюции жестового языка бедуинов ABSL. Наглядным подтверждением предложенной выше эволюционной схемы (2) может служить эволюция жестового языка ABSL (Al-Sayyid Bedouin Sign Language). Аль-сайид — это деревня в пустыне Негев на юге Израиля, в которой живет община бедуинов численностью 3 500 человек.

На протяжении ряда поколений в этой общине рождались глухие дети. Около 80 лет назад среди них спонтанно возник элементарный язык жестов, который затем стал бурно эволюционировать, усложняясь чуть ли не с каждым следующим поколением [Padden et al. 2010; Sandler et al. 2011; Sandler 2013]. В настоящее время, на своем 4-м этапе развития, ABSL достиг состояния, сопоставимого со звуковым человеческим языком. В послесловии П. С. Дронова дано описание всех четырех эволюционных состояний языка ABSL — от начального до современного:

Исследователи успели застать в живых первых носителей этого языка и зафиксировали четыре возрастных страты, отличающиеся друг от друга последовательным усложнением морфологии и синтаксиса...

1) простые конструкции, выполняемые с помощью рук (пример — рассказ человека из первого поколения говорящих на ABSL: короткие фразы из одного-двух слов, т. е. знаков-символов, в сопровождении пантомимы — иконических знаков с участием всего тела);

2) выделение субъекта и объекта, маркеры темы и ремы (движения головы);

3) сложные предложения, выражение иллокутивной силы (мимика, аналоги просодии — положение рук и тела, повторение жеста), вводные слова, вставные конструкции, аналог логического ударения, появление новых грамматических показателей (движения головы, мимика);

4) вставленные предложения и вставки внутри них, противопоставление двух референтов, появление новых грамматических показателей (движения и положение тела, ведущая рука vs. ведомая рука) [Дронов, наст. изд.: 321—322].

Столь бурная эволюция ABSL, произошедшая, по существу, на протяжении одной человеческой жизни, выглядит загадочной. Между тем эволюционная схема (2) дает простое объяснение этой загадки: на протяжении последних 80 лет (с конца 20-х — начала 30-х годов XX в.)

социальный прогресс племен бедуинов, проживающих на юге Израиля, был не менее стремительным. В несколько скачков они осуществили переход из периода дикости в период современной цивилизации (с элементами компьютеризации), что и повлекло за собой скачкообразную эволюцию ABSL⁹.

Историческое отступление. Вехи социального прогресса племен бедуинов. Бедуины на протяжении тысячелетий вели кочевой образ жизни, занимаясь животноводством (разведением коз и овец). Условно говоря, можно считать, что это состояние этнического развития соответствует средней ступени дикости, поскольку их кочевая жизнь гораздо беднее жизни племени, находящегося на высшей ступени дикости (того же пираха). В 30-е годы, в период быстрого роста числа кибуцев, их организаторы начали приглашать бедуинов на сельскохозяйственные работы. Благодаря этому бедуины стали включаться в совершенно новые виды деятельности, а также получили доступ к некоторым достижениям современной цивилизации (поездки в ближайшие города за покупками, медицинской помощью и пр.). После создания в 1949 году израильского государства бедуины стали его гражданами. Политика Израиля в отношении бедуинов была нацелена на их переход от кочевого образа жизни к оседлому. Многие бедуины стали принимать участие в выборах, поддерживая партию кибуцников, молодые бедуины начали служить на добровольной основе в израильской армии (в подразделениях следопытов).

К 1974 году в пустыне Негев было построено большое количество деревень (комплексы домов городского типа), куда на постоянное место жительства переселились десятки тысяч бедуинов. Одной из них была деревня Аль-сайид. Молодые бедуины, жившие в таких деревнях, в подавляющем большинстве стали переходить от традиционных занятий к современным профессиям. Многие из них получили высшее образование, организовали свой бизнес. В результате всех этих преобразований уровень социального развития бедуинских деревень несоизмеримо вырос и представляет собой синтез ряда элементов современной цивилизации и древних бедуинских традиций (в пристройках к современным домам содержатся овцы, молодые бедуины во многом сохраняют традиционное восприятие привычных пейзажей пустыни: по едва заметным признакам бедуины-следопыты определяют заминированные участки, пути и возможные засады террористов и т. д.).

⁹ Некоторое представление об эволюционном и языковом прогрессе бедуинов дает документальный фильм «Голоса из Эль-сайед». (Электронный ресурс. Режим доступа: http://kinofest.org/ru/2012/films-2012/item/22-voices_from_el-sayed)

В целом можно констатировать, что из периода дикости, в котором находились кочевые племена бедуинов в конце 20-х — начале 30-х годов XX века, их потомки, поселившиеся в деревнях пустыни Негев, вступили к началу XXI века в период современной цивилизации. Можно полагать, что сообщество глухих бедуинов, использующих ABSL (около 200 человек), находится на том же уровне социального развития. Оно не замкнуто в своей языковой среде. ABSL используют тысячи бедуинов с нормальным слухом для общения со своими глухими соплеменниками. Поэтому они естественно инкорпорированы в социальную жизнь общины.

Вернемся к процитированным выше описаниям этапов эволюции ABSL. Комментируя их, П. С. Дронов отмечает: «Вполне возможно, что подобное усложнение происходило и со “звучащими” языками, и тогда пираха оказывается просто “застывшим” на стадии, соответствующей второму этапу ABSL» [Дронов, наст. изд.: 322]. Проведенные выше рассуждения поддерживают эту гипотезу и дают основание считать эволюцию ABSL важнейшим (и единственным пока) примером естественной эволюции человеческого языка. Добавим, что рекурсия появляется в ABSL только на третьем этапе эволюции, достигая полноты развития (вставные предложения) на последнем, четвертом, этапе (см. также [Padden et al. 2010]).

11. Об одном уникальном свойстве языка. Человеческому языку — в сравнении с другими коммуникативными системами и языками — присуще уникальное свойство. Он обладает средствами и механизмами для описания постоянно расширяющегося, т. е. потенциально неограниченного, представления членов социума о мире, в котором они живут (для сравнения заметим, что у высших животных это представление строго ограничено). Сформулируем кратко наше объяснение этого феномена.

11.1. Эволюционный тезис Добжанского в языковой семантике. В 60-е годы XX века известный биолог Ф. Добжанский заметил, что «в биологии ничто не имеет смысла, если оно не рассмотрено в свете эволюции» [Dobzhansky 1964: 449]. Мы полагаем, что этот тезис справедлив и в отношении языка. В монографии [Кошелев 2015а: гл. 1] мы показали, что семантическая схема знаменательного слова имеет следующую структуру:

- (3) Слово = основное значение → множество производных значений.

Производные значения порождаются (→) из основного значения и потому эволюционно (и онтогенетически) являются более поздними образованиями. В статье [Кошелев 2016] справедливость этой схемы была проиллюстрирована в отношении грамматических значений, а выше мы показали, что аналогичная схема верна и в отношении языка в целом:

- (4) Язык = обыденная деятельность (ее описывает основной язык) → множество специфических видов деятельности (их описывают производные языки).

Таким образом, мы получаем реализацию тезиса Добжанского в языковой семантике.

11.2. Неограниченная полисемия языковых единиц. Поясним теперь с помощью схем (3)—(4), как язык справляется с задачей описания постоянно расширяющейся экспансии этноса, осваивающего все новые и новые аспекты своего жизненного пространства. Каждая знаменательная единица языка (лексическая, грамматическая, фразовая), а также и язык в целом имеют одно основное, или референтное, значение, которое непосредственно описывает некоторый типичный фрагмент реального (видимого) мира. Например, основное значение знаменательного слова описывает предмет, действие или свойство, т. е. «отражает понимание “кусочка действительности”» [Виноградов 1977: 163]. Основное значение простой фразы описывает конкретную ситуацию действительности. Наконец, «основное значение» языка — это обыденная деятельность этноса (повседневная визуально наблюдаемая деятельность, ср. принцип непосредственности восприятия у индейцев пираха).

По мере появления в сфере внимания члена социума новых фрагментов действительности (объектов, ситуаций, видов деятельности и пр.), для описания которых в языке нет единиц с адекватными узувальными значениями, он из подходящих основных значений порождает (путем метафоризации и метонимизации) новые производные значения, см. схемы (3) и (4). Они и обеспечивают требуемое описание. Со временем эти новые значения (их называют окказиональными) либо «приживаются», т. е., ввиду частого использования, запоминаются носителями языка и тем самым становятся новыми узувальными значениями, либо быстро забываются, т. е. оказываются «мимолетными» (в терминологии Ю. С. Маслова [Маслов 1987: 104]). Подробнее о порождении производных значений см. в [Кошелев 2012; 20156].

В заключение мне хотелось бы выразить восхищение исследовательской и просветительской деятельностью Д. Эверетта, открывшего нам столь необычный мир индейцев пираха.

Выражаю глубокую благодарность Р. И. и Г. В. Бондаренко, А. Г. Коцинецву и Г. С. Старостину за полезные критические замечания.

ЛИТЕРАТУРА

- Бауэр 1985 — *Бауэр Т.* Психическое развитие младенца. М.: Прогресс, 1985.
- Виноградов 1977 — *Виноградов В. В.* Основные типы лексических значений слова // *Виноградов В. В.* Избранные труды: Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 162—189.
- Воейкова 2011 — *Воейкова М. Д.* Ранние этапы усвоения детьми именной морфологии русского языка. М.: Знак, 2011.
- Дронов, наст. изд. — *Дронов П. С.* Насколько несовместимы точки зрения Д. Эверетта и генеративистов? // См. наст. изд. С. 309-324.
- Иванов 2008 — *Иванов Вяч. Вс.* Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных // *Вопросы языкознания.* 2008. № 4. С. 3—14.
- Кошелев 2011 — *Кошелев А. Д.* В поисках универсальной схемы развития // *Интеграционно-дифференциальная теория развития / Сост. Н. И. Чуприкова, А. Д. Кошелев.* М.: Языки славянских культур, 2011. С. 217—234.
- Кошелев 2012 — *Кошелев А. Д.* Значение слова как генеративный комплекс: когнитивное значение (связанная со словом структура концептов) → языковое значение (набор узуальных смыслов) // *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. статей в честь 80-летия И. А. Мельчука.* М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 301—329.
- Кошелев 2015a — *Кошелев А. Д.* Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М., 2015.
- Кошелев 2015б — *Кошелев А. Д.* О референциальном подходе к лексической полисемии // *Кибрик А. А., Кошелев А. Д., Кравченко А. В., Мазурова Ю. В., Федорова О. В.* (ред.). *Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика.* М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 287—349.
- Кошелев 2016 — *Кошелев А. Д.* О структурном и генетическом сходстве лексических и грамматических значений (когнитивный анализ глагольной переходности и залога) // *Изв. РАН. Серия литературы и языка.* 2016. Т. 75. № 3. С. 19—39.
- Маслов 1987 — *Маслов Ю. С.* Введение в языковедение. М.: Высшая школа, 1987.
- Морган 1935 — *Морган Л. Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л.: Издательство института народов севера ЦИК СССР, 1935.

- Никулин, наст. изд. — *Никулин А. В.* Насколько необычен язык пираха? // См. наст. изд. С. 325-340.
- Пинкер 2013 — *Пинкер С.* Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
- Розенгарт-Пупко 1948 — *Розенгарт-Пупко Г. Л.* Речь и развитие восприятия в раннем возрасте. М.: Учпедгиз, 1948.
- Розенгарт-Пупко 1963 — *Розенгарт-Пупко Г. Л.* Формирование речи у детей раннего возраста. М.: Учпедгиз, 1963.
- Сеченов 1952 — *Сеченов И. М.* Избранные произведения: В 2 т. Т. 1. Физиология и психология / Ред. и посл. Х. С. Коштоянца. М.: АН СССР, 1952.
- Слобин 1984 — *Слобин Д.* Когнитивные предпосылки развития грамматики // Психолингвистика. М.: Прогресс, 1984. С. 143—207.
- Спенсер 1899 — *Спенсер Г.* Основания биологии. Т. 1—3. СПб.: Издатель, 1899.
- Цейтлин 1996 — *Цейтлин С. Н.* Усвоение ребенком прилагательных // Детская речь: норма и патология: Межвуз. сб. науч. трудов. Самара: Изд-во Самарского гос. ун-та, 1996. С. 4—15.
- Цейтлин 2000 — *Цейтлин С. Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи. М., 2000.
- Цейтлин 2009 — *Цейтлин С. Н.* Очерки по словообразованию и формообразованию в детской речи. М.: Знак, 2009.
- Чуприкова 2007 — *Чуприкова Н. И.* Умственное развитие. Принцип дифференциации. СПб.: Питер, 2007.
- Чуприкова 2015 — *Чуприкова Н. И.* Психика и психические процессы: система понятий общей психологии. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Эверетт, наст. изд. — *Эверетт Д. Л.* Не спи — кругом змеи! Быт и язык индейцев амазонских джунглей. См. наст. изд. с. 13—303.
- Яacobсон 1985 — *Яacobсон Р. О.* Лингвистика и ее отношение к другим наукам // *Яacobсон Р. О.* Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 369—420.
- Andrick, Tager-Flusberg 1986 — *Andrick G. R., Tager-Flusberg H.* The acquisition of colour terms // JCL. Journal of Child Language. 1986. Vol. 13. P. 119—137.
- Berlin, Kay 1969 — *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: Their universality and evolution. Berkeley: University of California Press, 1969.
- Blackwell 2005 — *Blackwell A. A.* Acquiring the English adjective lexicon: Relationships with input properties and adjectival semantic typology // Journal of Child Language. 2005. Vol. 32 (3). P. 535—562.
- Bornstein 1985 — *Bornstein M. H.* Colour-name versus shape-name learning in young children // JCL. Journal of Child Language. 1985. Vol. 12. P. 387—393.

- Brannon 2005 — *Brannon E. M.* The independence of language and mathematical reasoning // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the USA*. 2005. Vol. 102 (9). P. 735—740.
- Dehaene 2007 — *Dehaene S.* A few steps toward a science of mental life // *Mind, Brain and Education*. 2007. Vol. 1 (1). P. 28—47.
- Dixon 1982 — *Dixon R. M. W.* Where have all the adjectives gone? And other essays in semantics and syntax. Berlin: Mouton, 1982.
- Dixon 2004 — *Dixon R. M. W.* Adjectives classes in typological perspective // *Dixon R. M. W., Aikhenvald A. Y.* (eds). *Adjective Classes: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 1—49.
- Dobzhansky 1964 — *Dobzhansky T.* Biology, molecular and organismic // *American Zoologist*. 1964. Vol. 4 (4). P. 443—452.
- Everett 2005 — *Everett D. L.* Cultural constraints on grammar and cognition in Pirahã: Another look at the design features of human language // *Current Anthropology*. 2005. Vol. 46. P. 621—646.
- Everett 2009 — *Everett D.* Pirahã culture and grammar: A response to some criticism // *Language*. 2009. Vol. 85 (2). P. 405—442.
- Ferry et al. 2010 — *Ferry A., Hespos S., Waxman S.* Categorization in 3- and 4-month-old infants: An advantage of words over tones // *Child Development*. 2010. Vol. 81 (2). P. 472—479.
- Fulkerson, Waxman 2007 — *Fulkerson Anne L., Waxman Sandra R.* Words (but not tones) facilitate object categorization: Evidence from 6- and 12-month-olds // *Cognition*. 2007. Vol. 105 (1). P. 218—228.
- Futrell et al. 2016 — *Futrell R., Stearns L., Everett D. L., Piantadosi S. T., Gibson E.* A Corpus Investigation of Syntactic Embedding in Pirahã [Электронный ресурс] // *PLoS One*. 2016. No. 3. Режим доступа: <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0145289>
- Gasser, Smith 1998 — *Gasser M., Smith L.* Learning nouns and adjectives: a connectionist account // *Language and cognitive processes*. 1998. Vol. 13 (2/3). P. 269—306.
- Hauser 2000 — *Hauser M. D.* *Wild Minds: What animal really think*. New York: Henry Holt, 2000.
- Kay 2015 — *Kay P.* Universality of color categorization // *Handbook of Color Psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 245—258.
- Nevins et al. 2009 — *Nevins A., Pesetsky D., Rodrigues C.* Pirahã exceptionality: A reassessment // *Language*. 2009. Vol. 85 (2). P. 355—404.
- Padden et al. 2010 — *Padden C., Meir I., Sandler W., Aronoff M.* Against all expectations: Encoding subjects and objects in a new language // *Gerdts D., Moore J., Polinsky M.* (eds). *Hypothesis A / Hypothesis B: Linguistic Explorations in Honor of David M. Perlmutter*. Cambridge (MA): MIT Press, 2010. P. 383—400.
- Ryle 1960 — *Ryle G.* *Ordinary Language // Philosophy and Ordinary Language*. Urbana, 1960.

- Sandler 2013 — *Sandler W.* Vive la différence: Sign language and spoken language in language evolution // *Language and Cognition*. 2013. Vol. 5. P. 189—203.
- Sandler et al. 2011 — *Sandler W., Meir I., Dachkovsky S., Padden C., Aronoff M.* The emergence of complexity in prosody and syntax // *Lingua*. 2011. Vol. 121 (13). P. 2014—2033.
- Santos et al. 2002 — *Santos L. R., Sulkowski G. M., Spaepen G. V., Hauser M. D.* Object individuation using property / kind information in rhesus macaques (*Macaca mulatta*) // *Cognition*. 2002. Vol. 83. P. 241—264.
- Varley et al. 2005 — *Varley R. A., Klessinger N. J. C., Romanowski C. A. J., Siegal M.* Agrammatic but numerate // *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. 2005. Vol. 102 (9). P. 3519—3524.
- Waxman 2008 — *Waxman S. R.* All in good time: How do infants discover distinct types of words and map them to distinct kinds of meaning? // *Colombo J., McCardle P., Freund L.* (eds). *Infant Pathways to Language: Methods, Models, and Research Directions*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, 2008. P. 99—118.
- Waxman, Braun 2005 — *Waxman S. R., Braun I. E.* Consistent (but not variable) names as invitations to form object categories: New evidence from 12-month-old infants // *Cognition*. 2005. Vol. 95. P. B59—B68.
- Werner 2004 — *Werner H.* *Comparative psychology of mental development* (with a new prologue by Margery B. Franklin). Clinton Corners (NY): Percheron Press, 2004.
- Wierzbicka 2005 — *Wierzbicka A.* There are no «color universals» but there are universals of visual semantics // *Anthropological Linguistics*. 2005. Vol. 47 (2). P. 217—244.
- Wierzbicka 2008 — *Wierzbicka A.* Why there are no ‘colour universals’ in language and thought // *Journal of the Royal Anthropological Institute*. 2008. Vol. 14. P. 407—425.
- Xu, Carey 1996 — *Xu F., Carey S.* Infants’ metaphysics: The case of numerical identity // *Cognitive Psychology*. 1996. Vol. 30. P. 111—153.
- Xu 2002 — *Xu F.* The role of language in acquiring object kind concepts in infancy // *Cognition*. 2002. Vol. 85. P. 223—250.
- Xu 2007 — *Xu F.* Sortal concepts, object individuation, and language // *Trends in Cognitive Sciences*. 2007. Vol. 11. P. 400—406.

Научное издание

Дэниел Л. Эверетт

НЕ СПИ — КРУГОМ ЗМЕИ!
Быт и язык индейцев амазонских джунглей

Корректор О. Неклюдова
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовлен Е. Морозовой
Художественное оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 01.07.2016. Формат 60×90 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 24. Тираж 1000. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ государственной регистрации 1147746155325
Phone: 8 (495) 624-35-92 E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-lib.ru>

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: +7 (499) 255-77-57, e-mail: gnosis@pochta.ru
Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Москва, Турчанинов пер., д. 4

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ВЫШЛИ ПЕРЕВОДЫ,
ТЕМАТИЧЕСКИ БЛИЗКИЕ К ИССЛЕДОВАНИЯМ Д. Л. ЭВЕРЕТТА**

Бикертон Дерек. Язык Адама: Как люди создали язык, как язык создал людей / Пер. с англ. О. Кураковой, А. Карпухиной, Е. Прозоровой. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 336 с.

Дерек Бикертон — всемирно известный ученый, прославившийся изучением пиджинов и креольских языков, почетный профессор Гавайского университета. Его открытие, что креольские языки могут создаваться детьми из неструктурированного инпута в течение одного поколения, привело Бикертон к вопросу, откуда исходно берется язык.

Книга «Язык Адама» (2009) — это междисциплинарное исследование предпосылок возникновения языка. Она ставит этот вопрос в рамках новой эволюционной теории — теории «возникновения ниш», предполагающей активность животных в построении ниш: животные их формируют и сами формируются, адаптируясь к ним. На этой основе строятся гипотезы, почему и как могла возникнуть потребность в языке, каков был первый шаг от коммуникативных систем животных к «языку Адама».

Книга адресована лингвистам, психологам, специалистам в области когнитивных наук и тем читателям, кому интересны вопросы происхождения разумного поведения и языка.

Томаселло Майкл. Истоки человеческого общения / Пер. с англ. М. В. Фаликман, Е. В. Печенковой, М. В. Синицыной, Анны А. Кибрик, А. И. Карпухиной. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 328 с.

Майкл Томаселло — американский психолог, всемирно известный специалист в области развития коммуникации и кооперации у ребенка и вышших приматов, директор Института эволюционной антропологии Макса Планка.

Книга «Истоки человеческого общения» (2008) показывает, что способность к коммуникации вырастает на основе и вместе с развитием «способности участвовать с другими в совместных действиях с разделяемыми целями и интенциями», т. е. на основе и вместе с развитием совместной интенциональности. Язык, по Томаселло, не рождается готовым, как Афина из головы Зевса. Этапы становления языка связаны с развитием его прагматики.

Книга адресована лингвистам, психологам, специалистам в области когнитивных наук о человеке, а также самому широкому кругу читателей, интересующихся вопросами происхождения разумного поведения и языка.

Фитч У. Т. Эволюция языка / Пер. с англ. и науч. ред. Е. Н. Панова; послесл. Е. Н. Панова; послесл. А. Д. Кошелева. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 768 с. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

Книга представляет собой введение в междисциплинарное изучение эволюции языка. В последние десятилетия над данной проблемой работают лингвисты, антропологи, нейробиологи, генетики, эволюционные биологи и ученые других специальностей. Многие крупные достижения, полученные в этой области учеными разного профиля, обобщены в этой книге в единую систему объяснений в рамках предлагаемого автором направления, которое он обозначает как «биолингвистику».

Вместе с тем, по словам автора, книга не претендует на разрешение имеющихся противоречий и не дает окончательных ответов на наболевшие вопросы. В ней дан обзор всех существующих гипотез и изложены разнообразные сведения, необходимые для дальнейшего синтеза имеющихся знаний. Окончательное заключение, к которому ведет текст книги, состоит в том, что ни одна из предлагавшихся моделей, взятая сама по себе, не в состоянии дать законченного объяснения эволюции языка и только взвешенное объединение позитивных идей, взятых из нескольких сценариев, может послужить основой успешной теории.

Книга будет интересна читателям самого широкого круга — от специалистов различных когнитивных дисциплин до студентов и старших школьников.

Риццолатти Джакомо, Синигалья Коррадо. Зеркала в мозге: О механизмах совместного действия и сопереживания / Пер. с англ. О. А. Кураковой, М. В. Фаликман. — М.: Языки славянских культур, 2012. — 208 с.

Книга нейробиолога Джакомо Риццолатти, написанная им в соавторстве с философом Коррадо Синигальей, посвящена проблеме, в изучении которой Риццолатти по праву считается одним из ведущих мировых специалистов. Это проблема так называемых «зеркальных нейронов» в головном мозге человека, играющих особую роль как в реализации простейших подражательных двигательных актов, так и в социальном познании и поведении человека.

В книге читатель найдет сведения о новейших исследованиях мозговых механизмов, которые стоят за пониманием целенаправленных действий другого человека, освоением языка, распознаванием эмоций, сопереживанием и другими процессами, протекание которых неразрывно связано с работой системы зеркальных нейронов.

Книга адресована специалистам в разных областях когнитивной науки: нейробиологам, лингвистам, психологам, философам, антропологам, а также всем читателям, интересующимся современными когнитивными исследованиями, в том числе в рамках одной из новых исследовательских областей, получившей название «социальная нейронаука».

Горизонты когнитивной психологии. Хрестоматия / Под ред. В. Ф. Спиридонова и М. В. Фаликман. — М.: Языки славянских культур; М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2012. — 320 с., ил. — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

Хрестоматия «Горизонты когнитивной психологии» знакомит российского читателя с современными фундаментальными и прикладными направлениями когнитивных исследований, такими как исследование когнитивного развития, телесных, социальных и эмоциональных аспектов познания, его мозговых механизмов. Хрестоматия адресована студентам, аспирантам, преподавателям и научным сотрудникам, работающим в областях знания, так или иначе связанных с изучением человеческого познания и языка (таких как психология, философия, нейрофизиология, лингвистика, искусственный интеллект), а также всем тем, кто интересуется современными теоретическими и экспериментальными исследованиями познания.

Вежбицкая Анна. Семантические универсалии и базисные концепты. — М.: Языки славянских культур, 2011. — 568 с. — (Язык. Семиотика. Культура).

В книге всемирно известного лингвиста, иностранного члена Российской академии наук собран ряд работ (включая новейшие переводы), в совокупности иллюстрирующих различные аспекты применения языка семантических примитивов к всестороннему описанию языка и культуры. В частности, в книге рассматриваются различные темы грамматической, словообразовательной и лексической семантики, анализируются ключевые концепты различных культур, в том числе, русской культуры описывается семантика евангельских текстов и др.

Книга предназначена для очень широкого круга читателей, начиная от специалистов по лингвистике, когнитивной психологии, философии и культурологии и кончая неспециалистами, которые найдут в ней интереснейшую информацию о языке, культуре, мышлении, их связях и взаимодействиях.

Лакофф Джордж. Женщины, огонь и другие опасные вещи: Что категории открывают нам о разуме. Книга 1: Разум вне машины / Пер. с англ. И. Б. Шатуновского. — М.: Гнозис, 2011. — 512 с.

Книга известного американского лингвиста является одним из фундаментальных трудов, положивших начало когнитивному направлению в лингвистике и когнитивизму в целом. Новая, когнитивно ориентированная теория познания и языка (называемая автором экспериенциализмом) строится в книге на материале критического рассмотрения и обобщения результатов чрезвычайно широкого круга исследований в области самых разных наук, прежде всего философии, логики, психологии, антропологии, биологии, математики, физики, компьютерной науки, исследований в области искусственного интеллекта, физиологии восприятия и, конечно, лингвистики. Предложенный автором подход, основанный

на таких понятиях, как когнитивные, в том числе метафорические и метонимические, модели, образные схемы, радиальные категории, прототипы и мотивация, применен в книге к исследованию трех различных языковых областей — языковых концептов, значений многозначного слова и грамматических конструкций (на материале обозначений гнева, значений предлога *over* и обширного класса дейктических и экзистенциальных *there*-конструкций в английском языке).

Книга предназначена для всех интересующихся философскими и лингвистическими проблемами теории познания, соотношения языка, мышления и реальности, проблемами грамматической и семантической теории языка вообще, а также вопросами фразеологии, лексики, грамматики и семантики английского языка.

Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика / Сост. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев; ред. А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев, А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова. — М.: Языки славянской культуры, 2015. — 848 с., ил. — (*Вклейка после с. 368*). — (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).

Международный коллектив авторов сборника, впервые собравшийся в таком составе, представляет панораму современной когнитивной лингвистики. Когнитивная лингвистика понимается максимально широко — как исследование любого аспекта языка в связи с познавательными процессами человека. Сборник состоит из трех разделов. В статьях первого раздела обсуждается общая архитектура языка в когнитивной перспективе. Два последующих раздела посвящены двум основным режимам существования языка — язык как хранилище и язык как коммуникативный процесс. Книга будет полезна не только специалистам — лингвистам, психологам, исследователям в области искусственного интеллекта, — но и широкому кругу читателей, интересующихся строением языка, его эволюцией, процессами познания, мышления и речевой коммуникации.

Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 416 с., ил.

Сборник содержит расширенные тексты докладов участников Круглого стола «Коммуникация человека и животных: Взгляд лингвиста и биолога» (Москва, 2007 г.). Ряд статей посвящен обсуждению известных и новых результатов по обучению антропоидов «языкам-посредникам» и сопоставительному анализу «языка «говорящих» антропоидов» как с языком человека, так и с развитыми коммуникативными системами животных (пчел, зеленых муравьев, муравьев и др.), анализу орудийной деятельности и коммуникации шимпанзе в естественных условиях. Смежный круг тем включает: когнитивные модели и механизмы функционирования языка и мышления человека, влияние различных факторов на усвоение ребенком родного языка, выявление уникальных, присущих

только человеку составляющих этих механизмов (рекурсивные процедуры, многоуровневые иерархические структуры знаний, специфика высших психических функций, универсальный характер человеческого языка как коммуникативной системы и пр.). Еще одна важная тема — эволюция сигнальных и зоосемиотических систем животных, возможности преобразованиях в «настоящий» человеческий язык, обсуждение критериев, характеризующих такой язык.

Сборник адресован лингвистам, психологам, биологам и всем, кого интересует круг наук о человеке.

Дэниел Эверетт (Daniel L. Everett) родился в 1951 г. в Южной Калифорнии. Первый свой диплом — в области библеистики — он получил в Институте Библии им. Моуди в Чикаго, а диплом магистра и докторскую степень по лингвистике — в Университете г. Кампинас, Бразилия. С 1977 по 2009 г. провел серию полевых экспедиций в джунглях Амазонии, в ходе которых исследовал язык пираха и ряд других языков этого региона. Также занимался изучением языков

цельталь (Мексика), сэлиш (США), араванских языков, сатере-мауэ, уари (Бразилия) и др. Автор 14 книг и более 110 научных статей; регулярно выступает в разных странах с лекциями о своей исследовательской деятельности.

В 17 лет принял христианство и был глубоко верующим христианином евангельского толка, однако в возрасте около 50 лет отошел от веры (о причинах вы узнаете из этой книги). В настоящее время активно публикует исследования по проблемам влияния культуры на грамматику языка.

Живет в Питерсеме, штат Массачусетс, с женой и двумя собаками, среди девственных лесов. У него трое детей (с которыми вы познакомитесь на страницах книги) и семеро внуков.

Книга, которую вы держите в руках, была переведена на 9 языков и выдержала несколько переизданий.

ISBN 978-5-9907947-6-4

9 785990 794764 >